

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2 (24) / 2015

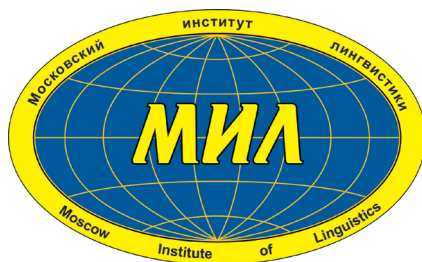
ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2015

2 (24)

Ψλ

**Институт
Языкознания**
Российской академии наук

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2015
2 (24)
Москва

JOURNAL OF PSYCHOLINGUISTICS

2015
2 (24)
Moscow

СОУЧРЕДИТЕЛИ:

ФГБУН ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
НОУ ВПО «МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИКИ»
Регистрационный ПИ № ФС 77-38423
ISSN 2077-5911
Подписной индекс Роспечати 37152

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Тарасов Евгений Федорович, главный редактор, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом психолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Уфимцева Наталья Владимировна, заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Балясникова Ольга Вениаминовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Дмитрюк Сергей Валерьевич, ответственный секретарь, кандидат филологических наук, редактор издательского отдела Московского института лингвистики, Москва (Россия)

Марковина Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова, Москва (Россия)

Маховиков Денис Викторович, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора общей психолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Свинчукова Елена Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Степанова Анна Александровна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ахутина Татьяна Васильевна, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией нейропсихологии факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

Виноградов Виктор Алексеевич, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом африканских языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Гольдин Валентин Евсеевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, Саратов (Россия)

Гриценко Елена Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород (Россия)

Дмитрюк Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания Южно-Казахстанского государственного педагогического института, Чимкент (Казахстан)

Залевская Александра Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка Тверского государственного университета, Тверь (Россия)

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград (Россия)

Караулов Юрий Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, директор Научного центра русского языка Московского государственного лингвистического университета, Москва, (Россия)

Кирилина Алла Викторовна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Московского института лингвистики, Москва (Россия)

Ли Тоан Тханг, доктор филологических наук, профессор Вьетнамского института лексикографии и энциклопедий Вьетнамской академии общественных наук, Ханой (Вьетнам)

Мартин Ф. Линч, Ph.D., профессор Университета Рочестера, Рочестер (США)

Мягкова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных, социальных и естественнонаучных дисциплин Тверского института экологии и права, Тверь (Россия)

Овчинникова Ирина Германовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь (Россия)

Пильгун Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры интегрированных коммуникаций, заместитель руководителя научно-учебной лаборатории исследований в области бизнес-коммуникаций Высшей школы экономики, Москва (Россия)

Поляков Федор Борисович, доктор, профессор, директор Института славистики Венского университета, Вена (Австрия)

Стернин Иосиф Абрамович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета, Воронеж (Россия)

Терентий Ливиу Михайлович, кандидат политических наук, ректор Московского института лингвистики, Москва (Россия)

Чжао Цюе, доктор филологических и педагогических наук, профессор, директор Института славянских языков Харбинского педагогического университета Китая, Харбин (Китай)

Шапошникова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН; заведующая кафедрой истории и типологии языков и культур Новосибирского государственного университета, Новосибирск (Россия)

Шаховский Виктор Иванович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград (Россия)

Шкатова Людмила Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор Челябинского государственного университета, Челябинск (Россия)

Научный журнал теоретических и прикладных исследований.

Издается с 2003 года. Журнал выходит 4 раза в год.

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

г. Москва 2015

© ФГБУН Институт языкознания РАН, 2015

© НОУ ВПО «Московский институт лингвистики», 2015

© Авторы, 2015

Подписано в печать 07.07.2015. Формат 70х100/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Зак. № 0223. Усл. печ. л. 23,9. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Канцлер», г. Ярославль, e-mail: kancler2007@yandex.ru

COFOUNDERS:

INSTITUTE OF LINGUISTICS OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
MOSCOW INSTITUTE OF LINGUISTICS
Registration number № ФС 77-38423
ISSN 2077-5911

EDITORIAL BOARD

Evgeny F. Tarasov, chief editor, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Psycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Natalya V. Ufimtseva, deputy editor, Doctor of Philology, Professor, Head of Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Olga V. Balyasnikova, Candidate of Philology, Senior Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Sergey V. Dmitryuk, executive secretary, Candidate of Philology, Editor of the Publishing Department of the Moscow Institute of Linguistics, Moscow (Russia)

Irina Yu. Markovina, Candidate of Philology, Head of the Department of Foreign Languages, Sechenov Moscow State Medical University, Moscow (Russia)

Denis V. Makhovikov, Candidate of Philology, Researcher, Department of General Psycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Elena G. Svinchukova, Candidate of Philology, Department of Foreign Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Anna A. Stepanova, Candidate of Philology, Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

ACADEMIC ADVISORY BOARD

Tatyana V. Akhutina, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Laboratory of Neuropsychology, Faculty of Psychology, Moscow State University, Moscow (Russia)

Viktor A. Vinogradov, Doctor of Philology, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of African Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Valentin Ye. Goldin, Doctor of Philology, Professor, Professor of Language Theory, History and Applied Linguistics Department, Saratov State University, Saratov (Russia)

Elena S. Gritsenko, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of Nizhny Novgorod State Linguistic University, Nizhny Novgorod (Russia)

Natalya V. Dmitryuk, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, South Kazakhstan State Pedagogical Institute, Shymkent (Kazakhstan)

Alexandra A. Zalevskaya, Doctor of Philology, Professor, Department of English, Tver State University, Tver (Russia)

Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of English Philology, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd (Russia)

Yury N. Karaulov, Doctor of Philology, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Scientific Russian Language Centre of Moscow State Linguistic University, Moscow (Russia)

Alla V. Kirilina, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of the Moscow Institute of Linguistics, Moscow (Russia)

Ly Toan Thang, Doctor of Philology, Professor, Vietnam Institute of Lexicography and Encyclopedia, Vietnam Academy of Social Sciences, Hanoi (Vietnam)

Martin F. Lynch, Ph.D., Professor, the University of Rochester, Rochester (USA)

Elena Yu. Myagkova, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Humanities, Social and Natural Sciences, Tver Institute of Ecology and Law, Tver (Russia)

Irina G. Ovchinnikova, Doctor of Philology, Professor, Department of Journalism and Mass Communications, Perm State National Research University, Perm (Russia)

Maria A. Pilgun, Doctor of Philology, Professor, Professor of Integrated Communications Department, Deputy Head of the Laboratory of Business Communications, Higher School of Economics, Moscow (Russia)

Fedor B. Polyakov, Doctor, Professor, Director of the Institute of Slavic Studies, the University of Vienna, Vienna (Austria)

Iosif A. Sternin, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of General Linguistics and Stylistics, Voronezh State University, Voronezh (Russia)

Liviu M. Terenty, Candidate of Political Science, Rector of the Moscow Institute of Linguistics, Moscow (Russia)

Zhao Qiuye, Doctor of Philology and Pedagogics, Professor, Director of the Institute of Slavic Languages, Harbin Pedagogical University of China, Harbin (China)

Irina V. Shaposhnikova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History and Typology of Languages and Cultures, Novosibirsk National Research State University, Chief Researcher of the Sector of the Russian Language, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk (Russia)

Viktor I. Shakhovskiy, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd (Russia)

Ludmila A. Shkatova, Doctor of Philology, Professor, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk (Russia)

Scientific journal of theoretical and applied researches.

4 issues per year.

The journal has been published since 2003.

All rights are reserved.

The materials can be reprinted only with the agreement of the editorial office.

Moscow 2015

© Institute of linguistics of Russian academy of sciences, 2015

© Moscow institute of linguistics, 2015

© Authors, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

НАШ ЮБИЛЯР

80 лет Е.Ф. Тарасову

Е.Ф. Тарасов (*Москва, Россия*) Языки сознания 12

Интервью с Евгением Федоровичем Тарасовым

«Я не мыслю себя в другой деятельности...» 20

Б.Л. Бойко (*Москва, Россия*) Евгению Федоровичу Тарасову 80 лет. Армейская тема в биографии юбиляра 24

Н.В. Дмитриук, Г.А. Абрамова, Г.К. Алтынбекова, А.К. Калжанова, Д.М. Кистаубаева, Р.А. Османова, М.Ю. Шингарева (*Шымкент, Казахстан*)

О сокровенном: связующая нить времен 26

И.Ю. Марковина (*Москва, Россия*) 35

В.И. Шаховский (*Волгоград, Россия*) 35

И.А. Стернин (*Воронеж, Россия*) Большой человек 36

Е.В. Харченко, Л.А. Шкатова и др. (*Челябинск, Россия*) 37

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н.С. Бабенко (*Москва, Россия*) Языковая рефлексия как феномен современной немецкой лингвокультуры 38

Е.И. Горошко, Л.В. Павлова (*Харьков, Украина*) Лингвистика новых медий как один из вызовов лингвистической традиции прошлого 43

В.З. Демьянков, Д.В. Жарова, А.И. Сергеев (*Москва, Россия*) Контрастивная лингвистическая психология и психолингвистика 55

А.А. Залевская (*Тверь, Россия*) Роль фактора человека в развитии языка 64

А.В. Кирилина (*Москва, Россия*) Сходства в развитии коммуникативно мощных европейских языков в эпоху глобализации 77

В.В. Красных (*Москва, Россия*) Роль и функции языка как объекта современных интегративных исследований (психолингвистический, лингвокультурологический, психолингвокультурологический и комплексный общегуманитарный подходы) 90

Н.П. Пешкова (*Уфа, Россия*) Социальный контекст общечеловеческих ценностей в языковом сознании молодежи полиэтнического региона 98

К.Я. Сигал (*Москва, Россия*) Интеграция словосочетания с точки зрения лингвистики и психолингвистики 107

Н.В. Уфимцева (*Москва, Россия*) Языковое сознание – образ мира – языковая картина мира 115

И.В. Шапошникова (*Новосибирск, Россия*) «Государственность большого стиля» и «государственный минимализм»: актуальные смыслы в структуре русского языкового сознания? 120

В.И. Шаховский (*Волгоград, Россия*) Когнитивная вооруженность при рационализации эмоций 134

РЕЧЕВОЕ ОБЩЕНИЕ И РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ

И.А. Бубнова (*Москва, Россия*) Мы говорим – патриотизм, подразумеваем... ..145

И.И. Валуйцева, Г.Т. Хухуни (<i>Москва, Россия</i>) Диалог или борьба культур? (о некоторых аспектах межкультурного общения)	153
Е.И. Илюхина (<i>Москва, Россия</i>) Тембр голоса как средство фасциативного воздействия	160
М.А. Пильгун (<i>Москва, Россия</i>) Основные коммуникативные паттерны в русскоязычной сетевой среде	166
Л.М. Терентий (<i>Москва, Россия</i>) Дипломатический дискурс как особая форма научной коммуникации	176
Е.В. Харченко (<i>Челябинск, Россия</i>), Нин Хуай Ин (<i>Тяньцзинь, Китай</i>) Инструктивные тексты как попытка преодолеть «патологичность» межкультурного общения	186

ОБУЧЕНИЕ ЯЗЫКУ И ПЕРЕВОД

В.В. Алимов (<i>Москва, Россия</i>) Психическая основа интерференции при переводе текста с одного языка на другой	195
В.В. Дронов, В.П. Синячкин (<i>Москва, Россия</i>) Методика формирования образов языкового сознания в процессе изучения русского языка	200
Л.В. Красильникова, И.В. Ружицкий, Э.А. Ружицкая (<i>Москва, Россия</i>) О возможностях использования ассоциативного словаря в практике преподавания русского языка как иностранного	204

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.П. Василевич, Д.В. Молчанова (<i>Москва, Россия</i>) LADY versus ЛЕДИ: проблема трансформации значения слова при заимствовании	210
В.Е. Гольдин (<i>Саратов, Россия</i>) Семантически неадекватные ассоциативные реакции и ядро языкового сознания	218
М. Еленевская (<i>Хайфа, Израиль</i>), И.Г. Овчинникова (<i>Пермь, Россия</i>) Русскоязычные ассоциации израильтян как отражение изменений в языке и культуре	226
М.Л. Ковшова, Хоанг Тхи Фьонг Ха (<i>Москва, Россия</i>) «Радость» в русской и вьетнамской фразеологии и «счастье» в поговорках: лингвокультурологический анализ	242
Ли Тоан Тханг (<i>Ханой, Вьетнам</i>) «Сердце» в русской культуре и языке: кросслингвистический и кросскультурный подходы	250
А.В. Рудакова, И.А. Стернин (<i>Воронеж, Россия</i>) Методика психоллингвистического исследования синонимов	258
Г.А. Черкасова (<i>Москва, Россия</i>) Сопоставительные статистические исследования характеристик русских ассоциативных тезаурусов	272
Н.М. Юрьева (<i>Москва, Россия</i>) Устное повествование в онтогенезе речи: к нарративу в диалоге со взрослыми	288

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ИНФОРМАЦИЯ

CONTENTS

OUR ANNIVERSAR

80th Anniversary of Evgeny F. Tarasov

Evgeny F. Tarasov (<i>Moscow, Russia</i>) Languages of consciousness	12
An Interview with Evgeny F. Tarasov	20
Boris L. Boiko (<i>Moscow, Russia</i>)	24
Natalya V. Dmitryuk, Galina I. Abramova, Gulzhan Altynbekova, Altynay Kalzhanova, Dildar M. Kistaubaeva, Rashida A. Osmanova, Marina Yu. Shingareva (<i>Shymkent, Kazakhstan</i>)	26
Irina Yu. Markovina (<i>Moscow, Russia</i>)	35
Vladimir I. Shakhovskiy (<i>Volgograd, Russia</i>).....	35
Iosif A. Sternin (<i>Voronezh, Russia</i>)	36
Elena V. Kharchenko, Lyudmila A. Skatova and other (<i>Chelyabinsk, Russia</i>).....	37

THEORETICAL RESEARCH

Nataliya S. Babenko (<i>Moscow, Russia</i>) Language Reflexivity as a Phenomenon of Contemporary German Linguistic Culture	38
Olena I. Goroshko, Larisa V. Pavlova (<i>Kharkov, Ukraine</i>) Linguistics of New Media as a Challenge to Traditional Linguistics of the Past	43
Valery Z. Demyankov, Andrey I. Sergeev, Deniza V. Zharova (<i>Moscow, Russia</i>) Contrastive Linguistic Psychology and Psycholinguistics	55
Aleksandra A. Zalevskaya (<i>Tver, Russia</i>) Human Factor in Language Development	64
Alla V. Kirilina (<i>Moscow, Russia</i>) Similarities in the Development of Communicatively Powerful European Languages in the Age of Globalization	77
Viktoriya V. Krasnikh (<i>Moscow, Russia</i>) Role and Functions of Language as a Subject of Modern Integrative Research (Psycholinguistic and Integrated All-humanitarian Approaches and Approaches based on Linguo-cultural and Psycho-linguo-cultural studies)	90
Natalya P. Peshkova (<i>Ufa, Russia</i>) Social Context of Common Human Values in the Language Consciousness of Youth in Poly-Ethnic Region	98
Kirill Ya. Seagal (<i>Moscow, Russia</i>) Integration of Word-combination from the Linguistic and Psycholinguistic Perspective	107
Natalya V. Ufimtseva (<i>Moscow, Russia</i>) Language Consciousness – Worldview – Language Picture of the World	115
Irina V. Shaposhnikova (<i>Novosibirsk, Russia</i>) Maximised and Minimised Statism: on Some Current Semantic Changes in the Russian Language Consciousness	120
Vladimir I. Shakhovskiy (<i>Volgograd, Russia</i>) Cognitive Knowledge for Rationalization of Emotions	134

COMMUNICATION AND SPEECH INFLUENCE

Irina A. Bubnova (<i>Moscow, Russia</i>) We Say – Patriotism but We Mean... ..	145
Irina I. Valuytseva, Georgy T.Khukhuni (<i>Moscow, Russia</i>) The Dialogue or the Conflict of Cultures? (Some Aspects of Crosscultural Communication)	153

Elena I. Ilykhina (<i>Moscow, Russia</i>) Voice Timber as a Means of Fascinating Perception	160
Maria A. Pilgun (<i>Moscow, Russia</i>) Basic Communication Pattern in Russian Network Environment	166
Liviu M. Terentiy (<i>Moscow, Russia</i>) Diplomatic Discourse as a Specific Form of Scientific Communication	176
Elena V. Kharchenko (<i>Chelyabinsk, Russia</i>), Nin Huai Ying (<i>Tianjin, China</i>) Instructional Texts as an Attempt to Overcome the “Pathological” Intercultural Communication	186

LANGUAGE TEACHING AND TRANSLATION

Vyacheslav V. Alimov (<i>Moscow, Russia</i>) Psychical Base of Interference in Translation of Text from one Language into Another	195
Vladimir V. Dronov, Vladimir P. Sinyachkin (<i>Moscow, Russia</i>) Methodology of Forming Images of Language Consciousness in Learning Russian	200
Lidia V. Krasilnikova, Igor V. Ruzhitskiy, Elina A. Ruzhitskaya (<i>Moscow, Russia</i>) On Some Possibilities of Associative Dictionary Usage in Russian as a Foreign Language Teaching	204

EXPERIMENTAL RESEARCH

Aleksandr P. Vasilevich, Darya V. Molchanova (<i>Moscow, Russia</i>) LADY versus ЛЕДИ: on the Shift of Meaning of Loan Words	210
Valentin E. Goldin (<i>Saratov, Russia</i>) Semantically Inadequate Associative Reactions and Nucleus of Linguistic Consciousness	218
Maria Yelenevskaya (<i>Haifa, Israel</i>), Irina G. Ovchinnikova (<i>Perm, Russia</i>) The Transformation in Language and Culture of Russian Speaking Israelis Reflected in the Free Associations Sets	226
Maria L. Kovshova, Hoang Thi Phuong Ha (<i>Moscow, Russia</i>) “Joy” in Russian and Vietnamese Phraseology and “Happiness” in Proverbs and Sayings: Linguistic and Cultural Analysis	242
Ly Toan Thang (<i>Hanoi, Vietnam</i>) The HEART in Russian Culture and Language: from a Cross-linguistic and Cross-cultural Perspective	250
Aleksandra V. Rudakova, Iosif A. Sternin (<i>Voronezh, Russia</i>) Methodology of Psycholinguistic Study of Synonyms	258
Galina A. Cherkasova (<i>Moscow, Russia</i>) Contrastive Statistical Investigations of the Russian Associative Thesauruses	272
Nadezhda M. Yurieva (<i>Moscow, Russia</i>) Oral Narrative in the Ontogenesis of the Language: to Narrative in Dialogue with Adults	288

NOTES ON CONTRIBUTORS INFORMATION

Уважаемый Евгений Федорович!

Вот уже сорок четыре года Ваша творческая научная жизнь неразрывно связана с Институтом языкознания РАН, где, начиная с 1976 года, Вы бесспорно руководите коллективом психолингвистов, который имел счастливую возможность единодушно выбрать Вас в качестве руководителя.

Ко времени прихода в Институт языкознания за Вашими плечами была успешная учеба в одном из лучших лингвистических институтов страны – в Военном институте иностранных языков. Успехи в учебе и склонность к научно-исследовательской деятельности позволили Вам после защиты кандидатской диссертации стать ведущим преподавателем этого вуза.

Коллеги по работе в ВИИЯ до сих пор с теплом вспоминают годы совместной работы с Вами и отмечают Вашу энергию и талант как на поприще преподавательской деятельности, так и в сфере научных изысканий.

Именно тяга к науке, особенно к неизведанным направлениям научной деятельности, привела Вас в 1971 году в Институт языкознания РАН в группу молодых энтузиастов перспективной отрасли языкознания – психолингвистики. Следует отметить, что после перехода в Институт языкознания Вы никогда не прерывали связей с *alma mater*, где подготовили значительное число кандидатов и докторов наук, которые в дальнейшем стали руководителями кафедр в различных вузах.

За долгие годы деятельности на посту руководителя сектора, а затем и отдела психолингвистики в ИЯз РАН ярко проявился не только Ваш талант исследователя, но и дар организатора научной деятельности коллектива. Многие и многие известные ученые справедливо считают Вас не только своим научным руководителем, но и примером верности науке и самоотверженности труда на благо развития и процветания отечественной школы психолингвистики.

Во многом благодаря Вашим человеческим и научным качествам в коллективе неизменно сохраняется и укрепляется атмосфера творчества, профессионального роста, человеческого и научного сотрудничества. Вокруг Вашего отдела сложились «Московская психолингвистическая школа» и новое научно-методическое направление в преподавании русского языка – методика формирования образов языкового сознания, созданная Вашими учениками в Российском университете дружбы народов.

Блестящий ученый и уважаемый научный руководитель, Вы всю свою творческую жизнь остаетесь Учителем в самом высоком смысле этого слова. И вполне справедливо, что и в России, и за ее пределами Ваши коллеги считают себя Вашими учениками. Вы успешно совмещаете плодотворную научную деятельность с преподаванием в студенческой и аспирантской аудиториях, где неизменно пользуетесь незабываемым авторитетом и любовью слушателей.

Доброго пути Вам, наш дорогой учитель, коллега и большой, во всех смыслах, дорогой наш человек, Евгений Федорович!

Доброго и долгого пути Вам и многих лет жизни!

Е.Ф. Тарасов

УДК 81'23

ЯЗЫКИ СОЗНАНИЯ

В статье анализируется совокупность языков, при помощи которых члены социума в познавательной деятельности описывают перцептивные образы и образы сознания. Дана критическая оценка эвристических возможностей языков оперирования сознанием.

Ключевые слова: перцептивный образ, образ сознания, формирование сознания, сознание и культура, языки сознания.

Evgeny F. Tarasov

LANGUAGES OF CONSCIOUSNESS

The paper analyzes the totality of languages which are used by members of society in their cognitive activity to describe perceptual images and images of consciousness. The author assesses the heuristic possibilities of languages of consciousness.

Keywords: perceptual image, image of consciousness, consciousness formation, consciousness and culture, languages of consciousness.

Проблема языков сознания, обозначенная в названии статьи, это проблема овнешнения внутренних образов сознания, которые при их функционировании в речевом общении должны иметь внешние опоры, позволяющие реципиенту судить об образах сознания говорящего (пишущего). В ходе восприятия при обработке сенсорных данных, которые сравниваются с перцептивным эталоном, последний представляет собой знак: тело знака – это предметная форма перцептивного эталона в межсубъектном пространстве (или его психический образ в сознании коммуникантов), а значение знака – это знания, ассоциированные с телом знака опять же в сознании коммуникантов.

Образ сознания, объясняющий *образ восприятия*, также является знаком, где есть свое тело знака (в предметной или ментальной форме) и свое значение – знания, ассоциированные с телом знака.

Для анализа проблемы языков сознания необходимо обозначить те знания о сознании, которые будут фигурировать как онтологические предпосылки наших теоретических построений в качестве знаний, уже принятых научным сообществом.

Собственно сознание – это этап процесса восприятия, в котором чувственный образ (образ восприятия), сформированный в ходе сенсорного восприятия, получает объяснение, осуществляемое при помощи образов культурных предметов, позволяющих реципиенту выйти за пределы чувственного опыта в этническую культуру, которая вооружает (одновременно ограничивая) средствами познания мира. Следовательно, при познании мира член социума формирует *чувственный образ* в ходе сопоставления актуально выработанных сенсорных данных о воспринимаемом объекте с перцептивными эталонами, хранящимися в его памяти. Кроме чувственного образа, который есть результат переработки сенсорных данных, познающий субъект извлекает из своей памяти *образ сознания*, содержание которого суть знания культуры конкретного социума, объясняющее чувственный образ и встраивающее его в систему культурных знаний. Следует подчеркнуть, что и чувственный образ, и образ сознания формируются из знаний социума, который обладает знаниями, данными каждому

члену социума в ходе социализации. Присвоение этих знаний каждым конкретным субъектом – это процесс формирования его сознания, которое существует в идеальной (образы сознания) и предметной форме (предметы культуры). Отсюда следует несложный вывод, разделяемый всеми серьезными исследователями сознания, что сознание существует до и вне конкретного члена общества и каждый член общества «получает» от общества сознание на время своего бытования в конкретном этносе. Эту же мысль можно выразить иначе: сознание – это то интеллектуальное оснащение индивида, которое общество дает возможность сформировать каждому своему члену.

Психический механизм приобщения индивида к культуре общества, которое, будучи интериоризовано в социальном взаимодействии ребенка и взрослого, становится сознанием ребенка, описан Л.С. Выготским.

Для нашего дальнейшего изложения важно подчеркнуть, что и перцептивные эталоны, при помощи которых формируются образы восприятия, и образы сознания, объясняющие эти образы восприятия, этнокультурно детерминированы.

Наиболее полную номенклатуру языков сознания, хотя несколько противоречивую, предложил В.П. Зинченко [Зинченко 2002: 298, 299; 2010: 286].

Номенклатура языков сознания для описания мира и субъекта познания, по В.П. Зинченко, начиная с базальных уровней и кончая языками для описания духовных уровней, имеет следующий вид: язык тела и мозга, язык движений, действий, жестов; язык мимики, выразительных движений; язык образов, синестезий; вербальные языки; языки моторных программ; иконические языки; знаковые языки; символические языки; метаязыки; глубинные семантические структуры; языки смыслов¹.

Представление о *языках мозга* основывается на факте существования биоэлектрических колебаний, формирующихся в нервных структурах в ответ на раздражение рецепторов. Биоэлектрические колебания в форме вызванных потенциалов используются при изучении реакции мозга на электростимуляцию нервов и внешние стимулы.

Перевод языков мозга на другие языки, по мнению большинства исследователей, пока вызывает большие трудности.

Язык движений, действий, жестов описывается в большом количестве работ, но, вероятно, достаточно хорошо иллюстрируется многолетними исследованиями П. Экмана в области психологии лжи, который среди движений, демонстрируемых коммуникантами в акте общения, выделяет *иллюстративные жесты* (поясняющие речь говорящего), *манипуляции* (почесывания, сдавливания, прочищение отверстий, отряхивания), становящиеся более интенсивными по мере увеличения дискомфорта, и *эмблемы* (устойчивые культурно обусловленные жесты типа ОК или средний палец в американской культуре, пожимание плечами в значении недоумения и т.п.) [Экман 2011: 95-96].

Язык мимики и выразительных движений обычно описывается как язык выражения эмоций на лице, как язык сообщений об эмоциях, настроении, установках, характере, интеллекте, привлекательности, возрасте, поле, расе и т.п. [Экман, Фризен 2011: 27].

¹ Целесообразно, во избежание недоразумений, подчеркнуть, что предлагаемая В.П.Зинченко номенклатура возможных языков описания «мира и себя в нем или мира в себе» претендует не на точность деления средств (языков), т.к. членение осуществлено на разных основаниях, а на полноту представления различных языков описания. Кроме того, следует указать, что языки описания сознания репрезентируют как внутренние, так и внешние формы сознания.

Существуют все основания для того, чтобы рассматривать языки тела, соупотребляемые с естественными языками, в терминах невербальной семиотики [Крейдлин 2002].

Понятие языков тела распространяется не только на врожденное или выученное поведение, но и на естественные и на искусственные запахи тела [Лабунская 2009].

Закономерным образом особое место среди языков, которыми люди описывают свои представления о природе и обществе, занимают *естественные вербальные языки*, прежде всего в силу своей универсальности – при помощи вербального языка могут быть описаны все остальные языки, а также из-за того, что он, хочется верить, лучше всего изучен. Кроме того, необходимо учесть роль вербального языка, которую он стал играть в изменении сознания людей и их мира, которое происходило начиная с середины 20-го века в связи с беспрецедентным ростом объема печатных и электронных СМИ: восприятие СМИ ведет к формированию новых знаний и, следовательно, к изменению сознания реципиентов – новые знания о мире ведут к изменению картины и самого мира, т.к. мир существует для нас таким образом, каким мы его понимаем².

Возможность представления об использовании *языка моторных программ* действия в качестве инструментов сознания для осмысления и понимания результатов чувственного познания отсылает нас к хорошо освоенному в психологии и физиологии принцип моторных программ, описывающих механизм организации и управления действия у живых существ, в котором моторной программе отводится роль планирования при учете целей действия, условий внешней среды, прошлого опыта эферентных и аферентных связей.

Моторная программа прежнего действия может быть средством познания нового действия. Эта проблематика в лингвистике представлена богатой феноменологией: при овладении иностранным языком широко опираются на моторные программы, усвоенные учащимися при овладении родным языком, например при формировании навыков произношения в иностранном языке или при формировании грамматических навыков. Положительные и отрицательные эффекты переноса моторных программ родного языка на иностранный язык обсуждаются в лингвистике в рамках проблемы интерференции, особенно, в переводоведении [Алимов 2005].

С действием человека связана такая характеристика действия, как операциональное значение, которое будучи «неотделимо от структуры действия, является единством обобщения и репрезентирует действительность в сознании ребенка. Субъективная система операциональных значений складывается в процессе усвоения исторически сформированных схем предметных действий, операциональных эталонов. О появлении операциональных значений можно судить по способности ребенка осуществлять моторные обобщения [Исенина 1986: 19].

Операция, или обобщенная схема действия, сформированная в сознании человека, становится средством опознания (перцептивным эталоном) воспринимаемых действий и имеет значительную эвристическую ценность при исследовании становления совокупности эталонов восприятия действий (а также и предметов) в онтогенезе [Стеценко 2005].

² Утверждение, что мир существует для нас таким образом, каким мы его понимаем, верно только в том случае, если наше сознание – это только часть отображенного нами мира, в противном случае мы впадаем в грех субъективного идеализма.

Под *знаковыми языками* целесообразно понимать все многообразие знаков, которые либо создаются намеренно – знаки различных тайных языков, знаки власти при регулировании социальных отношений, знаки машинных программ и языков программирования и т.п.³, либо стихийно складываются в процессе социальной практики людей с различной долей интенциональности. Любой культурный предмет, вовлеченный в социальные отношения людей, может стать квазипредметом, превратившись в тело знака, ассоциированного с некоторыми знаниями: покрой одежды, цвет, стоимость ткани, аксессуары на одежде, которые, будучи вначале утилитарными предметами, превращаются затем в знаки социального статуса⁴.

Необходимость организовывать социальное общение и совместную деятельность членов этноса побуждает сотрудничающих людей к структурированию самого этноса и закреплению этого структурирования в знаках различной природы. Помимо знаков власти, закрепляющих функциональные отношения членов этноса с позиции маскулинности, общество, учитывая роль женщины в воспроизводстве этноса, сделало знаковым не только возраст женщины (детство, девичество, зрелые годы), не только ее социальные роли в семье (дочь, сестра, невеста, мать, бабушка), но и социальные роли в жизни общества, разделив всех женщин на носительниц добродетели – обладающих скромностью, отзывчивостью, чуткостью к нуждам других людей, и носительниц пороков – обольстительница, губительница, блудница, сводня, ведьма, скверная жена, дурная мать [Гонсалес, Бартолена 2011].

В 60-е годы 20-го столетия в СССР образовалась Московско-тартуская семиотическая школа под руководством Ю.М. Лотмана и Вяч. Вс. Иванова, которая для всех знаков кроме языковых предложила название «вторичные моделирующие системы» [Неклюдов 1998].

Ю.М. Лотман для описания вторичных моделирующих систем ввел понятие семиосферы как семиотического пространства, соизмеримого с культурой и объединяющего разные семиотические системы, функционирующие в обществе [Лотман 1992-1993]. Начало этим семиотическим системам было положено в религиях как знаковым освоением мира, каковым является мифологическое сознание [Элиаде 2008, 2009]. Вторичные моделирующие системы полагаются неперемнным атрибутом культуры общества, что естественно и вполне справедливо, т.к. эти системы есть не что иное, как инструменты сознания, объясняющие природу, культуру и самого человека. В рамках психологического подхода к сознанию аналогом семиосферы Ю.М. Лотмана является образ мира А.Н. Леонтьева, получивший дальнейшую разработку в работах его учеников и последователей.

Иконические языки – этим обобщенным понятием фиксируется совокупность визуальных (зрительных, иконических) знаков-изображений, используемых как инструменты в чувственном и умственном познании в качестве перцептивных эталонов и объяснительных образов сознания. Иконические знаки в качестве познавательных инструментов формируются для нужд зрительного восприятия. Зрительное восприятие – ведущее восприятие, и поэтому иконические образы в чувственном познании и в сознании

³ Целесообразно указать на недавно вышедшую работу, посвященную графосемиотическому моделированию – моделированию познавательных процессов при помощи графических средств [Враймуд 2014]

⁴ Например, казине́т – плотная хлопчатобумажная или полушерстяная ткань использовалась в 19-м веке в основном в форменной одежде нижних гражданских чинов и поэтому связывалась с низким социальным положением [Кирсанова 1995: 110]

играют решающую роль. Как и любые образы, иконические образы функционируют как в качестве первичных, так и в качестве вторичных образов в чувственном и умственном познании. Иконические образы дают повод для различения их роли в чувственном познании, когда иконический образ используется для организации потока сенсорных (чувственных) данных в чувственный образ как результат чувственного восприятия, от роли иконического образа сознания для *объяснения* чувственного образа, использованного для организации сенсорных данных. Аналогичный подход к иконическим знакам развивает М.К. Мамардашвили: когда мы различаем отражение мира – чувственное познание, и «когда мы можем показать, что есть некоторые изображения внутри себя рождающие что-то, что не породилось бы, если бы не было изображения, тогда мы говорим о сознании. Скажем, картина создается не для того – возьмем для примера натюрморт Сезанна – чтобы изобразить яблоки, а для того, чтобы в пространстве натюрморта породить, увидеть в мире яблок то, чего нельзя увидеть и что не породилось бы без этой конструкции. В этом смысле натюрморт «яблоки» не есть изображение яблок, а есть генеративная структура, имеющая отношение к нашим способам зрения и видения: мы видим этими яблоками. Видим нечто, что не видели бы без этих приставок к нашему зрению. Но не наоборот, ибо ничто в яблоках не говорит о том, что видит наше сознание». И еще – «натюрморт Сезанна есть понимание или способ видеть яблоки...» [Мамардашвили 1996: 218].

Выделяя символические языки как средство объективации познавательных процессов, В.П. Зинченко имеет в виду не символические языки как разновидность искусственных языков, формируемых в науке (языки математики, логики, химии и т.п.) и языки машинного программирования для человеко-машинного общения (хотя искусственные языки могут выступать в этой функции), а язык символов, использующий символы вербализованные и невербализованные.

Символы как одна из разновидностей знака обладают не конвенционально обусловленной связью между телом (субстанцией) символа и его содержанием (значением), а такой, которая для установления отношений между субстанцией символа и его содержанием требует творческих усилий.

Все исследователи символа утверждают, что содержание символа *не дано*, а *задано*, и поэтому содержание символа потенциально безгранично, следовательно, усилия по установлению содержания символа ведут к порождению нового знания.

Символы, используемые в разных сферах деятельности людей, обладают несколько различающимися свойствами: в науке символы (как и любые другие знаки) стремятся к однозначности, за пределами науки символы многозначны и интенция их употребления, например, в искусстве, заключается в стремлении побудить реципиента мыслить творчески.

Например, символ как визуальная, иконографическая объективация идеи «скоротечность человеческой жизни» может опираться на афористическое дискурсивное определение «суета сует» (*vanitas vanitatum*) и на перцепты «*зажженный фитиль*» (быстрое таяние жизни), «*черепа*» (суетность амбиций, честолюбия и земных познаний), «*факел*» (быстрое стогание жизни), «*мыльный пузырь*» (тщета человеческого существования), «*песочные часы*» (мимолетность бренной человеческой жизни), «*слой пыли на изображаемых предметах*» (неумолимый бег времени), «*образ Спасителя*» (указание на небесную жизнь как истинное предназначение человека) [Баттистини 2007: 360-365].

Таким образом, восприятие и производство символов существуют как

мультипликативные процессы: содержание символа объективируется (овнешняется) и соответственно воспринимается во множестве иконических образов, где присутствуют как перцептивные (чувственные), так и объясняющие образы сознания, репрезентирующие посредством культурных предметов содержания символа при помощи кратких и развернутых дискурсивных объяснений (например, библейский текст и его различные толкования).

Следует обратить внимание на то, что при предметной репрезентации символа независимо от его субстанции (диапазон форм которой простирается от бронзы и мрамора до типографской краски книжной графики) мы имеем дело с культурным предметом, амодальным по способу существования (по версии А.Н. Леонтьева), в форме которого застыли (опредметились) социально отработанные операции по его изготовлению. Иными словами, все средства мультипликативной репрезентации символа являются средствами *категоризации* его содержания.

Исследователи символа для характеристики его содержания используют метафору «многослойность», что, не в последнюю очередь, подводит к мысли: разные реципиенты при восприятии символа конструируют неидентичное содержание.

Теперь перейдем к понятию метаязыка, которое имеет хождение в философии и в позитивных науках и означает использование языка в функции описания любого другого языка. В широком смысле содержание термина «метаязык» конституируется в системе понятий «объектная теория», «метатеория», «язык описания»: теория-объект описывается при помощи метаязыка метатеории.

М.А. Можейко во «Всемирной энциклопедии: Философия 20-й век» дает такое определение метаязыка: «1) в классической философии: понятие, фиксирующее логический инструментарий рефлексии над феноменами семиотического ряда; 2) в философии постмодернизма: термин, выражающий процессуальность вербального продукта рефлексии над процессуальностью языка» [Всемирная энциклопедия 2002: 474 – 475].

Проблема метаязыка имеет особое значение при анализе сознания: сознание как инструмент познания может быть описано и объяснено только как инструмент другого сознания – при помощи метасознания исследователя, чужого или собственного, которое не дано вне языка описания сознания. Иначе говоря, любое сознание и его язык могут быть описаны и объяснены только при помощи метаязыка метасознания, которым владеет исследователь.

Проблема метаязыка хорошо отрефлексирована и артикулирована в лингвистике: все описания языков-объектов в лингвистике осуществляются при помощи метаязыков, санкционированных научным сообществом, т.е. при помощи метаязыка лингвистики как науки или при помощи авторских метаязыков, еще не получивших признания научного сообщества.

Известно, что при составлении словарей значительные усилия авторов направлены на формирование метаязыка, описывающего словарные статьи. «Большой фразеологический словарь русского языка», созданный под руководством В.Н. Телия, отличается от подобных словарей именно своим метаязыком, по-новому описывающим лингвистический материал [Телия 2006]. В этом словаре словарная статья представляет собой систему нотаций, которые следует рассматривать как *модель описания ситуации*, отображаемой содержанием фразеологизма.

Представление о глубинных семантических языках сформировалось в связи с проблемой перевода с одного языка на другой и получило название, начиная с работ

Н. Хомского, языка глубинных семантических структур [Хомский 1972]. Этому языку приписывают качество универсальности, т.к. этот язык создает основу для внутри- и межязыкового перевода. На роль глубинных семантических структур могут претендовать почти все языки сознания, которые позволяют ориентировать субъекта сознания в познавательной ситуации, хотя это суждение можно считать парадоксальным.

Некоторые исследователи с достаточным основанием полагают, что на роль глубинных семантических структур могут претендовать моторные программы, на основе которых разворачиваются любые семантические процессы. Такое предположение не лишено оснований. Н.Д. Гордеева, исследовавшая с сотрудниками психологические механизмы живого движения, установила, что моторные программы состоят из следующих уровней: образ предстоящего действия, включающего цель последнего, является ведущим уровнем; план предстоящего действия – это обобщенная программа и одновременно детальная программа будущего действия [Гордеева 1995]. Моторные программы, по гипотезе В.П. Зинченко, имеют общую логическую структуру как при восприятии и воспроизведении зрительных и слуховых образов, так и при порождении образов и речевого высказывания.

Нельзя пройти мимо мысли Б.И. Беспалова, которого доброжелательно цитирует В.П. Зинченко: «Б.И. Беспалов установил сходство структур мануальной и визуальной моторики движения глаз в решении задач наглядно-действенного и образного (визуального) мышления... Не следует забывать и того, что в основе организации действия оперирование вещами, манипулирование образами, игры словами лежит *смысл соответствующей жизненной задачи*» [Зинченко 2010: 291].

Если избавиться от ложного представления, что информация (знание) непосредственно передаются при трансляции знакового сообщения, и исходить из правдоподобного и очевидного представления, что любое знаковое сообщение имеет целью побудить реципиента самому сконструировать некоторые знания для последующего регулирования его поведения, то действительно становится очевидным, что у речевых и неречевых действий идентичные цели, лежащие в сфере предметной деятельности, и эти цели в конечном счете определяют самое главное в любой активности человека – *смыслы жизненной задачи*, в которую включены анализируемые психические процессы.

Завершая анализ языков описания мира и человека в этом мире, предложенных В.П. Зинченко, укажем на их важнейшие, но не всегда очевидные свойства: «Анализ соотношения языков мира и человека свидетельствует не столько об их сосуществовании и переводимости (хотя бы частичной), сколько об их взаимной дополнительности при чтении «мира-текста» и «человека-текста». Анализ показывает также, что многообразие языков связано не столько с полнотой прочтения этих текстов, сколько с поиском языка, адекватного стоящей перед человеком задачи. Одна и та же реальность (ситуация) потенциально может быть описана посредством нескольких языков, каждый из которых в различной степени пригоден для решения задачи. Это означает, что каждый язык имеет свои границы, пределы, как в смысле описания реальности, так и в смысле оперирования ею. Поэтому наряду с ознакомлением с проблемной ситуацией осуществляется поиск языка, на котором проблема имеет решение. Наиболее трудные для понимания, изучения и обучения случаи связаны с тем, когда для решения задачи необходимо ее описание на разных языках» [Зинченко 2010: 292].

Венчает пирамиду языков язык смыслов, при помощи которых человек познающий описывает свое понимание – отношение чувственно познанного объекта, неотделимое в первую очередь от экзистенциальных оценок.

Литература

- Алимов В.В.* Интерференция в переводе. – М.: КомКнига / URSS, 2005. – 202 с.
- Баттистини М.* Символы и аллегории / Энциклопедия искусства, пер. с итальян. – М.: «Омега», 2007. – 384 с.
- Большой фразеологический словарь русского языка.* Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. д-р филол. наук. В.Н. Телия. – М.: АСТ – ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
- Враймуд И.В.* Знаки и знаковое сознание: графосемиотический подход. – М.: Флинта: Наука, 2014. – 242 с.
- Всемирная энциклопедия: Философия 20-й век* / Главн. науч. ред. и составитель А.А. Грицанов. – М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2002. – 976 с.
- Гонсалес М.А., Бартолена С.* Женщины (энциклопедия искусства) / пер с итальян. – М.: «Омега», 2011. – 384 с.
- Гордеева Н.Д.* Экспериментальная психология исполнительского действия. – М.: Тривола, 1995. – 348 с.
- Зинченко В.П.* Психологические основы педагогики. – М., 2002. – 412 с.
- Зинченко В.П.* Сознание и творческий акт. – М.: Языки славянских культур, 2010. – 592 с.
- Исенина Е.И.* Дословесный период развития речи. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1986. – 352 с.
- Кирсанова Р.М.* Костюм в русской художественной культуре 18 – первой половины 20 вв. – М., 1995. – 408 с.
- Крейдлин Г.Е.* Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 348 с.
- Лабунская В.А.* Не язык тела, а язык души! / Психология невербального выражения личности. – Ростов н/Д: Феникс, 2009. – 392 с.
- Лотман Ю.М.* Избранные статьи. В 3 тт. – Таллин, 1993-1994.
- Мамардашвили М.К.* О сознании // Его же. Необходимость себя (Лекции. Статьи. Философские заметки). Под общей ред. Ю.П. Сенокосова, компьютерная сверка С.Д. Катречко. – М.: Лабиринт, 1996. – 408 с.
- Неклюдов С.Ю.* (состав.) Московско-тартуская семиотическая школа. История, воспоминания, размышления. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 384 с.
- Стеценко А.П.* Рождение сознания: становление значений на ранних этапах жизни. – М.: ЧеРо, 2005. – 256 с.
- Экман П.* Психология лжи. Обмани меня, если сможешь. – СПб.: Питер, 2011. – 304 с.
- Экман П., Фризен У.* Узнай лжеца по выражению лица / Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2011. – 272 с.
- Элиаде М.* История веры и религиозных идей: От Гаутамы Будды до триумфа христианства / Пер. с фр. Н.Б. Абалаковой, С.Г. Балашовой, Н.Н. Кулаковой, А.А. Старостиной. – М.: Академический Проект, 2008. – 676 с.
- Элиаде М.* История веры и религиозных идей: От каменного века до элевсинских мистерий / Пер. с фр. Н.Н. Кулаковой, В.Р. Рокитянского, Ю.Н. Стефанова. – Изд. 2-е. – М.: Академический Проект, 2009. – 622с.

Интервью с Евгением Федоровичем Тарасовым «Я НЕ МЫСЛЮ СЕБЯ В ДРУГОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ...»

Игнатий Журавлев: Евгений Федорович, давайте сначала поговорим о задачах, которые для нашей науки сейчас наиболее значимы. Если иметь в виду направление исследований, сформировавшееся в последние пару десятилетий – каковы главные достижения и что еще предстоит сделать?

Евгений Тарасов: Главная задача, которая стоит перед нами в течение примерно последних двадцати лет, – это изучение языкового сознания, которое с одной стороны мы рассматриваем как объект, а с другой стороны как подход к анализу проблем, связанных с содержанием языковых единиц (прежде всего лексических единиц). Этот подход существенно отличается от лингвистического подхода прежде всего тем, что при анализе лексических единиц лингвист обычно описывает собственное сознание и уравнивает или отождествляет его с сознанием профанного носителя языка. Это свойственно, скажем, и для школы «Смысл–Текст» (Ю.Д. Апресян, А.К. Жолковский, И. Мельчук), да и в остальной традиционной, скажем так, лингвистике исследователь занимается тем, что анализирует собственное сознание. Можно сказать, что эта проблема случайно всплыла у Хомского, когда он ввел понятие идеального носителя языка, т.е. показал, что можно не только изучать собственное сознание, но и сознание профанного носителя языка, которого он называл идеальным носителем языка. Однако у Хомского эта попытка оказалась лишена эвристических выгод, потому что в действительности он отождествляет себя с идеальным носителем языка. Тем же самым путем идет Вежбицкая, когда она пытается найти некоторые примитивы или семантические универсалии, при помощи которых можно описывать содержание сознания, но опять же, описание идет при помощи собственной интуиции. Психолингвистика (по крайней мере, отечественная психолингвистика, теория речевой деятельности) в этом смысле фундаментально отличается от традиционной лингвистики тем, что объектом анализа сознания носителя языка (или, точнее, речи), который исследуется в эксперименте, является профанный носитель языка. Не сам исследователь описывает собственное сознание, а это делается на материале анализа сознания профанного носителя языка. Этот подход мы целиком отождествляем с культурно-историческим подходом. Существует идея о том, что исследование семантических процессов в языке можно разделить на три этапа или подхода. Это изоляционистский этап (Апресян, Жолковский, Мельчук), когда язык описывается при помощи самого же языка, и исследователь ставит себе в заслугу то, что он не выходит за пределы языка как метаязыка. Кроме того, есть подход, который ориентируется на фреймы, т.е. использует знания, сопоставимые с человеком – фреймовые структуры М. Минского (антропный подход). Ну и третий подход, с которым мы себя отождествляем, – культурно-исторический. Он состоит в том, что содержание отождествляется со знаниями об операциях, которыми обработаны культурные предметы, т.е. значение и содержание культурного предмета – это мое знание о том, как он деятельно освоен в культуре конкретного этноса. Идея восходит к концепции амодального образа мира А.Н. Леонтьева. Амодальность как раз заключается в том, что мое знание о мире – это знание о тех деятельностных процессах, в которых освоен конкретный предмет, знанием которого я сейчас оперирую. Поэтому модальность в данном случае не нужна. Модальность нужна будет, только если я буду овнешивать свое знание о мире (она будет вербальная или невербальная). Это теория, причем незаконченная теория языкового сознания, и по-

этому ближайшая задача психолингвистов нашей школы состоит в ее промежуточном оформлении (не хотелось бы сказать, что это будет окончательное оформление, но желательно сделать какое-то промежуточное обобщение). И в связи с этим, надеюсь, Вы понимаете, что процессы сознания (языкового и неязыкового) в последние двадцать лет занимают в исследованиях центральное место.

И.Ж.: Это задача фундаментальная. Какие еще актуальные задачи можно назвать?

Е.Т.: Задачи, которые мы решали и будем продолжать решать. Во-первых, это оптимизация процесса преподавания русского языка как родного и оптимизация процесса преподавания русского языка как иностранного. Казалось бы, не самая центральная у нас задача, но сейчас она становится актуальной в связи с переориентацией места Академии в обществе, поэтому она у нас будет, вероятно, одной из первых, хотя и не самой главной. Тем более, что мы решаем эту проблему в сотрудничестве с кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации Российского университета дружбы народов. Далее – исследование ценностей. Это прикладная задача, но на примере исследования ценностей мы как раз хотим показать один из возможных способов описания содержания языковых единиц. Ценности выбраны потому, что это понятия, которые пронизывают всю культуру или даже образуют культуру, и на их примере можно продемонстрировать один из способов описания содержания языковых единиц. Сейчас у нас готовится к выходу издание примерно на шестьдесят печатных листов – словарь-справочник «Базовые ценности русского языкового сознания». С одной стороны задача, вроде, прикладная, но с другой стороны – мы решаем здесь и теоретические проблемы. Теперь нужно упомянуть исследования, которые проводятся под руководством Натальи Владимировны Уфимцевой. Она называет это направление «Региональное языковое сознание русских». Это ассоциативный словарь, который делается на основе анализа сознания испытуемых, проживающих в центральном регионе России. Таких словарей будет несколько. Это Сибирь (исследования проводятся в Новосибирске) и Дальний Восток, а также Урал и Европейская часть России. Объединение их позволит, с одной стороны, выяснить единство русского языкового сознания, единство русского языка, а с другой – позволит вскрыть какие-то региональные варианты. Кроме того, постоянным объектом анализа у нас является межкультурная коммуникация. Мы изучаем теоретические проблемы речевого общения, не имеющие пока единого решения или модели, которая удовлетворяла бы всех, а межкультурное общение выступает как пример речевого общения. Оно востребовано для обучения, и поэтому ему уделяется внимание. Делаем мы это тоже совместно с другими вузами. Кроме того, есть исследование «Автохтонное языковое сознание народов России» – это коми, татары, буряты, эвены, эвенки и хакасы. Исследование проводится под руководством Натальи Владимировны Уфимцевой в сотрудничестве с Северо-Восточным федеральным университетом (г. Якутск). Также есть теоретико-методологическое исследование «Языковое сознание как проблема формирования образа мира у объекта речевого воздействия». Мне представляется, что нашими силами мы могли бы попытаться решить эту проблему. Не хочется сказать, что мы решим ее окончательно, так как она, вероятно, не имеет окончательного решения, но по крайней мере приблизиться к ней мы могли бы. Я не вижу известных мне источников альтернативного подхода или альтернативных усилий где-то в других местах решить эту проблему, хотя, как можно судить, эмпирически она весьма успешно решается в рамках информационных войн. Таковы наши основные задачи.

И.Ж.: Сам по себе ассоциативный эксперимент – один из главных инструментов анализа языкового сознания – применялся еще на заре формирования психологии как науки. Какие методологические принципы позволили в каком-то смысле оживить этот метод и добиться столь впечатляющих результатов? Метод старый...

Е.Т.: Да, метод старый. Инструмент одинаковый и там, и там, но цели его использования разные. В ассоцианистской психологии ассоциативный эксперимент рассматривался как универсальный инструмент для объяснения всей психики в целом. А это, конечно, инструмент для решения такой задачи неадекватный. Мы используем его для других целей, как инструмент для вскрытия вербальной памяти. В данном случае инструмент оказался адекватным. В каком смысле? – Мы получаем некий материал, который пока еще не подлежит однозначному толкованию, получаем ассоциативные поля и фиксируем их в словарях как источник неких знаний, но пока еще нет ясного, однозначного представления о том, что же отображает ассоциативное поле. Очевидно, что оно что-то отображает в психике, и поэтому требуется построить проверяемые гипотезы о том, с чем же мы имеем дело, когда анализируем ассоциативное поле. Кроме того, в данном случае мы идем по целине, и поэтому, с моей точки зрения, перед нами открываются неординарные возможности для анализа языкового сознания. Пока накапливается материал в виде ассоциативных словарей, но на этом пути нас ждут еще новые открытия. Я подчеркиваю, что в данном случае мы идем по целине.

И.Ж.: В связи с этим я бы хотел, чтобы Вы сопоставили методологию современной отечественной психолингвистики с принципами постнеклассической рациональности...

Е.Т.: Я бы сказал, что мы работаем именно в рамках постнеклассической рациональности. Как известно, постнеклассическая рациональность требует введения в объектную область не только инструмента, но и самого исследователя, т.е. исследователь должен перед началом исследования спрогнозировать возможные последствия своих исследований и обсудить цели, как они соотносятся, условно говоря, с нуждами общества, учитывают их. Мы работаем целиком в рамках постнеклассической рациональности. Мы обсуждаем будущие возможные последствия наших экспериментов, возможные результаты, учитываем зависимость результатов от инструмента, который используем, потому что разные экспериментальные методы дают разные результаты, являющиеся рядоположенными. Они не отменяют друг друга, но и не совпадают. Принципиально важно, что один и тот же объект должен быть исследован при помощи разных методов (есть разные теории, разные методики, разные коллективы исследователей с разными мозгами...). Поэтому для нас являются несколько странными суждения лингвистов на то, что психолингвисты занимаются «не той» лингвистикой. А это действительно не та лингвистика, это другая лингвистика, лингвистика будущего, как я говорю, поскольку не может уже быть современной лингвистики, которая не проверяется в эксперименте.

И.Ж.: Евгений Федорович, Ваши статьи, работы, Ваши исследования отличаются мощной (это, наверное, лучшее слово) теоретической обоснованностью. Нет ли в этой основательности намёка на Ваше немецкое прошлое? В научном, разумеется, смысле. Или в философском...

Е.Т.: Немецкое прошлое, конечно, не прошло бесследно. Само знакомство, скажем, с работами Гегеля вначале вызвало у меня удивление и вопрос о том, может ли это когда-нибудь пригодиться, а потом оказалось, что действительно Гегель писал по делу (смеется). Естественно, это не прошло даром, у меня даже была статья по философским проблемам семантики. Ну и не прошло бесследно знакомство с Карлом Марксом. «Немецкая идеология» – это источник методологических знаний об общении...

И.Ж.: ...и сознании...

Е.Т.: Конечно. Также не прошло даром и то, что я владею немецким языком.

И.Ж.: Расскажите о людях, которых Вы называете или могли бы назвать своими учителями. Гегеля и Маркса можно назвать?

Е.Т.: Да, конечно! Гегель, Маркс, Алексей Николаевич Леонтьев, Алексей Алексеевич Леонтьев – хотя Алеша на год младше меня, я считаю его своим учителем. А в области сознания – это, конечно, Владимир Петрович Зинченко. Не во всём с ним можно соглашаться, но последнюю книжку его можно считать книгой энциклопедического характера. Среди лингвистов я, к сожалению, не могу никого назвать, на кого бы я мог ориентироваться, так как стал очень давно заниматься психолингвистикой и ориентировался в основном на изучение психологии.

И.Ж.: Поэтому учителя – психологи?

Е.Т.: Да! Я еще должен был назвать Л.С. Выготского, но это само собой разумеется.

И.Ж.: Давайте поговорим о Ваших друзьях.

Е.Т.: Друзей у меня немного, но много их и не может быть. Начну с полковника Бориса Леонидовича Бойко, моего первого ученика – он специалист по военному профессиональному языку и военному жаргону. Кроме того, в друзьях я числю Владимира Васильевича Дронова, это доцент Университета дружбы народов, в моем сознании он имеет прозвище Романтик, это человек уникальных способностей, автор около сотни (без всякого преувеличения) учебных пособий. Также я теперь причисляю к своим друзьям и Владимира Павловича Синячкина, моего ученика, который написал работу по ценностям. Его я считаю радетелем о русском языке... Я мало знаю людей, которые так болели бы за русский язык. Ну и последним по перечислению, но не по значимости я называю Александра Алексеевича Нистратова, человека-энциклопедиста, неутомимого экспериментатора, человека уникальных способностей в области экспериментальной психологии.

И.Ж.: Евгений Федорович, вопрос о профессиональной деформации. Будучи ученым, можно ли быть кем-то еще? Иначе говоря, остается ли Сократ философом, когда ест рыбу, а не ведет философскую беседу?

Е.Т.: Я не слышал такого выражения про рыбу (смеется)...

И.Ж.: Сознаюсь, я придумал...

Е.Т.: Серьезно? Поздравляю, великолепный ход. Вы знаете, я считаю профессию исследователя такой же деформирующей, как и профессия учителя. Действительно, тот, кто однажды вкусил тюремной похлебки (немецкая пословица), тот никогда ее не забудет. Да, я не мыслю себя в другой деятельности, хотя я когда поступал в Военный институт иностранных языков, я хотел быть переводчиком. Институт в 1956 году Никита Хрущев разогнал, но я теперь не жалею, что не стал переводчиком. Вынужденно (вначале) я стал исследователем, ученым, но последние пятьдесят лет убедили меня, что это единственно правильный путь. И теперь я окончательно профессионально деформирован, в том смысле, что никогда не смогу заниматься другой деятельностью.

И.Ж.: Вы счастливый человек?

Е.Т.: Хочется верить, что да. Хотя (смеется) есть много поводов считать себя несчастливым, много разных воздействий негативных на меня оказывается, но несмотря на это я все равно считаю себя человеком счастливым.

Б.Л. Бойко

**ЕВГЕНИЮ ФЕДОРОВИЧУ ТАРАСОВУ 80 ЛЕТ. АРМЕЙСКАЯ ТЕМА
В БИОГРАФИИ ЮБИЛЯРА**

В армейской теме биографии Евгения Федоровича Тарасова три значимых периода:

I. 1953-1956 гг. – Военный институт иностранных языков (ВИИЯ) в Лефортове – alma mater Евгения Тарасова – незабываемые годы курсантской юности;

II. 1968-1972 гг. – там же в Лефортове во вновь открытом ВИИЯ на должности доцента кафедры иностранных языков факультета заочного обучения;

III. С 1972 года и в течение всей жизни – непрерывающиеся контакты с ВИИЯ – Военным университетом, подготовка научных кадров, участие в работе специализированного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций на правах постоянного члена совета.

I. 1953-1956 гг. Курсантские годы Евгения Тарасова

1953 год. Юноша из семьи кадрового офицера, участника Великой Отечественной войны, мечтает стать военным переводчиком. Три пятерки на вступительных экзаменах по русскому языку и литературе (диктант, сочинение и русский устный) – надежная основа для изучения любого из более чем трех десятков изучаемых в институте языков. Будущему курсанту запомнилась фраза заместителя начальника одной из кафедр немецкого языка капитана М.Я. Цвиллинга: «Твой немецкий нас не интересует, научим любому языку. Мы ценим в курсантах отличный русский язык, характер, увлеченность, хорошее здоровье». Высокий рост и явное физическое здоровье Евгения Тарасова выделяли его среди кандидатов (так в армейских учебных заведениях именуется абитуриенты), к тому же сборная института по баскетболу нуждалась в пополнении. И правда, в спортзале Евгений был не менее успешен, чем на занятиях по немецкому языку. Увлеченность и сильная воля – ведущие черты личности Евгения Федоровича известны всем, с кем сводила его судьба.

Спорт спортом, но все же иностранный язык осознавался курсантами как главное содержание их военной юности. Евгению запомнились яркие уроки лексики – преподавателей немецкого языка Е.А. Ивановой и Г.П. Миньковской, немецкой грамматики Л.А. Миончинской, военного перевода – А.А. Высоковского, лекции и семинары по германской литературе доцента Г.В. Шаткова, по военному страноведению – полковника Басаргина. Успеху в языках способствовали часы, проведенные в лингафонном кабинете, – посещение под роспись в специальной учетной тетрадке курсанта!

1956 год – успешное окончание третьего курса стал прощальным годом курсантской юности. В ходе 1200 сокращения Вооруженных сил Советского Союза Военный институт иностранных языков был расформирован, курсанты получили направления в различные вузы страны. Евгений Тарасов продолжил образование уже студентом на филологическом факультете Ростовского-на-Дону государственного университета.

II. 1968-1972 гг. Возвращение в ВИИЯ

В Военный институт иностранных языков Евгений Федорович Тарасов возвратится через 12 лет кандидатом филологических наук, опытным преподавателем

немецкого языка. Вновь открытый ВИИЯ, факультет заочного обучения, кафедра иностранных языков. В течение трех лет – 1968-1972 гг. – Е.Ф. Тарасов преподает речевую практику немецкого языка на выпускных курсах. Преподает творчески, применяя свои великолепные знания теории и практики немецкого языка, новейшие методы обучения. Возвращение в ВИИЯ – это и практика преподавания, и интенсивная научная работа. Заинтересованное участие в семинаре для преподавателей по стилистике, которым руководит Г.В. Шатков. Интенсивные публикации статей – по несколько в год в различных изданиях, выступления на научных конференциях института и ведущих вузов Москвы. Руководство адъюнктами и соискателями ВИИЯ. Неумная энергия и обостренное чувство нового в науке приводит Евгения Федоровича в семинар А.А. Леонтьева в Институт языкознания АН СССР на Волхонке. Предложение А.А. Леонтьева перейти на профессиональную работу в группу психолингвистики и теории коммуникации Евгений Федорович принимает без раздумий – молодой сложившийся ученый видит для себя новые горизонты, он формулирует их в понятиях теории речевой коммуникации. Так завершается второй период в ВИИЯ.

III. В душе и на практике навсегда в Лефортове

Евгений Федорович уходит из Военного института иностранных языков, но не прерывает свои отношения с *alma mater*. Здесь остались адъюнкты и соискатели, научное руководство не прерывается. В группе психолингвистики и теории речевой коммуникации появляются молодые офицеры – преподаватели ВИИЯ. Е.Ф. Тарасов вовлекает их в научную работу группы психолингвистики. В последующие годы под его руководством защищают кандидатские диссертации преподаватели ВИИЯ, преподаватели различных кафедр ВИИЯ, представители нескольких поколений – автор этих строк, В. В. Андриянов, Л. В. Дудник, А. А. Родионов, Ю.С. Зеленев, В. А. Рыжков.

Нынешний этап сотрудничества Е.Ф. Тарасова с Военным университетом – активное участие в подготовке научных кадров. Евгений Федорович – член специализированного ученого совета по защите кандидатских и докторских диссертаций Военного университета. Отдел психолингвистики – часто выступает в роли ведущей организации диссертаций, которые разрабатываются представителями все новых поколений армейских преподавателей.

Евгений Федорович никогда не расставался с армией – приземистые двухэтажные казармы императорского Астраханского полка на нынешней Волочаевской улице, специфический запах армейского обмундирования, громкие команды и слаженный шаг подразделения курсантов, передвигающегося по территории института – все это не чуждо Евгению Федоровичу и по сей день. Армейская тема – стала темой жизни; интерес к вооружениям, к армиям, к военной истории – постоянное занятие в часы отдыха от напряженной научной работы. Релаксация через возвращение в юность, через погружение в военную среду, в тексты об истории и настоящем вооруженных конфликтов, армий и вооружений от древних времен по нынешнее время.

В день 80-летия все, кто находился и находится под научным руководством Е.Ф. Тарасова, кто принимает участие в научной работе отдела психолингвистики, в научных конференциях и круглых столах, от всей души поздравляют своего руководителя, коллегу, Учителя с юбилеем и желают ему неуываемой энергии научного творчества. С юбилеем, дорогой Евгений Федорович! Здоровья и неуываемой творческой активности!

Н. Дмитриук, Г. Абрамова, Г. Алтынбекова, А. Калжанова,
Д. Кистаубаева, Р. Османова, М. Шингарева

О СОКРОВЕННОМ: СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ ВРЕМЕН

«Щедрость наших учителей позволила нам подключиться к тому ценностному слою, который был обеспечен золотым запасом научного и жизненного опыта этого поколения. <...>

Я думаю, ... что это и есть особый дар исключительной личности – одаривая других, не впечатлять их своей необыкновенностью».

Р.М.Фрумкина. О нас – наискосок

Наверное, каждому человеку моего поколения (если он не москвич) столица нашей родины Москва представлялась с раннего детства яркой, красивой, почти несбыточной мечтой – мы узнавали о ней по «картинке в моем букваре»: зубчатые стены Кремля, часы на Спасской башне, Красная площадь (потому что всё красное!) завораживали и приятно тревожили детское воображение.

Картинка почти не изменилась и когда произошла перезагрузка: Институт языкознания Академии наук СССР, куда я попала совершенно фантастическим образом (низкий поклон Александре Александровне Залевской, которая привела меня в Сектор психолингвистики!) оказался в двух шагах от Красной площади и кремлевской стены – той самой культовой картинке с букваря. Этот ракурс, этот вид при выходе из института меня ошеломил – мечты реально сбываются? И сколько бы лет ни прошло с тех пор, каждый раз, когда я оказываюсь в Москве, в Секторе, на Воздвиженке, снова жду этого замирания, когда сердце встрепенется и ухнет: «Москва... Кремль...», и боюсь его потерять, и каждый раз на этом месте замираю, внутренне вздрагиваю и жду этого «Ууух тыбы!...», и оно откликается.

И в то время, и сейчас я убеждена, что выше планки, чем Академия наук, действительно не существует, и входила в этот храм науки как в совершенно иной, особенный мир, с трепетом и благоговением. Уже знакомые по рассказам Александры Александровны имена Алексея Алексеевича Леонтьева (у нас и настоящее общение с А.А.Залевской началось с лекций А.А.Леонтьева на ФПК в МГУ), Евгения Федоровича Тарасова, Юрия Александровича Сорокина, Натальи Владимировны Уфимцевой обрели свои голоса и лица – ставшие такими дорогими и любимыми.

Атмосфера в Секторе всегда была и остается удивительно теплой, доброжелательной, располагающей. Об этом хорошо пишет Ю.А.Сорокин, рассказывая об истории становления Группы (позднее Сектора) психолингвистики, основанной А.А.Леонтьевым в 1969 году: «По поводу и без оного мы собирались и у шефа, у А.А., благо он жил почти в самом Центре. Он всеми силами старался выбивать из нас пыль официальности, которая стояла столбом на всех этажах Института. Лучше всего это было делать дома, в обыденной семейной обстановке за неторопливым ужином вперемежку с разговорами обо всем понемножку. Эту атмосферу домашности А.А. старался перенести и в Группу, незаметно приучая к ней. Если к этому добавить его терпимость/толерантность к человеческим слабостям и творческой полусостоятельности приходящих и претендующих, а они были частыми гостями,

его неприязнь к социальным альпинистам, дружескую равнопартнерскую манеру беседовать и спорить, отстаивая важное и отбрасывая мелочи, ценить не обещания, а дела, не маскарады честолюбий и претензий, а счастливые идеи и нетривиальные мысли, знать многое и о многом помимо двух своих профессий – лингвиста и психолога – и поощрять набег в сопредельные с психолингвистикой домены («мы не заимствуем, мы СВОЕ берем»), можно сказать, что вопреки всем титулярным советникам и миру их ценностей, верований и притязаний МЫ жили и работали СЧАСТЛИВО. <...> И когда нам говорят: «У вас здесь хорошо: спокойно и доброжелательно», – мы отвечаем: «По традиции. Не нами заведено, и, надеюсь, не нами и кончится» [Сорокин 2007, ВПЛ № 7, с. 9].

И когда Алексей Алексеевич перешел в другой институт, Группу психолингвистики возглавил Евгений Федорович Тарасов, унаследовав и обращение «шеф», и широкий научный диапазон плановых (и внеплановых) исследований, и доброжелательно-располагающий стиль общения. Благородную задачу продолжения и укрепления научных традиций и демократического (в хорошем смысле слова!) духа взяли на себя самые близкие Леонтьеву друзья и единомышленники – знаменитый триумvirат: Е.Ф.Тарасов, Ю.А.Сорокин, Н.В.Уфимцева – интеллектуальный, духовный и душевный стержень Сектора.

В те далекие 80-е Сектор психолингвистики располагался на первом этаже в тесной комнатухе, перегороденной шкафом, и за ним, в закуточке, был стол с пишущей машинкой, которой можно было пользоваться, а заодно и спрятаться, никому не мешая и не привлекая внимания, чем я охотно пользовалась. А по другую сторону шкафчика, за «чайным» столом постоянно кто-нибудь пил чай или кофе, потому что всех, кто заглядывал в Сектор, усаживали за стол, угощали – и «постояльцы», и «новобранцы» приходили с чем-нибудь вкусеньким. В приоритете был торт «Прага» – знаменитый ресторан-то был рядышком! – и даже бутерброды с красной и черной икрой в том буфете продавались «на вынос» по вполне доступной цене и тоже временами оказывались на этом столе.

Мне было уютно за шкафчиком, и, стараясь потише стучать по клавиатуре, я слушала и научилась узнавать по голосам хозяев и некоторых гостей Сектора, а кого-то из незнакомых «дорисовывала» по голосу: там, по ту сторону шкафа, велись «ученые» разговоры вперемежку с шутками, решались какие-то вопросы, по ходу подписывались бумаги, назначались оппоненты, обсуждались темы диссертаций.

Появление в Секторе Евгения Федоровича всегда приносило радостное оживление. Красивый, высокий, обаятельный, галантный, ироничный, с неповторимым чувством юмора – потрясающий! несравненный! – Евгений Федорович появлялся всегда улыбающийся, приветливый, долгожданный. Эта простота и сердечность отношений с коллегами и аспирантами («равнопартнерская манера» общения, по Сорокину) на фоне нашей восточной скрупулезной субординации и бесконечных этикетных правил меня особенно поразила: у нас на юге руководитель идет медленно, важно, не роняя достоинства, чаще сопровождаемый обязательной свитой от входа до самого кабинета. «А где кабинет Евгения Федоровича?» – спрашивала я наивно, и под дружный смех мне показывали стол, сплошь заваленный книгами, папками, рукописями. И еще демонстрировали кожаное «кресло Реформатского», стоящее за поворотом в коридоре, где по легенде Александр Александрович консультировал своих многочисленных учеников, не имея даже собственного стола; а также показывали широкий подоконник, на котором любил сидеть «Алеша Леон-

тьев, часто забираясь на него с ногами». Мое воображение отказывалось рисовать образ великого мэтра, основоположника российской психолингвистики, сидящим, как Наташа Ростова, на подоконнике и рассуждающим о дальнейших путях развития новой отечественной науки.

Но... к хорошему, как говорится, привыкаешь быстро, и я уже не очень сопротивлялась, когда меня извлекали из-за шкафчика, но с каждым новым переездом Сектора в другое помещение немного тосковала по тому уютному уголку. Или по юности, когда все были такие молодые, озорные, яркие, талантливые и делали великие дела, не придавая значения их величию.

В небольшом юбилейном эссе трудно рассказать о 35-летнем сотрудничестве с Сектором психолингвистики, которое очень давно переросло в теплые, дружеские отношения искренней симпатии, поддержки, помощи и безмерной с моей стороны благодарности и благоговения. Позволю вспомнить лишь несколько эпизодов, когда меня (как и всех других молодых соискателей) заботливо опекали и оберегали от лишних волнений и ошибок. Чего стоит эпизод, когда в преддверии моей защиты изменился шифр специальности и нам, нескольким защитившимся и еще незащищенным аспирантам, предстояло «досдать» еще одну дисциплину в рамках спецпредмета. Евгений Федорович договорился со всеми обитателями Сектора не говорить мне об этом перед защитой, чтобы не «посеять панику». Все знали и молчали, а кто-то из непосвященных вдруг стал расспрашивать меня, как я готовлюсь к экзамену, по каким вопросам и учебникам. Евгений Федорович сгреб его в охапку и увлек в коридор, успокоив меня, всполошившуюся: «Вам это не грозит, сидите и готовьтесь к защите». И только потом узнала, что мне тоже предстоит сдавать социолингвистику, добавившуюся к уже сданной психолингвистике, – как я была растрогана и благодарна! А ведь правда, я бы запаниковала (хотя метаться все-таки начала, но защита была уже позади). Или ставшая легендой спешная поездка Евгения Федоровича на такси перед моей защитой за оппонентом – в небывалую майскую жару в зимних ботинках (сандалии были срочно сданы в ремонт, а в шкафу «про запас» оказались только ботинки).

А какая замечательная традиция была во время банкета расписываться всем на «застольной» скатерти – писать пожелания новоиспеченному кандидату! До сих пор, конечно, храню эту реликвию, хоть со следами вина и закусок, но как дорогой сердцу исторический «артефакт». Евгений Федорович назвал меня в том пожелании «ундиной» и «любимницей психолингвистов», чем я была невероятно польщена.

Отдельная эпоха сотрудничества с Сектором и Евгением Федоровичем – период моей докторантуры, конец лихих 90-х и начало нулевых, отчаянное время, месяцами без зарплат. Сын уже заканчивал аспирантуру, подкармливаемый и опекаемый по традиции всем Сектором, и я решила на докторантуру. Тогда мы с ним уже печатались в одних сборниках, участвовали в семинарах и конференциях и назывались «эти парни из Казахстана». На нас шутя опробовались разнообразные тесты и экспериментальные методики с учетом гендерного, возрастного и этнокультурного факторов – диаспорально обусловленное языковое сознание казахстанцев нас выдавало и в мелочах, и в системном восприятии мира.

Да, многое, связанное с Сектором, стало легендой или обросло легендами, действительно, укоренились добрые традиции, когда-то заложенные в период «оттепели» А.А.Леонтьевым, и долгие годы этот дух, удивительная атмосфера доброжелательности и бескорыстной преданности науке неуклонно сохраняется и под-

держивается. И то верно: скоро Сектору психолингвистики и теории коммуникации ИЯз РАН исполнится 50 лет! И более 35 из них Сектором бесценно руководит Евгений Федорович Тарасов – энциклопедически образованный ученый с мировым именем, талантливый руководитель и педагог, остроумный, обаятельный, потрясающе интересный собеседник и рассказчик. Евгений Федорович – один из основателей московской психолингвистической школы, создатель теории языкового сознания [Тарасов 1998], в последние годы активно занимается исследованием базовых общечеловеческих ценностей и анализом их содержания [Тарасов 2012, ВПЛ №15]. Он всегда окружен учениками, многие из которых уже давно стали вполне самостоятельными специалистами, известными учеными.

Не знаю, эти редкие в наше время качества – благородство и такт, широта души и щедрость, великодушие и терпеливое, благожелательное отношение к людям – Евгений Федорович «вырастил», воспитал в себе сам или они были даны от природы? – но это отмечают все. Сошлюсь, кстати, на авторитетное мнение Ревекки Марковны Фрумкиной, высказанное по поводу кадровых перестановок и «административных передрыг» в институте: «Воспользуюсь случаем, чтобы поблагодарить за подлинную толерантность нашего заведующего Е.Ф.Тарасова, которого, как я понимаю, тоже поставили перед фактом» [Фрумкина 2006, ВПЛ № 4, с. 6].

К этому высказыванию хочется добавить несколько слов-воспоминаний от защитившихся в Секторе чимкентских аспирантов: в них выражены чувства непреходящей ностальгии по Москве, по тем незабываемым временам, по замечательным людям и особенно – высочайший пиетет и бесконечная благодарность Евгению Федоровичу, который защитой кандидатских диссертаций в ИЯз РАН открыл им совершенно иной мир и иные перспективы.

Д.М. Кистаубаева (год защиты 2001): «В моей активной комсомольской биографии Москва занимает особое место: со времен учебы в ВКШ (Высшая комсомольская школа) при ЦК ВЛКСМ она осталась в моем сердце как яркий праздник, «который всегда со мной». Не думала, что после распада Союза (я очень болезненно это переживала) когда-нибудь снова испытаю это сладкое чувство восторга от встречи с Москвой. Поначалу и не верилось в задуманные дерзкие планы – утверждение темы кандидатской диссертации, экзамен по спецпредмету, защита в Академии наук! – да если просто окунуться в новую Москву, и то уже хорошо! Оказавшись в удивительно доброжелательной атмосфере Сектора психолингвистики, обсудив в первые дни кучу вопросов и даже решив некоторые из них, я уже потихоньку начала верить в чудо – с этими людьми, в этой обстановке все может и получиться. Мне все было здесь удивительно, все располагало к общению и восхищению. Но больше всего меня покорила фраза руководителя Сектора Евгения Федоровича Тарасова – «Берегите себя!». Сейчас это стало банальной фразой ведущих многих телепередач, но тогда я услышала ее впервые. Как это «беречь себя», когда надо беречь родину, город, свою работу... Эта фраза была настолько непривычной для меня, вчерашней истовой комсомолки, воспитанной в коллективистском духе, когда мы ставили общественное выше личного, коллективное выше семейного: сначала благосостояние народа, успехи и здоровье коллег, а потом уже свое собственное. Теперь это вспоминается с улыбкой, а тогда Евгений Федорович как бы развернул мое сознание в другую сторону и показал, как легко, естественно и правильно должны складываться отношения между людьми: берегите себя и своих близких, и если это сделает каждый – это и будет «эрой милосердия».

Евгений Федорович и сам всегда бережно относится к людям, ко всем аспирантам, внимательно и доброжелательно присматриваясь к каждому. И в этом его озорном прищуре глаз (а чувство юмора у Е.Ф. бесподобное!) читалось: «И что ты за птица такая? Что за душой? Что в голове?». Располагающей манерой общения, мягкой улыбкой, уважительным обращением (его «Коллега!») повергало нас в трепет и смущение), умением легко решать возникающие у нас вопросы («Какие проблемы? Все решаемо. Все в наших руках») Евгений Федорович покори нас бесповоротно! И мы готовы были поверить в себя, хватались за подсказки и новые книжки, и уже начинали верить, что все у нас получится.

И каждая новая поездка в Москву была мощной подпиткой для наших мозгов и «именинами сердца». Ставшие традицией набег аспирантов Натальи Васильевны («казахстанское нашествие») в 10-метровую коммуналку ее сына Сергея на Знаменке, что рядом с ИЯ РАН, конечно же, сопровождалась по вечерам шумными посиделками и запомнились яркими праздниками. Сразу же приезжала из Питера Верочка, Сережина сестра-студентка, и трогательно заботилась о нас, что-то варила, стригла салаты, кормила, чтобы мы не отрывались от главного: «Идите-идите к своим бумагам, у вас завтра экзамен (предзащита, защита)». И мы целыми днями пропадали в Секторе, что-то узнавали, консультировались, осаждая вопросами всех и больше всего – Евгения Федоровича, который деликатно, терпеливо, не отмахиваясь от нас, отвечал, проверял, исправлял и мог засиживаться с нами допоздна. И высшей наградой для нас было его благосклонно-шутливое: «Пилите, Шура, пилите».

И потому мы шли к нему с открытым, щемящим сердце восторгом, чтобы получить хоть капельку признания, одобрения, поддержки от великого мэтра психолингвистики – нашего обожаемого Евгения Федоровича! Доброго Вам здоровья, дорогой наш Учитель! Новых открытий, новых свершений, будьте счастливы и радуйтесь жизни!».

Р.А. Османова (год защиты 2001): «Задолго до поездки в Москву наш непосредственный чимкентский руководитель Наталья Васильевна успела привить нам благоговейное чувство к российскому Храму Науки и его обитателям. Их имена она всегда произносила с таким чувством благодарности, что мы поневоле «заражались» и испытывали преклонение перед Академией наук еще задолго до первой поездки. Тогда Москва казалась далекой и даже в чем-то нереальной. Скорее, нереальными казались наше предстоящее собеседование с такими известными учеными и возможность будущей защиты кандидатской диссертации в Институте языкознания Российской Академии наук. Особенно волновала встреча с учеными, имена которых мы не только слышали от нашего руководителя, но видели в названиях книг, учебников, в статьях, на которые ссылалась в своих работах, и очень переживали, как мы будем сдавать им экзамен.

Спустя годы, вспоминая уже далекие, но незабываемые, как мы называем между собой, «московские» дни, чувство безграничной признательности в нас только крепнет – «большое видится на расстоянии»: чем больше проходит лет, тем весомее этот кандидатский диплом, тем больше осознаем мы его цену. Нас, «московских соискателей», в последние годы жизнь развела по разным вузам, разным коллективам, но во время наших нечастых среди будней встреч, мы каждый раз неизменно окунаемся в ту далекую московскую атмосферу благожелательности и участия, доброты и внимания, заботы и дружбы, которую не на словах, а на деле создали для нас люди с великими именами, всегда олицетворяющие для нас Академию наук и Сектор психолингвистики: Евгений Федорович Тарасов, Наталья Владимировна Уфимцева, Юрий Александрович Сорокин.

Они называли нас казахстанцами, и в этом проявлялось то естественное отношение добрососедства, которое существовало между нами и в Советском Союзе, и сейчас – уважение к идентичности другого народа. Они искренне радовались нашим небольшим успехам, с интересом расспрашивали о семье, о жизни в нашем городе и работе, приглашали на конференции, непременно усаживали за стол и угощали, радовались гостинцам из далекого солнечного Чимкента, которые стали традиционными «дарами с юга».

Удивило нас отсутствие какой-либо помпезности: Сектор психолингвистики (как и все другие сектора и кабинеты) занимает небольшую комнату с 5-6 столами, где собираются ученые и их ученики, обсуждают научные проблемы, спорят, решают текущие процессуальные вопросы утверждения тем и т.д. И при этом царит атмосфера взаимоуважения, сопереживания, взаимоподдержки и, самое главное, человечности. Благодаря пребыванию, хотя и краткому, в среде людей, приверженных науке, мы получили главное для нас – бесценное общение, теплые воспоминания и долгосрочное содружество. И еще мы поняли навсегда: по-настоящему великие люди не замечают своего величия, просты и удивительно доброжелательны в общении.

Для нас Институт языкознания РАН – это, прежде всего, люди, которых мы узнали, – люди высочайшей культуры и интеллекта, необыкновенной душевной щедрости и великодушия. На всю жизнь мы сохраним чувство глубокой признательности и большого уважения к Евгению Федоровичу – руководителю Сектора и всем, кто нам помог получить ученую степень кандидата в таком высоком статусном месте – в Москве, в Академии наук!».

Г.И. Абрамова (год защиты 2004): «Как быстро бежит время! Вот и эти почти одиннадцать лет пролетели незаметно. Но память снова и снова возвращает меня в те далекие московские мартовские дни 2004 года, когда под руководством Евгения Федоровича Тарасова в Институте языкознания Российской Академии Наук (даже просто выговаривать фонетически это название приносит мне неизъяснимое наслаждение) проходила защита моей диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

Будучи соискателем ученой степени из далекого казахстанского города Чимкента, я нечасто встречалась с Евгением Федоровичем очно. Но каждая встреча с ним оборачивалась очень интересным и полезным уроком. Уроком невероятной мудрости, учености, деликатности, такта, внимания и юмора.

Никогда не забуду волнующую встречу с ним, когда я ждала его в Большом Кисловском переулке, вся расстроенная полученным накануне ответом оппонента, который, как мне тогда казалось, был разгромным, сводящим на нет всю мою предыдущую работу. И вот приходит Евгений Федорович, усталый, после тяжелого трудового дня и начинает, прежде всего, меня... кормить бутербродами с колбасой и сыром, купленными по дороге в институт! И уже когда мы, сытые и способные соображать, обратились к теме нашего исследования, к причинам, побудившим моего оппонента сделать свои выводы, то выяснилось, что все не так плохо, как мне казалось, что на все вопросы есть достойные и, главное, аргументированные ответы.

Как же я была благодарна Евгению Федоровичу! Была, есть и буду!

Хочется отметить, что то безграничное уважение, которое я питаю к Евгению Федоровичу, те пиетет и благодарность к нему я «по наследству» приняла от его ученицы и моего наставника Натальи Васильевны Дмитриук. Этим «наследством» я щедро делюсь уже со своими учениками и студентами.

Поздравляя Евгения Федоровича со славным юбилеем, 80-летием со дня рождения, я желаю ему крепкого здоровья, успехов и новых свершений на психолингвистической ниве».

А.К. Калжанова (год защиты 2004): «У каждого человека есть уголок на земле, где он чувствует себя защищенным. Это родной дом, где мы чувствуем защиту и любовь родителей. Родной город, где все родное, улицы, дома, деревья, даже светофоры на перекрестках. У каждого человека есть такое место, по которому скучаешь, тоскуешь, столько хороших воспоминаний, что сразу забываешь о том, как холодно и сыро за окном... Для меня, девочки из страны под названием СССР, которая родилась в Узбекистане, закончила школу в Туркмении, а высшее образование получила в Казахстане, символом столицы нашей Родины всегда была и остается Москва. И думаю, не случайно, что именно в Москве, о которой с детства мечтала, я получила защиту на всю жизнь – защиту-страховку в виде диплома кандидата филологических наук! А каким трудным был этот путь к защите, уже и не помнится, зато на всю жизнь остались самые добрые воспоминания о благословенной Москве: как мы всей чимкентской компанией (6 человек, включая Наталью Васильевну) свалились в маленькую комнатку ее сына в коммуналке; как выходили ночью гулять по Красной площади и пели «Солнце красит нежным светом стены древнего Кремля...», пугая и веселя редких туристов; как Сережа Дмитриук приютил меня у своей соседки по коммунальной квартире на Знаменке – в двух шагах от Института языкознания; и как сэкономили на всем, делясь и булочкой, и яблочком (а какие домашние вкусности приносила Ирочка, будущая жена Сережи!) – кажется, я прожила там целую вечность! – и целая вечность уже прошла с тех пор...

С огромной благодарностью вспоминаю Сектор психолингвистики, Евгения Федоровича Тарасова, Юрия Александровича Сорокина, Наталью Владимировну Уфимцеву – самых красивых и добрых, родных и благородных, чутких и заботливых! Людей, подаривших мне заботу и любовь, поддержку и защиту на всю жизнь! Чувства сомнения, неуверенности, страха, нереальности происходящего – лишь малая часть того, что я пережила при своем появлении в Секторе... Спокойствие, исходившее от Евгения Федоровича и Юрия Александровича, придавали сил идти вперед, не терять и не опускать рук, хотелось сделать то, чего от меня ждут, еще лучше, не подвести... Отдельно вспоминаю о незабываемой поездке на конференцию в Звенигород! Сказочная прогулка по зимнему лесу с Евгением Федоровичем, знакомство с Александрой Александровной Залевской – я старалась не пропустить ни одного слова, жеста, улыбки, старалась запомнить каждое мгновение...

А сколько всего интересного было, сколько хороших воспоминаний, связанных с защитой кандидатской! Никогда и нигде я не ощущала такой доброжелательной и внимательной аудитории – если бы человек умел летать, то я бы полетела от радости, от счастья!!! Спасибо огромное Москве, Российской Академии наук, Институту языкознания, Сектору психолингвистики, Евгению Федоровичу Тарасову, Юрию Александровичу Сорокину, Наталье Владимировне Уфимцевой за их доброту, заботу, теплоту и защиту!».

Г.К. Алтынбекова (июнь 1990, речевая практика): «Москву и Сектор психолингвистики я помню по речевой практике: были времена, когда студентов из Казахстана (специальность «Русский язык и литература в казахской школе») после сессии первого курса отправляли в Россию овладевать языком специальности, погружая в русскую языковую среду. Нам посчастливилось «погрузиться» в самый центр русской культуры – в Москву, с ее музеями, театрами, университетами, где даже станции метро – как художе-

ственные выставки. Сказать, что нас там поразило всё – это ничего не сказать! Конечно, у нас была очень плотная культурная программа, но Наталья Васильевна Дмитриук, наш руководитель речевой практики, в первые же дни сказала, что мы пойдем в Академию наук и познакомимся с очень интересными людьми – большими учеными, авторами учебников и книг, по которым нам еще предстоит учиться на старших курсах. Мы так их и представили: седовласых старцев, в пенсне и с тросточкой, чопорных и недоступных. Когда приехали на Красную площадь, вышли к библиотеке им. Ленина, у нас дух перехватило, мы не хотели уходить оттуда! – зачем нам лекция? зачем знакомиться? Но вот мы вошли в этот храм науки и сразу притихли – нам предстояло приобщиться к чему-то великому, нетленному, о чем будем вспоминать всю жизнь. На лестнице к нам навстречу вышел молодежавший улыбчивый человек с бородкой, в спортивной майке и джинсах и после нескольких возгласов приветствия провел нас в зал. Следом зашел высокий красивый мужчина с густой шевелюрой, в светлой рубашке с открытым воротом и широким жестом пригласил нас «рассаживаться». И тут мы узнаём, что это и есть те самые знаменитые ученые, о которых мы столько слышали – Юрий Александрович Сорокин и Евгений Федорович Тарасов! А где же пенсне, трость, чопорность? Такой раскованности и доступности мы никак не ожидали! И вместо лекции Евгений Федорович, развернув стул «задом наперед», сел и, как к долгожданным гостям, обратился к нам: «Ну, рассказывайте!». Мы и не заметили, как перестали смущаться, куда-то делась скованность, и не только наши парни, поступившие в институт после армии, всю разговорились (они уже успели послушаться на Арбате разных «крамольных» речей, и их распирало), но и наши тихони-скромницы стали подсаживаться поближе – говорили-то мы о своем родном, знакомом: какие любимые блюда и как их готовить, какие у нас праздники, как живут в ауле и в городе, как сватают, как называют детей и т.п. Юрий Александрович тем временем принес какие-то картинки, списки слов, таблицы, где мы ставили плюсы и минусы, или что-то вписывали, или отвечали на вопросы – что-то вроде тестов. Теперь-то я понимаю, что, видимо, мы были участниками каких-то психолингвистических экспериментов (ведь нас было 33 человека), и весьма успешных, судя по довольным улыбкам и перешептываниям нашей Натальи Васильевны с Натальей Владимировной Уфимцевой. Вот так мы познакомились с московской профессурой из Академии наук, и, потрясенные простотой, естественностью, доброжелательным и уважительным к нам отношением, унесли в себе благодарное чувство признательности и открытия того, что по-настоящему великие ученые могут обитать не только на недосягаемом Олимпе, но быть вполне живыми, остроумными, очень симпатичными людьми. И хотя я защищалась не в Москве, а в Алма-Ате, впервые о занятии научной работой я задумалась именно тогда.

Спасибо вам, удивительные люди! С юбилеем Вас, дорогой Евгений Федорович! Пусть Вас радует жизнь всем тем, чем она прекрасна!»

М.Ю. Шингарева (май 2000, Симпозиум по психолингвистике): «Казахский национальный пояс-белдик издревле нес в себе информацию о владельце: какого роду-племени, насколько богат, чем занимается. В переплетении кованных узоров, в игре драгоценных камней, в россыпи жемчуга человек рассказывал о себе, нес в мир часть своего представления о нем...

Я вышиваю свой белдик, нанизывая на нить времени события и людей, все то, что украсило мою жизнь, что заставило биться сердце чаще.

Мне повезло, среди бисера встреч и расставаний, в моей жизни появлялись люди уникальные, люди-эпохи, люди-имена.

Трудно описать это чувство, когда ты студенткой корпишь над дипломной работой, записывая мудреные цитаты, вгрызаясь в толщу монографий, ассоциативных словарей, осиливая новые термины и понятия, постигая специфику межкультурной коммуникации и языкового сознания, и думаешь: «Боже мой, да как же это осилить...». А потом прошло два года, и я оказалась в Москве на симпозиуме по психолингвистике, и тут начались чудеса. Наталья Васильевна (мой учитель, наставник и главный вдохновитель) вела меня по коридорам Института языкознания и называла фамилии из «моего дипломного цитатника» – Е.Ф.Тарасов! Ю.А.Сорокин! Н.В.Уфимцева! Словами не передать мои ощущения. Я смотрю на Евгения Федоровича Тарасова, он лукаво-ласково улыбается, шутит... Я понимаю, что за его плечами стоят ПОКОЛЕНИЯ УЧЕНИКОВ, что это человек-эпоха. Если бы в этот момент на наши поклоны он отвечал: «Очень приятно, царь! Очень приятно!», я бы восприняла это как должное. Мне, выросшей на Востоке, где статус человека впечатан в весь его облик, а зачастую облик бывает «раздут не по статусу», такая скромность и простота в общении показалась как минимум аномальной. Но молодость нахальна и беспечна, фотографий с той памятной встречи осталось мало, мало я впитала той атмосферы, мало насладилась общением и обществом. Однако плод был надкушен. И появилась тоска. Ее не заглушить, она будет тянуть меня в Москву, воскрешая в памяти голоса и лица.

Я вышиваю свой пояс-белдик, нанизывая на нить времени события и людей... И Вы, Евгений Федорович, уже впечатаны и навсегда останетесь в нем, и едва ли кому-то удастся затмить мягкий, лучистый свет Вашей скромности и Вашего гения!».

Да, все мы, единожды окунувшись в необыкновенно притягательную атмосферу Сектора психолингвистики, стараемся надолго, навсегда сохранить это ощущение свободы, раскованности, сопричастности к настоящей жизни, к большой науке, к великим людям, знакомством с которыми гордимся и радуемся любой возможности пообщаться.

Вынесенные эпиграфом слова Р.М. Фрумкиной о душевной и интеллектуальной щедрости наших учителей на самом деле как нельзя более точно определяют и наши ощущения: нас оторвали от привычной почвы, приподняли и перенесли в другой мир – в мир высокой науки и высоких отношений, позволили «подключиться к тому ценностному слою, который был обеспечен золотым запасом научного и жизненного опыта этого поколения». Для нас самыми яркими и знакомыми из этой плеяды классической научной элиты были, конечно, дорогие сердцу Евгений Федорович, Юрий Александрович и Наталья Владимировна. Мы еще долго будем постигать их уроки мудрости и доброты, глубину мысли, неординарность личности каждого из них – при том, что в жизни, в быту, в «повседневности будней» их подлинное величие и масштаб не всем очевиден – до истинного понимания великой личности надо долго расти. И снова лучше Ревекки Марковны об этом не скажешь: «Я думаю, ... что это и есть особый дар исключительной личности – одаривая других, не впечатлять их своей необыкновенностью».

Это и о Вас, наш добрый гений, дорогой наш Учитель, научный наставник и великодушный покровитель!

Евгений Федорович, с юбилеем Вас!

Живите и здравствуйте долго и счастливо, на радость себе и нам!

Многие лета Вам, дорогой Евгений Федорович!

И. Ю. Марковина

Вспоминаю годы общения с удивительным, таким благожелательным коллективом Сектора психолингвистики. Незабываемый мудрый Алексей Алексеевич Леонтьев, всегда готовый прийти на помощь такой разносторонний и многоликий мой любимый учитель Юрий Александрович Сорокин...

Но вот я мысленно открываю дверь в Сектор и сразу вижу тяжёлую массивную фигуру мэтра, которому явно тесно в отведённой Сектору комнатухе. Этаким Меншиков в Берёзове с картины Сурикова. Кажется, сейчас он разогнётся, упрётся головой в потолок, и закричат шкафы вокруг, посыплется бумага и повалятся словари. Только вместо печальных детей опального олигарха рядом с ним и тоже коленопреклонённые – аспиранты-докторанты, символы смены поколений. И почтительно стоящие поодаль уже убелённые сединами ученики и – чего уж там! – поклонники. Подозреваю, что и тайные обожательницы тоже тут, в толпе в коридоре и у старого дивана на лестнице, среди ждущих консультации, совета, моральной поддержки. У Евгения Фёдоровича явное преимущество перед Александром Даниловичем: чувство юмора, не дающее ему даже в трудные минуты мрачно смотреть на окружающий мир, который не всегда поворачивался к нему светлой стороной. Вот и здоровье могло бы быть лучше, но кажется – по крайней мере со стороны – что Шеф относится к своим недомоганиям в высшей степени философски и доминировать им не позволяет.

Пусть ещё очень долго раздаётся тяжёлая поступь этого Командора в коридорах Института языкознания. Пусть его спокойный, негромкий и легко узнаваемый учёным миром голос продолжает звучать с трибун съездов, конференций, симпозиумов и просто собеседований с коллегами, учениками и друзьями. Многие из нас мечтали бы называться этими последними. Многая лета, Евгений Фёдорович!

В.И. Шаховский

1. Тарасов: Языковое сознание Е.Ф. Тарасов понимает как опосредованный языком образ мира той или иной культуры, т.е. «совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира» [Тарасов 1996].

2. Чем кооперированнее общение людей, тем более согласованы их действия: когда мы наблюдаем адресность высказываний, в действиях собеседников наблюдается системность, одни высказывания приводят к другим. Именно в таких случаях поведение собеседников согласованно, «кооперировано», в значении: направлено на выполнение одной общей задачи. Поэтому-то, видимо, и говорят об «общении» (Демьянков).

3. Появившийся в СССР перевод первой иностранной книги по психолингвистике показывает, что основное внимание в те годы – эта недавно родившаяся наука решала в основном проблемы грамматики и, в первую очередь, трансформационной, модной в то время вслед за М. Хомским. В ней рассматривались также некоторые проблемы фонологии проблемы языкового развития ребёнка (его грамматики).

Проблема эмоций в то время находилась ещё за пределами науки о языке и психолингвистики в частности. В настоящее время многие аспекты этой проблемы решены в тысячах и в тысячах работ: эмоции находятся в центре исследовательской тематики почти всех парадигм науки о языке и его функционировании.

БОЛЬШОЙ ЧЕЛОВЕК

Что-то юбилеи идут пугающей чередой.

Но мы не боимся. Мы их сами создаем, сами отмечаем и сами плавно переходим к следующему юбилею.

Вот юбилей у Евгения Федоровича Тарасова.

Он большой человек. Мы тут спорили в нашей психолингвистической ассоциации – метр восемьдесят пять или метр девяносто.

Но даже если метр восемьдесят – он все равно выглядит на метр девяносто пять. Такой он человек.

Он подхватил группу психолингвистики (тогда еще группу!) после ухода отца-основателя А.А.Леонтьева и упорно развивал психолингвистику с этой группой товарищей. И рос, рос... И вырос.

А с ним и эта группа товарищей.

А потом образовался сектор.

А теперь страшно сказать – отдел! А внутри еще два сектора!

Хотя в основе – все та же группа товарищей, что давно была.

Приятное постоянство.

За это мы вас всех много лет и любим и всегда с удовольствием приходим к вам в группу-сектор-отдел, где всегда царит веселый творческий бардак, в разгар которого делаются очень интересные дела.

Там бродят идеи.

Там всем рады, там всем готовы помочь, чем могут.

Там подарят книжку и нальют.

А еще мы помним демократический период развития страны – перестройка. Евгений Федорович активно участвовал в политической борьбе.

Стоя на демократической платформе и агитируя за Демократическую Россию.

Было дело.

А потом психолингвистика опять его увлекла.

Он придумал термин «овнешнение» и успешно внедрил его в нашу психолингвистическую тусовку. Лингвисты уже в основном перестали вздрагивать от этого слова.

А теперь он увлекся ценностями и их тоже внедряет. Хотя пока с ними идет туговато – хуже, чем с овнешнением.

Видно сами ценности какие-то слабенькие, никак не выявляются. А если выявляются, то как-то не внедряются.

Но надо еще подождать.

Мы думаем, у него получится.

Дорогой Евгений Федорович!

Нам всегда приятно видеть вашу монументальную фигуру как в президиуме, так и в зале, как во время доклада, так и во время дискуссий.

От Вас исходит фундаментальность и живая жизнь.

Жизнь нам передается.

А об фундаментальность мы греемся.

Будьте здоровы настолько, насколько это позволит вам работать и получать удовольствие от жизни.

С любовью

– друзья из Воронежской психолингвистической ассоциации

**Дорогой наш Евгений Фёдорович!
С юбилеем!**

С февраля 2013 года мы точно знаем, что Вы похожи на наш, челябинский, метеорит. Стёкла Вы, конечно, не выбиваете, но Ваш яркий свет и известность дают нам право на такое сравнение.

Используя всю силу речевой деятельности и речевого воздействия (в широком понимании), преодолевая патологичность межкультурного общения, с трудом подбирая тела знаков для овнешнения образов сознания, мы хотели бы перечислить то, что очень ценно для нас.

Вы очень просто можете объяснить даже самые сложные вещи. С Вами легко найти общий язык и получить поддержку в тяжелые моменты. Вы умеете шутить (и часто этим пользуетесь!) и понимаете шутки.

И самое главное Ваше качество – человечность!

Мы очень Вас любим!

Суровые снаружи (как и все челябинцы), но милые внутри «челябушки»:

Харченко Елена Владимировна
Шкатова Людмила Александровна
Ваганова Екатерина Владиславовна
Выговская Дарья Геннадьевна
Битюцких (Ахраменко) Ксения Валерьевна
Вилисова Екатерина Владимировна
Баландина Екатерина Сергеевна
Чтркова Ольга Владимировна
И многие тысячи челябичев!

Н.С. Бабенко

УДК 81'23

ЯЗЫКОВАЯ РЕФЛЕКСИЯ КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

В статье рассматриваются некоторые особенности лингвокультурной ситуации в современной Германии, важным компонентом которой является присутствие в широком публичном пространстве феноменов языковой рефлексии над ресурсами немецкого языка. Данный опыт полезен с точки зрения результатов столкновения обыденных представлений о культуре речи с профессиональной лингвистической критикой.

Ключевые слова: языковая рефлексия, метаязыковая деятельность, упадок языковой культуры, избыточность языковых средств, лингвокультурная компетентность.

Nataliya S. Babenko

LANGUAGE REFLEXIVITY AS A PHENOMENON OF CONTEMPORARY GERMAN LINGUISTIC CULTURE

The paper considers features of the linguistic and cultural situation in the contemporary Germany. Its important characteristics lies in the fact that mass-media discourse involves reflections on the resources of the German language. It allows to show how the naïve ideas on the culture of speech confront the linguistic critiques.

Keywords: language reflexivity, metalinguistic activity, decay of linguistic culture, redundancy of linguistic expression, linguo-cultural competence.

Dem Tüchtigen ist diese Welt nicht stumm!

J.W. Goethe

Проблема языковой рефлексии занимает в работах Евгения Федоровича Тарасова очень важное место ввиду ее отчетливой связи с языковым сознанием и способами его «овнешнения» [ср., например, Тарасов 2000]. Языковая рефлексия как метаязыковая деятельность имеет разные формы проявления, она корреспондирует с очень широким кругом лингвистических задач и реализуется в дискурсах разных типов – например, в риторическом, пуристическом, нормативном, просветительском, образовательном и т.п. [Трошина 2010, Кузе 2012]. Под языковой рефлексией, которая является частью лингвокультурной ситуации, в данной статье понимается воплощенная в дискурсе деятельность, отражающая общественный интерес носителей языка к проблемам языкового стандарта и культуры речи, а также запрос на обсуждение данной проблематики в публичной сфере для привлечения внимания к речевому поведению и выявления общепринятых ориентиров в пространстве функционирования языка.

Феномены языковой рефлексии рассматриваются в данной статье на материале немецкого языка, с которым Е.Ф. Тарасов связан по жизни – как германист по своему исходному образованию, как ученик Элизы Генриховны Ризель, основавшей школу

функциональной стилистики, как тонкий знаток немецкого языка и его тайн, как первоклассный лектор и педагог.

Данная статья представляет собой попытку показать на довольно частном примере результаты столкновения двух форм языковой рефлексии – с одной стороны, *непрофессиональных*, наивных представлений рядовых носителей немецкого языка о фактах и процессах, наблюдаемых в речевой практике, и, с другой стороны, *профессиональных*, научно обоснованных знаний о строении и ресурсах немецкого языка, развиваемых в рамках лингвистической критики (о проблеме в целом в немецком социуме см. [Трошина 2010: 36-38]).

Благодаря популяризаторской и лингвокультурной активности СМИ в 2000-е годы в немецкоязычном социуме была сформирована повестка дня, которая включала в себя критические размышления над языком, возникшие из наблюдений над его строением и использованием в речевой практике, а также отражавшие мнение рядовых носителей языка об угрозе, которая нависла над «хорошим», «правильным» немецким языком в условиях сильного влияния внешних факторов на его развитие.

Начиная с 2003 г. предметом пристального внимания языкового сообщества в Германии стали публикации колумниста Б. Зика в еженедельном журнале «Шпигель», посвященные критике целого ряда явлений немецкого языка, относящихся к орфографии, грамматике, словообразованию, словоупотреблению и т.д., по поводу которых автор в весьма ироничном ключе давал свои комментарии, указывая на трудно объяснимые, «странные» с точки зрения рядового носителя языка факты, взятые из живой речи и вызывающие вопросы относительно их «правильности» и допустимости использования в «хорошей» немецкой речи.

Поводов для языковой рефлексии такого рода обнаружилось довольно много. Свои журнальные заметки Б. Зик затем объединил в книге под провокативным с точки зрения грамматики современного немецкого языка названием: *Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod* («Дательный – это смерть генитива»), в котором использована устаревшая диалектная конструкция с дательным падежом, выражающая отношение принадлежности (*Dativpossesiv: Dem Vater sein Haus = Vaters Haus* ‘дом отца’).

Первый выпуск этой книги оказался очень успешным: он вызвал бурный интерес у публики, в прессе, заметно усилил дискуссию вокруг культуры речи и массовое внимание к немецкому языку со стороны его носителей. В течение 10 лет книга выходила отдельными выпусками; последний выпуск, пятый, появился в 2013 году. За это время Б. Зику удалось сформировать в дискурсе культуры речи особый жанр, который возник как продукт непрофессиональной, но во многом просветительской языковой рефлексии и вошел в обиход под брендом *Zwiebelfisch* (буквально: «луковая рыбка»). Само по себе данное слово относится к малоупотребительным и имеет признаки жаргонизма 1. «мелкая рыбешка», 2. «типографская ошибка». Нельзя не заметить, что выбор такого неоднозначного слова в качестве бренда для продвижения идеи защиты правильного немецкого языка носит по-своему провокативный характер и отчетливо коррелирует с содержанием всех пяти выпусков «Путеводителя по лабиринту немецкого языка», о чем гласит подзаголовок издания.

Серия представляет собой собрание веселых историй-миниатюр про ловушки, существующие в немецком языке – грамматические, лексические,

словообразовательные, смысловые и т.д., которые фиксируются носителями языка из-за рассогласования современной публичной речевой практики с навыками владения немецким языком лингвистически слабо подготовленной аудитории. Для характеристики деятельности такого рода более чем уместным представляется использование термина «овнешнение» рефлексии носителя языка над языковыми фактами. В данном случае речь идет об особом типе непрофессиональной рефлексивной деятельности, которая заключается в критике отдельных элементов языковой материи, вызывающих сомнение в их правильности с точки зрения обыденного сознания рядового носителя. Особенностью такого рода языковой рефлексии является то, что сами языковые факты предъясняются разрозненно, вне связи с существующей лингвокультурой. Тем не менее данным типом языковой критики не следует пренебрегать и считать ее не заслуживающей внимания со стороны профессионалов. По сути дела материалы, собранные Б. Зиком, и его чрезвычайно активная публичная деятельность, охватывающая многомиллионную аудиторию, представляют собой в известном роде «свободный эксперимент» над рядовыми носителями языка с целью выявления обыденных представлений о ресурсах немецкого языка и способах их использования.

Представляется не вполне дальновидным объявлять деятельность журналиста Б. Зика несостоятельной и полностью лишенной научной ценности. Упреки в некомпетентности в адрес самого автора – собирателя «языковых казусов» под метафорическим названием *Zwiebelfisch*, – выглядят достаточно справедливыми с точки зрения академической лингвистики, но в парадигме знаний об обыденном языковом сознании, изучение которого требует применения разных нетривиальных методик и подходов, такие рассуждения все-таки не вполне оправданы.

Об остром характере лингвистической критики по поводу языковой деятельности Б. Зика свидетельствуют многочисленные публикации в немецких изданиях (подробнее об этом: [Трошина 2010: 38-40]). Одна из таких публикаций с развернутой критикой деятельности Б. Зика появилась под не менее ироничным, чем титул книг Б. Зика *Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod*, названием: *Sick of Sick. Ein Streifzug durch die Sprache als Antwort auf den „Zwiebelfisch“* («Мистер Зик и его назойливый крик: экскурсия по немецкому языку как ответ «мелкой рыбешке»») [Meinunger 2008].

Книга стала достойным образцом популяризации лингвистических знаний в результате научной обработки фактов языковой рефлексии, имеющей место в непрофессиональной среде. В поле зрения А. Майнунгера попадает не весь корпус собранных Б. Зиком трудных случаев использования средств немецкого языка. Но даже небольшой группы примеров автору хватило, чтобы обнаружить закономерные изъяны непрофессиональной критики языка, которая естественным образом ограничивается регистрацией конкретного языкового факта и игнорирует такие важные для понимания трудных случаев моменты, как связь языкового явления с определенным уровнем системы, область функционирования, принадлежность письменной или устной разновидности языка, включенность в контекст, влияние прагматики и т.д. Таким образом, журналисту Б. Зику удалось своими материалами побудить профессиональных лингвистов включиться в дискурс, отвечающий потребности рядовых носителей немецкого языка участвовать в обсуждении вопросов культуры речи через языковую критику, которая обнаруживает серьезные

лакуны в лингвистических знаниях непрофессионалов.

Сложившаяся в современной Германии лингвокультурная ситуация обнаружила отсутствие плодотворного сотрудничества между языковой критикой и лингвистикой, сопровождающееся явным взаимным неприятием. А. Трабольд объясняет это обстоятельство, в частности тем, что лингвистика и языковая критика различно понимают свои задачи: лингвистика видит их исключительно в описании языка, т.е. позиционирует себя как чисто дескриптивная наука, в то время как языковая критика видит свое назначение в оценке речевой практики (суждение приводится по: [Трошина 2010: 37]). Кроме того, лингвисты считают языковую критику «политически ангажированной» и поэтому не строго научной сферой деятельности. Вместе с тем в данной ситуации противостояния лингвистов и большинства людей, занимающихся языковой критикой, существует возможность плодотворного взаимопонимания для общей пользы.

В дискурсе о немецком языке, инициированном Б. Зиком, заметное место занимают вполне разумные мотивы, такие как стремительное изменение языка, угроза его упадка, разрушения грамматических норм, распада литературной нормы в результате влияния разговорных и просторечных узусов.

Обратимся к одной из множества грамматических тем, затронутых журналистом Б. Зиком в ракурсе языковой критики. В миниатюре «Der traurige Konjunktiv» Б. Зик в ироничной, развлекательной манере рассуждает о судьбе форм наклонения в немецком языке - герои миниатюры навещают «конъюнктив» в зоопарке, он помещен в клетку и являет собой печальное зрелище: *Der Konjunktiv ist vom Aussterben bedroht. Er liegt quasi in den letzten Zügen* 'Конъюнктиву угрожает вымирание. Он находится в последней стадии.' (Sick 2005a: 77). Скоро его вынесут из клетки мертвым, и место освободится. И если до этого дело еще не дошло, то, как утверждает Б. Зик, «конъюнктив» уже не способен на большие скачки (*Der Konjunktiv macht keine großen Sprünge* (Sick 76)). Б. Зик не умаляет важности трех стандартно выделяемых в грамматиках немецкого языка функций конъюнктива – 1) для выражения желания: *Mögest du hundert Jahre alt werden!* 'Живи до ста лет!', 2) для выражения значения ирреальности/гипотетичности: *Ich an deiner Stelle hätte es anders gemacht* 'На твоём месте я бы сделал это иначе' и 3) для маркирования косвенной речи: *Er sagte, er sei überzeugt, dass seine Mannschaft dieses Spiel gewinnen werde* 'Он сказал, что убежден в том, что его команда победит'.

Однако основной смысл рассуждений о конъюнктиве заключается в описании проблем, связанных с необозримым многообразием форм для выражения значения ирреальности/гипотетичности. Действительно, овладение правилами использования форм конъюнктива в этой зоне его значений доставляет большие трудности даже самим носителям немецкого языка и тем более изучающим его иностранцам. В оценках немецкого конъюнктива уже давно присутствуют представления об известной архаичности системы его форм, о непоследовательности их образования и использования, о распаде системы и постепенном отмирании ее отдельных элементов. Непрофессиональное языковое чутье отражает все эти моменты как некую психолингвистическую реальность, в которой отмечается избыточность морфологических средств выражения модальных значений, свойственных прежде всего высшим, литературным, стратам языка; в разговорном языке обнаруживаются иные закономерности использования

форм конъюнктива, которые также не обладают устойчивыми нормами их реализации в речи [Eroms 2008]. Владение правилами употребления системных форм конъюнктива в модализованных высказываниях, в том числе и в косвенной речи, является признаком аристократизма и, как иронично замечает Б.Зик, «... ist eine wesentliche Voraussetzung für eine Laufbahn im Journalismus» ‘...важной предпосылкой для карьеры в журналистике’ [Sick 2005a: 79].

Нельзя также не признать того факта, что языковая культура прочно удерживает формы конъюнктива в дискурсах различных сфер, например, религиозной, и эта реальность является частью языкового опыта носителей немецкого языка:

*Nähme ich Flügel der Morgenröte
und bliebe am äußersten Meer,
so würde auch dort deine Hand mich führen
und deine Rechte mich halten.*

Psalm 139

«Критика» конъюнктива в рамках обыденного языкового сознания имеет несомненный резон для лингвистики как повод соотнести научное знание о языке с реальной речевой практикой, не пренебрегая опытом непрофессиональной языковой рефлексии, который открывает для немецкого социума возможность решать лингвокультурные задачи с учетом языкового сознания носителей языка как информантов, фиксирующих в своих суждениях наиболее уязвимые участки системы немецкого языка.

Литература

Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания//Языковое сознание и образ мира. М., 2000. - С.24-32.

Трошина Н.Н. Культура языка и языковая рефлексия. Аналитический обзор. ИНИОН РАН. М., 2010. – 51 с.

Eroms H.-W. Textuelle Modalitäten: Die Perspektivierungsfunktion des Konjunktivs I in der deutschen Gegenwartssprache // Posener Beiträge zur Germanistik. Terra grammatica. Ideen-Methoden-Modelle. Festschrift für Jozef Darski zum 65. Geburtstag. Bd.18. Frankfurt am Main, 2008. S. 37-61.

Kuße H. Kulturwissenschaftliche Linguistik. Eine Einleitung. Vandenhoeck & Ruprecht. Göttingen, 2012. – 319 S.

Meinunger A. Sick of Sick: Ein Streifzug durch die Sprache als Antwort auf den „Zwiebelfisch“. Kulturverlag Kadmos. Berlin, 2008. – 175 S.

Sick B. Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod. Ein Wegweiser durch den Irrgarten der deutschen Sprache. 12.Auf. Kiepenheuer & Witsch. Köln, 2005. - 230 S.

Sick B. Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod. Folge 2. Neues aus dem Irrgarten der deutschen Sprache. 2. Aufl. Kiepenheuer & Witsch. Köln, 2005a. – 268 S.

Е. И. Горошко, Л. В. Павлова

УДК 81'22

ЛИНГВИСТИКА НОВЫХ МЕДИЙ КАК ОДИН ИЗ ВЫЗОВОВ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ПРОШЛОГО

*Посвящается Евгению Федоровичу Тарасову
с благодарностью и любовью*

В работе рассматриваются новые подходы в интернет-лингвистике, связанные с мультимодальной интернет-коммуникацией. Одной из составляющих этой коммуникации являются интерактивные модальные платформы. Сайты конгрессменов США рассматриваются как образец такой платформы. Таким образом, работа посвящена исследованию лингвостилистических характеристик медиатекстов в англоязычном политическом интернет-дискурсе, определению коммуникативных стратегий и тактик, используемых для их создания, и установлению способов речевого воздействия в этих медиатекстах. Англоязычный электронный политический медиатекст рассматривается как дискурс и как текст, что предполагает применение комплексной методики проведения дискурсивного и текстового анализа. Персональные сайты политических деятелей создаются как форма открытого диалога субъектов политики с избирателями, посредством которой они могут воздействовать на адресата. Установлено, что речевое воздействие в медиатекстах осуществляется с помощью вербальных (лексико-грамматических, синтаксических) / невербальных средств. Отмечена тенденция к использованию лингвистических средств, способствующих сокращению дистанции между адресантом и адресатом, созданию иллюзии диалога. К ним относятся вопросительные конструкции, глаголы в императивной форме и дейктические наречия, эллиптические конструкции, вопросно-ответные комплексы, способствующие установлению устно-разговорной тональности коммуникации. Эти новые формы коммуникаций имеют высокий потенциал того, что в скором времени изменит наши способы понимания интернет-коммуникации в целом. Именно это внесет свое разнообразие во весь спектр человеческих коммуникаций, существующих сейчас в мире, и даст новый заряд развитию лингвистики 21 века – *лингвистики новых медий*.

Ключевые слова: интернет-лингвистика, нове медиа, мультимодальное компьютерно-опосредованное общение, интерактивные мультимодальные платформы, политические интернет-коммуникации.

Olena I. Goroshko, Larisa V. Pavlova

LINGUISTICS OF NEW MEDIA AS A CHALLENGE TO TRADITIONAL LINGUISTICS OF THE PAST

The paper views new approaches in multimodal computer-mediated communication. One of constituencies of this approach includes interactive multimodal platforms. The sites of USA congressmen are rendered as such platforms and considered within political computer-mediated communication discourse. Thus, the paper focuses on linguistic and stylistic properties of mediatexts in the English-language political internet-discourse as well as communicative strategies and tactics used for their construction. The English-language electronic political mediatexts are represented as a set of mediatexts distinguished on the basis of the following typological parameters: distribution channel, the image of the author, the image of the addressee, the method of presentation, the dominant theme, and functional-genre affiliation. Among the communicative strategies of the mediatexts construction are the next: informing, self-presentation, and consolidation, each of them is implemented in specific

tactics via verbal and nonverbal means. The main communicative attributes of these mediatexts are simplicity, informative value, expressive nature, persuasive nature, intertextuality. The conducted analysis shows that this multimodal computer-mediated communication through interactive multimodal platforms gives rise to new forms of communication that are distinct from face-to-face communication, with their own unique affordances, which are both less than and more than face-to-face interactions. In this sense, it can provide fertile ground for theorizing about language in digital interaction, as well as about appearance of new approach – *Linguistics of New Media*.

Keywords: internet-linguistics, new media, multimodal computer-mediated communication, interactive multimodal platforms, political computer-mediated communication

В последнее время со столь быстрым развитием интернет-технологий и расширением аудитории Глобальной паутины к концу 2014 года до 3 035 749 340 пользователей [Internet World Stats 2014], что означает, что уже 42,3% жителей Земли имеют доступ к этим технологиям и им знакомо слово «Интернет», ряд ученых-лингвистов начинают говорить о новом научном направлении – *интернет-лингвистике* (D. Crystal, S. Herring, А.А. Атабекова, Л.Ф. Компанцева, О.В. Лутовинова, М.Г. Шилина, Л.Ю. Щипицина и мн. др.). Одним из главных исследовательских объектов этого направления становится изучение особенностей функционирования языка в пространстве интернет-коммуникаций, а основной методологической платформой анализа выступают полипарадигмальные и междисциплинарные подходы, в силу сложности изучения языковых явлений в интернет-пространстве – сверхсложной и глобальной социотехнической коммуникативной среде в современном ее понимании [Горошко 2013].

Американская исследовательница Сезанна Херринг, описывая подходы в исследованиях компьютерно-опосредованной коммуникации в англоязычном интернете, выделяет такие пять направлений:

1. Классификационные подходы, которые смотрят на язык в сети Интернет в рамках традиционной исследовательской дихотомии «письменный/устный», теории модусов или жанров или с позиции «синхронности/асинхронности» протекания коммуникативных процессов, которые рассматриваются поверх модусных характеристик;

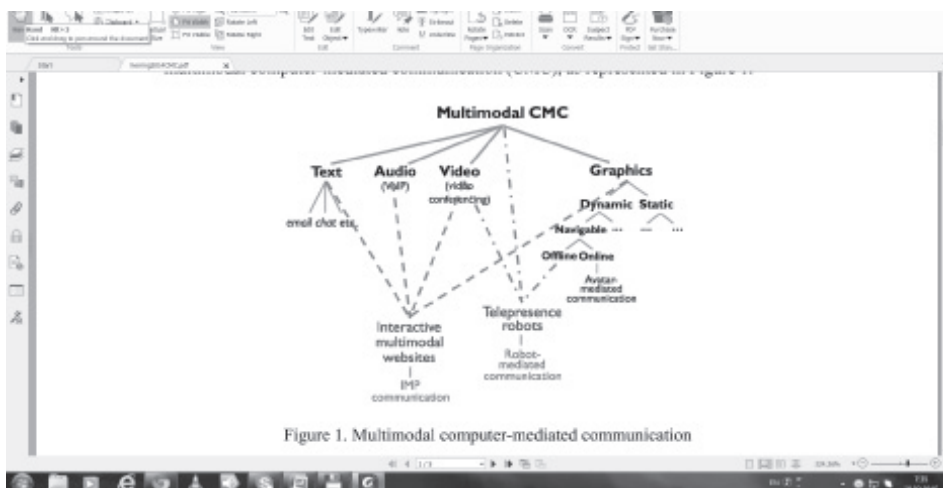
2. Исследования структурных характеристик этого языка, которые фокусируются на типографии, орфографии, возникновении новых лексических образований, включая использование разнообразных аббревиатур (LOL ‘laughing out loud’ (англ.: громко смеюсь); msg ‘message’ (англ.: сообщение, послание)), омофонов числительных (18r ‘later’), элементов эмодикона и пр.;

3. Исследования интернет-дискурса, направленные, например, на изучение прагматики вежливости (грубости) (явлений *флейма*, *троллинга*), с привлечением *теории речевых актов*, *интеракционного* и *конверсационного анализа*, *теории жанров* и *регистров*, *теории речевых практик*, *лингвистического разнообразия* и прочее;

4. Некоторые ученые изучают язык интернета как некий трамплин к пониманию человеческого поведения, а не ради лингвистического описания как такового. Сюда относится изучение идентификационных практик и виртуальной идентичности, группового взаимодействия, статусно-ролевых отношений, репутационного менеджмента, т.е. всего того спектра широкого социального взаимодействия, которое происходит в онлайн-среде;

5. Проблемы языкового разнообразия и экологии, которые все чаще привлекают лингвистов в связи с глобальным распространением интернет-

Рис. №1 Схема мультимодального компьютерно-опосредованного общения

[Приведено по Herring 2015: 1]

технологий. Считается, что эти технологии усиливают распространение английского и других мировых языков (например, китайского или испанского) за счет ущемления языков меньшинств, что, однако, ставится к настоящему моменту под сомнение некоторыми исследователями [Herring 2014].

Также описывая лингвистические явления с позиции современных концепций развития интернет-технологий (социального и семантического веба), исследовательница указывает на два интересных момента, связанных с явлением мультимодальности. Во-первых, все взаимодействия в сети сейчас происходят с помощью интерактивных мультимодальных платформ второго веба, которые поддерживают конвергенцию разнообразных семиотических систем (аудио, видео, текста, графики) в коммуникации интернет-пользователей. Во-вторых, появляется новая форма взаимодействия с этой средой, вызванная использованием интернет-роботов, и возникает так называемая *робото-опосредованная коммуникация* (англ. robot-mediated communication), когда по крайней мере одна коммуникативная составляющая телекоммуницирует с помощью голоса, видео, и физического перемещения в пространстве посредством дистанционно управляемого робота. С первого взгляда, эти два явления кажутся несвязанными между собой: веб-сайты – это где-то в Интернете, а роботы – это реальные физические объекты. При этом взаимодействия в обычном вебе протекают в основном асинхронно, а робото-опосредованное общение происходит в режиме реального времени и не «оставляет» вербальных фиксаций и т.д. Однако эти две технологии одновременно опосредуют человеческие взаимодействия, поддерживая социальные интеракции и, решая совместные задачи, задействуют мультимодальные каналы передачи информации. Обобщая сказанное, можно предположить, что под термином *мультимодального компьютерно-опосредованного общения* (англ.: multimodal computer-mediated communication) могут быть объединены понятия и *компьютерно-опосредованного общения*, и *общения посредством роботов* (см. рис.№1).

Сегодня мы уже можем говорить об *интерактивных мультимодальных платформах* (англ. interactive multimodal platforms (IMPs)), которые позволяют в социальном вебе комментировать мультимодальный контент посредством мультимодальных каналов на одном сайте и даже с помощью одной «беседы». ИМП минимально ис-

пользует текст и еще одну дополнительную семиотическую систему (видео, аудио, графику). И эти модусы могут реализовываться как в синхронном, так и асинхронном режиме передачи данных.

ИМП собственно всегда являются сервисами второго веба, инкорпорируя пользовательский контент и социальные интеракции в единое коммуникативное пространство, в то время как далеко не все сервисы веб 2.0 представляют собой ИМПы. Например Твиттер или Википедия в их современном виде не могут быть отнесены к ИМПам. Один из первых примеров ИМПа стал сервис Ютуба, который позволял в асинхронном режиме зарегистрированным пользователям комментировать размещаемые видео на канале как в текстовом, так и видео-форматах. Социальная сеть Фейсбук стала ИМПом после того, когда предоставила своим пользователям сервис видео-чата. Другой яркий пример ИМПов – это игровые сервисы, например онлайнвая игра *Мир военных искусств* (англ.: World of Warcraft), которая несколько лет назад добавила в свой коммуникативный дизайн опцию синхронного аудиочата к текстовому обмену сообщениями. Популярный сегодня среди пользователей смартфонов сервис WhatsApp представляет пример ИМПа, созданного для мобильных расширений. Этот сервис позволяет параллельно с текстовыми сообщениями обмениваться фото-, видео- и аудиоинформацией в рамках одного диалога. И эти мультимодальные комментаторские среды ставят перед исследователями ряд вопросов. Например, как и зачем люди общаются в рамках данной коммуникативной модели? До какой степени выбор ими текста, звука или изображения влияет на само общение? Что в этом общении наиболее позитивно и социально, а что вызывает вербальную агрессию и отторжение? Как коммуникативный эффект воздействия связан с тем или иным форматом передачи информации (текст, звук, видео)? И как один формат воздействия связан с другим? До какой степени этот выбор влияет на получателя сообщения? И как вся эта информация, полученная посредством нашего практического анализа, может повлиять на улучшение работы сервиса с точки зрения усиления коммуникативного эффекта воздействия [Herring 2015: 1-2]?

Изложенные выше положения мы постараемся продемонстрировать на примере исследования сайтов политиков США (представителей Верхней палаты конгресса США (сената), которые, на наш взгляд, уже являются определенными видами ИМПов, а политические коммуникации, реализуемые в этих коммуникативных средах, как раз и представляют те «вызовы», которые подталкивают как к дальнейшему развитию лингвистического инструментария анализа, так и обнажают коммуникативные проблемы эффектов взаимодействия, которые настоятельно требуют развития именно практических подходов. Более того, проведенное исследование полипарадигмально по своей основе, объединяя два таких новых направления в современном языкознании, как интернет-лингвистика и политическая лингвистика в одну дисциплину, которая сейчас довольно успешно развивается на стыке коммуникативистики, политологии и интернет-лингвистики – *политическая интернет лингвистика* [Морозова 2011, 2012; Павлова 2014].

Подчеркнем, что стремительное развитие информационных технологий и усиление влияния электронных медиа на формирование языковой картины мира пользователей трансформировали такое базовое лингвистическое понятие как *текст* и способы его лингвистической рефлексии и способствовали образованию новых текстовых форм, требующих полипарадигмального лингвистического изучения в рамках коммуникативного пространства Интернета. Интенсивная компьютеризация и активное использование в языковой практике мультимедийных и гипертекстуальных возможностей Сети усилили интерес исследователей к лингвистическому осмыслению

интернет-коммуникации на всех языковых уровнях в текстах различных интернет-служб, обеспечивающих взаимодействие пользователей: веб-сайта, компьютерной конференции; чата; интернет-дневника и блога, а также Твиттера (см. [Павлова 2014; Горошко, Полякова 2014]).

Одним из наиболее успешно развиваемых направлений в интернет-лингвистике выступает дискурсивное направление анализа, некоторые исследователи выделяют в отдельную область анализа, говоря как о *компьютерно-опосредованном дискурсивном анализе* (computer-mediated discourse analysis (сокращ.: CMDA)), так и о дискурсивном анализе социального веба, который постепенно начинается сокращенно обозначаться как *компьютерно-опосредованном дискурсивном анализе 2.0* [Herring 2013].

Заметим также, что в коммуникативном пространстве сети Интернет сегодня реализуются различные виды институционального дискурса: научный [Данилюк 2006]; рекламный [Беляков 2009, Крутько 2006], дискурс средств массовой информации [Дмитрук 2006, Коломієць 2004], PR-дискурс [Саенко 2007].

Политический дискурс уже долгое время находится в центре внимания современной дискурсологии; прагмалингвистики; коммуникативной и когнитивной лингвистики, а сегодня, когда англоязычный политический дискурс интегрируется в коммуникативное пространство Интернет, где начинает формироваться его «виртуальная» составляющая, этот вид институционального дискурса оказывается в фокусе внимания *интернет-лингвистики* [Атабегова 2003, Компанцева 2008, Baron 2003], предметом исследования которой являются формы употребления и использования языка в сети Интернет и типологические особенности всех уровней интернет-коммуникации (функционально-системного, дискурсивного, когнитивного, социолингвистического, лингвогендерологического). Множество политических текстов и дискурсивных практик в Сети формируют *политический интернет-дискурс*, особенности которого детерминированы базовыми признаками интернет-коммуникации.

Текстовые признаки, выделенные на основе специфики функционирования коммуникативного канала (электронного), обусловили изменения фонетико-графических, лексических и грамматических текстовых признаков и трансформировали традиционное понимание текста, модифицировав его организацию на структурном и синтаксическом уровнях. Это привело к текстовой неоднородности, прослеживаемой как на уровне формы, так и на уровне содержания. Сегодня текст приобретает черты многослойности, что происходит за счёт совмещения вербальной части текста с медийными свойствами среды [Добросклонская 2008: 39], и приводит к образованию нового типа текста – *электронного медиатекста*.

В нашем исследовании под англоязычным медиатекстом мы понимаем как интегративную многоуровневую структуру, объединяющую в единое коммуникативное целое разные семиотические коды (вербальные, невербальные, медийные), демонстрирующая принципиальную открытость текста на всех уровнях (содержательно-смысловом, композиционно-структурном и знаковом) и обладающую такими базовыми признаками как медийность, массовость, поликодовость [Казак 2012]. Медиатексты рассматривались не раз в рамках информационного дискурса [Добросклонская 2005], однако как объект исследования в англоязычном политическом интернет-дискурсе фактически оставались за пределами внимания исследователей. Это и обуславливает необходимость их анализа с позиции коммуникативно-функционального подхода с учётом теоретических положений лингвистики текста и политической интернет-лингвистики на материале англоязычных персональных сайтов политических деятелей.

Таким образом, актуальность исследования, выполненного в приоритетной

коммуникативно-функциональной парадигме современной лингвистики, определяется, во-первых, общей направленностью лингвистических исследований на углублённое изучение особенностей общения с помощью новых коммуникативных каналов, во-вторых, тем фактом, что англоязычная интернет-коммуникация приобретает всё большее распространение в политической сфере жизни и оказывает существенное влияние на политический дискурс, в-третьих, актуальность усиливается необходимостью переосмысления представлений о функционировании языковых средств в медиатексте с учётом особенностей англоязычной интернет-коммуникации. Всё это определяет проведение интегративного анализа медиатекстов в рамках англоязычного политического интернет-дискурса, выделения их типологических признаков и лингвостилистических особенностей, а также вербальных / невербальных средств реализации коммуникативных стратегий и тактик основных политических акторов.

Цель работы заключается в раскрытии лингво-коммуникативных особенностей медиатекстов в англоязычном политическом интернет-дискурсе путём определения их лингвостилистических (структурных, лексико-грамматических, синтаксических) характеристик и установления коммуникативных стратегий и тактик, применяемых для их создания. Объектом исследования является англоязычный политический интернет-дискурс. Предметом исследования избраны лингво-коммуникативные особенности медиатекстов в англоязычном политическом интернет-дискурсе.

Материал исследования составили 3000 англоязычных политических медиатекстов, представленных на 100 персональных сайтах политических деятелей, которые размещены на портале Верхней палаты представителей Конгресса США. Методологической базой исследования стал коммуникативно-функциональный подход к анализу текста, основу которого составляют принципы антропоцентризма, экспланаторности, экспансионизма, функционализма [Кубрякова 1995].

Большое значение в рамках теоретической концепции нашей работы и реализации целей политического дискурса стало также понятие *поликодовости текста* как текстовой категории, обладающей высоким потенциалом эмоционально-психологического воздействия на адресата, поэтому релевантным является обращение к работам, посвящённым изучению особенностей взаимодействия вербальных и невербальных средств коммуникации и функционированию поликодовых текстов [Сонин 2006].

С технической точки зрения, сайт можно представить как совокупность веб-страниц с повторяющимся дизайном, объединённых по смыслу и навигационно, и физически находящихся на одном веб-сервере. Метафорически сайт называют «открытым домом, где никогда не присутствует хозяин», «визитной карточкой двадцать первого века» [Dominick 1999: 646], а также «средством саморекламы» [Chandler D., электронный ресурс]. Сегодня исследователи приписывают сайту статус интернет-сервиса *конвергентных* (лат. *convergo* 'сближаю') медиа, сочетающих в себе традиционные СМИ, Интернет и средства мобильной телефонии.

Динамический характер сайта, функциональная направленность всех его элементов на реализацию коммуникативно-прагматического воздействия позволяют говорить о сайте как о дискурсе, как о гипертекстовом образовании электронной коммуникативной деятельности, которое находится в постоянной динамике и реализуется совокупностью взаимозависимых (тематически, физически семантически, интенционально) веб-страниц.

Мы считаем также, что медиатексты англоязычных персональных сайтов политических деятелей относятся к электронным политическим медиатекстам, выделенным на основании функционирования электронного коммуникативного канала, базовыми

признаками которых являются медийность, массовость, поликодовость и характерные особенности которых детерминированы конститутивными свойствами интернет-коммуникации. Типология этих медиатекстов происходит на основании системы параметров, включающей: канал распространения, образ автора, образ адресата, способ презентации, тематическую доминанту и функционально-жанровую принадлежность.

Понятия «медиатекст», «интернет-текст», «электронный медиатекст», «электронный текст» имеют различный семантический объём и находятся в меронимологических отношениях: медиатекст представляет самое широкое понятие, предполагает взаимодействие вербального текста с различными медийными структурами и предназначен для массовой аудитории. Интернет-текст представляет собой текст, созданный в процессе интернет-коммуникации, при этом не все интернет-тексты отражают базовые признаки интернет-коммуникации, а также они могут быть предназначены лишь для ограниченной аудитории. Электронный медиатекст выделяется на основании использования для его создания электронного канала, базовые характеристики которого обязательно отражены в тексте. Электронный текст имеет самую узкую семантику, эксплицирующую лишь канал создания и способ презентации текста.

Установлено, что принципами структурной и лингвистической организации англоязычных электронных политических медиатекстов персональных сайтов политических деятелей являются: 1) использование электронного канала, 2) построение медиатекста по принципу гипертекста с выделением в тексте ключевых слов и их последующей активацией, 3) структурирование путём распределения медиатекстов по тематическим блокам, 4) использование лексических маркеров диалогизации для реализации интерактивности, а также активация коммуникативных сервисов, обеспечивающих реализацию механизмов обратной связи, 5) использование вербальных и невербальных средств для обеспечения поликодовости текстов; 6) применение правил написания веб-текста, 7) интертекстуальность и интердискурсивность, 8) использование языковых средств всех уровней для достижения основной коммуникативной цели – убеждения.

В структурном оформлении англоязычных персональных сайтов политиков устоявшейся нормой является следующий набор тематических рубрик строки меню главной страницы сайта: биография политического деятеля (в 100% случаев), законотворчество (в 98%), новости (в 98%), контакты (в 91%) помощь избирателям (в 91%), информация о штате (в 59%) (см. рис. №2).

- 1- биография
- 2 - приветственное обращение
- 3 - блог
- 4- письма пользователей

Структурные особенности англоязычных персональных сайтов политических деятелей, их тематическое наполнение и лингвистические средства, используемые в размещённых на них электронных политических медиатекстах, определяют функции, выполняемые этими медиатекстами: персуазивную, имиджевую, интегративную, информационную, кооперативную как основные, просветительскую и развлекательную как вспомогательные.

Информационная функция реализуется через электронные медиатексты, составляющие новостные рубрики и относящиеся к оперативно-новостным, исследовательским, исследовательско-новостным жанрам и жанру колонки. Имиджевая функция объективируется в электронных медиатекстах, содержащих биографическую информацию и относящихся к текстам фактологического жанра. Кооперативная функция

Рис. №2. Функционально-жанровая принадлежность медиатекстов персонального сайта сенатора М. Рубио реализуется за счёт электронных медиатекстов тех рубрик, где политические деятели информируют пользователей о возможном с их стороны содействии в решении ряда вопросов. Интегративная функция связана с фактором адресата и реализуется в электронных медиатекстах, предназначенных для конкретной целевой аудитории. В рамках этой функции мы выделяем образовательную и развлекательную функции.

Создавая медиатексты на страницах своих персональных сайтов, сенаторы руководствуются коммуникативной целью убедить адресата и побудить его к дальнейшим действиям. Указанная цель соотносится с основными индивидуальными потребностями человека в общении, которые сводятся к потребностям в близости к людям и установлении контактов с ними, оказании влияния на людей, эмоциональной вовлечённости. Эти потребности формируют первостепенные цели, инициирующие действие, и второстепенные цели, реализация которых происходит с помощью определённых стратегий и тактик.

Рис. №3. Медиатексты информационного тематического блока персонального сайта сенатора К. Хэген

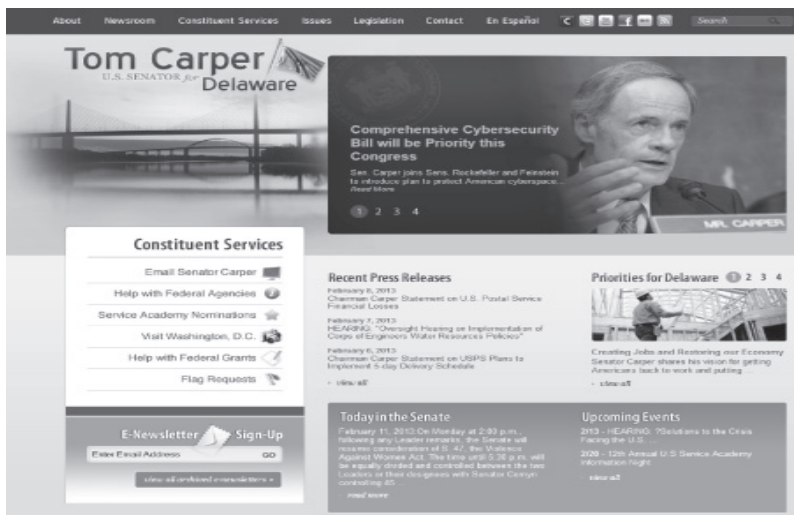

Рис. №4. Стартовая страница персонального сайта сенатора Т. Карпера

Установлено, что при создании англоязычных электронных политических медиатекстов использовались коммуникативные стратегии информирования, самопрезентации и консолидации. Коммуникативная стратегия информирования реализуется с помощью тактик регуляции поведения, привлечения внимания и репрезентации новостной ценности (см. рис. №3).

- 1 - оперативно-новостные тексты (пресс-релизы)
- 2 - исследовательско-новостные тексты (нюслеттеры)

На страницах сайтов сенаторы конструируют собственный имидж, используя стратегию самопрезентации, реализации которой способствуют тактики конструирования харизмы, акцентирования социального статуса, экспликации социально-политической позиции, выделенные на основании разграничения персональных, социальных и символических характеристик, составляющих структуру имиджа политического деятеля (см. рис. №4).

Создавая медиатексты на своих сайтах, сенаторы стремятся сократить дистанцию в общении с адресатом, создать иллюзию непосредственного диалога, подчеркнуть неформальность, демократичность коммуникации. Для этого ими реализуется коммуникативная стратегия консолидации, которая актуализируется за счёт тактик демонстрации внимания и интереса к собеседнику, интимизации общения, интегрирования, выражения похвалы и благодарности, аффилиации.

Установлено, что в процессе ментально-речевого взаимодействия коммуникантов в медиатекстах персональных сайтов политических деятелей адресантом текстовых сообщений предпринимается попытка оказать речевое воздействие на адресата. Конституирующими элементами такого речевого воздействия являются средства и механизмы, создающие иллюзию диалога между адресантом и адресатом: вопросительные конструкции, глаголы в императивной форме и дейктические наречия, эллиптические конструкции, вопросно-ответные комплексы, способствующие установлению устно-разговорной тональности коммуникации.

В электронных медиатекстах, оформляющих рубрику «Проблемы обсуждения» («Issues»), представленную исключительно в американском политическом интернет-

Рис. №5. Способы реализации мультимедийности на персональном сайте сенатора Дж. Тьюна

дискурсе, для усиления персуазивного воздействия используются языковые средства всех уровней, а также невербальные средства, которые делятся на графические, иконические и мультимедийные и вступают с вербальным текстом в автосемантические и синсемантические отношения. К основным коммуникативным признакам, проявляющимся в англоязычных электронных политических медиатекстах, относятся простота, информативность, экспрессивность, персуазивность, интертекстуальность.

Взаимодействие вербальных и невербальных языковых средств в медиатекстах персональных сайтов сенаторов приводит к конструированию единого смыслового пространства, а многообразие невербальных средств – к тому, что политический медиатекст приобретает новые возможности своей репрезентации (см. рис.№5).

Перспективными направлениями проведённого исследования являются сравнительный анализ англоязычных медиатекстов персональных сайтов политических деятелей с медиатекстами других видов, а также особенности функционирования медиатекстов в других интернет-жанрах, например в блогах.

Литература

Атабекова А.А. Лингвистический дизайн WEB-страниц (сопоставительный анализ языкового оформления англо- и русскоязычных WEB-страниц). – М.: Изд-во РУДН, 2003. – 202 с.

Виноградова Т.Ю. Специфика общения в интернете // Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект. – Казань, 2004. – С. 63-67.

Горошко О.И. Интернет-комунікація як Signum Temporis інформаційно-комунікативного суспільства // Соціальні комунікації – 2013: колективна монографія – У 3-х т. – Т.2: Прикладні соціально-комунікаційні технології. – К.: КНУКіМ, 2014. – с.5-68.

Горошко Е.И. Гипертекст 3.0: лингвистический анализ // Гипертекст как объект лингвистического исследования: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 15 марта 2010 г. – Самара: ПГСГА, 2010. – С. 14–18.

Горошко Е.И. Интернет-жанр и функционирование языка в Интернете : попытка рефлексии // Жанры речи. – Вып. 6 «Жанр и язык». – Саратов : Изд. центр «Наука», 2009. – С. 11–27.

Горошко Е.И. Информационно-коммуникативное общество в гендерном измерении. – Х.: ФЛП Либушкина Л. М., 2009. – 816 с.

Горошко Е.И. Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. – Орел: Картуш, 2007. – Вып. 5. – С. 223–237.

Горошко Е.И. Интернет-коммуникация : проблема жанра // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 4. – Орел, 2006. – С. 165–175.

Горошко Е.И. Текст эпохи веб 2.0: психолингвистический анализ / Е.И. Горошко // Вопросы психолингвистики. – М.: ИЯ РАН, 2009. – Вып.9. – С. 267–280.

Горошко Е.И., Павлова Л.В. Трансформация текста под воздействием жанровой системы социальных медиа сервисов коммуникативного интернет-пространства (на материале англоязычных политических сайтов) // Жанры речи. – Саратов: Изд-во СГУ, 2014. – Вып. 1(10). – С. 89–100.

Горошко Е.И., Полякова Т.Л. Политический твиттинг как новый жанр интернет-коммуникации // Вопросы психолингвистики. – 2014. – №19. – С.92–104.

Горошко Е.И., Полякова Т.Л. Лингвистические особенности англоязычного твиттера // Учёные записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т. 24 (63). – № 2. Часть 2. – С. 53–58.

Данилюк С.С. Структурні та функціональні особливості англійських електронних текстів (на матеріалі персональних веб-сторінок лінгвістів) : дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04. – Київ, 2006. – 262 с.

Дмитрук О.В. Маніпулятивні стратегії в сучасній англійській комунікації (на матеріалі текстів друкованих та Інтернет-видань 2000 - 2005 рр.): автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: 10.02.04 – К., 2006. – 19 с.

Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 288 с.

Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика. Системный подход к изучению языка СМИ: учебное пособие. – М.: Флинта, 2008. – 264 с.

Интернет-коммуникация как новая речевая формация / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова]. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – 328 с.

Казак М.Ю. Специфика современного медиадискурса // Современный дискурс-анализ. – 2012. – № 6. – С. 30–41.

Компанцева Л.Ф. Интернет-лингвистика когнитивно-прагматический и лингвокультурологический подходы: монография. – Луганск: Знание, 2008. – 528 с.

Компанцева Л.Ф. Информационно-коммуникативные технологии: когнитивно-прагматический и социально-философский аспекты // Социальные коммуникации: збірник наукових праць держ. вищ. навч. закл. «Переяслав-Хмельницький державний педагогічний університет ім. Г.С. Сковороди». – 2009. – Вып. 3 – С. 125–130.

Компанцева Л.Ф. От классического языкознания – к интернет-лингвистике // Studia Linguista : збірник наукових праць. – К.: 2010. – Вып. 4. – С. 24–30.

Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века. – М.: Институт языкознания РАН, 2007. – С. 10–15.

нения РАН, 1995. – С. 144–238.

Лутовинова О.В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса: монография. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. – 477 с.

Морозова О.Н. Политическая интернет-коммуникация : её роль, функции и формы // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2011. – Вып. 1 (35). – С. 156-161.

Морозова О.Н. Политический рекламный дискурс в интернет-пространстве Великобритании (на материале персональных сайтов членов парламента Великобритании): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. – СПб., 2012. – 347 с.

Павлова Л.В. Лингво-коммуникативные особенности медиатекста в англоязычном политическом интернет-дискурсе. Дис. на соиск. ученой степени канд. филол. наук: 10.02.04. – Запорожье, 2014. – 279с.

Саенко А.Н. Коммуникативные характеристики немецкоязычных текстов электронного жанра «Профиль компании». Дис. на соиск. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Харьков, 2007. – 253 с.

Сонин А.Г. Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. – М., 2006. – 323 с.

Щипицина Л.Ю. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации : монография / Л.Ю. Щипицина. – Архангельск : Поморский ун-т, 2009. – 238 с.

Щипицина Л.Ю. Компьютерно-опосредованная коммуникация: Лингвистический аспект анализа / Л.Ю. Щипицина. – М.: КРАСАНД, 2010. – 296 с.

Baron N.S. Language of the Internet // The Stanford Handbook for Language Engineers. – Stanford: CSLI Publications, 2003. – P. 59-127.

Chandler D. (w. d.) Personal Home Pages and the Construction of Identities on the Web. URL: <http://visual-memory.co.uk/daniel/Documents/short/webident.html> Last access: 20.03.2015.

Dominick J.R. Who Do You Think You Are? Personal Home Pages and Self-Presentation on the World Wide Web // Journalism and Mass Communication Quarterly. – 1999. – 76 (4). – P. 646–658.

Herring S.C. (In press, 2015). New frontiers in interactive multimodal communication. In A. Georgopoulou & T. Spilloti (Eds.) // The Routledge handbook of language and digital communication. London: Routledge. URL: <http://info.ils.indiana.edu/~herring/hlhc.pdf>

Herring S.C. (2014). Research: Computer-mediated communication. ASIS&T Bulletin, 40(3). URL: http://www.asis.org/Bulletin/Feb-14/FebMar14_Herring.html Last access: 20.03.2015.

Herring S.C. (2014). Language and the Internet // W. Donsbach (Ed.), The concise encyclopedia of communication. Oxford, UK: Wiley-Blackwell. Prepublication version: URL: <http://ella.slis.indiana.edu/~herring/concise.pdf> Last access: 20.03.2015.

Herring S.C. (2013). Discourse in Web 2.0: Familiar, reconfigured, and emergent // D. Tannen & A. M. Tester (Eds.), Georgetown University Round Table on Languages and Linguistics 2011: Discourse 2.0: Language and new media (pp. 1-25). Washington, DC: Georgetown University Press. Prepublication version: URL: <http://ella.slis.indiana.edu/~herring/GURT.2011.prepub.pdf> Last access: 20.03.2015.

InternetWorldStats (2015) – Title from the screen. Way of access: URL : <http://www.internetworldstats.com/europa2.htm#ua>. Last access: 20.03.2015.

В.З. Демьянков, Д.В. Жарова, А.И. Сергеев

УДК 81'23

КОНТРАСТИВНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛИНГВИСТИКА¹

Проведенные в последние годы корпусные исследования, связанные с выявлением семантических и прагматических свойств языка, выявили глубокие связи между устройством языка и тем, как о языке и о других явлениях культуры и мышления принято говорить в разных культурах. В частности, исследование того, как о психологических явлениях принято говорить в различных культурах, получило название лингвистической психологии. Сопоставление этого направления с методами и целями психолингвистики приводит к выводу о глубинной соотнесенности психолингвистики и лингвопсихологии.

Ключевые слова: лингвистический метаязык, социология текста, лингвистическая психология, психолингвистика, эмоции, восприятие.

Valery Z. Demyankov, Andrey I. Sergeev, Deniza V. Zharova

CONTRASTIVE LINGUISTIC PSYCHOLOGY AND PSYCHOLINGUISTICS

Corpus-linguistic investigations of the ways different people talk and write about their inner world in the framework of different cultures and different languages supply linguistics with new insights into pragmatics and semantics of natural languages. Linguistic psychology or 'folk psychology' is a discipline in which the ordinary ways of talking about psychological phenomena are investigated. The paper shows that despite differences of methodology and aims of study, linguistic psychology and psycholinguistics have deep interrelations.

Keywords: linguistic metalanguage, sociology of text, linguistic psychology, psycholinguistics, emotion, perception.

1. Союз лингвистики и психологии

Сотрудничество лингвистики с психологией зародилось давно, еще в работах по экспериментальной психологии [Oksaar 1983: 291-294]. Однако только в результате развития психологии в конце 1940-х гг. установились столь тесные отношения между психологией и лингвистикой при обработке накопленного материала, что стали говорить о рождении новой дисциплины, названной психолингвистикой [Slama-Cazacu 1983: 306].

В 1950-е гг. получил широкое распространение и сам термин *психолингвистика*, обозначавший одну из дисциплин, занимающихся человеческой коммуникацией, а именно, непосредственно декодировкой и кодировкой, соотносящими состояния сообщения с состояниями общения [Osgood, Sebeok eds. 1965: 4]. В 1960-70-е гг. мы находим только стилистические варианты этой характеристики. Психолингвистика

¹ Публикация выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 14-28-00130 «Лингвистические технологии во взаимодействии гуманитарных наук») в Институте языкознания РАН.

в ту эпоху занималась в первую очередь психологическими процессами, связанными с усвоением, продуцированием и пониманием языка [Fodor, Jenkins, Saporta 1967: 161], исследовала природу языкового «исполнения» (linguistic performance), в противоположность формальному изучению языка как абстрактной системы (linguistic competence) [Blumenthal 1974: 1105], а также исследованию процессов продуцирования и понимания высказываний.

Итак, психолингвистика – одна из наук о речевой деятельности людей, обладающих одновременно психологическим и лингвистическим аспектами. Иногда психолингвистику характеризуют как *экспериментальный ментализм* [Fodor, Bever, Garrett 1974: xvii], в фокусе внимания которого – индивид в коммуникации [Baylon 1991: 9], а целью исследования является выявление (обычно скрытых от невооруженного взгляда) механизмов языка и речи путем наблюдения над субъектом речи в процессе речевой деятельности. За пределами психолингвистики об этих же механизмах судят исключительно опосредованно, по результатам, или продуктам речевой деятельности – по тексту, по устной речи и т. п. Иначе говоря, к психолингвистике относят экспериментальное исследование психологической деятельности субъекта в процессе усвоения и/или использования языка (langue) как системы, см. [Caron 1983: 16, Caron 1989: 24].

Представления о том, как выглядят скрытые механизмы речевой деятельности, менялись на протяжении всей истории психолингвистики. Особенно часто – в терминах аналога компьютерных процедур, производимых над ментальными «репрезентациями» информации, поступающей от органов чувств. В рамках такой модели эмпирически выявляются временные и структурные характеристики различных типов процедур и репрезентаций [Dijkstra 1990: 11]. Наиболее наглядно в этом ключе формулируются результаты наблюдений и экспериментов, относящихся к планированию речи, к восприятию и продуцированию речи, к классификации видов «языкового знания», лежащего в основе использования языка индивидами, к усвоению языка [Демьянков 1996]. Как показано в монографии [Тарасов 1987], исследование речевой деятельности явилось новой парадигмой в области психолингвистики. Наиболее детально разработанной методикой исследования в рамках Московской школы психолингвистики является теория динамики языкового сознания, включающая в себя «представления о социальных, культурных и психологических детерминантах формирования языкового сознания, закономерностях его развития, о методологических принципах его анализа и экспериментальных методах его исследования» [Уфимцева 2011: 4].

Психолингвистика занимается не только «нормальными», но и патологическими состояниями языкового сознания, типа афазии и шизофрении. Как и вообще в науках о человеке, исследование патологий дает основание для верификации моделей «нормального» устройства языка в целом: еще во времена И.П. Павлова было ясно, что патология позволяет дифференцировать сущности, которые в норме неразличимы и недоступны для прямого исследования [Dascal et al. 1981: 64].

В отличие от психолингвистики, *лингвопсихология*, или *лингвистическая психология* – исследование обыденной и научной речи о психологических явлениях в том или ином языке. Материалом лингвистической психологии являются не только тексты психологов-профессионалов, но и в еще большей степени тексты

художественной литературы и обыденная речь, в которых говорится о психике. Главный непосредственный предмет лингвопсихологии – семантика терминов человеческой психической жизни. При этом не только документируются и исследуются расхожие мнения данного этноса о духовности, но и выясняется, насколько выразительный потенциал языка востребован для характеристики этой духовности. Так, сопоставив обыденную речь о психических явлениях с употреблением терминов в психологии, мы можем установить, насколько далеко психологи в своем исследовании отошли от обыденных представлений.

Контрастивная лингвистика – раздел лингвистики, эмпирически устанавливающий расхождения между языками и культурами. *Контрастивная лингвистическая психология* занимается выявлением расхождений различных культур и языков на материале текстов, в которых говорится о тех или иных явлениях, важных для психологии. Например, о восприятии, чувствах и эмоциях, знании, понимании и т. д. Одним из замечательных фактов, широко известных из истории человеческих культур, является синестезия – когда об одних видах восприятия говорят в терминах других видов. Скажем, о звуках говорят в терминах внешне воспринимаемой формы², а в речи о запахах употребляют эпитеты, наиболее естественных применительно к звукам³, напр.: *loud perfume* и *loud smell*, буквально «громкий запах».

Наблюдения над большим многоязычным корпусом художественных произведений показали, например, что о запахе растений говорят значительно меньше, чем о форме, внешнем виде и о предназначении растений. Так, упоминая имя растения, авторы обычно исходят из того, что их читатель знает из личного опыта, как это растение пахнет. Складывается впечатление, что человек не может представить аромат цветов, не нарисовав их себе в воображении. К исключениям относится именование ванили в русском, английском и французском языках: всем нам знаком этот запах, однако далеко не все могут сказать, как растение выглядит «в жизни», напр.: *Их голос, пахнувший ванилью, / шептал, что ты опять дуришь, / что твой поклонник толст и рыж* (А.А. Вознесенский, Стихотворения, поэмы).

Упоминание цветка в художественной литературе, повседневной жизни и на этикетке парфюма вызывает у воспринимающего обычно положительные ассоциации. Когда в тексте аромат упоминается прямо, говорится о приятном и даже чарующем запахе, сводящем с ума, лишаящем разума и логики, напр.: *Les violettes, les narcisses, les safrans, les jasmains, les cyclamens mariaient dans l'air tiède leurs arômes*

² Ср.: «Die höheren Sinne, Auge und Ohr, wurden für besonders geeignet gehalten, entweder aus eigener Kraft über ihre stofflich-eigentümlichen (generischen) Grenzen zu 'schauen' oder sich durch eine Vermittlungsinstanz, einen *sensus internus* oder ein *sensorium commune*, übersetzen zu lassen. Das spiegelt sich auch in der Sprache. In einer Vielzahl von Wendungen in allen europäischen Sprachen und Literaturen werden optische Ausdrücke mit Hörbarem und vice versa akustische Ausdrücke mit Sichtbarem verbunden» [W.Naumann-Beyer 2003: 176].

³ Ср.: «Sprachliche Verbindungen, in denen olfaktorische Attribute die Phänomene anderer, speziell der audiovisuellen Sinnesbereiche semantisch intensivieren oder erweitern, sind sehr selten. Spuren einer Sprache, die Duft oder Wohlgeruch mit dem Sichtbarem einer Landschaft poetisch verbindet, finden wir beim jungen Goethe. Vielleicht kann man auch bei der literarischen Avantgarde – bei Futurismus, Dadaismus, Surrealismus – fündig werden. Trotzdem bleibt, vor allem im alltäglichen Sprechen, die /:180/ Verbindung von Geruchsattributen mit Sichtbarem unüblich. Eine duftende oder stinkende Aussicht wird kaum verbalisiert» [W.Naumann-Beyer 2003: 179-180].

légers ou puissants “Фиалки, нарциссы, шафран, жасмин, цикламены отдавали тёплому воздуху свои лёгкие и одновременно сильные ароматы” (Paul Bourget, Laurence Albani, 1919). Если же в тексте находим эпитеты «пахучести» цветов, то они бывают чаще всего парадоксальными, вызывая эффект неожиданности, ср.: *Souvent, près de lui, au jour finissant, j'ai trouvé trop lourde l'odeur des jasmins* “Часто на закате дня возле него аромат жасмина казался мне слишком тяжёлым” (Willy, Sidonie Gabrielle Colette, Claudine s'en va, 1903).

Это тем более удивительно, что названия растений входят в большинство наименований парфюмерии, пользующейся наибольшей популярностью в западноевропейской и в российской культурах, см. [Жарова 2014].

2. Речь об эмоциях в контрастивной лингвистической психологии

В качестве полигона лингвopsихологического исследования можно взять поле эмоций в русском, английском, немецком и других языках. Предмет такого исследования – эмоция, отраженная **в языке**, понятие, появившееся и функционирующее в языке, лингвистический образ, а не психологические механизмы эмоциональной жизни человека. В контрастивно-психолнгвистическом исследовании эмоциями мы называем чувства, существенные для той или иной изучаемой человеческой культуры. Исходная гипотеза исследования заключается в том, что эмоции зависят от культуры, в которую они погружены.

Эта зависимость от культуры наиболее ярко проявлена в том, как в текстах описываются и подаются испытываемые людьми эмоции. Разграничение задач между психологией эмоций и лингвopsихологией эмоций проходит по следующей линии. Психологи исследуют вопрос о том, как и какие эмоции люди испытывают. Лингвopsихологи же анализируют то, как люди эмоции проявляют («овнешняяют», сказал бы Е. Ф. Тарасов) в речи и как они об эмоциях говорят.

Об эмоциях говорят:

- прямо, непосредственно называя испытываемые чувства, насколько это позволяет лексико-семантическое поле соответствующего языка,
- косвенно, не упоминая имени эмоции, а упоминая только симптомы эмоций: поднятые от удивления брови, слезы огорчения или радости и т. п.,
- смешанным образом – сочетая прямое и косвенное указание, когда говорят о слезах радости, о краске гнева и т. п.

Эмоции – чувства, оцениваемые как существенные для конкретной культуры – в дискурсе «манифестируются» синтаксическими, семантическими и прагматическими средствами языка. Дело осложняется тем, что когда мы имеем дело с литературными текстами, такой анализ должен учитывать и литературные традиции и стили, каноны, в соответствии с которыми об эмоциях принято говорить в данной культуре. Скажем, каноны речи о гневе в древнегреческом эпосе отличаются от канонov речи о гневе в немецком романтическом произведении.

Тем не менее, в большом количестве случаев, наряду с межкультурными различиями наблюдается и большое число цивилизационных сходств в соответствующем употреблении языка. В частности, европейские культуры объединяет большое число «евроверсалий» речи об эмоциях. Так, об эмоциях только в ограниченном числе случаев говорят с помощью перформативов. Фраза *Я на тебя сержусь* не «конституирует» (выражаясь словами Дж. Остина) соответствующую эмоцию – в отличие от фразы *Я тебе это обещаю*, представляющей перформатив

обещания. Исключением являются фразы типа немецкого *Ich kondoliere* и русского *Соболезную*, которые часто полностью исчерпывают акт соболезнования (вместо них гораздо уместнее употребить более развернутые высказывания, типа: *Выражаю соболезнования по поводу...*).

Психологам пока еще не удалось доказать со всей несомненностью, что эмоции одинаковы у всех народов. Данные «обыденных языков» свидетельствуют скорее о том, что носители разных языков на эмоции смотрят по-разному, однако в 19–20 вв. имеется большое количество схождений между различными эмоциональными культурами, в неотдаленном будущем, возможно, мы будем иметь дело исключительно с цивилизационно обусловленными эмоциями.

В нашем поле внимания находится не система эмоций как таковая, а «жизнь» той или иной эмоции в языке, в языковой системе и различные «жилищные условия», предоставляемые эмоциям в текстах на разных языках. Сравнение текстов, написанных разными авторами в разное время, показывает, как реализуются эти условия.

Для примера рассмотрим, каковы гештальты и эмоциональные сценарии, связанные с речью об удивлении в полном корпусе немецких текстов Э. Т. А. Гофмана и в полном корпусе русских текстов Н. В. Гоголя.

У Гофмана мы обнаруживаем 442 контекста употребления слов с семантикой «удивление» (*Stauen, Erstaunen, Verwunderung, Überraschung, Verblüffung*), у Гоголя – 380 контекстов (*удивление, изумление, потрясение, недоумение, озадаченность* и т.п.). Эти контексты классифицируются по двум параметрам: (1) по разграничению **фона и фигуры**, (2) по типам **эмоционально-событийного сценария**.

1. В рамках первого параметра упоминание эмоции, сопровождающей действие, противопоставляется упоминанию «автономной» эмоции, составляющей самоценную картину.

Пример первого типа: [...] *почтмейстер тоже отступился и посмотрел на него с изумлением, смешанным с довольно тонкой иронией* (Гоголь, Мертвые души).

Пример второго типа: *Афанасий Иванович был совершенно поражен* (Гоголь, Старосветские помещики).

Во втором типе контекстов удивление подается и воспринимается крупным планом, как отдельное самодостаточное переживание; эта эмоция не сопровождает какое-либо действие и не “окрашивает” его, поскольку сама обладает статусом события и, в частности, произвольного действия. Оппозиция фона и фигуры в тексте связана с вниманием. Внимание **фокусирует** наше восприятие на том или ином предмете, действии, качестве и т. д., превращая его в **фигуру**. Но в фокусе оказывается не картина и не ее обрамление, а их соотношение, не действие или эмоция по отдельности, а действие, сопровождаемое, окрашенное эмоцией.

Удивление в тексте часто упоминается в рамках «**эмоционального комплекса**», **кластера эмоций**: удивление + отчаяние, удивление + ужас. В текстах Гофмана мы встречаем многочисленные вариации: *Erstaunen + Schreck, Erstaunen + Furcht, höchste Verwunderung + freudiger Schreck, freudiges Erstaunen + freudiger Schreck, Stauen + Grausen, Stauen + Schreck, Stauen + Schrecken, Erstaunen + Schrecken + Schmerz, verwundert + erschrocken, Erstaunen + Bewunderung + Entzücken + Furcht + Entsetzen*.

Например: *Doch wer schildert mein frohes Erstaunen, ja, meinen freudigen Schreck, als ich wahrnahm, daß ich mich auf dem Hause meines wackern Herrn befand* (Lebensansichten des Katers Murr).

Гофмановское удивление чаще сочетается с восторгом или радостью, чем со страхом (впрочем, и сам страх, «ужас», может в представлении Гофмана быть радостным). А в произведениях Гоголя кластеров эмоций значительно меньше; найдены только следующие комбинации: *изумление + благодарность*, *ужас + изумление*, *изумление + радость*, *недоумение + нетерпеливое любопытство*. Например: *Каков же был ужас и вместе изумление Ковалева, когда он узнал, что это был собственный его нос!* (Нос).

Итак, у Гофмана удивление сочетается с эмоциями различного происхождения и свойства, в то время как комбинации гоголевского удивления / изумления / потрясения менее экзотичны. Кроме того, у обоих авторов есть «удивление-страх» и «удивление-радость».

Удивительно то, что в европейских культурах о страхе и радости (а также о близких эмоциях, «родственных») удивлению по определению – изумление, потрясение и т. д.) говорят практически в тех же терминах, что и об удивлении, демонстрируя витгенштейновское «фамильное сходство» всех этих понятий.

Однако своеобразие Гоголя в сочетании *недоумения с любопытством*, а *изумления с благодарностью*, чем подчеркивается в недоумении недостаток информации и, соответственно, потребность в восполнении этого пробела, проявляющуюся в *любопытстве*. Для истолкования соответствующих контекстов очень важное место занимает речь о **внимании**, с такими разновидностями, как внимание-любопытство, внимание-почтение, внимание-уважение, внимание-поклонение.

В отличие от Гоголя, Гофман сближает удивление скорее с *восхищением / восторгом*. Внутренний эмоциональный мир гофмановского героя сочетается с повышенным интересом к миру внешнему, в то время как гоголевское *любопытство* соседствует с довольно слабо выраженной эмоциональностью и очень скромной палитрой эмоций. Гофман детально описывает удивление с множеством оттенков, нередко в парадоксальных сочетаниях (ср. *freudiger Schreck* «радостный ужас»). Удивление же в гоголевском варианте может быть интенсивным, но не обладает такой широкой палитрой кластеров.

Судьба возникновения и развития со временем фигур речи типа *радостный ужас* в немецкой, русской и английской культурах наводит на мысль о следующей евроверсалии: с течением времени количество экстравагантных кластеров растет. Чувства, прежним поколениям казавшиеся необычными, их внукам представляются обыденными. Однако в рамках различных культур такое пополнение может происходить с различной скоростью.

Интересно, что контексты, в которых говорят о «противоречивых чувствах», допускают еще одно толкование: противоположные чувства у персонажа и у наблюдателя. Так, ужас героя может показаться всезнающему читателю или самому автору забавным. Обе перспективы допустимы одновременно, когда говорящий описывает события, когда-то с ним самим произошедшие. Тогда забава и ужас относятся к разным временным пластам. Однако словосочетание *радостный ужас* двойной перспективы не допускает: в приведенных выше примерах говорится о

смешанной эмоции, сходной с той, которую испытывает ребенок, высоко летящий над землей на воздушном шаре, на качелях или прыгающий с зонтиком из окна высокого дома.

2. В рамках второго параметра эмоции представляются в качестве звена развернутой причинно-следственной цепочки – «эмоционально-событийного сценария», включающего три события: 1) причина эмоции, 2) собственно эмоция, 3) реакция. У Гофмана и Гоголя доминируют четыре типа сценариев.

Из них самый частый сценарий – следующий: **Событие** ® **эмоция** ® **реакция** (у Гофмана 51 контекст, у Гоголя – 61). Например: *Ich bemerkte, daß die Leute, welche mir begegneten, still standen und mir verwundert nachsahen, ja daß der Wirt im Dorfe vor Erstaunen über meinen Anblick kaum Worte finden konnte, welches mich nicht wenig ängstigte* (Die Elixiere des Teufels). Имеем цепочку: мой взгляд à удивление à невозможность найти слова. У Гоголя: *Он поворотился так сильно в креслах, что лопнула шерстяная материя, обтягивавшая подушку; сам Манилов посмотрел на него в некотором недоумении* (Мертвые души), где цепочка выглядит так: поворотился, лопнула шерстяная материя ® недоумение ® Манилов посмотрел на него.

Значительно чаще встречается «укороченный» сценарий, когда реакция в предложении не упоминается явно: **Событие** ® **эмоция** (у Гофмана 176 контекстов, у Гоголя – 116).

Например: *Философ хотел оттолкнуть ее руками, но, к удивлению, заметил, что руки его не могут приподняться, ноги не двигались; и он с ужасом увидел, что даже голос не звучал из уст его: слова без звука шевелились на губах* (Вий). Имеем: *руки не могут приподняться, ноги не двигались* ® **удивление**.

Другой тип укороченного сценария у Гофмана представлен значительно чаще (100 контекстов), чем у Гоголя: **Эмоция** ® **реакция** (32). Например: *Aber dem Lehrburschen stand das Maul offen vor lauter Verwunderung* (Meister Floh), когда имеем: *Verwunderung* ® *stand das Maul offen*. У Гоголя: *Вправду? Целых сто двадцать? – воскликнул Чичиков и даже разинул несколько рот от изумления* (Мертвые души), то есть: *изумление* ® *воскликнул, разинул рот*.

Самый короткий сценарий – когда упоминается только эмоция; но у обоих авторов это наименее употребительный тип (Гофман: 22 контекста, Гоголь: 15). Например: *Ich versank in das hinbrütende Staunen der begeisterten Andacht, die mich durch glänzende Wolken in das ferne bekannte, heimatliche Land trug, und in dem duftenden Walde ertönten die holden Engelsstimmen, und der wunderbare Knabe trat wie aus hohen Lilienbüschen mir entgegen und frug mich lächelnd: "Wo warst du denn so lange, Franziskus?"* (Die Elixiere des Teufels); *Перекупка дивилась, дивилась и, наконец, смекнула: верно, виною всему красная свитка* (Вечера на хуторе).

Иногда эмоция как бы саморепродуцируется, когда удивление (особенно как реакция на нечто **увиденное**) порождает потребность в новой информации, связанной с объектом, вызвавшим это чувство. Наиболее показательны в этом отношении контексты, в которых эмоция сопровождает действие. Сценарий подобной ситуации можно представить так: **взгляд** ® **удивление** ® **созерцание** + **удивление**, т. е. эмоция, вызванная тем или иным стимулом, возвращается к этому стимулу, чтобы поддерживать свою интенсивность и продолжительность. С этой точки зрения удивление оказывается ближе *радости* и противоположно *страху*. От

того, что вызывает страх, бегут; то, что вызывает радость и удивление, притягивает. Возможно, мы имеем дело здесь не с универсальной (для всех языков) чертой, а с евроверсалией: концепты страха и удивления обладают связью с концептом удивления, проявляют некоторое семейное сходство с ним.

«Удивление» в русской эмоциональной культуре, таким образом, является комплексной эмоцией: от удивления можно онеметь или остолбенеть, но, с другой стороны, с удивлением можно и воспринимать новую информацию, познавать мир (тогда эмоция сопровождает когницию или является ее частью). Об *удивлении* говорят, когда событие не соответствует привычному для обыденного сознания порядку вещей.

Выражаясь в когнитивистских терминах: сочетая удивление, озадаченность и любопытство с одобрением, Гоголь сосредоточивается на дефиците информации у персонажа, глазами которого автор смотрит на ситуацию. Вот этот дефицит и вызывает любопытство или любознательность. У Гофмана же удивление в первую очередь сочетается с восхищением.

Кроме того, у Гофмана удивление обладает большим числом оттенков, чем у Гоголя, а сочетаются эмоции в рамках кластеров гораздо более свободно. В текстах Гофмана кластеры эмоций зачастую образуют фигуру, а ситуации, вызывающие эти эмоции, представляют собой фон – тот «пейзаж», на котором мы слышим музыку эмоций в их различных аккордах.

Гоголь чаще, чем Гофман, сочетает эмоциональный сценарий с описанием собственно действия героев. Зато эмоциональные кластеры в его произведениях менее часты и менее разнообразны, чем у Гофмана. Для Гоголя главным является описать ситуации, вызывающие те или иные поступки героев; сами же эмоции представляют собой гарнир, или декорации в его «театре обстоятельств».

Но при всех различиях в методе подачи эмоций в тексте, для обоих писателей удивление является главным мотивирующим принципом диалога между автором и читателем. Гофмановская романтическая мистификация и гоголевская ирония основаны на необычности событий и их обстоятельств. Гофман, показывая неожиданную смену событий, стремится поразить читателя симфонией эмоций, вызвав в читателе удивление. А Гоголь стремится показать удивление своих героев и только таким путем «заразить» читателя этим же чувством. Иначе говоря, Гоголь показывает удивление и делает вид, а возможно, на самом деле не стремится (во всяком случае, явно) вызвать это удивление в читателе. Гоголевское удивление – маска, которую надевает актер и которая не обязательно совпадает с чувствами самого актера: из воспоминаний известно, что именно в такой маске бесстрастности, без тени улыбки, Гоголь читал свои произведения.

Заключение

1. В центре внимания лингвистической психологии находится речь о психологической жизни человека. Главный вопрос заключается в выявлении того, как в этой речи буквальный смысл сказанного соотносится с небуквальным. Это соотношение приводит к выявлению – «реконструкции» – не всегда явных расхожих презумпций о психике человека.

2. Психолингвистика – научная дисциплина, исследующая механизмы владения языком и овладения языковыми знаниями. Ее эмпирическая сфера не ограничивается исключительно терминами «наивной» психологии.

3. Результаты лингвистической психологии обладают пропедевтической ценностью для психолингвистического исследования, позволяя увидеть границы того, что человеческий разум в состоянии выяснить в природе и в механизмах человеческой психики.

Литература

Демьянков В.З. Психолингвистика // Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Филол. ф-т МГУ, 1996. – С. 147-153.

Жарова Д. В. Когнитивное варьирование контекста: растения и их ароматы в корпусе русского языка // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. 19. – С. 434–441.

Сергеев А.И. Контрастивно-семантический анализ концепта «удивление» в русском и немецком языках: На материале произведений Н.В. Гоголя и Э.Т.А. Гофмана. Дисс. на соискание уч. степени канд. филол. наук. – М.: МПГУ, 2004. – 211 с.

Тарасов Е.Ф. Тенденции развития психолингвистики. – М.: Наука, 1987. – 168 с.

Уфимцева Н. В. Языковое сознание: Динамика и вариативность. – М.: Институт языкознания РАН, 2011. – 252 с.

Baylon C. Sociolinguistique: Société, langue et discours. – P.: Nathan, 1991. – 304 p.

Blumenthal A.L. A historical view of psycholinguistics // Linguistics and adjacent arts and sciences. – The Hague: Mouton, 1974. – P. 1105–1135.

Caron J. Les régularisations du discours: Psycholinguistique et pragmatique du langage. – P.: PUF, 1983. – 255 p.

Caron J. Précis de psycholinguistique. – P.: Presses Universitaires de France, 1989. – 259 p.

Dascal M. Contextualism // Possibilities and limitations of pragmatics: Proc. of the Conference on pragmatics, Urbino, July 8-14, 1979. – A.: Benjamins, 1981. – P. 153–177.

Dijkstra T. Cross-modal contacts between graphemes and phonemes: Explorations in bimodal processing. – Nijmegen: Katholieke U. te Nijmegen, 1990. – (Ph.D.d.: Proefschr. van de graad van doctor). – 194 p.

Fodor J.A., Bever Th.G., Garrett M.G. The psychology of language: An introduction to psycholinguistics and generative grammar. – N.Y. etc.: McGraw-Hill, 1974. – XIX, 537 p.

Fodor J.A., Jenkins J.J., Saporta S. Psycholinguistics and communication theory // Human communication theory. – N.Y., 1967.

Naumann-Beyer W. Anatomie der Sinne im Spiegel von Philosophie, Ästhetik, Literatur. – Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2003. – xii, 378 S.

Oksaar E. Psycholinguistics: Historical aspects, methodological problems and selected topics in the field of language acquisition and multilingualism // Proc. of the XIIIth International Congress of Linguists, August 29 – September 4, 1982, Tokyo. – Tokyo: Gakushuin U., 1983. – P. 291-304.

Osgood Ch.E., Sebeok Th.A. eds. Psycholinguistics: A survey of theory and research problems. – Bloomington, 1965. – 324 P.

Slama-Cazacu T. Psycholinguistics and linguistics: Old relationships and promising prospects // Proc. of the XIIIth International Congress of Linguists, August 29 – September 4, 1982, Tokyo. – Tokyo: Gakushuin U., 1983. – P. 305–316.

А.А. Залевская

УДК 81'23

РОЛЬ ФАКТОРА ЧЕЛОВЕКА В РАЗВИТИИ ЯЗЫКА

Фактор человека рассматривается во взаимодействии с комплексом внешних и внутренних факторов развития языка. В качестве приоритетных в настоящее время стратегий носителей русского языка рассматриваются устность, креативность и полифония, стимулируемые ускорением динамики общественных отношений и поддерживаемые новыми и новейшими информационными технологиями.

Ключевые слова: фактор человека, устность, креативность, полифония.

A.A. Zalevskaya

HUMAN FACTOR IN LANGUAGE DEVELOPMENT

The role of human factor in the interaction of inner and outer factors in language development is discussed. Orality, creativity and polyphony are traced as salient strategies in contemporary Russian stimulated by public relations dynamics and supported by new information technologies.

Keywords: human factor, orality, creativity, polyphony.

Вводные замечания

Взаимодействие ряда внешних и внутренних факторов, играющих важную роль в развитии языка, давно уже является признанным фактом, однако вызывает вопросы трактовка понятия «внутренних факторов», нередко увязываемых исключительно с системой языка. Так, в работе [Чернова 2015] по результатам обзора научной литературы перечислен ряд внешних (экстралингвистических) факторов, определяющих вариативность языковых единиц; в качестве внутренних факторов рассматриваются «внутрисистемные процессы, которые могут стать определяющими для возникновения и развития вариантов языковой системы» [цит. раб.: 8]; в частности, для условий Австрии отмечено «последовательное самостоятельное развитие внутрисистемных тенденций немецкого языка на данной территории» [цит. раб.: 11].

Не ставя под сомнение роль внутрисистемных процессов, оказывающих влияние на развитие языка, и не детализируя скрупулёзно описанные лингвистами принципы и тенденции, прослеженные на богатейшем материале многих языков, задумаемся: можно ли «выносить за скобки» носителя языка, для которого и благодаря повседневной деятельности которого язык существует и выполняет свои важнейшие функции средства познания и общения, адаптации к естественному и социальному окружению? В этой связи далее затрагиваются вопросы фокусирования на роли человеческого фактора в языке и прослеживаются некоторые современные особенности проявления этого фактора в развитии русского языка.

Всплеск интереса к «фактору человека» в России (1980-е гг.)

Рассмотрение истории этого вопроса в отечественной и зарубежной лингвистике потребовало бы написания отдельной монографии. Поэтому ограничимся концом 80-х гг. прошлого столетия, когда издательство «Наука» начало публикацию серии книг под общей рубрикой «Роль человеческого фактора в языке».

В предисловии к открывающей эту серию коллективной монографии [Роль... 1988] с подзаголовком «Язык и картина мира» указано, что основной обсуждаемой в ней проблемой является отображение картины мира в языке, деятельность человека в языке; при этом подчёркивается: «В книге фигурирует самый обыкновенный, естественный человек, ... – создатель живых, естественных – обыденных языков» [цит. раб.: 6]. Отмечается также, что «в лингвистике, избравшей в качестве своей методологической основы антропологический принцип, в центре внимания оказываются два круга проблем: 1) определение того, как человек влияет на язык, и 2) определение того, как язык влияет на человека, его мышление, культуру»; именно проблемам первого «круга» посвящена упомянутая книга [цит. раб.: 9. Разрядка моя. – А.З.]. К числу таких проблем отнесены: трактовка понятия «картина мира», роль картины мира в жизнедеятельности человека и особенности отражения картины мира в языке, в первую очередь – в лексике; рассматривается также роль словообразования и метафоризации в формировании языковой картины мира.

Непосредственным продолжением названного выше коллективного труда явилась монография Б.А. Серебренникова «Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление» [Серебренников 1988], где наряду с раскрытием роли грамматического строя в отображении языковой картины мира и процессов заимствования и взаимовлияния языков уделяется внимание ряду происходящих в языке процессов и действующих имманентных законов; детально обсуждаются проблемы общественного и индивидуального сознания, объективного и субъективного в сознании, типов мышления и противоречий в языке (в том числе – зависимости языка от общества и наличия внутренних, независимых от общества, языковых законов).

Из числа более поздних публикаций этой серии можно назвать книгу «Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности» [Человеческий фактор ... 1991], подготовленную большим авторским коллективом под руководством В.Н. Телия. В некотором противоречии с подзаголовком о «языковых механизмах» в аннотации этой книги говорится, что основное внимание в ней уделяется языковым средствам, в которых выражено отношение субъекта речи к обозначаемому, и языковому выражению чувств-переживаний в диапазоне одобрения / неодобрения обозначаемого. Уточняется также, что действующим лицом в предлагаемой публикации выступает языковая личность, а полем деятельности является выражение в коммуникации оценочно-эмоционального отношения говорящего к сообщаемому.

Не имея возможности обсуждать здесь дальнейшее развитие этого направления исследований (см. подробно: [Залевская 2005]), ограничусь следующим обобщением: к сожалению, авторы неисчислимого количества публикаций, в которых упоминаются «человеческий фактор», «антропоцентрический подход» и т.п., фокусируются именно на языковых средствах создания образа мира или фиксации его в языковой картине мира, т.е. анализируются продукты деятельности человека, но не процессы, приводящие к таким продуктам и обуславливающие этнокультурную специфику образа мира носителя языка и «закреплённой» в текстах языковой картины мира. Переход на «концептуальную» терминологию положения не спасает: так, по свидетельству редактора научного журнала [Шапошникова 2013: 148], 80% поступающих в редколлегию рукописей посвящено рассмотрению многократно изученных и по одному шаблону описанных

концептов, но это не означает, что оставшиеся 20% авторов действительно исследуют языковые процессы. К этому можно добавить, что чаще всего желаемое принимается за действительное, поскольку то, что называют концептом, фактически представляет собой описание (к тому же: с позиций системно-структурного подхода) лексико-семантических вариантов слов, тематических / семантических групп или полей слов и т.п.

Возвращаясь к двум кругам проблем, намеченных Б.А. Серебренниковым, подчеркнём, что исследование того, как человек влияет на язык и как язык влияет на человека, приобретает особую актуальность в наши дни. Поскольку индивид всегда включён в определённый «контекст» его существования (во взаимодействие биосферы, социосферы, психосферы, лингвосферы, техносферы, ноосферы, инфосферы и, возможно, какого-то ещё аспекта жизнедеятельности носителя языка), всегда имеет место влияние сложного взаимодействия множества внешних и внутренних факторов на отдельного человека, на общество и на язык, обеспечивающий функционирование «разделяемого знания». Несомненно, изучение этой многогранной проблемы требует анализа языкового материала, однако это должно делаться с позиций теории языка как достояния индивида и языковой личности, включенной в естественную и социальную среду. В этой связи возникает также и проблема выбора исследовательских процедур, помогающих выявить и объяснить «глубинные» стратегии и опоры, лежащие в основе процессов пользования языком как средством адаптации человека к динамике условий жизни и общественных (в том числе международных) отношений. Можно предположить, что при универсальности сложившихся в филогенезе механизмов функционирования языка у человека носители разных лингвокультур могут отдавать предпочтение тем или иным стратегиям или видам опор, фокусируясь на некоторых важных для адаптации к условиям среды признаках и признаках признаков объектов, действий, состояний и т.д.

Факторы, обостряющие процессы развития языка

В книге Мелвина Брэга [Брэгг 2014] внимательно прослежена история становления и развития английского языка с 500 года до н.э. и до 2000 года. Автор прекрасно показал взаимодействие различных факторов, влияющих на судьбу языка, его способность выстоять в трудных условиях и получить импульс для бурного развития в ситуациях противостояния языкам завоевателей или взаимодействия с языками жителей колонизируемых территорий. То, что М. Брэгг отмечает как характерное для Лондона, в котором и по сей день бушует «ураган языкотворческих традиций» и «бурлит водоворот слов и понятий» [цит. раб.: 11], прослеживается и в других местах (ср., например, публикации по регулярно проводимым в Москве «круглым столам» по проблеме полифонии большого города). В серии публикаций по психолингвистическому портретированию лексики (см., например, [Залевская 2011]) приводятся результаты двухэтапного (1995; 2010 гг.) эксперимента с применением комплекса исследовательских процедур, подтвердившие проверявшуюся рабочую гипотезу, согласно которой в **критические** периоды жизни общества **обостряются** процессы переосмысления значений слов, появления новых значений и новых слов, а также имеют место сдвиги в увязываемых со словами эмоционально-оценочных переживаниях (вплоть до противоположного знака «+/-»).

Современная ситуация в мире складывается так, что любой язык испытывает

воздействие экономических, политических, культурных и прочих факторов, непосредственно связанных с общечеловеческим взаимодействием в условиях, с одной стороны – стремления к глобализации (нередко навязываемой любыми способами), а с другой – желания народов сохранить свою самобытность, в том числе и в отношении языка. На примере проблемы глобализации рассмотрим различия между традиционным подходом, фокусирующимся на анализе языковых фактов как таковых, и интерпретацией происходящих в языке изменений с учётом фактора человека.

Так, работа А.А. Пискаревой [Пискарева 2014] посвящена вопросам развития глобализации как экономического, политического и культурного феномена и её последствий для мировых языков. Автор рассматривает заимствования, мнимые заимствования, неологизмы; влияние английского языка на немецкий за последние 20 лет (на материале периодических изданий, интернет-источников, относящихся к сферам рекламы, языку молодежи, немецких военных; используются данные из словарей общей и специальной лексики). Определяя глобализацию как выражение объективной тенденции социальной интеграции и напрямую увязывая современные языковые изменения с экономическими, политическими и социальными изменениями в мире, а также с необходимостью поиска единого языка всемирного общения, А.А. Пискарева полагает, что следствием глобализации должно стать не универсализированное, а мультикультурное общество, для которого характерно многоязычие. По результатам предпринятого исследования делается вывод, что опасность перенасыщения немецкого языка англицизмами не высока, так как новая англоязычная лексика либо представлена специальными терминами для обозначения новых явлений (например, в сферах новых и новейших технологий), либо дополняет уже существующие в языке слова, отличаясь от них своей семантикой, либо служит основой для образования новых слов; зачастую англицизмы используются в игре слов или в качестве эвфемизмов. При этом англицизмы функционируют в немецком языке в соответствии с правилами немецкой грамматики (например, существительным присваивается род, они склоняются по падежам, получают форму множественного числа, пишутся с заглавной буквы и т.д.).

Иной взгляд на глобализацию и на судьбы языков представлен в дискуссии, проходившей с февраля 2012 года по апрель 2013 года на страницах «Литературной газеты» и получившей отражение в журнале «Вопросы психолингвистики», 2013, № 1 (с. 136–161). Участники этой дискуссии за регистрируемыми на поверхностном уровне изменениями в составе языковых средств увидели глубинные процессы воздействия на человека через его язык и смогли проследить или прогнозировать возможные последствия реализации манипулятивной функции языка, в том числе: расшатывание нормы (не только языковой!), насаждение специфичных стереотипов восприятия мира и отношения к нему, утрату традиций внимания к культурной речи, отказ от интеллектуальных усилий с переходом к «клиповому» мышлению при клишированности и усечённости средств выражения смысла, утрату любви к своему языку и как результат – негативное отношение к родному языку и культуре. Добавим к этому, что речь идёт об уже наблюдаемых продуктах целенаправленной деятельности, о которой, например, говорится в написанном Э. Балдаковым (главой EF Corporate Language Learning Solutions в России и СНГ) послесловии к упомянутой выше книге М. Брэгга: «Миссия крупнейшей в мире международной образовательной организации EF Education First – стирать

языковые, географические и культурный границы, помогать людям становиться настоящими гражданами мира, преуспевать» [Брэгг 2014: 402].

Особую роль в жизни языка играет изменение социального и национального состава общества, в том числе в связи с миграцией населения, обусловленной экономическими и политическими ситуациями, обострением религиозных и межэтнических взаимоотношений и т.д. Мир становится двуязычным и многоязычным, что не может не отражаться на жизни языков.

Ускоренная динамика общественных отношений в значительной мере сопряжена с повсеместным распространением и постоянным совершенствованием информационных технологий, продукты которых – новые феномены межличностных взаимодействий – стимулируют речетворчество (включая словообразование и языковую игру), распространяют интернациональную лексику и определённые штампы (например, мемы), предоставляют образцы сокращений и эмоционально насыщенных (в том числе графических и «картинных») средств компактной передачи личностного отношения к именуемым объектам и ситуациям. Постоянно развивающаяся сфера функционирования языка в электронном формате представляет собой «динамический объект» [Кирилина 2014] (скорее, наверное, *динамичный* объект), в формирование которого вовлечены представители разных возрастных, социальных и профессиональных сообществ, что приводит к смешению стилей, жанров, средств самовыражения, способов привлечения внимания, к тому же в условиях возможной анонимности и личностной «раскрепощённости».

Всё это многократно усиливает креативные возможности носителей языка, которые не только «творят» живой язык, но и фактически через свои действия с языком определяют, что именно и в каком виде закрепится в языке как отвечающее особенностям соответствующего периода жизни общества.

Значительную роль в развитии языка играет также смена поколений его носителей: с уходом старшего поколения утрачиваются традиции внимания к чистоте и правильности языка, знания произведений классической литературы (в том числе воспроизведения наизусть поэтических текстов), совместного с детьми чтения и обсуждения книг, фокусирования на красоте родного языка и на создаваемых с его помощью образов. Вместо этого формируется поколение не читателей, а зрителей / слушателей и/или участников «стрелялок», «бродилкок» и многих других мероприятий, создающих иллюзию деятельности и не требующих ни воображения, ни особой интеллектуальной работы: достаточно усваивать готовые зрительные образы и направляемые действия, подстраиваться под задаваемые речевые штампы, сокращения, условные обозначения и т.п. – всё разрешено, можно быть «крутым», в том числе за счёт употребления не всегда понимаемых самим говорящим иноязычных слов (например, что имеется в виду под «*субстантивным* обсуждением вопроса сокращения вооружений» или под «вербальными когнициями?»).

Некоторые современные тенденции развития русского языка

Индикаторами реализующихся ныне изменений в жизни русского языка могут быть темы научных изысканий, в том числе выполняемых на уровне диссертационных исследований, которые (по своей ориентации и предъявляемым к ним требованиям) должны ставить цель обнаружения того нового, что происходит в жизни языка. Ниже приводятся результаты ознакомления с некоторыми публикациями последних лет, что позволяет сделать предварительные

выводы относительно по-разному проявляющихся в русском языке продуктов приоритетного применения носителями языка стратегий, условно определяемых как устность, креативность, полифония.

Устность. История возникновения этого понятия и современные проявления устности рассматриваются, например, в работах: [Гречушникова 2013а, 2013б, 2014; Палкова 2013; Самуйлова 2012а, 2012б]. Обратим особое внимание на феномен, квалифицируемый как «письменная устность»; фактически – это запись разговора, типичная для современных форм общения с помощью электронных средств, особенно – в чатах (обсуждение ряда связанных с этой проблемой терминов, в том числе немецкоязычных, см.: [Палкова 2013]). Представляется важным отметить, что именно стремление к использованию «живого языка» с его экспрессивностью проявляется в речи, которая формально фиксируется как письменная, но переживается и оформляется пишущим, а также воспринимается читающим как устная.

Под влиянием ускоренного темпа жизни и общения и при необходимости разделяемого знания, которое требуется для взаимопонимания, коммуницирующее сообщество вырабатывает сокращённые формы именовании объектов и событий, использует базовые штампы с вариативностью их лексического наполнения, изобретает условные обозначения типа «смайликов» и т.п., что наглядно представлено в различных подвидах коммуникации в электронном формате, прослеживается в СМИ и рекламе, регистрируется в печатных и озвученных художественных текстах и в Национальных корпусах языков, т.е. становится всё более привычным. Продуктами взаимодействия норм устной и письменной речи оказываются разнообразные отклонения от правил, смешение стилей, жанров, что ведёт к расшатыванию норм, изменению представлений носителей языка о базовых требованиях к культуре пользования языком.

Креативность. Наряду с появлением новых жанров в электронной коммуникации (см., например, [Бондарькова 2014; Горошко, Полякова 201; Казнова, Овчинникова 2014; Кирилина 2012; Мичурин 2014; Палкова 2013; Щурина 2012]) наблюдается рост популярности связанных со злободневными событиями словесных новообразований, в том числе регистрируемых в качестве так называемых «слов года» (см., например: [Сапожникова 2014а, 2014б]), создающих «словесный портрет эпохи» (ср.: *медвепуття* – ‘обозначение современной России’; *депардировать* – ‘переезжать с целью ухода от оплаты налога’ [Сапожникова 2014б: 117]). Креативность проявляется и через творческую обработку заимствованных слов и выражений, их транслитерацию, использование в соответствии с правилами словообразования принимающего языка (типа *гуглить*). В прагматических целях в повседневную жизнь входят аббревиатуры разных видов, в том числе из сферы информатики (ср.: SMS, GPS и т.п., см.: [Жолтикова 2013]); особую роль сокращения слов, словосочетаний и даже целых фраз играют в условиях ускоренного взаимодействия в электронном формате, что нередко скрывает нецензурную лексику [Мичурин 2014]. Языковая игра не случайно стала популярным объектом исследования: рассматриваются новые формы межличностного взаимодействия с использованием языковой игры (см., например, [Викторова 2014а, 2014б; Кирилина 2012; Лингвистика креатива 2012; Топорова 2013]). В Сети игра автора со смыслом сообщаемого сопровождается варьированием видов шрифта, изменением цвета набранной фразы или отдельного слова в ней, выделением полужирным

шрифтом, курсивом, подчёркиванием, разрядкой, комбинацией различных средств. Интенсивно используется орфографическая игра, что выражается в сочетании графем и пунктуации для создания иконического эффекта типа «смайликов». Имеет место и сознательное нарушение принципов орфографии: слова намеренно коверкаются при сокращении или для придания определённой эмоциональной окраски. По мнению Д.С. Мичурина [Мичурин 2014], иногда последнее может быть пародией на безграмотность текстов в Сети. В названной работе отмечаются следующие особенности языка интернет-сообщений: безаффиксальное словосложение типа *интернет-мем* (возможно, под влиянием английского языка), использование свойственных только интернет-коммуникации суффиксов, частотное использование нетипичных для русского языка словообразовательных аналитических моделей; выявлена также эмоционально-игровая доминанта появления новых слов, связанная с поиском средств, повышающих экспрессивность единиц языка. Лексика и фразеология в существенной степени задаются англоязычными мемами, получившими глобальную известность, они могут использоваться в исходном написании, транслитерации или транскрипции, буквальном переводе, близком переводе. К особенностям синтаксиса интернет-сообщений Д.С. Мичурин относит стереотипные фразы, намеренное подведение под распространённое / модное клише. Специфика языка интернет-коммуникации обсуждается во всех названных выше работах (см. также: [Щипицина 2010]),

Пользователи интернет-коммуникацией выносят освоенные приёмы действий с языком за пределы Сети и переносят их на иные коммуникативные ситуации, благодаря чему такие действия входят в речевой обиход и могут закрепляться в письменных текстах. Естественным следствием такого положения вещей оказывается формирующееся у нового поколения носителей языка представление, что именно так следует говорить, писать, проявлять себя в качестве «свободной» языковой личности, стремящейся как можно ярче выразить свои эмоционально-оценочные предпочтения.

Полифоничность. В данном случае речь идёт о разных формах сочетания языковых средств с другими возможностями возбуждения у собеседника тех или иных представлений, ожиданий, выводов, эмоционально-оценочных переживаний. В дополнение к разносторонним подходам к исследованию текстов, называемых поликодовыми, полимодальными, гетерогенными, креолизованными, гибридными и т.д. (см., например, [Воронько 2012; Громова 2013; Максименко 2011; Мичурин 2014; Сонин, Мичурин 2012; Чернявская 2013]), можно отметить в разной мере появляющуюся как в электронных, так и в печатных текстах полифонию стилей, жанров, приёмов, средств привлечения внимания, включая разнородные орфоэпические и графические элементы, сочетание текста и рисунка, текста и фото и т.д. Представляется возможным говорить в этом случае не столько о разнообразии или разнородности (коллажировании), сколько именно о полифонии, поскольку каждая используемая в таких случаях деталь призвана особым, наиболее эффективным образом «работать» на смысл, на достижение желаемого результата, создавая феномен эмерджентности, при котором проявляется кумулятивный продукт со свойством или свойствами, не присущими ни одной из первичных составляющих используемого комплекса средств.

Некоторые результаты происходящих изменений

Несомненную роль в развитии языка играет смена поколений носителей

языка, когда молодёжь принимает за норму не всегда оправданные новообразования и искажения речи, которые оказываются весьма частотными. Примером того, что это касается не только вчерашних школьников, может служить поступление в редколлегию Тверского научного журнала статьи двух авторов, сообщивших, что оба они «процессорЫ» одной и той же кафедры. Это вызвало недоумение молодого доктора филологических наук, полагавшего, что надо исправить на «профессорА». Постепенно забывается ранее усваивавшийся ещё в школе прекрасный образец неграмотной речи из «Жалобной книги» А.П. Чехова: «Проезжая мимо станции, у меня слетела шляпа». Похоже, что мы движемся к допустимости подобных «шедевров», настолько частотными они становятся. Ограничусь несколькими примерами. Диктор телевидения (5-й канал) с радостью сообщает о нововведении в московской школе: «Придя в школу, электронное устройство зафиксирует его приход». В радиопередаче «Когда папа был маленьким», дочь известного писателя заявляет: «Будучи девочкой, мой отец уделял мне мало внимания». По свидетельству коллеги-русиста, в результатах ЕГЭ встречается большое количество примеров типа: «Сидя на лавочки, ко мне подошла бабушка» (примерно, наверное, в каждом 5-м сочинении). Легенду о возникновении того или иного цветка (варианты: флокса, пиона) пересказывают по радио в одном и том же вербальном оформлении: «Уколов палец иголкой, капля крови упала на землю и проросла прекрасным цветком...».

В повседневной жизни и речи носителей русского языка всё более ощутимо проявляются результаты быстрого развития новых информационных технологий. Это можно проиллюстрировать пародией («старой сказкой на новый лад»), написанной девочкой 10 лет, ученицей Мурманской школы Катей Александровой (сентябрь 2014).

«В одной социальной сети “Королевство Ру” существовал аккаунт батюшки-царя и его трёх сыновей. Младшего звали Иван-тусовщик. Позвонил царь сыновьям по скайпу, да и говорит: - Дети мои, вы уже совершеннолетние, голосовать можете. Не пора ли вам жениться? - Да где мы жён-то возьмём? Все аккаунты в сети фейковые. - А возьмите каждый по айфону, позвоните по любому номеру, куда попадёте, там и жена ваша.

Что делать? Взяли по айфону, да и пошли туда, где связь получше ловит. Стали они звонить. Старший в Питер попал, в салон красоты. Средний – в Москву к искусным кутюрье. А младший попал в Челябинск на детский утренник. Стали старшие сыновья хвастаться перед отцом по скайпу, да над младшим насмехаться.

А царь говорит: - Чья жена лучший каравай испечёт, та и самая умелая.

Старшая в ОКее хлеб купила, да просроченный. Средняя в хлебопечке хотела испечь, да не хлеб получился, а сухарь – не ту программу выбрала. А младшая испекла шикарный каравай, потому что гуглить хорошо умела.

Пришли сыновья к отцу. Царь им и говорит: - Младшая победила, что тут думать? А что вы тут стоите? Идите, идите, мне в Твиттере много твитов прислали.

Сыграли сыновья свадьбы, все фотографии в Инстаграм выложили, если инте-ресно, можете посмотреть # (хэштэг), круто потусили. Быстро айфон разряжается, да долго заряжается. Вот и сказке конец, а кто слушал, тому апгрейд на смартфон за десять лайков».

Этот текст показателен: заимствованные слова выступают как именованья

привычных ситуаций, повседневно выполняемых действий и используемых артефактов. Термины информационных технологий и их производные входят в повседневный обиход с чисто утилитарной целью и сигнализируют об изменениях, которые происходят в жизни людей. Со сменой поколений вполне естественно происходит обновление словарного состава языка (см. подробнее: [Залевская 2014а], однако, к сожалению, этим дело не ограничивается: меняются опорные образы предметов и ситуаций (в том числе навязываемыми кино- и видеопродукцией, телевидением и компьютерными играми, спецификой общения в Сети), входят в речевой обиход новые приоритетные конструкции и речевые штампы, сокращения и т.д., а главное – имеет место воздействие на культурно-специфичные способы видения мира и на характер эмоционально-оценочных переживаний, так или иначе связанных с именуемым в процессах познания и общения. В этой связи представляется важным вывод по результатам исследования Д.С. Мичурина: присутствие в поликодовом тексте изобразительной составляющей и её взаимодействие с вербальными компонентами способствует более жёсткому усвоению постоянными участниками интернет-коммуникации инокультурных стереотипов и способов их вербализации [Мичурин 2014: 6].

Заключение

Миф о самодостаточности языка в настоящее время ставится под сомнение даже с позиций теоретической лингвистики [Вдовиченко 2008] и философии (о необходимости исследования «познавательных практик» человека» см.; [Микешина 2005]). Всё большее признание получают идеи онтологической специфики языка, его связи с «целостным» человеком при взаимодействии тела и разума, распределённости значения языковых единиц как «разделяемого знания», его «встроенности» в естественное и социальное окружение носителя языка (см. подробнее: [Залевская 2014б; Кравченко 2015; Zalevskaya 2014]).

Фактор человека в развитии языка проявляется через активизацию присущих языку как достоянию человека потенциалов и возможностей, реализуемых посредством используемых носителями языка стратегий оперирования языком. В частности, ныне устная речь расшатывает стандарты, креативность позволяет тонко выражать отношение к меняющемуся миру, полифония способствует яркому проявлению эмоционально-оценочных переживаний. Смена поколений поддерживает некоторые из обострившихся тенденций и закрепляет их сначала в узусе с постепенным переходом в норму. От сложного взаимодействия многих внешних и внутренних факторов зависит судьба происходящих изменений, которые могут постепенно «угаснуть» или закрепиться вплоть до вхождения в систему языка.

Для дальнейшего более глубокого изучения обсуждаемых тенденций развития языка необходима целенаправленная разработка исследовательских процедур, способных выявлять обостряющиеся процессы пользования языком, в том числе прослеживаемые для пар / групп языков или специфичные для отдельных из них.

Обратим внимание на то, что к признанию необходимости рассмотрения приоритетных стратегий пользования языком в современном обществе, а также обнаружения ведущих опор и их параметров, на основании которых решаются вопросы преимущественного выбора языковых средств манифестации продуктов речемыслительной деятельности человека, исследователи приходят с разных

позиций, что свидетельствует об объективной значимости постановки такой задачи.

Так, в лингвистическом сопоставительном исследовании на материале перцептивной лексики украинского, польского и английского языков [Деменчук 2015] при разработке динамичных семантических моделей как теоретических конструкторов за основу взяты стратегии носителей соответствующих языков при именовании различных участников перцептивной ситуации и взаимоотношений между ними; установлены параметры, по которым регистрируются факты сходства и отличий отображения в семантике перцептивной лексики сопоставляемых языков информации об особенностях восприятия мира человеком.

В психолингвистическом исследовании [Курганова 2012а, 2012б] по результатам широкомасштабных экспериментов с носителями русского и французского языков проверялось предположение, что «в основе вариативности *смыслообразовательных процессов* выступают следующие факторы: а) наличие культурной установки, которая задаёт направленность *познавательным стратегиям* субъекта; б) многоуровневый и полифоничный характер когнитивных процессов; в) выделенность различных форматов хранения и переработки знания; г) многоэтапный характер речемыслительной деятельности в силу чего знание функционирует на разных уровнях осознания: метаязыковом или стратегическом, когнитивном, семантическом и дискурсивном» [Курганова 2012б: 18. Курсив мой. – А.З.]. Поскольку способ функционирования знания вписан в определённый социокультурный контекст, он несёт на себе «следы» влияния последнего, а это «находит отражение как в *структуре* вырабатываемых значений, так и в специфике *процессов* продуцирования смыслов» [цит. раб.: 19]. Исследование *операционных параметров* смыслового поля слова и поиск *функциональных опор* речевого действия с применением разработанного автором метода многоуровневого анализа процессов функционирования смысловых полей слов-коррелятов в двух языках позволил Н.И. Кургановой обнаружить межкультурные различия на уровне *когнитивных операций*, используемых носителями сопоставляемых языков, в том числе по типу операций и их количеству, по различиям в значимости таких операций для определённой лингвокультуры, по соотношению эмоциональных и рациональных, образно-ситуативных и вербально-аналитических стратегий [цит. раб.: 29].

Думается, что исследование вариативности смыслообразовательных процессов, направленности познавательных стратегий носителя языка, специфики операционных параметров смыслового поля, функциональных опор речевого действия, когнитивных операций, приоритетно используемых носителями разных языков, не только поможет решить актуальные вопросы динамики языка и сопоставительных исследований, но и актуализирует изначально специфичные для отечественной психолингвистики методологические ориентиры, заданные в годы оформления этого научного направления в России и поставившие во главу угла разработку проблем теории речемыслительной деятельности и методов психолингвистических исследований (см. подробно: [Залевская 2007: 528–539]).

Литература

Бондарькова А.В. Самопрезентация в социальных сетях как особый Интернет-жанр (на материале русскоязычных блогов) // Вопросы психолингвистики. – 2014. – № 1. – С. 78–91.

Брэгг М. Приключения английского языка / пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Альпина нон-фикшн, 2014. – 418 с.

Вдовиченко А.В. Расставание с «языком»: Критическая ретроспектива лингвистического знания: монография. – М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета, 2008. – 512 с.

Викторова О.А. Разные подходы к исследованию языковой игры на современном этапе // Вестник Тверского государственного университета. – Сер.: Филология. – 2014а. – № 2. – С. 174–180.

Викторова О.А. Языковая игра в демотивационных постерах // Диалог языков и культур: лингвистические и лингводидактические аспекты: сб. науч. тр. – Тверь, 2014б. – Вып. 6. – С. 32–35.

Воронько В.П. Вербальный компонент поликодового текста, его структура и функции // В мире научных открытий. – 2012. – № 11.3. – С. 28–39.

Горошко Е.И., Полякова Т.Л. Политический твиттинг как новый жанр интернет-коммуникации // Вопросы психолингвистики. – 2014. – № 1. – С. 92–103.

Гречушиникова Т.В. Литература «на всех каналах» III – возврат к изустному? // Вестник Тверского государственного университета. – Сер.: Филология. 2013а. – № 5. – С. 22–29.

Гречушиникова Т.В. I slam. Therefore I am. Устность и мультимедиа как литературный мейнстрим // Вестник Тверского государственного университета. – Сер.: Филология. – 2013б. – № 24. – С. 28–45.

Гречушиникова Т.В. Slam poetry: классика в мультимедийной современности // Вестник Тверского государственного университета. – Сер.: Филология. – 2014. – № 2. – С. 21–27.

Громова Н.С. Лингвокультурологический аспект анализа креолизованных текстов // Язык и культура. – 2013. – № 4. – С. 137–141.

Деменчук О.В. Динамічні семантичні моделі перцептивної лексики в українській, польській та англійській мовах: зіставний аспект: автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня доктора філологічних наук : 10.02.17 – порівняльно-історичне і типологічне мовознавство / О.В. Деменчук ; Київськ. національн. лінгвістич. університет. – Київ, 2015. – 35 с.

Жолтикова М.А. Идентификация аббревем компьютерной сферы: стратегии и опоры // Вестник Тверского государственного университета. – Сер.: Филология. – 2013. – № 24. – С. 293–297.

Залевская А.А. «Человеческий фактор в языке»: динамика трактовки // Вестник Тверского государственного университета. – Серия: Филология. – 2005. – № 1 [7]. – Вып. 2 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С. 25–38.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику: учебник. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. – 560 с.

Залевская А.А. Значение слова через призму эксперимента: монография. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. – 240 с.

Залевская А.А. «Старое», «новое» и «вневременное» в языке и в образе мира индивида // Вестник Тверского государственного университета. – Серия: Филология. – 2014а. – № 4. – С. 38–45.

Залевская А.А. Что там – за словом? Вопросы интерфейсной теории слова: монография – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2014б. – 328 с. [Электронная книга]. URL: www.directmedia.ru/

Казнова Н.Н., Овчинникова И.Г. Коммуникация в социальных сетях по сравнению с блогосферой // Вопросы психолингвистики. – 2014. – № 3. – С. 86–97.

Кирилина А.В. Жанр «демотиватор» как проявление полифонии и фиксации повседневности // Полифония большого города: сб. науч. ст. – М., 2012. – С. 54–74.

Кирилина А.В. Понятие динамического объекта в постнеклассической лингвистике // Вопросы психолингвистики. – 2014. – № 4. – С. 36–46.

Кравченко А.В. Является ли традиционный лингвистический анализ анализом языка? // Вестник Тверского государственного университета. – Серия: Филология. – 2015. – № 2 (в печати).

Курганова Н.И. Смысловое поле при моделировании значения слова: монография. – Мурманск: МГГУ, 2012а. – 296 с.

Курганова Н.И. Роль и место смыслового поля при моделировании структурных и операциональных параметров значения слова: автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10. 02.10 / Н.И. Курганова ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2012 б. – 46 с.

Лингвистика креатива 2: коллективная монография / под общ. ред. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2012. – 379 с.

Максименко О.И. Семиотические особенности медиатекста интернета // Вестник Российского университета дружбы народов. – Сер.: Теория языка. – 2011. – № 1. – С. 50–58.

Микешина Л.А. Философия познания. Проблемы эпистемологии гуманитарного знания. – 2-е изд., доп. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. – 560 с.

Мичурин Д.С. Прецедентный поликодовый текст в вербально-изобразительной коммуникации интернет-сообществ (на материале русскоязычных имидж-форумов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2014. – 19 с.

Палкова А.В. Социолингвистические особенности коммуникации в чатах // Вестник Тверского государственного университета. – Сер.: Филология. – 2013. – № 24. – С. 112–118.

Пискарева А.А. Языковые следствия глобализации (на материале функционирования англицизмов в немецком языке): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А.А. Пискарева ; Военный университет. – М., 2014.

Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. – М.: Наука, 1988. – 216 с.

Самуйлова Л.В. Устность: между языком и правом // Вестник Тверского государственного университета. – Сер.: Филология. – 2012а. – № 60. – С. 133–148.

Самуйлова Л.В. Устность: право, фольклор, литература // Вестник Тверского государственного университета. – Сер.: Филология. – 2012б. – № 24. – С. 135–142.

Сапожникова Л.М. «Слова года» в немецкоязычных европейских странах: этнопсихо-лингвистические и политические аспекты // Слово и текст: психолингвистический подход. сб. науч. тр. – Тверь, 2014. – С. 74–78.

Сапожникова Л.М. Прагмаономастика и ономастический потенциал «слов года» в Германии и России // Вестник Тверского государственного университета. – Сер.: Филология. – 2014. – № 2. – С. 112–119.

Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. – М.: Наука, 1988. – 242 с.

Сонин А.Г., Мичурин Д.С. Эволюция поликодовых текстов: от воздействия

- к взаимодействию // Вопросы психолингвистики. – 2012. – № 2 (16). – С. 164–173.
- Торопова О.В.* Языковая игра в структуре демотиваторов // Челябинский гуманитарий. – 2013. – № 2 (23). – С. 41–43.
- Человеческий фактор* в языке: Языковые механизмы экспрессивности / Отв. ред. В.И. Телия. – М.: Наука, 1991. – 214 с.
- Чернова О.О.* Динамика языковой системы современного литературного немецкого языка под влиянием внешних факторов (на материале немецкого языка Германии, Швейцарии и Австрии): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Чернова О.О. ; Белгородск. гос. нац. исслед. ун-т. – Белгород, 2015. – 23 с.
- Чернявская В.Е.* Медиальный поворот в лингвистике: поликодовые и гибридные тексты // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2013. – № 2 (23). – С. 122–127.
- Шапошникова И.* Родное слово – знак спасенья // Вопросы психолингвистики. – 2013. – № 1 (17). – С. 147–150.
- Щипицина Л.Ю.* Комплексная лингвистическая характеристика компьютерно-опосредованной коммуникации (на материале немецкого языка): дис. ... докт. филол. наук. – Архангельск, 2010. – 459 с.
- Щурина Ю.В.* Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // Научный диалог. – 2012. – № 3. – С. 161–173.
- Zalevskaya A.* Interfacial Theory of Word Meaning: A Psycholinguistic Approach. – London: International Academy of Science and Higher Education, 2014. – 180 p.

А.В. Кирилина

УДК 81'16

СХОДСТВА В РАЗВИТИИ КОММУНИКАТИВНО МОЩНЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ¹

В статье критически рассмотрены некоторые общие черты коммуникативно мощных европейских языков – влияние на них глобального английского и языков мигрантов, а также фактора социального престижа, рост языковой рефлексии как в научной среде, так и за ее пределами; формирование новой философии языка; политизация взглядов на язык.

Ключевые слова: глобализация, социолингвистика, европейские языки, языки мигрантов, пиджинизация, глобальный английский, лингвофилософия.

Alla V. Kirilina

SIMILARITIES IN THE DEVELOPMENT OF COMMUNICATIVELY POWERFUL EUROPEAN LANGUAGES IN THE AGE OF GLOBALIZATION

The article deals critically with some common features of leading (communicative strong) European languages: the influence of global English and the languages of migrants, the factor of social prestige, the rising language reflection in the academic society and beyond it; the new conceptions of language, politization of the language concept. Some proposals for the cultivation of European languages are being formulated.

Keywords: globalization, sociolinguistics, European languages, migrant languages, pigeonization, Global English, linguophilosophy.

С конца XX века происходит ускорение глобализационных процессов, и разворачивается полемика о судьбах языков [Gardt, Hüppauf 2004; Coupland 2003, 2010; Fairclough 2006; Алпатов 2004; Глобализация - этнизация 2006; Гриценко, Кирилина 2010, 2014 и др.]. Продолжая тему, мы рассмотрим проявившиеся к настоящему моменту общие черты ведущих европейских языков, подразумевая под этим названием разработанные языки с высоким коммуникативным рангом и значительным числом говорящих, имеющие давнюю письменную традицию и функционирующие в экономически и культурно развитых европейских странах. Прежде всего это немецкий, русский, французский языки. Из-за широты вопроса мы тезисно коснемся лишь некоторых его сторон, предполагая в дальнейшем их более подробное монографическое освещение.

В развитии этих языков и его научном осмыслении обнаруживается ряд сходных черт:

Противопоставление их глобальному английскому, что выражается в возникновении термина неанглийские языки и оппозиции английский – все остальные языки, а также в появлении пессимистических метафор: язык-убийца, язык-тиранозавр; кукушонок в гнезде языков; лингвистический империализм и даже языковой геноцид

¹ Исследование проведено в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. (Мероприятие 1.1. «Проведение научных исследований коллективами научно-образовательных центров»).

(linguicide) [Phillipson 2004], а также в пристальном внимании не только научного сообщества, но и «обычных» граждан к языковому контакту «родной язык – английский язык».

Формирование глобального английского² (Globalish) [Crystal 2004, Ammon 2004] и его воздействие на европейские языки; образование так называемых *Denglish*, *Runglish*, *Franglais*, *Spanglish* и под., обслуживающих, как считают некоторые авторы [Augustin 2004], новую глобальную идентичность.

«Сокращение языка» (*submergence*) [Hürpau 2004: 4] – вытеснение языков с высоким коммуникативным статусом из ряда сфер коммуникации, свойственных ранее лишь языкам развитых обществ – науки и международной коммуникации; *появление сходства в развитии языковых контактов языков с низким и языков с высоким коммуникативным рангом.*

Мощные и повсеместные миграционные процессы, усиленная диаспоризация, этнизация социальных групп и негативные демографические процессы во многих странах привели к изменению социальной базы носителей ведущих языков, росту их негомогенности, гибридизации вследствие интенсификации языковых контактов, образованию пиджинизированного языка мигрантов.

Повсеместная рефлексия о языке, институциональные и стихийные (народные) меры по защите ведущих языков Европы.

Новое социально-философское осмысление языка, дискуссия о роли и месте языка в «постнациональном мире», политизация и идеологизация концепций языка.

Изменение условий и появление новых форм существования языков [Караулов 1991, Мустайоки 2013]; ускорение темпов их развития, а также появление новых технических возможностей для научной фиксации и анализа скоротечных явлений жизни языка.

«Крупные» языки вытесняются из ряда социально значимых сфер и утрачивают некоторые свои функции – например в бизнесе, международных отношениях, торговле, спорте, в сфере моды, досуга и развлечений [Ammon 2010, Braselmann 2004, Phillipson 2004 и мн. др.]. Около 80% коммерческих переговоров по всему миру ведутся на английском, делая его необходимой предпосылкой для участия в международной торговле [Braselmann 2004: 100]. Так, например, недавно обнародован факт двухлетнего отсутствия перевода на русский язык такого значимого для России документа, как протокол о вступлении в ВТО в 2012 г. Перевод осуществлен лишь в 2014 г.

Знание английского необходимо сегодня для работы во многих отраслях экономики – причем даже на низшем уровне корпоративной иерархии. Визуальная среда мегаполисов «пропитана» английским; его изучение и владение им социально престижны.

Общепризнан сегодня и факт вытеснения английским языком всех остальных из сферы научной коммуникации [Ammon 1998, 2002, 2003, 2004a, 2004b, 2010; Dieter 2004, Noberg 2004 и др.]. Так, по данным У. Аммона, в 2006 г. среди публикаций в области естественных и математических наук доля англоязычных текстов составила более 90%, в области гуманитарных – более 80% [Ammon 2010: 115 - 116], даже с учетом того, что полнотекстовые статьи не всегда англоязычны и при англоязычной аннотации, которые подсчитывал этот автор, данные У. Аммона впечатляют. Осмысляя

² Вопрос фрагментации глобального английского нами здесь не рассматривается – см. об этом [Crystal 2004: 38].

будущее коммуникативно мощного немецкого языка, У. Аммон полагает:

«...многоязычие подрывает тот факт, что дополнительный язык дает много дополнительных форм и мало дополнительного содержания, что делает языки не очень удобными когнитивными инструментами, хотя эта мысль идет вразрез с идеями Гумбольдта и Уорфа.

Поэтому немецкий будет изучаться ровно столько времени, сколько он будет осознаваться как полезный и дающий преимущества. Надо задать себе вопрос, сохранится ли потребность в изучении немецкого языка как иностранного, когда каждый немец или хотя бы каждый прилично образованный немец будет знать английской или глобальный язык. И не станет ли это отложенной во времени целью или, по крайней мере, незапланированным результатом современной языковой политики и изучения иностранных языков в Германии. Еще вопрос: к чему должно в итоге привести введение преподавания английского языка в начальной школе? Должен признаться, что не вижу иного выхода из этого туннеля, который, возможно, ведет к потере международного статуса немецкого языка. У немецкоязычного сообщества нет иного выбора, ему приходится «своими руками» подрывать международный статус своего языка» [Ammon 2004: 170; здесь и далее перевод наш. – А.К.].

Аналогичные опасения можно высказать и относительно научной коммуникации на русском языке – особенно с учетом довольно широко представленных на ряде профессиональных сайтов настроений научной молодежи относительно русского языка: <http://www.researcher-at.ru/index.php?option=content&task=view&id=49&Itemid=62> (дата обращения: 17 ноября 2011).

Приведем типичный пример:

Александр Пухов:

07.07.2011 в 17:40

Уважаемая С.О. Зачем писать научные работы на русском языке? Специально чтобы враги с проклятого Запада не могли их прочесть? Особенно если круг лиц, которыемогут их прочесть, и без того узок? Зачем писать работы, которые мало кому интересны, если полно вопросов, которые интересны всем? Давайте не будем относить эти вопросы к Юрию Григорьевичу. Это вопросы к большинству российских ученых, которые предпочитают заниматься чем-то оригинальным далеким от main stream и публиковаться черти-где.

<http://trv-science.ru/2011/07/05/a-nado-li-kak-na-zapade/> (Дата обращения – 17 ноября 2011 г.)

Названные факты, к сожалению, не позволяют нам разделить мнение Т.Б. Крючковой о том, что «позиции русского языка во всех отраслях знания продолжают оставаться устойчивыми» [Крючкова 2010: 36] – тем более что названный автор обнаружил: подавляюще количество новой научной литературы, поступающей в библиотеки, издано на английском языке» [Крючкова 2010: 35-36]. Образовательная политика, поддерживающая студенческую мобильность, также способствует развитию англоязычия.

В РФ в настоящее время английский занимает доминирующее положение во всех сферах функционирования иностранных языков, и роль его возрастает [Крючкова 2010]. Английский наиболее часто изучаем в Европе как второй язык. На втором месте немецкий, на третьем – французский [Hoberg 2004: 92].

Оценки числа говорящих на русском языке и его динамики весьма различны – от сравнительно недавних (2013) сообщений в прессе (со ссылкой на Л.Г. Вербицкую)

о 500 миллионах говорящих на русском языке в мире до крайне пессимистических прогнозов:

«В настоящее время по степени распространенности русский язык пока еще занимает четвертое место в мире... При сохранении существующих тенденций уже через 10 лет число знающих в различной степени русский язык сократится до 212 миллионов человек, и его опередят французский (которым в настоящее время владеют около 270 миллионов человек), хинди/урду (260 миллионов человек), арабский (230 миллионов человек), а к 2025 году, когда число знающих русский в различных странах мира со-

кратится ориентировочно до 152 миллионов человек (то есть достигнет уровня начала XX века), русский язык опередят португальский (в настоящее время им владеет свыше 190 миллионов человек) и бенгали (около 190 миллионов человек).

Рис. 1. Тенденции распространения русского языка в XX веке и в первой четверти XXI века (оценка и прогноз)» [Арефьев 2006, электронный ресурс].

Хотя А.Л. Арефьев, как представляется, не учитывает положительные тенденции – расширение русскоязычного интернет-пространства, усиление борьбы русскоязычного населения бывших республик СССР за свои права (а сегодня это еще и возвращение Крыма в состав России), – основания для тревоги есть. Меры в сфере языковой политики оказывают, на наш взгляд, слабое влияние на ситуацию. Яркий пример – Тутцингские тезисы 1999 г. [Tutzinger Thesen 1999], в которых сформулирована программа сохранения европейских языков с высоким коммуникативным рангом³.

Вопреки установкам Тутцингских тезисов происходит взаимное сокращение изучения европейских языков и культур: «... за последние несколько лет закрылись или закрываются кафедры славянской филологии в Билефельде, Свободном Берлинском университете, Мангейме, Марбурге, Ростоке, Франкфурте-на-Майне, Эрлангене. В конце года будет закрыта боннская славистика – признанный центр в изучении истории славянских языков и библейской переводческой традиции...» [Жданова 2013: 153]. Сокращается число изучающих немецкий язык в России и русский – в Германии [Арефьев 2010]. Сходная ситуация складывается и в Российской Федерации: «В РФ в 2007г. ан-

³ Приняты на конференции «Евронемецкий» (Euro-Deutsch) Немецким союзом германистов совместно с евангелической академией Тутцинга в июне 1999.

А.В. Кирилина. Сходства в развитии коммуникативно мощных европейских языков...

глийский язык в школах изучали 8849401 чел., немецкий — 1867446, французский — 464735, 72723 школьника изучали другие иностранные языки.» [Крючкова 2010: 35].

Данные о количестве школьников, сдававших единый государственный экзамен (ЕГЭ) по иностранным языкам в 2011 – 2013 гг., дают аналогичную картину:

год	Английский язык	Немецкий язык	Французский язык	Испанский язык
2011	65478	3188	1571	201
2012	49998	2440	1346	194
2013	7668	2768	1561	233

(<http://ege.edu.ru> дата обращения: 17 марта 2014)

В Российской Федерации также наблюдается сокращение числа изучающих какой-либо неанглийский язык – как в школах, так и в вузах. В 2007 г. в Москве была повышена зарплата учителям английского (а не русского) языка, и такое положение дел просуществовало примерно пять лет.

Наряду с объективными процессами интеграции отмечают и недостаточную языковую лояльность, слабость или отсутствие протекционистской языковой политики и стремление бизнеса к унификации языка, насаждаемое в ущерб языковым интересам граждан. Ярким примером служит французский закон о языке, который был признан противоречащим Маастрихтским соглашениям и значительно смягчен. Закреплен следующий порядок: товар описывается на французском языке, но в дополнение могут использоваться другие языки (декрет № 2002 – 1025 от 1 августа 2002 ст. 1, получивший название *Decret Dutreil*) [Phillipson 2004: 53]. Миграционные процессы, а иногда практически не контролируемая миграция также имеют серьезные последствия для развития языков (и не только). Однако проблема эта столь политизирована и накалена, что немногие решаются обсуждать ее.

Со второй половины XX века в немецком языковом пространстве появились новые явления, связанные с массовой миграцией. С 50-х гг. XX века начался приток мигрантов из Турции, несколько позднее – с конца 80-х – начала 90-х гг. – этнических немцев и евреев из СССР: с 1990 года в Германию переселилось на постоянное жительство примерно 200 тысяч евреев из бывшего СССР и Восточной Европы [Diez 2005, Попков 2009]. Для выходцев из СССР/России родным языком был русский [Попков 2009]. Мигрировали также русские и лица других национальностей, представленных в бывшем СССР. Помимо этого в Германию иммигрируют и представители других стран. До объединения Германии пиковым был 1982 г., в котором число иностранцев составило 4,7 мил чел., что соответствует 7,6% населения страны. После объединения данные 1992 г. продемонстрировали новый рост – 6,5 млн. зарегистрированных иностранцев (8% населения). [Barbour, Stevenson 1998: 213]. Сегодня эта тенденция также выражена весьма ярко, хотя в 2005 г. вновь подверглось коррекции иммиграционное законодательство. По данным сайта [http://www.gifhorn.de/pics/medien/1_1222325613/Anlage_4_Aussiedlerstatistik_seit_1950.pdf], с 1987 по 2005 гг. в Германию из СССР/России въехало 2191655 человек, в основном этнические немцы.

Массовый въезд иностранных рабочих и в значительной мере самостоятельное и «усеченное» усвоение ими языка страны пребывания, а также неполная интеграция рабочих и поколения их детей привели к пиджинизации европейских языков [Clupe

1968] (сегодня подобные термины да и просто критическое обсуждение вопроса считаются неполиткорректными и могут повлечь за собой санкции, как это произошло, например, с автором книги «Германия самоликвидируется» [Sargazin 2010]). Отмечается в целом «фрагментарное», «усеченное» [Blommaert 2010] владение языком на уровне основных жизненных потребностей и базовых социальных связей.

К. Зорниг [Sornig 1988: 63] называет следующие проявления утраты языка:

- 1) утрата «старательного» ведения диалога
- 2) утрата способности порождать тексты
- 3) утрата разнообразия текстов (отказ от некоторых типов текста)
- 4) утрата коннотативного семантико-лексического навыка говорения.

Миграционные процессы в России также драматичны, обострены отсутствием визового режима со странами, из которых идет широкий поток мигрантов (например, бывшие среднеазиатские республики СССР) и целым рядом иных обстоятельств (например, этнизацией социальных групп), обсуждение которых уводит слишком далеко от заявленной в статье проблематики. Отметим лишь преимущественно низкий уровень образования и квалификации иммигрантов и негативное влияние этого факта на развитие русского языка, что выражается, в частности, в значительном расширении социальной базы ограниченного языкового кода.

Наконец, обратимся к интенсивной языковой рефлексии, которая характеризует сегодня практически все страны, затронутые глобализацией. Здесь обращает на себя внимание активизация стихийных, «народных» мер по защите родного языка. Уже в течение примерно 20-25 лет отмечается рост озабоченности граждан состоянием и судьбой родных языков. Почти 60% немцев считают тенденции развития языка вызывающими озабоченность [Eisenberg 2004: 121]. В России также довольно ярко проявляется рост интереса к языку и обеспокоенность его судьбой. Это находит выражение и в дискуссиях лингвистов, и в обыденной жизни носителей языка. Так, велико число откликов на материалы СМИ, посвященные жизни языка. В 2012 г. в России развернулась дискуссия о роли русского языка в «Литературной газете» (№№ 5, 6, 10 и след. за 2012 г.) и острая полемика, касающаяся новых образовательных стандартов школы и места в них русского языка и литературы. Ряд СМИ и радиостанций открыл рубрики, посвященные жизни русского языка.

Увеличилось число популярных книг о языке. Граждане активно обсуждают судьбу языка, считая, что русский язык надо охранять – об этом свидетельствуют, в частности, комментарии к материалам СМИ. Резкой оценке граждан подвергаются высказывания лингвистов о том, что ничего страшного с языком не происходит. Эти оценки сегодня доступны научному наблюдению в электронной форме комментария к СМИ.

Высока посещаемость портала ГРАМОТА.РУ и его форума.

За рубежом также наблюдается повышение активности русскоязычного сообщества. Так, в мае 2012 г. Союз русофонов Франции выступил с инициативой собрать подписи в поддержку использования русского языка как официального в ЕС. Соответствующее обращение опубликовано 9 мая 2012 г. на сайте союза (russphonie.org). С 2007 г. в РФ, по образцу некоторых европейских стран, происходит выбор слова года.

В Германии требования ввести закон о защите языка, аналогичный французскому [Werthebach 2000], встречают идейное противодействие – публичные выступления в защиту немецкого языка, на взгляд Х. Й. Майера, рассматриваются как «противоре-

чащие духу политкорректности, который в современной Германии включает чувство национального смирения (*an attitude of national humility*). Возможно, этим объясняется, почему в целом сопротивление культурной и академической деградации немецкого слабо и – при широкой распространенности – мало звучит громко» [Meuer 2004: 77].

Еще более остро ставят вопрос неакадемические сообщества. Среди них – Союз немецкого языка (СНЯ) – *Verein Deutsche Sprache*, основанный в 1997 г. и насчитывавший в 2004 г. 13 000 и сегодня – 34 000 членов, а также 1600 зарубежных членов союза. СНЯ декларирует защиту самоуважения и достоинства всех, чьим языком является немецкий. Все это сочетается с критикой глобализации, которая рассматривается как растущая зависимость от США. Роль СНЯ весьма велика; его сайт демонстрирует высокую посещаемость и – несмотря на неприятие СНЯ многими членами академического сообщества [Schiewe 2001] – пользуется популярностью. СНЯ проводит заметную работу по укреплению позиций немецкого языка, по противодействию экспансии английского. Так, сайт СНЯ содержит англо-немецкий преобразователь (конвертор), позволяющий любому посетителю заменить английское слово или выражение подходящим немецким. Выпускается перечень англицизмов на бумажном и электронном носителях: <http://vds-ev.de/anglizismenindex/>. Цель перечня – зафиксировать приток англицизмов в немецкий язык и доказать оспариваемый многими лингвистами тезис о влиянии английского. К англицизмам даны и немецкие аналоги. Список постоянно обновляется и содержал в 2012 г. 7400 статей⁴.

СНЯ включает ряд рабочих групп, которые занимаются различными сферами функционирования немецкого языка – англо-немецким языковым контактом, немецким в политике, науке, культуре.

В 2001 г. Создан Фонд немецкого языка. Его цель – сохранить, укрепить для будущих поколений немецкий язык, который представляет собой «общее достояние высочайшей ценности, выражение идентичности, полноценное средство повседневного общения, средство познания, мышления, общественного дискурса» и сделать его способным для выполнения новых задач (<http://www.stiftung-deutsche-sprache.de>).

Помимо СНЯ и официальной лингвистики ширится участие значительного числа граждан в различных (интернет-)проектах, посвященных немецкому языку. Создан целый ряд сайтов, организованных профессиональными филологами или любителями, где каждый желающий может оставить данные о новых, исчезающих или исчезнувших словах и других языковых явлениях (www.bedrohte-woerter.de; <http://www.wortwarte.de>).

В Германии продолжается проект «Слово года» (*Das Wort des Jahres*), реализуемый Обществом немецкого языка (*Gesellschaft für deutsche Sprache*; ОНЯ). С 1991 г. фиксируются и неудачные слова года (*Das Unwort des Jahres*) (<http://www.unwortdesjahres.net/>). Цель инициативы – повысить точность описания и пропагандировать гуманистическое использование языка. Негуманные слова и выражения должны стать порицаемыми и выводиться из употребления. Неудачные слова года, таким образом, стоят на защите нравственных оснований употребления языка [Schiewe 2001].

Важнейшая характеристика современной ситуации – политизация языковой рефлексии и идеологизация концепций языка.

⁴ Мы намеренно не касаемся здесь вопроса о пуризме, а также оставляем для рассмотрения в отдельной статье Доклад о состоянии немецкого языка, вышедший в конце 2013 г.

Критически настроенные ученые видят в широком и быстром распространении английского целенаправленное определение политических и экономических групп. Так, на взгляд, Р. Филлипсона, продвижение английского языка в Европе стало целью США и Великобритании с 1945 г. Британский Совет сыграл ключевую роль в укреплении позиций английского в постколониальных странах и в посткоммунистическом мире, где глобализация проповедовалась как триединство рыночной экономики, прав человека и английского. Аналогичным образом И. Подзигун выделяет в глобализации естественную и искусственную составляющие. Последняя связана с политическими целями [Подзигун 2003]. Еще более радикальную позицию занимает С.Г. Кара-Мурза: «Обмен людьми и продуктами культуры (навыками и техническими средствами, растениями и животными) создал человечество. Следовательно, сегодня речь идет не вообще о глобальных процессах в развитии человечества, а о специфическом нынешнем этапе – попытке создания Нового мирового порядка. И о той мифологии, которая эту попытку идеологически прикрывает» [Кара-Мурза 2001].

С конца 90-х – начала 2000-х гг. различные учреждения и ассоциации в странах Европы выступили в поддержку многоязычия (см. [Европейская хартия... 1992]). Концепция современного владения двумя и более языками представлена в уже упомянутых «Тутцингских тезисах» [Tutzinger Thesen, 1999].

К концу первого десятилетия XXI века стало ясно, что глобализационные процессы более сложны и противоречивы, чем это представлялось на рубеже веков [Coupland 2010]. Например, усилилась фрагментация общества, и на территории одной страны можно обнаружить и области наднациональной метроэтничности [Maher 2005] и локусы традиционные, слабо затронутые глобализацией; растет, воздействуя на местные идиомы, число «гибридных форм» языка, что связано с мощными миграционными процессами. Интерпретация этих процессов в гуманитарном знании не свободна от идеологической ангажированности.

Важную роль в этой дискуссии играет критика понятия «национальный язык»; активизация полемики универсалистов (конструктивистов) и лингводетерминистов, о которых мы писали ранее (см. [Кирилина 2013]).

Многие из обсуждаемых вопросов тесно связаны с качеством языковой политики, которая в свою очередь зависит от политических и идеологических установок власти. На взгляд, П. Филлипсона, вопросы обеспечения многоязычия в рамках ЕС «на удивление мало подвергаются научной рефлексии и крайне редко становятся предметом академических исследований» [Phillipson 2004: 51]. Названный автор обращает внимание на недостаточность языковой политики европейских государств, что также способствует сокращению европейских языков. Р. Филлипсон настаивает: «Небрежная языковая политика, таким образом, ведет к повышению риска для всех языков, кроме английского. Предоставление языковой политики силам рынка – национальным или наднациональным – это шаг в сторону большей доли английского и меньшей – национальных языков» [Phillipson 2004: 543]. Аналогичной точки зрения придерживаются и многие другие ученые. Так, один из важных итогов проекта, выполнявшегося в 2010 – 2013 гг. в НГЛУ⁵, – вывод о том, что «в новых геополитических условиях, характеризующихся глобализационными сдвигами и транснациональной экспансией, а также

⁵ Проект «Глобализация и язык: анализ современной социолингвистической ситуации на материале русского, английского и немецкого языков», руководитель – д. филол. н., проф. Е.С. Гриценко.

ростом локальных национализмов, риску подвергается культурный и языковой суверенитет крупных государств, коммуникативно мощных региональных неанглийских языков; происходит теоретическое дезавуирование культур и этносов через ослабление позиций языка и политизацию его концепций» [Гриценко, Кирилина 2014: страница].

Значительную сложность представляют вопросы языкового законодательства. Законы о языке в крупных европейских странах нередко имеют более низкий социальный престиж по сравнению с новыми государственностями Литвы, Латвии, Польши и т.д., чаще нарушаются, или меняются в сторону смягчения – в том числе в угоду рынку, как это произошло в 2002 г. с законом Тубона во Франции, – или вообще отсутствуют, как в Германии. Официальная языковая политика Германии, в которой немецкий язык, не закреплен конституционно как государственный, способствует названному течению событий. Существует также историческая специфика развития некоторых стран: так, в германском гуманитарном знании по известным историческим причинам весьма распространён отрицательный взгляд на понятия *нация* и *национальный язык* [Gardt 2004], о чем говорилось выше.

И в России официальные меры по поддержке и защите государственного языка явно недостаточны (это тема для специального обсуждения, и мы ограничимся пока лишь указанием на то, что в настоящее время закон о языках народов Российской Федерации № 1807-1 ОТ 25.10.1991 (с дальнейшими изменениями в ред. Федеральных законов от 24.07.1998 N 126-ФЗ, от 11.12.2002 N 165-ФЗ) не в полной мере учитывает столь значимое явление, как коммуникативный ранг языка и его роль в культурном развитии и государственном строительстве.

Между тем, говоря о национальных языках эпохи глобализации, необходимо разграничивать их коммуникативный статус – «малые», нередко бесписьменные, языки с небольшим числом носителей не слишком мешают глобализации и в официальном дискурсе ООН, ЮНЕСКО и подобных организаций рассматриваются как культурное достояние, требующее заботы и сохранения. В научной литературе нам не встретились утверждения о сконструированной сущности какого-либо «малого» языка. Коммуникативно же мощные европейские языки – немецкий, русский, французский, итальянский и др. – напротив, встречают иное отношение и объявляются не существующими в реальности конструктами [например, Биллиг 2005: 77; Хобсбаум 2005].

Наконец, в Латвии, Эстонии и др. странах (преимущественно Восточной Европы) проводится жесткая политика – отказ в гражданстве для не владеющих государственным языком и под. Апология такой дискриминации также политизирована и, как правило, вербализуется в терминах освобождения от советского влияния и «гнета» русского языка (примечательно, что при этом место языка с высоким коммуникативным статусом и социальным престижем занимает, как правило, не местный национальный, а английский, интерпретируемый как символ демократии и прогресса, знак освобождения от «тоталитаризма», но никогда – как знак перехода в иную сферу влияния).

Возможно, это одна из причин, по которым во всех названных языковых пространствах ширится неудовлетворенность граждан состоянием своего языка и растет желание защитить его. Нередко эти взгляды не согласуются с «официальной» лингвистикой – ее упрекают в простой регистрации фактов, которая «народному» сознанию представляется недостаточной или неверной.

Сказанное представляется достаточным основанием для того, чтобы не подходить к описанию глобализации лишь оптимистически. Необходимо осмыслить про-

блемы языковой политики с позиции изменившихся условий и форм существования языка, которые характеризуются множественностью объекта и динамичностью. Следует учесть несовпадение взглядов на язык и тенденции его развития у разных агентов глобализации; принять во внимание новые возможности фиксации языковых событий и языковой рефлексии. Нуждается в обобщении международный опыт защиты и сохранения т.н. неанглийских языков; ждут научной фиксации новые неинституциональные явления в области сохранения и защиты языков, затем необходимо соотнести с ними задачи языковой политики. Существует потребность в обновлении теоретико-методологических основ языковой политики России и в создании также учебно-методической базы для подготовки социолингвистов, специализирующихся в области языковой политики, – новой профессии, востребованность которой сегодня очевидна. Нужны обобщение опыта языковой политики других стран, которые раньше России столкнулись с проблемами глобализации (речь идет прежде всего о государствах, где функционируют языки с высоким коммуникативным статусом), а также анализ законов о языке разных стран и динамики языкового законодательства в условиях глобализации.

Несмотря на то, что многие из рассмотренных явлений отчасти объективны, можно и нужно разработать и предложить меры для сохранения и продления полноценной жизни наших языков – языков с разработанным кодом и многообразными формами существования, хранителями бесценных национальных культур. Это означает необходимость борьбы за осуществление более твердой протекционистской языковой политики.

Р. Филлипсон [Phillipson 2003 и отчасти 2013] предлагает набор из 45 рекомендаций, направленных на эффективную языковую политику, обеспечивающую жизнеспособность языков и более правильное обращение с ними. Эти рекомендации относятся к четырем областям: инфраструктуре национальной и наднациональной языковой политики, учреждениям ЕС; изучению и преподаванию языков, научным исследованиям.

В научной сфере, на наш взгляд, необходима разработка аргументации отвечающей насущной необходимости противостоять затрагивающему интерпретацию языковых проблем антироссийскому дискурсу в политической и, к сожалению, академической среде за рубежом, а отчасти и в нашей стране (например, расистским идеям И.Г. Яковенко).

Методологически важным при разработке новой языковой политики является осознание того, что, вторгаясь в иноязычное коммуникативное пространство, глобальный английский не только изменяет лексический состав и коммуникативные нормы принимающего языка [Cameron 2002], но, задавая идеологический вектор концептуализации процессов и явлений, становится катализатором культурных и ценностных трансформаций [см. Гриценко, Кирилина 2014].

Неолиберальные идеи следует рассматривать как лишь один из возможных вариантов интерпретации жизни языка и общества.

Литература

Аллатов М.В. Глобализация и развитие языков // Вопросы филологии. 2004. № 2 (17). – С. 23–27.

Арефьев А.Л. Сколько людей говорят и будут говорить по-русски? // Демоскоп Weekly, N251-252, 19 июня – 20 августа 2006 г. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0251/tema05.php>. Дата обращения: 10.05.2012 г.

Арефьев А.Л. Изучение русского языка молодежью Германии. Демоскоп, 2010. № 441 – 442 1 - 14 ноября 2010 г. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0441/analit05.php>. Дата обращения:

Биллиг М. Нации и языки // Логос, 2005, № 4. – С.60 – 86.

Глобализация-этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы: в 2 книгах / Рос. акад. наук, Науч. совет «История мировой культуры», Ин-т славяноведения [отв. ред. Г. Нешименко]. – Москва: Наука, 2006. Кн. 1., 2006. – 486 с.; Кн. 2. – 461 с.

Гриценко Е.С., Кирилина А.В. Язык и глобализация: задачи и направления социолингвистического анализа // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия Филология, 2010. – №6. – С. 14 – 21.

Гриценко Е.С., Кирилина А.В. Языковая политика в условиях глобализации // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. Language policy and language conflicts in contemporary world: International Conference (Moscow, 16 – 19 September 2014): reports and communications| Executivve editors: A.N. Bitkeeva, V.Yu. Mikhilchenko: the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, research Xenter on Erhnic and language relations. – Moscow, 2014.- P. 95 – 101.

Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств, Страсбург, 1992. эл. ресурс <http://conventions.coe.int/Treaty/rus/Treaties/Html/148.htm>

Жданова В. Величие и... немощь // Вопросы психолингвистики, 2013, № 1 (17). – С. 152 – 154.

Кара-Мурза С.Г., 2001. URL: <http://sg-karamurza.livejournal.com/119864.html>. Дата обращения: 4.04. 2012 г.

Караулов Ю.Н. О состоянии русского языка современности (Доклад на конф. «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики» и материалы почтовой дискуссии). – М., 1991.

Кирилина А.В. Лингвофилософская рефлексия в эпоху глобализации // Вопросы психолингвистики, 2013, №2 (18). – С. 36 – 45.

Крючкова Т.Б. Функционирование иностранных языков на территории России // Язык и общество в современной России и других странах Международная конференция. Москва, 21–24 июня 2010 г. Доклады и сообщения Москва, 2010. – С. 32 –38.

Мустайоки А. Разновидности русского языка: анализ и классификация// Вопросы языкознания, 2013. – №5. – С. 3-27.

Подзигун И.М. Глобализация и глобальные проблемы: философско-методологический анализ. – М.: издательство, 2003. – 384 с.

Попков В.Д. транснациональное русскоязычное пространство в германии: основные особенности // Язык и сознание: психолингвистические аспекты. Сб. статей / Под ред. Н.В.Уфимцевой и Т.Н. Ушаковой. – М. – Калуга: Эйдос, 2009. – С. 99 – 111.

Хобсбаум Э. Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность // место издания: Логос, 2005, № 4. – С. 49 – 59.

Ammon, U. Ist Deutsch noch internationale Wissenschaftssprache? Englisch auch für die Lehre an den deutschsprachigen Hochschulen. – Berlin; New York: de Gruyter, 1998. –339 S.

Ammon, U. Deutsch unter Druck von Englisch in Wissenschaft und Politik // Hoberg R. (ed.) Deutsch, Englisch, Europäisch. Impulse für eine neue Sprachpolitik. – Mannheim, Dudenverlag, 2002. – S. 139 – 151.

Ammon, U. Global English and non-native speaker. Overcoming disadvantage // H. Tonkin and T. Reagan (eds.) *Language in the Twenty- First Century.* – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins. 2003.

Ammon, U. The Decline of German and the Rise of English as International Language of Sciences // Rüdiger Ahrens (ed.) *Europäische Sprachenpolitik European Language Policy.* Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2004a.

Ammon, U. German as an International Language of the Sciences – Recent Past and Present // Gardt, A.; Hüppauf, B.(eds). *Globalization and the future of German.* – Berlin, Mouton de Gruyter, 2004b. – S. 157–172.

Ammon U. World languages: trends and Futures // *The Handbook of Language and Globalization* (ed. by N. Coupland). – Blackwell Publishing Ltd. – 2010. – P. 101 – 122

Augustin, P. The Seductive Aesthetics of Globalization: Semiotic Implications of Anglicisms in German // Gardt, A.; Hüppauf, B.(eds). *Globalization and the future of German.* –Berlin, Mouton de Gruyter, 2004 – S.307 – 318.

Barbour, S., Stevenson, P. Variation im Deutschen. Soziolinguistische Perspektiven. Übersetzt aus dem Englischen von Konstanze Gebel. Walter de Gruyter. – Berlin. New York, 1998. – 354S.

Blommaert J. A. *The Sociolinguistics of Globalization.* - Cambridge University Press, NY, 2010. – 230 P.

Braselmann, P. Language Policies in East and West. National Language Policies as a Response to the Pressures of Globalization // Gardt, A.; Hüppauf, B.(eds). *Globalization and the future of German.* Berlin, Mouton de Gruyter, 2004 – S.99 – 118.

Cameron, D. Globalization and the teaching of “communication skills” // David Block, Deborah Cameron (eds) *Globalization and the Language Teaching.* - Routledge, 2002. – P. 67 – 82.

Clyne, M. G. “Zum Pidgin-Deutsch der Gastarbeiter” // *Zeitschrift für Mundartforschung*, 1968, 35. – P.130 – 139.

Coupland, N. (ed.) (2003b) *Sociolinguistics and Globalisation* (thematic issue of *Journal of Sociolinguistics* 7(4)).

Coupland, N. (ed). *The Handbook of Language and Globalization* (ed. by N. Coupland).- D Blackwell Publishing Ltd. – 2010. – 662 p.

Crystal, D. The Past, Present, and Future of World English // Gardt, A.; Hüppauf, B.(eds). *Globalization and the future of German.* Berlin, Mouton de Gruyter, 2004 – S.27- 45.

Dieter, H. Does «Denglish» Dedifferentiate our Perceptions of Nature? The View of a Nature Lover and Language «Fighter» // Gardt, A.; Hüppauf, B.(eds). *Globalization and the future of German.* Berlin, Mouton de Gruyter, 2004 – S. 139–154

Diez, B. Gemeinsames Erbe – plurale Tendenzen. Aussieder und Juden aus der ehemaligen Sowjetunion in Deutschland. Ein Vergleich. // *Russische Juden und Transnationale Diaspora.* (Hg.) von Julius Schoepes, Karl Grözinger, Wili Jasper und Gert Mattemklot. Philo. Berlin, 2005. – S. 259 – 278.

Eisenberg, P. German as an Endangered Language? // Gardt, A.; Hüppauf, B.(eds). *Globalization and the future of German.* Berlin, Mouton de Gruyter, 2004. – S.121–137.

Fairclough, N. *Language and Globalization.*- Routledge, 2006. – 167 p.

Gardt, A. Language and National Identity // Gardt, A.; Hüppauf, B.(eds). *Globalization and the future of German.* Berlin, Mouton de Gruyter, 2004 – S. 197–209.

Gardt A., Hüppauf B. (eds). Globalization and the Future of German.- Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. – 375 №P.

Hoberg, R. English Rules the World. What Will Become of German? // Gardt, A.; Hüppauf, B.(eds). Globalization and the future of German. Berlin, Mouton de Gruyter, 2004 – S.85–95.

Hüppauf, B. Globalization – Threats and Opportunities // Gardt, A.; Hüppauf, B.(eds). Globalization and the future of German. Berlin, Mouton de Gruyter, 2004 – S. 3–25.

Maher J. C. Metroethnicity, language, and the principle of Cool // International Journal of the Sociology of Language. Volume 2005, Issue 175-176, P. 83–102,

Meyer, H. J. Global English - A New Lingua Franca or a New Imperial Culture? // Gardt, A.; Hüppauf, B.(eds). Globalization and the future of German. Berlin, Mouton de Gruyter, 2004 – S.65 – 83.

Phillipson, Robert English only in Europe? Language policy challenges.- Psychology Press, 2003. – 240 P.

Phillipson, Robert. English as Threat or Resource in Continental Europe // Gardt, A.; Hüppauf, B.(eds). Globalization and the future of German. Berlin, Mouton de Gruyter, 2004 – S.47 – 64.

Phillipson R. Colonialism and Language Policy and Planning// The Encyclopedia of Applied Linguistics // ed.by Carol A. Chapelle.- Hoboken, N.J.: John Wiley & Sons Ltd, 2013.- P.730–735.

Sarrazin, Th. Deutschland schafft sich ab. Wie wir unser Land aufs Spiel setzen. Deutsche Verlags-Anstalt, 2010.

Schiewe, J. Aktuelle wortbezogene Sprachkritik in Deutschland // Stickel, Gerhard (Hrsg.): Neues und Fremdes im deutschen Wortschatz. Aktueller lexikalischer Wandel. S. VII-VIII - Berlin/New York: de Gruyter, 2001. – S. 280 – 296.

Sornig, K. Sprachverlust, Muttersprachlicher Zusatzunterricht und Reintegrationsprobleme bei Gastarbeiterkindern // Grazer linguistische Studien, 1988, Heft 29.- S. 59 – 78.

Tutzinger Thesen zur Sprachenpolitik in Europa. Erarbeitet auf der Tagung «Euro-Deutsch» des Deutschen Germanistenverbandes in und mit der Evangelischen Akademie Tutzing am 3./4.6.1999. URL: <http://www.germanistenverband.de/aktiv/tutzing.html>. Дата обращения: 12.05.2012г.

Werthebach, E. Die deutsche Sprache braucht gesetzlichen Schutz // Berliner Morgenpost, 2000, vom 31.Dezember.

В. В. Красных

УДК 81'23

**РОЛЬ И ФУНКЦИИ ЯЗЫКА КАК ОБЪЕКТА СОВРЕМЕННЫХ
ИНТЕГРАТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ, ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ,
ПСИХОЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И КОМПЛЕКСНЫЙ
ОБЩЕГУМАНИТАРНЫЙ ПОДХОДЫ)**

В статье кратко представлены некоторые ранее не исследовавшиеся роли и функции языка, выявляемые в рамках интегративных подходов – психолингвистического, лингвокультурологического, психолингвокультурологического и комплексного общегуманитарного.

Ключевые слова: интегративные исследовательские подходы, роль и функции языка

Viktoria V. Krasnikh

**ROLE AND FUNCTIONS OF LANGUAGE AS A SUBJECT
OF MODERN INTEGRATIVE RESEARCH
(PSYCHOLINGUISTIC AND INTEGRATED ALL-HUMANITARIAN
APPROACHES AND
APPROACHES BASED ON LINGUO-CULTURAL AND PSYCHO-
LINGUO-CULTURAL STUDIES)**

Several roles and functions of language, which have not been analysed before, are concisely propounded in the given article. The roles in question are in focus of certain approaches of integrative character – psycholinguistic approach, approaches on the basis of linguo-cultural and psycho-linguo-cultural studies, and integrated all-humanitarian approach.

Keywords: research integrative studies, role and functions of language

В последнее время все больше и все чаще говорят о «сжатии» пространства и об «убыстрении» времени, обусловленных – в том числе – самим ходом развития человеческой цивилизации. Соответственно, современная наука сталкивается с необходимостью построения нового объекта исследований, который характеризуется, с одной стороны, более широким масштабом (обусловливающим расширение границ исследовательских полей и выход за пределы отдельных «узковедомственных» научных изысканий), с другой стороны, значительным уплотнением (обусловленным по определению невозможностью излишней широты и «безразмерности»). Данное положение вещей естественно требует разработки новых подходов сугубо интегративного характера.

Исходя из сказанного, можно утверждать, что многомерность бытия человека (кстати, не только XXI века) и многомирие (см., напр.: [Гапченко ЭР; Буссо, Полчинский ЭР]) с позиций гуманитарных наук могут быть описаны в терминах неразрывного, но и неслиянного единства «человек – сознание – язык – культура – лингвокультура – коммуникация – сообщество».

Современная научная парадигма, сформировавшаяся на рубеже XX–XXI веков, характеризуется тем, что в центр многих исследований (и не только гумани-

тарных) поставлен человек во всей реальной и потенциальной совокупности своих проявлений. Соответственно, в фокус внимания многих филологических исследований в той или иной степени попадает человек говорящий – *Homo Loquens*, понимаемый в данном случае как личность, одним из видов деятельности которой является деятельность речевая. Последняя связана не только с собственно процессами порождения и восприятия речи, но и с познанием и осмыслением действительности, необходимо требующим участия языка и опоры на язык. Следовательно, многие научные изыскания, проводимые сегодня в сфере филологии в целом и – тем более – в области изучения взаимодействия и взаимовлияния языка, сознания, культуры, по определению носят сугубо интегративный характер, обусловленный сложностью, комплексностью и многомерностью самого объекта рассмотрения.

При этом совершенно очевидно, что начальной точкой для филолога было и остается *слово* (вспомним Л. Ельмслева, писавшего, что именно текст получает лингвист в качестве отправного материала исследований), и *слово* же оказывается и финальной точкой в исследовании, ибо *слово / язык* есть для филолога своеобразное «мерило всего»: от него мы отталкиваемся в изучении других объектов и предметов и к нему же приходим, проверяя адекватность своих выводов. Иначе говоря, сегодня филология естественным образом выходит на особое поле исследований, где в фокусе внимания оказывают феномены не собственно языковой (в том числе, а возможно, и в первую очередь лингвокогнитивной) природы, в которых неразрывно спаяны *слово* (в самом широком смысле) и воплощенное в нем *знание* (в философском, историко-культурологическом понимании; см., напр., у Я. Ассмана [Ассман 2004]) (см. подробнее [Красных 2013а; 2014]. Думаю, нет необходимости говорить, что это поле, относительно новое для широкого круга филологов, изначально разрабатывалось и «возделывалось» отечественной психолингвистикой.

В данной статье позволю себе лишь кратко остановиться только на некоторых возможных подходах, выделяемых, на мой взгляд, в современной гуманитарной науке, к рассмотрению роли и функций языка (только некоторые из излагаемых далее идей были представлены в [Красных 2013б]).

1. Психолингвистический подход: *язык как сущность, опосредующая процессы познания и осмысления, в которой явлено (языковое) сознание.* При таком подходе язык является связующим звеном между индивидом / личностью и социумом / сообществом (о чем писал еще В. фон Гумбольдт). Он предстает как канал двунаправленной трансляции знаний: от общественного сознания индивидуальному (напр., при межпоколенной трансляции культуры в процессе социализации) и от индивидуального – общественному или другому индивидуальному. Помимо этого, он выполняет функцию инструмента, с одной стороны, социализации (становления личности), происходящей в процессе общения в рамках определенного сообщества в условиях определенной культуры, с другой – реализации личности в совместной деятельности с другими (будучи используемым для овнешнения индивидуальных образов сознания, для «одевания» бессловесной мысли, формируемой говорящим в начале высказывания, в слово при производстве речи) [Тарасов 2004: 35]).

Данный подход своими корнями уходит в труды психологов и психолингвистов (Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, Н.И. Жинкина, А.Р. Лурия, А.А. Леонтьева, И.Н. Горелова, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой и др.). Напомню, что для Л.С. Выготского и, вслед за ним, для А.Н. Леонтьева сознание имеет языковую, речевую природу: «Иметь сознание – владеть языком.

Владеть языком – владеть значениями. Значение есть единица сознания (имеется в виду языковое, вербальное значение). Сознание при этом понимании является знаковым» [Леонтьев 1994: 16]. Ср. с утверждением Поля Рикера: «... язык является по существу системой значений; он не может не означать что-либо, и все его существование заключается в значении» [Рикер 1995: 51], а также с идеей Г. Гийома о том, что «язык овеществляет ментальное» [Гийом 1992: 71].) Вслед за Л.С. Выготским и А.Н. Леонтьевым, А.А. Леонтьев также утверждал, что сознание человека является по сути своей *языковым* (см., напр., [Леонтьев 1993]); при этом, как пишет И.А. Зимняя, «языковое сознание – это форма существования индивидуального, когнитивного сознания человека разумного, человека говорящего, человека общающегося, человека как социального существа, как личности» [Зимняя 1993: 51]. Сегодня многие психолингвисты, опираясь на труды Е.Ф. Тарасова, определяют языковое сознание как «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств» (см., напр., [Тарасов 1993, 2004: 41]).

В связи с этим следует привести утверждение А.А. Леонтьева: если язык понимается как единство общения и обобщения, как система значений, выступающих как в предметной, так и в вербальной форме существования, то языковое сознание, т. е. сознание, рассматриваемое как опосредованное значениями (см., напр., [Леонтьев 1993]), оказывается близким к пониманию образа мира в современной российской психологии – понятию, предложенному и разработанному А.Н. Леонтьевым (см., напр., [Леонтьев 1983]). При этом важно, что для А.Н. Леонтьева образ мира как универсальная форма организации знаний индивида есть интегративное отражение в сознании окружающей действительности, важнейшими свойствами которого являются амодальность и многомерность, субъективность и объективность. Последняя обуславливается в частности тем, что познание человеком действительности опосредовано единой для всех представителей сообщества, усваиваемой в процессе социализации системой значений. См.: «Ведь в отличие от бытия общества, бытие индивида не является “самоговорящим”, т. е. индивид не имеет собственного языка, вырабатываемых им самим значений; осознание им явлений действительности может происходить только посредством усваиваемых им извне “готовых” значений – знаний, понятий, взглядов, которые он получает в общении, в тех или иных формах индивидуальной и массовой коммуникации. Это и создает возможность внесения в его сознание, навязывания ему искаженных или фантастических представлений и идей, в том числе таких, которые не имеют никакой почвы в его реальном, практическом жизненном опыте» [Леонтьев 1975].

2. Лингвокультурологический подход: *язык как система тел знаков для знаков языка культуры.* В рамках данного подхода язык не может являться ни «звеном», ни «каналом», поскольку в данном случае речь идет о двух (а не о трех и более) одинаково значимых для личности феноменах: о языке как таковом и о культуре как таковой (см.: В.Н. Телия определяла лингвокультурологию как «науку о живодействующей связи языка и культуры»). При этом язык выполняет функцию (воспользуясь выражением Е.Ф. Тарасова) «овнешнителя» смыслов, (по В.Н. Телия) «значимых для культуры».

Данный подход восходит к трудам В.Н. Телия [Телия 1996, 2005, 2006] и разрабатывается представителями ее научной лингвокультурологической школы. В основе указанного понимания роли и функции языка лежит утверждение наличия двух самостоятельных семиотических систем: естественного человеческого языка

и культуры, – каждая из которых обладает своим собственным «языком» (кодом, системой знаков, обладающих смыслом). При этом знаками языка культуры (по В.Н. Телия) могут быть признаны ритуалы, концепты, стереотипы и под. Знаки языка культуры могут иметь разное воплощение: в действиях, артефактах и под. (ср. с идеями Е.Ф. Тарасова, высказываемыми, напр., в [Тарасов 2004]) Но чаще всего они оязыковываются, т. е. воплощаются в знаках именно языка. Следовательно, в рамках лингвокультурологии знаки языка рассматриваются с точки зрения тех культуруносных смыслов, которые они (языковые единицы) несут в дополнение к своим лексическим значениям. Иначе говоря, знаки языка рассматриваются как тела знаков языка культуры (по В.Н. Телия; см., напр., [Телия 2006]).

3. Психолингвокультурологический подход: *язык как означающее (семантики) лингвокультуры.* При таком подходе язык – это связующее звено между личностью как носителем сознания и культурой как объектом распределенности индивидом. По сути, это канал выхода на поле культуры через пространство лингвокультуры. Язык выполняет функцию инструмента означивания / овнешнения культуруносных смыслов, значимых как для культуры в целом, так и для отдельной личности, ибо благодаря языку они (смыслы) явлены индивидуальному сознанию в виде конкретных образов. Кроме того, это и инструмент познания и осмысления окружающего мира сквозь призму определенной культуры, являющейся родной для конкретного индивида.

Данный подход разрабатывается в рамках нового направления исследований – психолингвокультурологического [Красных 2013а], сформировавшегося благодаря интеграции в первую очередь лингвокультурологических и (этно)психолингвистических исследований. Объектом данного научного направления является лингвокультура, базовой категорией которой является именно человек говорящий (вспомним идею В.Н. Телия, что базовой категорией культуры как таковой является человек-личность). Предметом данного направления можно признать грамматику и словарь лингвокультуры [Красных 2011б].

Лингвокультура равноположна образу мира и языковому сознанию и не тождественна им: если языковое сознание включает в себя опосредованный значениями (индивидуальный) образ мира во всем его объеме, то лингвокультура – только общие компоненты образа мира, т. е. то, что формирует «объективную составляющую» такового, а это, как известно, всегда культурно маркировано и культурозависимо, поскольку обуславливается единой системой значений и предопределяется окружением, в котором «складывается» образ мира как таковой, а именно: культурой. Следовательно, лингвокультура может мыслиться и как основная среда, в которой человек формируется и проявляет себя как личность – человек говорящий.

Лингвокультура формируется на участке пересечения / наложения культуры и естественного языка человека – двух изначально существующих самостоятельных семиотических систем, каждая из которых обладает своим собственным «языком», и предстает как культура воплощенная и закрепленная в знаках языка, явленная нам в языке и через язык. Лингвокультура является лингво-когнитивным феноменом (в этом ее принципиальное отличие от языковой картины мира, выступающей как сложно устроенное семантическое пространство, т. е. как феномен лингвистический). Лингвокультура (в отличие от языковой картины мира) формируется не знаками языка, за которыми стоят некоторые смыслы, но образами сознания, облеченными в языковые знаки. «Семантика» лингвокультуры – это культуруносные

смыслы, овнешненные в знаках языка. Соответственно, в фокусе рассмотрения находятся не знаки языка, овнешняющие образы, но образы, овнешняемые в знаках языка. Таким образом, в данном случае знаки языка рассматриваются (как и в рамках собственно лингвокультурологии) как тела знаков языка культуры. Исходя из этого, представляется возможным утверждать, что в сфере лингвокультуры язык выступает в роли означающего, а в роли означаемого выступают культуроносные смыслы, культурно-маркированные образы сознания, культура как таковая (понимаемая по В.Н. Телия – как мироощущение, миропонимание и мировосприятие общества) (подробнее – см., напр., [Красных 2011а, 2012]).

4. **Комплексный общегуманитарный подход:** *язык как составляющая многогранника бытия человека говорящего.* При таком подходе язык может рассматриваться как звено в указанном многограннике (предстоящем в виде сложного, многокомпонентного, многомерного, неразрывного и одновременно неслиянного единства «язык – сознание – культура – лингвокультура – человек – коммуникация – сообщество»), как начало, связующее онтологически разные феномены (сознание, культуру, человека, коммуникацию, сообщество). Язык выступает как неоднонаправленный канал, по которому «содержание» каждой из составляющих данного многогранника может передаваться и «присваиваться» другими составляющими. При этом язык выполняет функцию не единственного, но основного инструмента: 1) социализации *индивида* и реализации *личности*; 2) трансляции (как «вертикальной», межпоколенной, так и «горизонтальной», между современниками) *культуры* и ее овнешнения; 3) с помощью которого осуществляется *коммуникация*; 4) с помощью которого *сообщество* формируется, сохраняется, трансформируется; 5) с помощью которого, с одной стороны, формируется, с другой – овнешняется *сознание*; и основного инструмента (*condition sine qua non*) формирования и бытия *лингвокультуры*.

Сегодня с позиций интегративных исследований человек (и как индивид, и как личность) рассматривается как неотъемлемая составляющая рассматриваемого единства / многогранника, находящегося в фокусе внимания многих наук (филологии, социологии, политологии, социальной и культурной антропологии и т. д.). При этом в рамках филологии (и смежных наук) человек-личность предстает как *Homo Loquens* (*человек говорящий*) – носитель сознания, полноправный член сообщества, личность; чтобы стать таковой, необходимо пройти процесс социализации, т. е. освоить, усвоить и присвоить (интериоризовать) достижения культуры, созданные предшествующими поколениями. Таким образом, основным содержанием процесса социализации является межпоколенная трансляция культуры (ее ценностей, оценок, установок, традиций, предпочтений, запретов и под.). Происходить социализация может только в коммуникации, ибо коммуникация – это одновременно среда, канал и средство-способ «жития» и трансляции самой культуры. Без коммуникации человек не может стать личностью, и именно в коммуникации человек живет как личность. Помимо этого, коммуникация – это канал и способ, посредством которого сообщество себя формирует, являет, сохраняет, транслирует и трансформирует. Результатом социализации является личность, человек говорящий, носитель сознания. Сознание (при этом, по А.Н. Леонтьеву, «индивидуальное сознание человека возможно лишь в условиях существования сознания общественного» [Леонтьев 1972: 283]) всегда культурно маркировано и культурозависимо, ибо формируется в процессе социализации, в условиях определенной культуры, в пределах опреде-

ленных сообществ (от семейного до национально-лингво-культурного). Основным (но не единственным) каналом, посредством которого это происходит, и основным (опять же не единственным) инструментом формирования личности как члена сообщества является язык. Таким образом, *человек говорящий* формируется как *личность*, как носитель *сознания*, как полноправный член некоторого *сообщества* (некоторых сообществ) именно в *коммуникации*, впитывая в себя *культуру* данного сообщества с помощью (в том числе) *языка* данного сообщества. Следовательно, можно утверждать, что человек говорящий есть *объект* (творение) языка, культуры, коммуникации. (В скобках замечу, что социализованная личность не есть раз и навсегда застывшая данность: человек-личность постоянно претерпевает определенные изменения в процессе бесконечного накопления прижизненного опыта и под влиянием множества факторов: от событий сугубо личной жизни до изменений общего историко-социокультурного контекста.)

Далее, человек (по В. фон Гумбольдту [Гумбольдт 2000]) не только «сплетает (*herausspinnt*) язык внутри себя» в процессе (в первую очередь) социализации, но и «вплетает (*einspinnt*) себя в язык» на протяжении всей своей жизни. Как уже неоднократно говорилось разными исследователями, язык связан с культурой отношениями двунаправленной зависимости, которая предполагает взаимодействие, взаимовлияние и взаимообусловленность языка и культуры: как культура не может существовать без языка, так и язык немислим вне культуры. Так, например, Э. Сепир, не признавая настоящей причинной зависимости между культурой и языком, считал, что содержание всякой культуры может быть выражено с помощью ее языка и что содержание языка неразрывно связано с культурой (которая понимается им как «ценностный отбор, осуществляемый обществом», «отобранный инвентарь опыта», что соотносимо с пониманием культуры и культурной памяти по Ю.М. Лотману [Лотман 1992, 1994]). И если язык, как писал Э. Сепир, «есть то, *как* думают», то «культуру можно определить как то, *что* данное общество делает и думает» [Сепир 1993: 42, 185, 193-194, 226]. Это утверждение вполне распространимо и на человека – члена сообщества. И поскольку человек говорящий в процессе своей жизни постоянно осуществляет какую-либо деятельность, т. е. все время что-то «думает», «делает» и «говорит» (даже если внешне кажется, что он ничего не делает), то мы можем смело утверждать, что *язык и культура тесно сплетены в самом человеке и всегда стоят за любым проявлением его жизнедеятельности*. Кроме того, деятельность человека (и, соответственно, сама личность) всегда включена в общение, даже тогда, когда внешне человек остается один [Леонтьев 1961: 14]. Это значит, что жизнедеятельность человека, в которой обязательно проявляются сознание, язык и культура, протекает в рамках некоторого сообщества в условиях именно коммуникации и именно в коммуникации и через коммуникацию осуществляется. Таким образом, *человек говорящий*, будучи носителем *сознания* и находящийся в непрерывном процессе *коммуникации* в рамках некоторого *сообщества*, «сплетающий внутри себя» *язык и культуру* и «вплетающий себя» в язык и культуру, оказывается не только объектом, но и *субъектом* (творцом) языка, культуры, коммуникации.

В заключение скажу, что изложенные в данной статье идеи, основанные во многом на трудах современных классиков, к числу которых, несомненно, принадлежит и Е.Ф. Тарасов, должны пройти проверку и дальнейшими исследованиями, рассуждениями, попытками осмысления, и просто временем. Они безусловно неоспорны, но, как мне кажется, имеют право на существование.

Литература

Ассман Я. Культурная память: Письмо и память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с. (Studia historica) М., 2004. – 368 с.

Буссо Р., Полчински Й. Ландшафт теории струн. URL: <http://www.modcos.com/articles.php?id=137>. Дата последнего обращения: 28.03.2015.

Гатченко С. О множественности миров. URL: <http://www.everettica.org/art/ap1.pdf>. Дата последнего обращения: 28.03.2015.

Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики / Общ. ред., послесл. и коммент. Л.М. Скрединой. М.: Прогресс, 1992. – 224 с.

Гумбольдт В. фон. Природа и свойства языка вообще // Избранные труды по языкознанию. / Общ. ред. Г.В. Рамишвили; Послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. М., 2000. Электронный ресурс. URL: <http://lib.rus.ec/b/325096/read>. Дата последнего обращения: 28.03.2015.

Зимняя И.А. Способ формирования и формулирования мысли как реальность языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: Институт языкознания, 1993. С. 51–58.

Красных В.В. Культура, культурная память и лингвокультура: их основные функции и роль в культурной идентификации // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. № 3, 2012. С. 67–73.

Красных В.В. Лингвокультура как объект когнитивных исследований // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2013а, № 2. С. 7–18.

Красных В.В. Многогранник бытия Номо Лоquens: «язык – сознание – культура – коммуникация – сообщество» // Жизнь языка в культуре и социуме – 2. Материалы международ. науч. конф. М.–Калуга: Издательство «Эйдос», 2011а.

Красных В.В. Роль языка в свете интегративных исследований // Человек и язык в коммуникативном пространстве. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2013б. Т. 4. С. 46–50.

Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры как предмет современных интегративных исследований // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. Киев. 2011б, № 5. С. 2–8.

Красных В.В. «Смешались в кучу...» или ответ на «вызов нашего времени»? (к вопросу об интегративности филологических исследований) // Динамика языковых и культурных процессов. Материалы IV Конгресса РОПРЯЛ, проходящего в рамках I педагогического форума «Русский язык в современной школе» (Сочи, 1–2 ноября 2014 года). СПб.: Изд. дом «МИРС», 2014. Т. 2. С. 52–58.

Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: Институт языкознания, 1993. С. 16–21.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. URL (напр.): <http://www.klex.ru/v4>. Дата последнего обращения: 28.03.2015.

Леонтьев А.Н. Образ мира // Избранные психологические произведения. М.: Педагогика, 1983. С. 251–261. URL (напр.): <http://www.infoliolib.info/psih/leontyev/obrazmira.html>. Дата последнего обращения: 28.03.2015.

Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. Изд. 3-е. М.: Наука, 1972. – 212 с.

Леонтьев А. Н. Философия психологии / Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. – 228 с.

Леонтьев А.Н. Человек и культура. М., 1961. – 115 с. (рус. текст – с. 1–29, далее следует английский, французский и испанский).

Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVII – начало XIX века). СПб., 1994. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Lotman/index.php. Дата последнего обращения: 28.03.2015.

Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992. URL (напр.): <http://www.philology.ru/literature1/lotman-92f.htm>. Дата последнего обращения: 28.03.2015.

Рикер Поль. Конфликт интерпретаций (Очерки о герменевтике). / Пер. с фр. И.С. Вдовина. М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 1995. – 695 с.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. – 656 с.

Тарасов Е. Ф. Введение // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: Институт языкознания, 1993. С. 6–15.

Тарасов Е.Ф. Языковое сознание // Вопросы психолингвистики. 2004, № 2, с. 34–47.

Телия В.Н. О феномене воспроизводимости языковых выражений // Язык, сознание, коммуникация. Выпуск 30. М., 2005. С. 4–42.

Телия В.Н. Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ ПРЕСС-Книга, 2006. С. 776–782.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.

Н.П. Пешкова

УДК 81'23

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ МОЛОДЕЖИ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО РЕГИОНА

В статье обсуждаются результаты экспериментального исследования, использующего метод «встречного текста» для изучения системы общечеловеческих и социальных ценностей, присущих языковому сознанию молодежного социума полиэтнического региона. Делается вывод о том, что общая система социальных ценностей представляет собой универсальный инструмент достижения понимания, лежащего в основе сосуществования и взаимодействия членов любого полиэтнического общества.

Ключевые слова: общечеловеческие ценности, социальные ценности, социальный текст, языковое сознание, полиэтнический регион.

Natalya P. Peshkova

SOCIAL CONTEXT OF COMMON HUMAN VALUES IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF YOUTH IN POLY-ETHNIC REGION

The present paper discusses the results of the experimental research applying the “internal text” method with the purpose of studying the system of common human values and social values reflecting the language consciousness of the youth community of the poly-ethnic region. The conclusion is made that the common system of social values presents a universal instrument of comprehension making the basis of co-existence and cooperation of poly-ethnic region residents.

Keywords: common human values, social values, social text, language consciousness, poly-ethnic region.

Этнокультурное пространство современной России включает в себя множество полиэтнических регионов, представляющих собой «месторазвитие» различных этносов, культур и конфессий [Балханова 2009: 25-26]. Каждый из них можно рассматривать как своеобразное «смешение» духовных, религиозных, культурных традиций и бытовых устоев.

Мы можем отметить, что особенности развития полиэтнического социума Республики Башкортостан определяются прежде всего сосуществованием духовных ценностей христианства и ислама, происходившим на протяжении нескольких веков. При этом этнокультурная уникальность республики обусловлена взаимодействием и столкновением языков и культур более ста тридцати этносов, осуществляющемся на фоне двух мощных, по сути, противостоящих друг другу, современных тенденций. Это, безусловно, общая тенденция глобализации и одновременно разворачивающееся с начала 90-х годов прошлого века этническое возрождение коренных народов Республики. Многие этнографы отмечают, что, с одной стороны, многоязычное население Башкортостана во многом привержено своему родному языку, но с другой – для всех без исключения национальностей Республики характерен рост абсолютной и относительной численности людей, владеющих русским языком [Фатхутдинова 2011]. Таким образом, русский язык, как язык межнационального общения, сохраняет и расширяет свои коммуникативные функции одновременно с развитием национальных языков и национальной культуры.

Тем не менее международный опыт говорит нам о том, что общность языка «отнюдь не свидетельствует о подобной же общности культуры», несмотря на то, что «обладание общим языком служит и еще долго будет служить важнейшим фактором к установлению культурного взаимопонимания» [Сепир 1993: 261]. Тот же опыт подсказывает, что «культурное взаимопонимание», безусловно, является одним из главных факторов мирного и стабильного существования полиэтнического сообщества. Очевидно, что система общечеловеческих культурных ценностей может играть роль одного из важнейших инструментов, регулирующих процессы достижения понимания, лежащего в основе взаимодействия членов полиэтнического социума.

Трудно не согласиться с мнением о том, что в условиях сосуществования и столкновения множества языков и культур жизненно важной задачей является формирование в сознании молодого поколения некоторой «системы смыслов». Как полагают исследователи, работающие в условиях поликультурной среды, нет необходимости изобретать подобные смыслы заново. Каждый этнос обладает «системой смыслов», как фиксирующих предшествующий опыт своего исторического прошлого, так и отождествляемых с общечеловеческими ценностями, необходимыми для ориентации в полиэтническом культурном и бытовом пространстве [Воронина 2012].

Однако, как отмечает Е.Ф. Тарасов, ориентация индивида в поликультурном пространстве имеет также и «социальный аспект», он связан со знакомством и овладением «чужими матрицами социального поведения» и «чужими схемами социального взаимодействия» [Тарасов 2012: 4]. Таким образом, социальный контекст общечеловеческих ценностей, как и собственно социальные ценности, формируемые в вербальном сознании молодежного социума, представляют значительный интерес для социо- и психолингвистических исследований.

Экспериментальные исследования, проводившиеся более десяти лет в русле психолингвистики текста и «теории смысла» А.И. Новикова с целью изучения, как общих и частных особенностей понимания, так и специфики языкового сознания студенческой молодежи полиэтнического нашего региона, позволяют нам наблюдать определенную динамику в формировании упоминаемой выше «системы смыслов» [Пешкова 2014].

Данные, полученные нами с использованием методики «встречного текста», регистрируют наличие некоторого инвариантного набора общечеловеческих ценностей, присущих языковому сознанию испытуемых независимо от их этнической принадлежности, лежащих в основании так называемой «пирамиды ценностей», о чем мы упоминали ранее [Пешкова 2012]. При этом в вербальных реакциях, полученных на стимулы в форме различных типов текстов, прослеживаются различные варианты репрезентации содержания этих ценностей, определяемые не только индивидуальными особенностями испытуемых, но и их этнокультурной спецификой.

Нельзя не назвать и фактор некоторого влияния самого текстового материала, предлагаемого испытуемым для восприятия и интерпретации, поскольку он обуславливает и порой провоцирует экспликацию определенных ценностей, присущих этноязыковому сознанию участников эксперимента, носителей той или иной этнокультуры.

Ранее мы отмечали, что восприятие и понимание нашими испытуемыми библейских текстов сопровождается преобладанием смысловых, в частности положительных оценочных реакций, отражающих традиционное отношение к общечеловеческим ценностям – *добро, любовь, дом, семья, работа, терпимость*. В вербальных реакциях «встречных текстов» присутствуют и негативные оценки антиценностей – *зло и ненависть, нетерпимость и гордыня* [Пешкова 2012].

Здесь нельзя не вспомнить еще раз исследование Н.В. Уфимцевой, в котором упоминается тот факт, что, согласно РАС, в языковом сознании русских представлены такие ориентированные на обеспечение индивидуальной жизни ценности, как *дом, любовь, работа-дело* и т.д. [Уфимцева 2011: 236]. Как можно видеть, в этом отношении коллективное языковое сознание студенческой молодежи полиэтнического социума нашей республики не является исключением.

Однако, нашим испытуемым, значительную часть которых составляют носители традиционной мусульманской и православной христианской культур, свойственна позитивная оценка таких особых ценностей, как *терпение, послушание, подчинение старшему, традиционные гендерные отношения в семье (сильный, властный муж и слабая, послушная жена)*, что, согласно РАС, нетипично для языкового сознания современных русских. В данном случае можно констатировать наличие некоторых расхождений, связанных не только с этнокультурной, но и религиозной принадлежностью участников наших экспериментальных исследований.

Нужно сказать, что интерпретация научно-популярной литературы нашими испытуемыми характеризовалась вербальной репрезентацией такого общего круга ценностей, о которых упоминалось выше – *семья, благополучие, дом, работа, друзья* – и, как правило, независимо от их этнокультурной принадлежности.

В связи со сказанным выше особый интерес для нас представляет использование в экспериментальном исследовании в качестве объекта понимания и стимула для искомых вербальных реакций текста социальной направленности, потенциально провоцирующего формирование оценок, мнений и прогнозов относительно социальных ценностей.

Отметим, что под социальными ценностями в широком смысле мы понимаем предметы и явления реальной действительности, значимые с точки зрения их соответствия или несоответствия потребностям как отдельной личности, так и социальной группы или социума в целом.

Итак, в одном из наших последних экспериментальных исследований в качестве объекта понимания использовался текстовый фрагмент из Гуманистического манифеста, посвященный обсуждению перспектив лучшего будущего, развитию науки, техники и медицины, а также прогрессу человеческого общества в целом. В нем частично затрагиваются проблемы угроз позитивному развитию цивилизации, а именно война, терроризм, неблагоприятная экология. Целью исследования стало выявление и изучение того, что прежде всего составляет общечеловеческие ценности и ценности социальные для студенческой молодежи, что может объединять и разделять их в оценке этих ценностей по этнокультурным или религиозным основаниям.

В экспериментальном исследовании приняли участие студенты второго-четвертого курсов, в том числе с углубленным изучением английского языка, а также магистранты и аспиранты физико-технического института Башкирского государственного университета, в возрасте 19-23 лет, в общем количестве 120 человек. Как и в предыдущих наших экспериментах, значительную часть аудитории испытуемых составили билингвы, в основном этнические башкиры и татары. Другую часть аудитории можно охарактеризовать как монолингвальную, представленную главным образом этническими русскими и русскоязычными испытуемыми, не владеющими родным (башкирским, татарским, мордовским, чувашским и др.) языком. Нужно отметить, что предварительный опрос выявил, что для всех участников эксперимента русский является основным языком общения во всех сферах деятельности, а также в повседневной коммуникации, зачастую и в семье.

Вместе с текстом для понимания и интерпретации испытуемые получили подробную инструкцию, соответствующую всем основным принципам оригинального метода «встречного текста» А.И. Новикова [Новиков 2003], при этом адаптированную нами в соответствии с некоторыми особенностями нашей аудитории.

Еще раз отметим, что в более ранних исследованиях предмет нашего интереса составляли прежде всего типы и виды реакций «встречного текста», продуцируемые испытуемыми в процессе восприятия и осмысления информации, поскольку мы занимались разработкой общей интерактивной модели понимания текстов различных типов. Позднее, под влиянием первых конференций «Жизнь языка в культуре и социуме», мы стали анализировать полученный массив «встречных текстов» на предмет изучения смыслов, передаваемых вербальными реакциями и связанных с общими и различными ценностями и с ценностными ориентирами авторов «встречных текстов». В настоящем исследовании нашей главной задачей стал анализ смыслов, отображенных в вербальных реакциях реципиентов текста социального содержания. При этом, безусловно, мы не могли не анализировать также типы и виды реакций, составляющих «внутренние тексты» участников эксперимента.

Характеризуя экспериментальный текст, нужно сказать, что в нем непосредственно называются определенные ценности и антиценности, как безусловные, так и условные. Мы можем предложить следующую классификацию социальных ценностей, обсуждаемых в интерпретируемом фрагменте:

- человек и его свобода, счастье и здоровье, материальное благополучие и процветание;
- развитие человеческого общества в широком смысле, продвижение, прогресс;
- развитие науки в целом и ее отдельных областей (естественных и гуманитарных);
- достижения техники и экономики, экологии и медицины.

Безусловные антиценности, обсуждаемые в тексте, включают прежде всего войну и терроризм. Упомянуты также и негативные последствия развития цивилизации, связанные с перенаселением, голодом, неизлечимыми болезнями, вызванными экологией, что также имеет отношение к понятию «антиценность».

Нельзя не отметить, что само понятие прогресса в философии и социологии не всегда интерпретируется как безусловная ценность, а порой и получает трактовку антиценности. Скажем, упоминаемые Г. Спенсером и К.А. де Сен-Симоном такие критерии прогресса, как господство над природой, индустриализация и урбанизация, связанные с негативными для человечества явлениями, понимаются в современном мире весьма неоднозначно. И, характеризуя аудиторию наших испытуемых, нужно сразу сказать, что их «контртексты» содержали практически все классические трактовки прогресса. В своих реакциях наши реципиенты социального текста представили разные «философские направления» без ссылок на оригинал, о котором они, как позднее выяснялось, не всегда имели какое-либо представление.

В результате нашего сравнительно-сопоставительного анализа было выявлено несколько групп испытуемых без отношения к их национальной и культурной принадлежности. По признаку «отношение к содержанию понятия “прогресс”», иными словами по толкованию смысла этого понятия, среди участников эксперимента выделяются три следующие группы.

(1) Группа первая включает тех, кто предлагает «безусловно положительные» оценки, проявляя оптимизм. Они составляют 20% от всей аудитории испытуемых.

(2) Вторая группа склонна ассоциировать прогресс исключительно с отрицательными аспектами жизни, демонстрируя абсолютный негатив и приводя примеры, по собственным словам некоторых представителей данной группы, «чистой чернухи». Эта группа достигает 30% аудитории испытуемых.

(3) Наконец, третья группа реципиентов проявляет двойственность в оценках и мнениях. Но именно в оценках этой группы испытуемых, как правило, преобладает аргументированная разумность. Отрадно отметить, что при сравнении всех трех групп, последняя является наиболее многочисленной: она составляет практически 40% всех участников. Однако те, кто придерживается крайностей, вместе, к сожалению, преобладают над группой «разумных». Около 10% приходится на безразличных испытуемых, равнодушных к обсуждаемым проблемам.

Ниже мы приводим примеры реакций, демонстрирующих оценки и мнения испытуемых, составивших три обозначенные нами группы.

(1) *Безусловно, жить сейчас хорошо, не так, как раньше.*

Конечно, наука и техника шагнула вперед, тем самым очень сильно изменив человеческую жизнь к лучшему.

(2) *Мне кажется, без всех этих технологий человек был вполне счастлив и даже более счастливым.*

Однако от развития науки и техники все более страдает экология. Все больше загрязняется воздух и окружающая среда.

Совсем не согласен. Насчет связи науки и техники, прогресса и т.п., и приближения счастья. Нет, не приблизит.

Наша ежедневная жизнь наполнена технологиями. Но возникает сомнение в положительности технического прогресса.

(3) *Относиться следует трезво. За все приходится платить – это известная истина.*

Благодаря науке и технике мы развиваемся. Прогресс облегчил нашу жизнь. Однако много техника вредит людям.

У технического прогресса две стороны – хорошая и плохая. Одна и та же технология / изобретение может, как спасти миллионы людей, так и уничтожить их. Зависит от того, в чьих руках.

Как можно видеть, реакции, передающие положительное отношение к прогрессу, часто достаточно простые (порой примитивные). Высказывания о негативных сторонах, о плюсах и минусах, как правило, пространные, аргументированные. Помимо аргументации в пользу своей позиции, они включают ту или иную оценку, иногда имплицитную.

Полученные данные свидетельствуют о том, что в ассоциативном поле носителей языка молодого поколения нашего региона представлена не только материальная сторона понятия «прогресс», но по-прежнему сохраняется и его духовная составляющая. Ценности, о которых писал В.П. Синячкин – *свобода, образование, наука*, – присутствуют в вербальных реакциях и наших испытуемых наряду с материальными ценностями – *богатство, достаток, обеспеченная жизнь* [Синячкин 2010].

Наш анализ и здесь выявляет три основные группы испытуемых, так же, как и в первом случае, без отношения к их национальной и культурной принадлежности. Члены первой группы (1а) соотносят прогресс с высокими идеалами и достижениями (15%), для представителей второй (2а) важна в основном материальная сторона жизни (45%), испытуемые же третьей группы (3а) напрямую связывают первое со вторым (30).

Приведем некоторые примеры, иллюстрирующие сказанное.

(1а) *Чем больше разумный человек узнает об окружающем мире, тем сильнее в нем осознание того, как мало он на самом деле знает. Чем больше ответов, тем больше новых вопросов и парадоксов.*

Прогресс возможен, только если развивается наука. Прежде всего, физика, биология, технические науки. Без них нет движения вперед.

(2а) *Прогресс – еда и условия жизни. Все остальное миф!*

Теперь я могу есть пиццу с кока-колой на каждом углу.

К разочарованию тех, кто видит только лучшее в прогрессе, материальное процветание и т.п. есть только у тех, кому и раньше жилось неплохо.

(3а) *Для нормального современного человека прогресс это не просто сытая и удобная жизнь, это возможность получения новых знаний, понимание жизни Земли и Вселенной. Возможность полететь на Марс – вот это Прогресс.*

Благодаря новым технологиям одни получают моральное удовлетворение, познавая мир вокруг нас, другие же получают удовольствие от материальной жизни, а третьи просто перестали голодать. И трудно сказать, что важнее.

Заслуживает внимания упоминание об отношении наших испытуемых к роли гуманитарных и естественных наук в осуществлении прогресса. К сожалению, можно констатировать тот факт, что процесс дегуманизации проявляет себя со всей очевидностью, если судить по полученным нами вербальным реакциям. Нужно сказать, что не только представители технических и естественнонаучных специальностей, но и те, кто занимается углубленным изучением иностранного языка по собственному выбору, демонстрируют сходную позицию в отношении гуманитарных наук.

Как можно судить по реакциям на предложения текста, затрагивающие роль гуманитарных исследований в целом и, в частности, социальных наук и культуры, большинство реципиентов (78,7%) ничего об этом не знают, никогда не задумывались о роли гуманитарных наук в развитии человечества или полагают, что роль этих наук весьма незначительна.

Это можно увидеть из следующих типичных высказываний испытуемых.

И.Т. *Не очень понимаю, что сделано в гуманитарных исследованиях за все это время.*

И.А. *И что же такое они углубили в нашем понимании общества и политики? Всем давно известно, сильные правят слабыми, здесь ничего не меняется.*

И.Н. *Думаю, они лишь повторяли на каждом новом витке все то, о чем писали еще древние греки.*

И.Е. *...когда б ты знал, что нет и мысли маломальской, которую б не знали до тебя (Гете, Фауст)*

И.М. *Не могу ничего сказать по этому поводу. Мало что знаю о гуманитарных науках.*

И.Ю. *Не понимаю, вообще, о чем речь.*

И.Р. ???

Часть испытуемых связали гуманитарные науки с фразой «метафизические и теологические спекуляции», которая вызвала негативные оценки увлечения экстрасенсами.

И.Р. *Много экстрасенсов появилось за последние годы, и люди начинают в это верить.*

Немногочисленные позитивные оценки гуманитарных наук связаны с образованием и культурой (около 10%).

И.Т. Ну да, люди стали грамотнее.

И.Я. Культура менялась и меняется практически с каждым десятилетием, не только столетием. У нее свое собственное развитие.

В то же самое время мало у кого вызвала сомнение мысль о влиянии на прогресс человеческого общества естественных наук – медицины, физики, биологии, генетики, – о которых упоминается в ряде предложений текста, что, впрочем, можно было прогнозировать, учитывая научно-профессиональный состав испытуемых.

И.Т. *Согласен, все это (астрономия и физика, теория относительности и квантовая механика) дало нам абсолютно новое понимание о мире, о Вселенной.*

И.К. *Это уж точно, эти науки не стоят на месте.*

Однако и среди авторов этих оценок не обошлось без скептических замечаний, причем критические мнения составили около 40%, и они, нельзя не отметить, более разнообразны и аргументированы по сравнению с положительными оценками.

И.Я. *Как ни парадоксально, чем больше мы узнаем о Вселенной, тем больше у нас появляется новых вопросов и проблем.*

И.Н. *Хорошо бы еще медицина научилась бороться со всеми этими вредными лекарствами.*

И.О. *И все же понять ФИЗИКУ и особенно Вселенную очень-очень сложно (если не невозможно!)*

И.Р. *А от СПИДА, от ВИЧ так и не нашли лекарства.*

И.Х. *И опять же это не всем доступно (наши достижения медицины!).*

Хотелось бы сказать несколько слов об антиценностях и о реакциях испытуемых на предложения текста, в которых упоминалось о войне и терроризме как новой угрозе для человечества.

С некоторым удивлением мы обнаружили, что наша аудитория либо равнодушна к явлению терроризма, либо проявляет некоторую притупленность реакций на слово «терроризм». Возможно, это объясняется действием психологического механизма защиты от излишней информации о террористах и терроризме, как известно, в последнее время постоянно присутствующей в СМИ. Среди реакций мы не нашли ни одной оценки этого явления.

Встречаются реакции на информацию о войне как некоей неизбежности нашего времени (74 %), а также реакции-заклипания от угрозы и беды, имеющие опять-таки характер защиты – «все должно быть хорошо» (25%).

И.Т. *Но война неизбежна в наше время – это война за ресурсы, земли, воздух, воду.*

И.Р. *Войны будут всегда, потому что борьба заложена в сути человека.*

И.К. *Потому что одни страны не могут договориться и поделить что-то с другими. Или сам народ не согласен с действиями политиков (взять тот же самый Майдан).*

И.М. *Война и не прекращалась. Война эволюционировала.*

И.А. *Нужно думать только о хорошем, и все будет отлично!*

И.Л. *Думать о плохом – это удел пессимистов. Все должно быть хорошо.*

Наконец, следует отметить, что предложение с упоминанием о судном дне не оставило равнодушными большинство испытуемых. При этом религиозное толкование судного дня в реакциях встречается не часто, как и философское, хотя такая группа (16) присутствует среди испытуемых. Большинство участников исследования, группа (26), интерпретирует это понятие не в религиозном, а светском понимании ответственности

человечества за свои действия на Земле; связывает это с разрушительными последствиями для экологии, а значит, и для жизни на планете. Можно предположить, что здесь сказывается региональная специфика, поскольку, как известно, наш нефтехимический регион является одним из экологически неблагоприятных. И, конечно, имеется третья группа (36) – скептиков, иронизирующих по поводу заблуждений человечества.

(16) *Судный день неизбежен. Не зря о нем упоминают все религии.*

Я верующая. Хотя раньше не задумывалась о судном дне, но думаю, в этом есть глубокий смысл.

Не хочу слепо верить в будущие катастрофы, но думаю, что судный день несет в себе поучительный смысл. Нужно отвечать за свои дела.

Все когда-нибудь должно закончиться. Но не сейчас. Даже на краю есть «сейчас».

(26) *Да, из-за перенаселения, экологии, образа жизни большинства людей, из-за постоянных войн, мы можем погибнуть.*

Конечно, нести ответственность должны все за то, что мы сделали с нашими реками, лесами, с землей. Моя бабушка пила чистую воду, я не могу пить воду из крана, а что будут пить мои дети и внуки?!

Хотя я и нерелигиозный человек, я согласна, мир медленно, но верно идет к огромным потрясениям. И это не только войны, сначала мы убиваем природу, а потом нас убивает плохая экология.

(36) *О, так было всегда! Близкого конца света боялись еще древние греки.*

На протяжении всех тысячелетий люди предрекали судный день. Но мы живы, даже после всемирного потопа.

Жалкие люди! И я каждый раз смеюсь над ними. Одни все хотят умереть, другие на этом хорошо зарабатывают. И так всю жизнь.

Возвращаясь к вопросу о типах и видах продуцируемых испытуемыми вербальных реакций, можно констатировать следующее. Большинство наших испытуемых, интерпретируя текст и пытаясь разобраться в том, что происходит сейчас и что может ожидать нас в будущем, демонстрирует реакции оценки (35%), мнения (20%), аргументирования (20%), прогнозирования (10%), сложную реакцию перевода (8%). В меньшей степени в процессе интерпретации текста социальной направленности испытуемые выдавали непосредственные ассоциации (5%), реакцию «интертекст» (2%) и реакции визуализации; последняя, нужно сказать, практически отсутствует. Следует отметить, что аудитория проявляла склонность к критическому мышлению и оценки чаще всего носили аргументированный, а не эмоциональный характер (ср. с преобладанием эмоциональных оценок во «встречных текстах» реципиентов при восприятии библейского текста, научно-популярной литературы, текстов глянцевого журнала).

Итак, как можно было видеть, среди испытуемых выделяются группы реципиентов, объединенных по признаку «позитивная/негативная оценка» прогресса, той или иной науки, культуры или религии; а также группы, тяготеющие более к материальным или духовным ценностям, при этом этнокультурные различия участников эксперимента никак себя не обнаруживают. Очевидно, что социальные ценности, отражаемые языковым сознанием представителей молодежного социума и выраженные вербальными реакциями в их «встречных текстах», порождаемых в процессе восприятия социального текста, у большинства носителей разных этнокультур во многом совпадают.

Как показывает анализ, в вербальных реакциях на информацию воспринимаемого социального текста отсутствуют ссылки, которые могли бы указывать на ту или

иную этническую или религиозную принадлежность их авторов. Это, безусловно, отличает их от реакций испытуемых, интерпретирующих художественные и библейские тексты, изобилующих прямыми и имплицитными ссылками на Коран, на героев национальных преданий и сказок т.п. Отличаются они и от реакций, возникающих при восприятии текстов глянцевого журнала, где об этнической принадлежности реципиента зачастую можно судить по оценкам, связанным с отношениями между старшими и младшими, родителями и детьми, мужчиной и женщиной и т.п. Эти факторы также не проявляют себя в «контртекстах» испытуемых, воспринимающих текст социальной направленности.

Иными словами, «внутренние тексты» участников эксперимента, связанные с пониманием социального текста, демонстрируют отсутствие каких-либо признаков, указывающих на их этнокультурные различия, в оценках обсуждаемых социальных ценностей. Это приводит нас к выводу о том, что социальные ценности, отдельно и как составляющие системы общечеловеческих ценностей, представляют собой инструмент, обладающий потенциальной силой объединения и в действительности способствующий объединению членов полиэтнического социума, помогая достижению взаимопонимания, образующего основу их стабильного сосуществования и эффективного взаимодействия.

Литература

Балханова Т.Г. Культурное разнообразие и толерантность в Республике Бурятия // Культурное пространство Восточной Сибири и Монголии: от прошлого к будущему: Материалы IV международного симпозиума. – Улан-Удэ, 2009. С. 25-33.

Воронина Н. И. Финно-угорский регион как полиэтническое общество // Регионология. – 2012. – № 3. – С. 187-188.

Новиков А.И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания // Вопросы психолингвистики. – 2003. – № 1. – 2003. – С. 64-76.

Пешкова Н.П. Региональные особенности языкового сознания российской молодежи // Вопросы психолингвистики. – 2012. – № 2(16) – С.8-19.

Пешкова Н.П. Общечеловеческие ценности в языковом сознании молодежи полиэтнического региона // Жизнь языка в культуре и социуме-4: Материалы международной научной конференции. – М: Институт языкознания РАН, Российский университет дружбы народов, 2014. – С.21-23.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: «Прогресс», 1993. – 656с.

Синячкин, В.П. Психолингвистический и лингвокультурологический анализ общечеловеческих ценностей в русском языковом сознании. – М.: Изд-во РУДН, 2010. – 340 с.

Тарасов Е.Ф. Предисловие // Жизнь языка в культуре и социуме-3: Материалы международной научной конференции. – М: Институт языкознания РАН, Российский университет дружбы народов, 2012. – С.3-4.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. – М., Калуга: Институт языкознания РАН, 2011. – 252 с.

Фатхутдинова А.И. Этноязыковое развитие Республики Башкортостан: 1979-2010 гг.: Автореф. дис...канд. историч. наук. – Казань, 2011. – 33 с.

К. Я. Сигал

УДК 81'23

ИНТЕГРАЦИЯ СЛОВСОЧЕТАНИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЛИНГВИСТИКИ И ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

В статье показано, что интеграция словосочетания представляет собой сложную речевую операцию, выявлены факторы, способствующие переходу от словосочетания к сложному слову. По мнению автора, интеграция словосочетания опосредована метаязыковой деятельностью создателя высказывания.

Ключевые слова: интеграция словосочетания, сращение, сложное слово, метаязыковая деятельность.

Kirill Ya. Seagal

INTEGRATION OF WORD-COMBINATION FROM THE LINGUISTIC AND PSYCHOLINGUISTIC PERSPECTIVE

The article shows that integration of word-combination is a complicated speech operation. The factors contributing to the transition from word-combination to compound word are identified. The author believes that integration of word-combination is mediated by metalinguistic activity of speaker.

Keywords: integration of word-combination, concretion of words, compound word, metalinguistic activity.

Для всех поколений ученых Московской психолингвистической школы было очевидно: «какая психологическая работа сознания стоит за каждым шагом развертывания речи и каковы эти шаги – вот один из главных вопросов психолингвистики» [Березин, Головин 1979: 45]. Несмотря на то, что именно в рамках Московской психолингвистической школы общая модель порождения высказывания была построена с учетом принципа эвристичности [Леонтьев 1969], до сих пор отдельные шаги развертывания речи, в особенности факультативные и не обладающие статусом универсального языкового процесса, такие как, например, интеграция словосочетания (в терминах синтаксиса) или сращение (в терминах словообразования), не рассматривались в ракурсе их участия в актах речевой деятельности. Между тем одновременное существование в речи словосочетания и его аналога в форме сложного слова, неизбежно приводящее к их разноплановой дифференциации, дает возможность понять, какие факторы способствуют интеграции словосочетания, а какие – препятствуют ей, а также высказать предположение о том, как интеграция словосочетания опосредована в языковом сознании «субъекта речевой деятельности» [Тарасов 1987: 157]. В связи с этим интеграция словосочетания как особый шаг развертывания речи подлежит изучению как со стороны лингвистики, так и со стороны психолингвистики.

Трансформация словосочетания в сложное слово отражает действие «метаморфизма», т.е. «процесса трансформации одних классов в другие» [Бенвенист 1974: 255]. Интеграция словосочетания приводит к преобразованию синтаксической единицы в лексическую, по мысли Э. Бенвениста, – к «этой, быть может, самой своеобразной работе языка» [там же: 256]. Тем не менее интеграция

словосочетания не выступает как общезыковой механизм: более свободно она осуществляется в языках аналитического строя, в частности в английском языке [Квеселевич 1983: 5]. По Д.И. Квеселевичу, «интеграция словосочетания – одно из проявлений процесса метаморфизма, заключающееся в трансформации словосочетания в сложное слово с сохранением линейного порядка компонентов и приводящее к межуровневой равноименности» [там же: 8]. При переходе от словосочетания к сложному слову рема становится сигнификативной, а номинация приобретает цельный идиоматический характер [там же: 29–32]. По мнению Д.И. Квеселевича, в русском языке интеграция словосочетания – «явление сравнительно малораспространенное» [там же: 67].

С.Г. Тер-Минасова также отмечает, что «словосочетание в русском языке, даже при условии максимальной – идиоматической – цельности его семантики (например, *железная дорога*), не может стянуться в сложное слово (подобно английскому *railway*), так как этому препятствует морфологическая оформленность и самостоятельность прилагательного, которое изменяется в соответствии со своими правилами, по падежам и числам, и никакой тенденции к слиянию с определяемым словом не имеет» [Тер-Минасова 2009: 6]¹.

Действительно, интеграция более характерна для русских словосочетаний со связью примыкания, при которой взаимоприспособляемость между компонентами может быть равна нулю [Милославский 1977: 58]. Ср., например, такие сложные прилагательные, как *быстровозводимый*, *быстрогоорящий*, *быстрогустеющий*, *быстродействующий* [РОС 1999: 91], которые за пределами языка для специальных целей становятся словосочетаниями с примыкающим наречием. Кроме того, путем сращения в русском языке может быть создано сложное слово далеко не любой кардинальной части речи. Так, по мнению Е.А. Земской, «сращение используется только в словообразовании имен прилагательных» [Земская 2005: 305]. Показывая наибольшую продуктивность сращения для прилагательных и наречий, Л.С. Филиппова настаивает на его чуждости глаголу, поскольку из словосочетания возник только один глагол – *заблагорассудится*, и нехарактерности для существительных (хотя имеются слова с начальным *пол-*) [Филиппова 2009: 192–195].

Несмотря на то, что вне сферы примыкания интеграция словосочетания в русском языке резко ограничена по причине флективной «нагруженности» компонентов, ее речевые прецеденты встречаются и в словосочетаниях со связью управления, причем как глагольного, так и субстантивного. Поэтому обратимся далее к рассмотрению подобных речевых фактов, первый из которых может быть отнесен к архаизированному узусу, а второй носит подчеркнуто окказиональный характер.

Наряду с глагольно-субстантивным словосочетанием *пить чай*, а точнее – наряду с его линейно-позиционной (инверсивной) вариацией *чай пить*, в начале XX в. начинает довольно активно употребляться сращение *чайпить* – сложный

¹ В рамках диахронического подхода такое эмпирическое обобщение не следует, однако, абсолютизировать: если при согласовании компоненты словосочетания не являются многосложными, то их интеграция вполне осуществима. Ср., например: *Новгород* и название повести Н. Карамзина «*Марфа-посадница, или Покорение Новгорода*», созданной в самом начале XIX в. Ср. также в этой повести: *Псковитянин в Новгороде забывал, что он не в отчизне своей; сопротивление обратится в гибель Новгороду* и т.п.

глагол с объединяющим ударением на первом слоге. Ср.: *Давно уже слово «чайпить» стало одним глаголом...* (В. Вересаев; НКРЯ²); *Перекрестившись, мы садимся «чайпить»*; *так говорилось у нас везде, а не двумя словами «пить чай»* (Митр. Вениамин Федченков). Кавычки при записи сращения объясняются тем, что языковое сознание пишущих зафиксировало стилистическую «инаковость» этого сложного глагола, вошедшего в речевой узуз их современников.

Любопытно, что в романе А. Малышкина «Люди из захолустья», относящемся к концу 1930-х гг., это сращение употребляется без кавычек, что показывает его социально-речевую и, несомненно, стилистическую приемлемость. Ср., например: *Журкин тоже недолюбливал этих шумных гостей, без стеснения в одежде разваливающихся по койкам; раньше срока кончал чайпить, с гармоньками удалялся к Поле или А барачные потягивались, слонялись от койки к койке, чайпили и с утра начали так зверски накаливать печи, такую нагнали огненную духоту, что Поля засуматошилась опять: кабы не сожгли барак* (НКРЯ).

По мнению Л.В. Щербы, «что даже такое словосочетание, как *чай пить*, начинает ощущаться сложным словом, явствует из такого очень распространенного новообразования, как *мы уже почайпили*» [Щерба 1974: 52]. Показательно, что для Л.В. Щербы раздельнооформленная запись словосочетания не препятствует его осмыслению в качестве сложного слова. Интеграцию словосочетания *чай пить* ученый видит в том, что оно включается в словообразовательный процесс как единое производящее: префикс *по-* присоединяется к целому слову.

Правда, глагол *почайпить* связывают и с иной «деривационной историей». Так, Г.А. Хайрутдинова полагает, что здесь «глагол *попить* расчленяется на два элемента и на месте морфемного шва между префиксом *по-* и корневой морфемой вставляется существительное *чай*» [Хайрутдинова 2009: 32]. Подобная реконструкция не обладает, однако, доказательностью с точки зрения словообразовательной системы. Вовсе не случайно в специальной лексикографии «деривационная история» глагола *почайпить* представлена так: *по-чай/пить* [ССРЯ 1990: 754]. В этой формуле косая черта обозначает границу между компонентами слова, образованного по способу сращения, а дефис «служит для выделения в производных словах частей, с помощью которых они образованы» [там же: 5].

Конечно, новый префиксальный глагол получал негативные метаязыковые оценки. Ср., в частности: *...если кто скажет: «они почайпили», мы поправляем: «они напились чаю»* (В. Вересаев; НКРЯ). Но это несколько не помешало ему закрепиться в литературно-речевом обиходе: *Клавдия Никифоровна снова просунула голову: —...пойдемте лучше ко мне почайпить. Милости просим без церемоний, как соседи и интеллигенты!* (В. Ардов); *Ариадна Сергеевна, видя наше состояние, позвала нас зайти к себе «почайпить»* (М. Белкина), а также получить «права гражданства» в словаре: *почайпить* (прост.) ‘Попить чаю’. *Мы уже почайпили* [ТСРЯ 2007: 711], где, кстати говоря, отсутствует производящее слово – *чайпить*.

Интеграции словосочетания *пить чай* способствовал целый ряд структурно-функциональных условий, ведущим среди которых является инверсия зависимого компонента. Ср.: – *Чай пью...* – *отозвалась Тося и отхлебнула из кружки, показывая непонятливым девочкам, как люди пьют чай* (Б. Бедный).

2 Иллюстративные примеры, взятые из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru), здесь и далее сопровождаются аббревиатурной ссылкой – НКРЯ.

Препозиция односложного компонента с нулевой флексией и вместе с тем жесткая контактность компонентов словосочетания привели к формированию единого акцентологического центра – ударения на первом слоге. При этом нулевая флексия оказалась «парализованной» и превратилась в своеобразный интерфикс, что обусловило потерю способа реализации активной синтаксической валентности на атрибут. Наоборот, тормозить интеграцию словосочетания *чай пить*, в том числе при недистанцированности компонентов, могли бы атрибутивные распространители. Ср.: *Стану я, говорит, в аш чай пить!* (В. Короленко; НКРЯ); *Куда нам, Иванам, с простотой нашей – такой чай пить?* (Завтра, 22.08.2003; НКРЯ).

Из этого следует, что семантическим мотивом создания сложного глагола *чайпить* могло послужить стремление обозначить процесс чаепития как таковой, без потенциального обращения к характеристикам чая. Ср.: – *Я чай пью. – Какой?* и – *Я чайпью. – *Какой?* Однако поскольку с такой семантической задачей справляется и словосочетание, сложный глагол *чайпить* оказался дублетом, причем с осязаемым «налетом» просторечности, отраженным в словарной помете (ср. похожую семантико-стилистическую судьбу отсубстантивных глаголов *чаевать*, *чаевничать*, *чайничать*).

В очерке М. Цветаевой «Мой Пушкин» употребляется не только бисубстантивное словосочетание *памятник Пушкина*, но и образованное в результате его интеграции сложное имя существительное *Памятник-Пушкина* (именно с прописной буквы!). Так как у М. Цветаевой «в словесных метаморфозах... всегда сохраняется преданность принципу “суть перечеркивает язык”» [Ляпон 2010: 25], она, всецело осознавая свою вербальную интенцию, стремится объяснить, что стоит в данном случае за трансформацией словосочетания в сложное слово. Ср.: *Памятник Пушкина был не памятник Пушкина (родительный падеж), а просто Памятник-Пушкина, в одно слово, с одинаково непонятными и порознь не существующими понятиями памятника и Пушкина. То, что вечно, под дождем и снегом, – о, как я вижу эти нагруженные снегом плечи, всеми российскими снегами нагруженные и усиленные африканские плечи! – плечами в зарю и метель, прихожу я или ухожу, убегаю или добегаю, стоит с вечной шляпой в руке, называется «Памятник-Пушкина».* Получается, что «преодоление» формы словосочетания потребовалось потому, что в языковом сознании М. Цветаевой сочетание понятий преобразовалось в единое понятие.

Важно отметить, что в бисубстантивном словосочетании с главным компонентом *памятник* и с зависимым – *Пушкин* объектные отношения должны были бы выражаться формой дательного падежа (-у), тогда как у М. Цветаевой используется форма родительного падежа (-а), маркирующая субъектно-притяжательные отношения [Сиротинина 2003: 36]. Причем подобная нейтрализация форм родительного и дательного падежа весьма характерна. Ср.: *В недавнем прошлом деревенская жительница, все еще не знавшая, где в Москве стоит памятник Пушкину, Раиса Петровна работала поваром в детском саду одного весьма привилегированного института (Р. Фрумкина; НКРЯ) и И еще, – отец был очень рад, – главный какой-то комитет поручил ему парадные «места» ставить на Страстной площади, где памятник Пушкина будут открывать (И. Шмелев; НКРЯ).* Ср., однако, семантическое разграничение этих падежных форм в сложном словосочетании, где выражаются как объектные, так и субъектно-

притяжательные отношения: *Павла Леонтьевна обсуждала с Меркуровым памятник Пушкину скульптора Опекушина...* (А. Щеглов; НКРЯ).

Есть мнение, что приименной родительный падеж может быть связан с «перебоями в употреблении того или иного падежа, не вызванными грамматической ситуацией или семантикой участвующих в конструкции слов» [Исаченко 2003: 99]. Дело, однако, в том, что при замене имени собственного частотность флексии *-а / -я*, не маркирующей объектные отношения в словосочетаниях типа «*памятник* + зависимое имя существительное», резко сокращается. Так, если словосочетания *памятник Пушкину* и *памятник Пушкина* в Национальном корпусе русского языка имеют по 54 и 31 вхождению соответственно³, то словосочетание *памятник Ленина* отмечено только один раз, *памятник Гоголя* – вообще ни разу. По-видимому, это связано как со способностью приименного родительного падежа «выявлять признаки любого субстантивно выраженного понятия» [Сухотин 1950: 173], так и, главное, с мнемической формальной аналогией со словосочетанием «*Памятник Пушкина* ‘стихотворение Пушкина «Памятник»’, где зависимый компонент на *-а* выражает субъектно-притяжательные отношения и передает семантику авторства. Ср.: *Славу русский поэт искони предоставляет военным и этой славе преклоняется. – а «Памятник» Пушкина? Прозрение – ничего другого* (М. Цветаева; НКРЯ).

Интеграция словосочетания *памятник Пушкина*, состоящего из контактных, но акцентологически раздельных компонентов, оказалась возможной потому, что главный компонент обладает нулевой флексией, которая, полностью не теряя своей структурной функции (ср. *мой Памятник-Пушкина*), оказывается во многом «парализованной»: **моего Памятник-Пушкина*, у М. Цветаевой – *до Памятник-Пушкина*. «Внешний» синтаксис цветаевского сращения обеспечивается общей конечной флексией, падежная «маневренность» которой резко ограничена (ср.: **о Памятник-Пушкине*) и сводится к семантическому варьированию форм родительного и дательного падежа. Ср.: *У тех глаза были совсем белые, а у Памятник-Пушкина – совсем черные, совсем полные; ...к нам в гости приходил сын Памятник-Пушкина; ...мы, поджидая няню на прогулку к Памятник-Пушкину, едим снег или лижем лед*.

Как показывают оба речевых прецедента, интеграция словосочетания «устраняет противоречие между расчлененностью (сверхсловностью) формы и единством объекта мышления» [Квеселевич 1983: 66] и поэтому не может не приводить к более или менее очевидным семантическим «сдвигам», в частности «к преобразованиям в степени расчлененности семантического представления одного и того же» [Кубрякова 2008: 71]. В рамках дериватологии сращения связывают обычно с «“абстрактным” транспозиционным значением» [Менгель 2006: 132]. Однако семантические основания для интеграции словосочетания все же могут оказаться (и, действительно, оказываются) более конкретными, чем воспроизводство семантики словосочетания в формате однословного наименования. Интеграция словосочетания – это не столько «редукция высказывания» [Квеселевич 1983: 64], сколько способ переоформления известного словосочетания, обусловленный таким

³ Примечателен такой факт: в «Русском ассоциативном словаре», отражающем коллективное языковое сознание конца XX в., на стимул *памятник* от испытуемых получены исключительно реакции в форме дательного падежа: *Пушкину* 78 (причем это 1-я реакция), *А.С. Пушкину* 1 (5-я реакция) [РАС 2002: 432], в чем проявляется тенденция к семантической обусловленности падежного маркирования в словосочетаниях со связью управления.

преобразованием его конвенционального синтаксического смысла, которое требует нетривиальной семантической калькуляции.

Посредством интеграции словосочетания, выступающей в функции «превращенной формы» [Тарасов 1987: 142–147], отображается то, что отношение между действием и предметом или между предметами получает осмысление как действие или предмет, взятые сами по себе. В рамках когнитивной семантики интеграция словосочетания могла бы служить «индикатором имевшего место аттенционального сдвига», или дефокусирования [Ирисханова 2014: 69]. При этом семантическая потребность в интеграции словосочетания подчас оказывается нереализованной по формально-грамматическим причинам. Речевые факты свидетельствуют о том, что, например, интеграция некоторых словосочетаний со связью управления возможна только тогда, когда их препозитивный компонент (причем не важно, главный он или зависимый) имеет нулевую флексию, в той или иной мере утратившую функцию маркера «внешних» для словосочетания синтаксических связей.

Разноплановая дифференциация словосочетаний и сложных слов, образованных путем их интеграции (сращения), не позволяет, однако, согласиться с категоричным суждением о том, что эти «сложные слова принципиально не сводимы к словосочетаниям» [Полюжин, Омельченко 1997: 7]. Так, в идиостиле М. Цветаевой встречаются «разрывы связи» внутри подобных сложных слов, причем и эти сложные слова, и базовые для них словосочетания, подвергнувшиеся когда-то интеграции, могут употребляться в составе единого синтаксического контекста (в частности, при уточнении): *О, я их видела! Я их знаю! Другому кому-нибудь о здравомыслии и скуке немцев. Это страна сумасшедших, с ума сшедших, на высоком разуме-духе* [Ляпон 2010: 20]. Поэтому вовсе не случайно было подмечено, что «иногда сложное имя и синтагма оказываются, по-видимому, взаимозаменяемыми по желанию» [Бенвенист 1974: 244].

В рамках модели порождения высказывания А.А. Леонтьева интеграция словосочетания не может быть представлена во внутренней программе, которая складывается из «смысловых “вех”» и отвлечена от всего «конкретно-языкового, не универсального» [Леонтьев 1969: 159]. Интеграция словосочетания возникает при «овнешнении» (термин Е.Ф. Тарасова) такого смыслового компонента внутренней программы (например, субъекта или предиката), комплексированность которого допускает его развертку в формате как словосочетания, так и сложного слова. При этом интеграция словосочетания, будучи фактом «овнешнения», генетически связана с таким явлением внутренней речи, как «слипание слов» [Выготский 2006: 1009].

Интеграция словосочетания выступает в двух формах: актуальной и «снятой», причем за первой из них стоит действительно-творческая операция, а за второй – лексикализованная. Однако в обеих формах интеграция словосочетания может осознаваться и стимулировать метаязыковое «переключение» высказывания. Это связано с тем, что словосочетание неизменно присутствует в этом процессе в качестве производящей и / или конкурирующей синтаксической конструкции. Как подчеркивал А.М. Шахнарович, «говорить об образовании производного слова из синтаксической структуры или после синтаксической структуры... можно только имея в виду процессы... “срастания”, когда синтаксическая конструкция

превращается в одно оформленное слово» [Шахнарович 2001: 658–659].

Интеграция словосочетания вообще требует от говорящего (и – в особенности – от пишущего) актуализации метаязыковых представлений как о словосочетании, так и о сложном слове, а также соотнесения функциональных, семантических, структурных и графических⁴ качеств того и другого, отраженных и обобщенных в его языковом сознании. Поэтому интеграция словосочетания – не только речевая, но и метаязыковая операция.

Литература

Бенвенист Э. Синтаксические основы именного сложения / Э. Бенвенист // Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – С. 241–256.

Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание / Ф.М. Березин, Б.Н. Головин. – М.: Просвещение, 1979. – 416 с.

Выготский Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский // Выготский Л.С. Психология развития человека. – М.: Смысл; Эксмо, 2006. – С. 664–1019.

Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. 2-е изд. / Е.А. Земская. – М.: Флинта; Наука, 2005. – 328 с.

Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования / О.К. Ирисханова. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 320 с.

Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: Морфология. 2-е изд. / А.В. Исаченко. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 880 с.

Квеселевич Д.И. Интеграция словосочетания в современном английском языке / Д.И. Квеселевич. – Киев: Вища школа, 1983. – 84 с.

Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. 2-е изд. / Е.С. Кубрякова. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 208 с.

Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания / А.А. Леонтьев. – М.: Наука, 1969. – 308 с.

Ляпон М.В. Проза Цветаевой. Опыт реконструкции речевого портрета автора / М.В. Ляпон. – М.: Языки славянских культур, 2010. – 528 с.

Менгель С. Словообразовательное значение / С. Менгель // Славистика: синхрония и диахрония. Сб. научн. ст. к 70-летию И.С. Улуканова. – М.: Азбуковник, 2006. – С. 126–141.

Милославский И.Г. Синтез словосочетания и производного слова / И.Г. Милославский // Вопросы языкознания. – № 5. – 1977. – С. 53–61.

4 Графические обобщения чаще всего таковы: если в словосочетании компоненты пишутся раздельно, то в сложном слове – слитно или полуслитно (через дефис). Тут важно учитывать характеристику языка и его орфографию: например, в английском языке подобной эквиополентной оппозиции в графике словосочетаний и образованных из них сложных слов, скорее всего, нет [Квеселевич 1983: 25–26]. Л.В. Щерба трактовал как сложное слово, в частности, словосочетание *железная дорога*, так как «оно значит больше, чем сумма значений образующих его слов» [Щерба 1974: 52]. При этом разглядеть здесь сложное слово нисколько не помешала ему раздельность написания! И все же в русском языковом сознании эти графические обобщения сложились вовсе не случайно. Графика словесных «сцеплений» демонстрирует то, как они осмыслены пишущим. Ср.: *глубокоуважаемый* и *глубоко почитаемый*. Как показывают речевые факты, рассмотренные в статье, в сращениях выбор между слитным и полуслитным (дефисным) написанием также получает свое объяснение: слитное написание отражает полную демотивацию нулевой флексии препозитивного компонента, через дефис – неполную.

Полужин М.М., Омельченко Л.Ф. Функциональное словосложение и префиксальные ономаσιологические категории в английском языке / М.М. Полужин, Л.Ф. Омельченко. – Ужгород: Изд-во УГУ, 1997. – 99 с.

Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции. – М.: Астрель; АСТ, 2002. – 784 с. (РАС)

Русский орфографический словарь. Отв. ред. В.В. Лопатин. – М.: Азбуковник, 1999. – 1280 с. (РОС)

Сиротинина О.Б. Лекции по синтаксису русского языка. 2-е изд. / О.Б. Сиротинина. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 144 с.

Сухотин В.П. Проблема словосочетания в современном русском языке / В.П. Сухотин // Вопросы синтаксиса современного русского языка. – М.: Учпедгиз, 1950. – С. 127–182.

Тарасов Е.Ф. Тенденции развития психолингвистики / Е.Ф. Тарасов. – М.: Наука, 1987. – 168 с.

Тер-Минасова С.Г. Синтагматика речи: онтология и эвристика. 2-е изд. / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 200 с.

Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х тт. Т. 1. 2-е изд. / А.Н. Тихонов. – М.: Русский язык, 1990. – 856 с. (ССРЯ)

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 2007. – 1175 с. (ТСРЯ)

Филиппова Л.С. Современный русский язык. Морфемика. Словообразование / Л.С. Филиппова. – М.: Флинта; Наука, 2009. – 248 с.

Хайрутдинова Г.А. Эстетические ресурсы морфологических средств русского языка: Автореферат дис. ... докт. филол. наук / Г.А. Хайрутдинова. – Казань: КГУ им. В. И. Ульянова-Ленина, 2009. – 45 с.

Шахнарович А.М. Психолингвистический статус производного слова в онтогенезе / А.М. Шахнарович // Шахнарович А.М. Избранные труды, воспоминания друзей и учеников. – М.: Гуманитарий, 2001. – С. 657–664.

Щерба Л.В. Очередные проблемы языковедения / Л.В. Щерба // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – С. 39–59.

Н.В. Уфимцева

УДК 81'23

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ – ОБРАЗ МИРА – ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА¹

В статье делается попытка рассмотреть историю возникновения термина «языковое сознание» в отечественной психолингвистике, соотносимые с ним понятия, а также определить тот стержень, на котором держится системность языкового сознания.

Ключевые слова: языковое сознание, предметное значение, вербальное значение, перцептивный эталон, системность, культура, значение/значимость.

Natalya V. Ufimtseva

LANGUAGE CONSCIOUSNESS – WORLDVIEW – LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

The article attempts to consider the history of the term “language consciousness” in Russian psycholinguistics, to analyze concepts related to it and to determine the core around which the systemic character of language consciousness focuses.

Keywords: language consciousness, subject meaning, verbal meaning, perceptive standard, culture, meaning, value

Понятие языкового сознания в психолингвистических работах появилось в 90-е годы прошлого века с легкой руки Е.Ф. Тарасова, который собственно и ввел его в психолингвистический обиход. Собственно, впервые термин появился в названии IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике (Москва, 1988), а содержательное наполнение получил в докладе Е.Ф. Тарасова, который, применительно к предметной области психолингвистики посчитал необходимым различать языковое, метаязыковое и неязыковое сознание [Тарасов 1988]. Описывая качества сознания носителя определенной национальной культуры, вслед за когнитивными психологами он определяет их как знания «перцептивные (сформулированные в результате переработки перцептивных данных, полученных от органов чувств), концептуальные (формулируемые в ходе мыслительной деятельности, не опирающейся непосредственно на перцептивные данные), процедурные (описывающие способы и последовательность использования перцептивных и концептуальных данных)» [Тарасов 1996: 7]. И главную причину непонимания в межкультурном общении видит именно в различиях национальных сознаний коммуникантов, поскольку межкультурное общение – это всегда «общение носителей разных национальных сознаний» [Там же: 9], а точнее, это диалог культур, но, прежде всего, «в сознании бикультурного билингва» [Там же]. Языковое же сознание определяется Тарасовым как «образы сознания, овнешняемые языковыми знаками» [Там же: 10]. Тарасов видит в использовании психолингвистами понятия «образ сознания» вместо привычного лингвистам понятия «значение» то преимущество, что оно позволяет описывать не только осознаваемые, но и неосознаваемые самим носителем языка знания, а «онтология межкультурного общения создает оптимальные условия для анализа национальных языковых сознаний, и эта оптимальность в первую очередь определена

Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ № 15-34-14007 а(ц), №15-04-00378а и гранта НШ 5740.2014.6.

тем, что она нарушает автоматизм восприятия языкового сознания благодаря использованию нового «прибора» – инокультурного сознания» [Там же: 20]. Собственно, с этого момента языковое сознание стало рассматривается как средство познания чужой культуры в ее предметной, деятельностной и ментальной форме, а также как средство познания своей культуры.

Так что же все-таки такое «языковое сознание»? Как пишет А.А. Леонтьев, «в мировой философской, психологической и лингвистической литературе можно найти два взаимоисключающих подхода к соотношению языка и сознания. Согласно одному из них, единицей сознания, тем, в чем и при помощи чего существует сознание, является система вербальных, словесных значений и обслуживающих эти значения разнородных коммуникативных средств. Проще – система языковых знаков. Отсюда все неогумбольдтианство, включая теорию лингвистической относительности; отсюда лингвистическая философия, общая семантика и другие неопозитивистские трактовки языка. Согласно другому подходу единицей сознания является предметное значение, а язык в этом случае понимается как система значений, могущих актуализироваться и в вербальной форме» [А.А. Леонтьев 1993: 16-17]. Следовательно, по мнению А.А. Леонтьева, термин «языковое сознание» не относится напрямую к языку как традиционному предмету лингвистики. И что особенно важно для нас, человек, как утверждает А.А. Леонтьев, «стоит перед лицом не отдельного предмета, а предметного мира как целого; он оперирует не отдельным значением, а системой значений» [Там же: 19]. Следовательно, языковое сознание (или язык в его психолингвистической трактовке) – это и есть система предметных значений, которые могут овнешниться в том числе и в вербальной форме.

В свою очередь, образ мира – «это отображение в психике человека предметного мира, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии» [Там же: 18] и оно, с точки зрения А.А. Леонтьева, не тождественно ни понятию «языковая картина мира», ни понятию «когнитивная картина мира». Образ мира, возникающий в непосредственном восприятии, может быть индивидуально-личностным, и тогда он опосредован личностными смыслами, а может быть инвариантным, описывающим общие черты в видении мира различных людей, и тогда он соотносится со значениями как социальными образованиями [Там же]. Подчеркнем, что А.А. Леонтьев выделяет как особый инвариантный «образ мира, соотношенный с особенностями национальной культуры и национальной психологии» [Там же: 19]. А это означает, что «в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем. Поэтому сознание человека всегда этнически обусловлено...; видение мира одним народом нельзя простым «перекодированием» перевести на язык культуры другого народа» [Там же: 20]. Таким образом, подчеркивается внешняя культурная обусловленность сознания.

Подтверждение этому можно найти и у Е.Ф. Тарасова. Выделяя три типа знания и анализируя перцептивные знания, он рассматривает в связи с этим понятие перцептивного эталона. Автор приходит к выводу, что перцептивные эталоны складываются под воздействием особенностей деятельности, принятых в определенной этнической культуре, в рамках которой эти эталоны формируются, а процесс познания всегда культурно обусловлен. [Тарасов 2014]. А поскольку они (перцептивные эталоны) постоянно воспроизводятся в познавательной деятельности данного этноса и, наряду с другими факторами, определяют специфику видения мира представителями данного этноса,

то можно предположить, что эти эталоны организованы в систему, которая меняется от культуры к культуре, а «апперцепционный комплекс – это разнокачественное образование, объединяющее источник восприятия и прошлый опыт, отношение к предмету и его оценку, интеллектуальные конструкции и средства преобразования объекта восприятия» [Барабанщикова 2006: 145] (Цит. по: [Тарасов 2014]).

Если языковое сознание – это система предметных значений (овнешняя в том числе и в вербальной форме), то каким образом мы можем обнаружить эту систему? В Московской психолингвистической школе наиболее оптимальным способом такого овнешнения признан массовый свободный ассоциативный эксперимент. К настоящему времени мы имеем уже четыре базы ассоциативных данных для носителей русского языка начиная с 60-х годов XX-го века (см. в Интернете rat.ivri.webfactional.com/overview/russian/), правда, только для одной социальной группы – студентов.

Именно построение по данным Русского ассоциативного словаря [Караулов и др. 2002] ассоциативно-вербальной сети (т.е. неполно связанного, ориентированного графа со взвешенной частотой), позволило впервые построить реальную модель языкового сознания носителя языка, отвечающую системно-целостному принципу, и исследовать содержание языкового сознания.

Для Русского ассоциативного словаря этот граф имеет 103 000 тысячи разных вершин, из которых на долю 6 600 слов-стимулов приходится примерно 50% всех связей, оставшиеся 96 400 слов имеют только входящие связи (см. сайт: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php>). Почему полученную таким способом ассоциативно-вербальную сеть можно рассматривать в качестве модели языкового сознания носителя языка/культуры?

Во-первых, это модель, описывающая опыт носителя языка как создателя и потребителя текстов и отражающая структуру «разумно-человеческого общения» [Лосев 2004]. По Ю.Н. Караулову [Караулов 2002], эта модель описывает предречевую готовность носителя языка, но, по нашему мнению, тем самым она отражает и весь предыдущий речевой и неречевой опыт носителя языка.

Во-вторых, эта модель имеет системно-целостный характер, общий с языковым сознанием носителя языка, поскольку организована с точки зрения значимости/ценности тех или иных элементов в общей их иерархии. Для анализа этого аспекта модели вводится понятие ядра языкового сознания, в котором выделяется центр ядра и указывается ранг каждого входящего в него элемента.

В-третьих, ассоциативно-вербальная сеть строится на материале любого языка при наличии достаточно большого количества данных, полученных в ассоциативных экспериментах.

В-четвертых, ассоциативно-вербальная сеть не строится искусственно, она просто «выводится» из материала, в котором имплицитно содержится, а значит, отражает структуру, объективно присущую языковому сознанию наивного носителя языка, культуре как системе сознания, поскольку мир презентирован отдельному человеку через систему предметных значений, как бы «наложенных» на восприятие этого мира. И каждой культуре свойственна своя система организации элементов опыта, которые сами по себе не всегда являются уникальными и повторяются во множестве культур. Уникальной же является именно система организации элементов опыта.

Организирующим для такой модели в целом и для каждого ее отдельного фрагмента является принцип значимости/ценности (*valeur* в терминологии Ф. де Соссюра). Каждый элемент ассоциативно-вербальной сети имеет и значение и значимость/ценность одновременно. Именно это свидетельствует, что он входит в систему, и его цен-

ность определяется исходя именно из системы как целого (см. подробнее [Уфимцева 2014]). Кроме того, с точки зрения дихотомии значение/значимость организованы и знания, стоящие за телом знака каждой из единиц ассоциативно-вербальной сети, т.е. ассоциативное поле каждого слова-стимула. Следовательно, именно значимость каждого элемента является основополагающей для системы предметных значений и их вербальных овнешнений, т.е. для языкового сознания.

Но с таким же успехом мы можем предположить, что этот принцип работает и на уровне организации в систему перцептивных эталонов, о которых мы писали выше, поскольку они вырабатываются в конкретной культуре в филогенезе и передаются каждому конкретному индивиду в процессе социализации в онтогенезе. Поскольку принцип значимости может быть сформирован только культурой как целым.

Еще более интересным, на наше взгляд, подтверждением универсальности этого принципа и его культурного происхождения являются данные об особенностях формирования того, что А.А. Леонтьев называет «системой операторов, позволяющих перейти от значения к тексту» [А.А. Леонтьев 1988]. В частности, обратимся к исследованию Д.Б. Никуличевой по выявлению перцептивных основ грамматической категоризации времени на материале русского и английского языков [Никуличева 2007]. Автору удалось экспериментально показать, что на структуру грамматических времен в русском и английском языке влияют невербальные представления о времени носителей этих двух культур, а также продемонстрировать зависимость между грамматической концептуализацией времени и его восприятием. Таким образом, именно особенности восприятия времени, сформированные культурой, лежат в основе построения системы грамматических времен. И хотя Д.Б. Никуличева не задавалась целью исследовать значимость каждого из элементов грамматической системы времен, без сомнения, она существует. Это показывают, в частности, данные онтогенеза речи и афазических расстройств речи.

Понятие значимости, по мнению Соссюра, распространяется на любые явления языка, в том числе и на грамматические категории. Рассмотрим это на примере падежной системы русского языка. Основой усвоения грамматики является когнитивная деятельность ребенка, а основой усвоения той или иной грамматической категории является когнитивное значение, т.е. значение, усваиваемое ребенком в процессе предметной деятельности. Расстояние между первыми попытками выразить значение и усвоением соответствующих лингвистических форм варьируется от языка к языку и определяется психолингвистической сложностью нормальных языковых средств, используемых в данном языке для выражения данной интенции. После двух лет практически не наблюдается случаев смешения падежей, употребления одного падежа вместо другого. Однако значения падежей еще отличается гораздо большей простотой и последовательностью, чем в языке взрослых.

Последовательность появления падежей в речи ребенка такова: Именительный, Винительный, Родительный, Дательный, Предложный, Творительный. В особую группу можно выделить наиболее частотные Именительный и Винительный и примыкающий к ним Родительный.

Распад падежной системы (при афазии) влечет за собой утрату в первую очередь тех падежей, которые усваиваются в процессе овладения языком позднее. Сохраняемым же, помимо Именительного (который является исходной формой слова), остается только Винительный – падеж объекта действия.

Именительный падеж – по данным нормы, усвоения языка нормальными и глухонемыми детьми и афазий – является доминирующей (в количественном отношении)

формой и явно занимает в парадигме особое положение: с него начинается усвоение падежной системы; он шире всех остальных падежей выступает заменой любого другого косвенного падежа, как в норме, так и в патологии; дифференциация форм одного значения осуществляется на основе ориентировки на форму Именительного падежа, которая служит сигналом употребления соответствующего окончания в косвенном падеже; при затруднениях в изменении слова на месте форм косвенных падежей появляется форма Именительного, наконец, в тяжелых случаях распада речи при афазии единственной употребляемой формой существительного остается Именительный падеж (см. об этом подробно [Уфимцева 2011]). Это свидетельствует об особой значимости Именительного падежа в русской падежной системе с точки зрения носителя языка.

Таким образом, языковое сознание во всех своих проявлениях (как предметные значения, как ассоциативно-вербальная сеть, как формальные операторы и т.п.) всегда является системой, иерархию элементов которой задает их значимость. А значимость, в свою очередь, является производной культуры.

И именно значимость задает тот неповторимый облик, который присущ каждой культуре как системе сознания.

Литература

Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный словарь. Т.1, М.: АСТ-Астрель, 2002. – С.749-782.

Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный словарь. Т. 1,2. – М.: АСТ-Астрель, 2002. – 782 с., 991 с.

Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации «Языковое сознание». – М.: Институт языкознания АН СССР, 1988. – С. 105-106.

Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М.: Институт языкознания РАН, 1993. – С. 16-21.

Лосев А.Ф. Введение в общую теорию языковых моделей. – М.: УРСС, 2004. – 294 с.

Никуличева Д.Б. Эксперимент по выявлению перцептивных основ грамматической категоризации времени (на материале сопоставления русского и английского языков) // Вопросы психолингвистики. №6, 2007. – С. 91-105.

Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания / Под ред. Н.В. Уфимцевой. М.: Институт языкознания РАН, 1996. – С.7-22.

Тарасов Е.Ф. Методологические проблемы языкового сознания // Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации «Языковое сознание». – М.: Институт языкознания АН СССР, 1988. – С. 176-177.

Уфимцева Н.В. Идеи Ф. де Соссюра в психолингвистическом прочтении // Вопросы психолингвистики. № 1(17), 2013. – С. 44-52.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. – М.: Институт языкознания РАН, 2011. – 251 с.

И.В.Шапошникова

УДК 81'23

**«ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ БОЛЬШОГО СТИЛЯ»
И «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МИНИМАЛИЗМ»:¹
АКТУАЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ В СТРУКТУРЕ РУССКОГО ЯЗЫКОВОГО
СОЗНАНИЯ?**

В статье на основе экспериментальных данных 2007-2013 гг. исследуются актуальные процессы в структуре русского языкового сознания в азиатской части России. Анализируются ассоциативные поля государственности, их смысловая динамика по отношению к соответствующим реалиям прошлого века. Используются новые информационные исследовательские ресурсы: Русская региональная ассоциативная база данных (далее: СИБАС) и Русский ассоциативный словарь (далее: РАС-1 и РАС-2). Обосновывается идея семантической разметки ассоциативных баз данных для выявления оценочных доминант и получения материала, необходимого в анализе последствий идентификационных процессов последних десятилетий.

Ключевые слова: государственность в образах языкового сознания, украинская проблема и этническая идентификация, выявление напряженности и конфликтности социальных отношений, актуальные изменения смысловой структуры сознания, СИБАС, РАС-1, разметка баз данных, оценочные доминанты и оппозиции

Irina V. Shaposhnikova

**MAXIMISED AND MINIMISED STATISM: ON SOME CURRENT
SEMANTIC CHANGES IN THE RUSSIAN LANGUAGE CONSCIOUSNESS**

The author considers (on the recent psycholinguistic experimental materials collected in 2007 – 2013) some current semantic changes in the Russian language consciousness in the Asian regions of Russia. The associative semantics of statism are analysed in comparison with similar entities represented in psycholinguistic and cultural sources of the XX-th century. The analysis is carried out on the materials of “The Russian regional associative data base” (further on: SIBAS) and “The Russian associative thesaurus” (further on: RAS-1 and RAS-2). The idea of possible semantic parsing of the associative data bases in order to reveal evaluative dominants is being discussed. Via semantic parsing researchers will get easier access to the materials which they need for their study of such ethnic identification processes that are prone to conflicts.

Keywords: statism and associated images in the Russian language consciousness, “the Ukrainian problem” and ethnic identification, revealing socially conflicting domains and prone to conflicts ethnic identification processes, some current semantic changes in the Russian language consciousness, SIBAS, RAS-1, semantic parsing of the associative data bases, evaluative dominants and oppositions.

Ассоциативно-вербальную сеть (далее АВС), полученную в эксперименте, можно рассматривать как динамическую смысловую структуру. В ней отражается

¹ Термины Н.С. Трубецкого, предложенные им в работах по украинской проблеме в 20-е годы прошлого века (см. список литературы).

психически актуальное смыслообразование, характерное для идентификационных этнических процессов. Последние затрагивают как неязыковое, так и языковое сознание. Анализируя достижения российской психологии и психолингвистики в построении теории языкового сознания и речевой деятельности, Е.Ф. Тарасов делает важные для понимания процессов этнической идентификации выводы о том, что *ведущие деятельности этноса определяют этнокультурную специфику чувственного познания*. Происходит это потому, что при восприятии предметов определенной этнической культуры формируются *перцептивные эталоны*, где и содержатся *опознавательные признаки*, само выделение которых детерминировано деятельностью, практикуемыми конкретным этносом для выживания в ландшафте своего обитания. Кроме того, *перцептивные эталоны используются как инструменты познания новых объектов*, что влечет за собой процесс воспроизводства перцептивных эталонов любого этноса «которые вместе с языковым и неязыковым сознанием определяют этнокультурную специфику видения мира» [Тарасов 2014: 31].

«В процессе познания целесообразно различать два этапа: процесс восприятия и собственно сознание. Оба процесса культурно обусловлены: процесс восприятия, ведущий к конструированию чувственного образа, культурно детерминирован сенсорным алфавитом, который сформировался в филогенезе и усваивается в онтогенезе каждым членом социума, а сознание как познавательный процесс обслуживается инструментами, созданными в конкретной этнической культуре. Чувственное восприятие, не будучи сознанием, является его необходимой предпосылкой, “поставляя” ему чувственные образы, отображающие реальное положение вещей в мире» [Тарасов 2014: 34-35].

Такая теоретическая канва дает определенное представление о природе субъективных процессов и вместе с тем позволяет распознавать преднамеренные манипулятивные акты, которые нацелены на эти процессы. Чувственные образы, основанные на реальном положении вещей, могут противоречить предлагаемому в готовом виде объяснениям (идеологемам) из-за искусственного ограничения информации или попыток подменить реальные объекты, доступ к непосредственному восприятию которых ограничен, квазипредметными поделками. Из-за длительного воздействия такого рода (тем более с наложением на онтогенез) процесс идентификации закономерно будет проходить на фоне сужения сознания.

Теоретически такое сужение сознания и сопровождающий его внутриэтнический конфликт должны найти смысловое и знаковое выражение в культуре. Поскольку языковое сознание формируется в мотивирующей речевое взаимодействие совместной деятельности, оно *не может не отразить общую доминанту семантических сдвигов этнического сознания в процессе идентификации*.

Каковы факторы изменчивости рассматриваемой смысловой структуры? Прошлый век с его информационно-технологической революцией, ростом народонаселения и мобильности людей, климатическими и глобальными геополитическими изменениями стал эпохой больших сдвигов цивилизационного плана. Конкретные проявления этих сдвигов многообразны. На некоторых территориях постсоветского пространства наблюдается этнизация сознания, вплоть до шовинизма, этноцентризма (фашизма). Цивилизационные процессы прошлого

века породили мощную рефлексию у представителей русского интеллектуального мира, чья судьба находилась в центре драматических этнических событий. Одним из ярких представителей русской элиты, искавших ответы на вопросы, вставшие с новой силой перед россиянами сегодня, как и в начале прошлого века, был Н.С. Трубецкой.

Многие драмы русского мира идут от разрыва между «верхами» и «низями» культуры (в том смысле, который вкладывал в эти термины Н.С. Трубецкой [2007: 178 - 197]). В перестройку этот разрыв проявился в очередной раз, когда власть утратила общий язык с народом, а внутренний климат в стране на фоне идеологического кризиса стал уязвим для внешнего вмешательства. В современных нам украинских событиях внешнее вмешательство в неокрепшую государственность подталкивает людей на путь убийства своей культуры через выбор: Украина – Россия, выбор, который на бытийном уровне основной массе народа сделать практически невозможно, он не стоит в реальной жизни большинства украинцев и русских, тем самым создаются условия для искусственного разрыва единого культурного пространства. Теперь эти уроки усвоены уже в форме гражданской войны одной части украинцев против другой, образ «врага» подкреплен делами и поддержан экономикой иждивенчества. Силовой сценарий антигосударственных переворотов блокирует рефлексию (чем и опасно внешнее влияние, мешающее наладить благоприятный для внутриэтнического информационного обмена климат), между тем как идентификация требует именно *рефлексии*. Украинские верхи не дали идеологического конструкта, который был бы органичен для народа и был бы принят им. Ситуация усугубляется тем, что исторически Украина демонстрирует классический пример несовпадения политических (государственных) границ с этнокультурными процессами.

Сужение сознания на Украине, вероятно, связано с попытками предубежденного выбора в пользу *сужения поля культуры*, выбора за которым стоят те, кого Н.С. Трубецкой в начале прошлого века назвал «узкими и фанатичными краевыми шовинистами» [2007: 514]. Эти люди «оптируют» против общерусской культуры за вполне самостоятельную украинскую культуру, стараясь «упразднить саму возможность свободного выбора между общерусской и самостоятельно украинской культурой», запрещая украинцам знание русского языка, знакомство с русской культурой, внушая ненависть ко всему русскому [Трубецкой 2007: 514-515].

Рассматривая украинскую проблему внутри общерусского мира, Н.С. Трубецкой говорит о «*разных редакциях русской культуры*», которые он усматривает в *разном отношении к государству*. «Для украинцев государственность большого стиля была чем-то чужим и внешним, ибо она ассоциировалась для них с государством польским, от которого им приходилось обороняться; развиваясь в постоянном отмежевании от давления государств, они, естественно, были склонны к известному государственному минимализму, граничащему с анархией. Напротив, великорусы выросли и развились в государственном строительстве, в сознании колоссальных возможностей и миссии государственного объединения, государственность большого стиля была для них своим национальным делом, национальной миссией, и потому естественным для них являлся известный этатизм, государственный максимализм, по необходимости связанный с некоторой жестокостью государственной власти. Это резкое различие между обеими редакциями русской культуры по вопросу об отношении к государственности порождало некоторое отталкивание: москвичам

украинцы казались анархистами, украинцам же москвичи могли казаться мрачно-жестокими. Но в то же время это же различие порождало и притяжение: московский государственный максимализм и пафос сильного государства большого стиля, хотя бы и с жестокой государственной властью, производили сильное впечатление, действовали заразительно, и, конечно, именно это побудило государственных людей Украины присоединиться к Москве, и не только присоединиться, но принять и самое активное участие (не за страх, а за совесть!) в общерусском государственном строительстве» [Трубецкой 2007: 548-549].

В цитируемой культурологической работе Н.С. Трубецкого и в его дискуссиях с профессором Д.И. Дорошенко осмысляются современные авторам события начала прошлого века. Сегодня перед общерусским миром опять встали те же самые вопросы идентификации в новых условиях идеологического кризиса на постсоветском пространстве. «Заставляя украинцев забыть, что они *не только русские*, но и *украинцы*, дореволюционное русское правительство насильовало природу, а такое насилие удаться не могло – ибо “гони природу в дверь, она влетит в окно”. Теперь совершается обратная ошибка: современное украинское правительство в согласии с крайними украинскими националистами принуждает украинцев забыть, что они *не только украинцы*, но и *русские*. Это есть тоже насилие над природой, которое тоже удаться не может; рано или поздно природа возьмет свое. Украинское национальное самосознание непременно должно включать в себя оба элемента – общерусский и специфический – украинский. Искусственное подавление одного из этих элементов (все равно какого!) ведет к самосознанию изуродованному и ушербленному» [Трубецкой 2007: 559].

Как избежать насилия над природой и снизить градус напряженности и конфликтности в социальных отношениях? Есть ли объективное основание («материальный субстрат») идентичности и, если таковое имеется, как далеко простирается его влияние? Где локализуется источник субъективного фактора (сознания)? В мозгу индивида или во внешнем мире? Деятельностный подход к исследованию сознания локализует источник нашего сознания во внешнем мире. Это задает предметность как один из основных факторов в интерпретации процессов сознания и, в частности, субъектно-объектных отношений (подробнее о принципе предметности и других основаниях этой теории см. [Тарасов 2014]).

В науке последних десятилетий идет поиск *нейрофункционального субстрата идентичности*. Недавнее открытие «зеркальных нейронов» (которое связывают с именами Дж. Риззолатти, Л. Фадига, В. Галиса, Л. Фогасси, М. Арбиба) уже позволило ученым строить гипотезы в этой области. Высказываются и подкрепляются экспериментальными данными положения об адаптации нейронных механизмов (в том числе и «зеркальных систем»), предназначенных изначально для сенсорномоторных функций, к созданию нейрофункциональной «архитектуры» мыслительных и языковых процессов при сохранении за этими нейронными механизмами их прежних функций [Gallese 2008]. Подчеркивается, что значение и смысл действий человека формируются в его включенности в бытие, в процессе его личного опыта взаимодействия с окружающей средой. Здесь видится нейрофункциональное подкрепление высказанным ранее психолингвистами идеям, легшим в основу системы лингвистических знаний о речевой деятельности, о структуре сознания и его функционировании в процессе овладения языком [Шапошникова 2015]. Подходы к созданию *нейрофункциональной модели*

идентичности усматриваются в работах Витторио Галиса [Gallese 2008, 2009 и др.]. Автор приходит к мысли о том, что идентичность включает в себя *сферы действий, ощущений, аффектации и эмоций*, поскольку все эти сферы объединены при формировании идентичности активизацией одних и тех же нейронных систем. Так создается основа общего межсубъектного пространства (the shared intersubjective space) в котором человек пребывает с самого рождения [Gallese 2009: 520]. Смысловая сторона всех упомянутых сфер (как люди действуют, какие у них намерения и установки, что они ощущают и чувствуют при этом), как основа межличностных связей в общем пространстве автоматически находит воплощение в телесных реакциях человека. Открытие зеркальных нейронных систем показывает, что одни и те же нейронные системы активируются и когда самим субъектом *совершаются* конкретные акты-манифестации этих сфер и когда они просто *наблюдаются* им, а также, что особенно важно для изучения языкового сознания, в процессе вербализации связанных с ними образов. Стало быть, можно вести речь о закрепленном (воплощенном) в нейронных сетях «мы-центричном» пространстве (we-centric space) совместного опыта. Автор также считает, что этот общий функциональный механизм опосредует нашу способность разделять (понимать) с окружающими нас людьми смысл действий, установок, намерений, чувств и эмоций, формируя идентичность как многоуровневую связанность индивидов, их принадлежность к мы-центричному пространству (we-ness) [Gallese 2009: 520]. Ср. с сенсорными признаками и эталонами в основе чувственных образов в психолингвистических теориях деятельности и сознания.

Отечественная психолингвистика предпринимает попытки получить доступ к процессам идентификации через *языковое сознание*. Структура сознания в психолингвистическом ракурсе основывается на со-функционировании бытийного (с биодинамической тканью движений и действий, чувственной тканью образа) и рефлексивного слоев (значение и смысл) [Леонтьев 2005: 91 - 104; Зинченко 1988, 2008]. Этническое (социальное) сознание представляет собой сложную смысловую структуру, укорененную в бытии народа. Идентичность (как нейрофункциональный субстрат) формируется в онтогенезе на фоне предъявления ребенку в готовом виде образов родной культуры и их вербальных знаков с последующим их творческим освоением и интериоризацией. При этом формируется смысловая структура этнического сознания (концептуальная и языковая модели мира). Поэтому и язык, будучи орудием формирования сознания и средством выведения его вовне, может выполнять как функцию этнокультурного идентификатора, так и с определенными допущениями орудия сотворения этнокультурной идентичности и регулятора традиции.

Нейромоделю идентичности со стороны психолингвистики может быть соположена ассоциативно-вербальная модель. *Психолингвистический подход не противоречит данным нейронауки*, и может строиться на экспериментальной базе с использованием новых информационных технологий, позволяющих создавать *ассоциативно-вербальные модели*, отражающие смысловую структуру языкового сознания. Объектами анализа в этих моделях являются, как известно, ассоциативные поля (далее: АП). *Частотность вербальных ассоциаций* как один из факторов образования АВС также *имеет нейрофизиологический субстрат*. Следует отметить, что у лингвистов имеются прецеденты исследования частотности вербальных единиц с отсылками к нейрофизиологической основе (например, [Bybee 2010]).

Здесь функциональные изменения многоуровневого характера у высокочастотных единиц возводятся к нейромоторике как основному фактору наряду с традиционно рассматриваемыми в лингвистике языковыми и когнитивными.

Психолингвистические и нейрофункциональные подходы дают нам знания, которые исключают одномоментную переплавку этнического сознания по факту административного решения. Наоборот, они свидетельствуют о детерминированности субъективного опыта объективными средовыми факторами, среди которых основное место занимает предметная специфика деятельностей. Все это не исключает и определенного обратного влияния субъективного опыта на сами эти деятельности.

Опыт «государственности большого стиля», видимо, означает, что, какие бы ценности не выдвигали русские в процессе самоидентификации, эффективность их самоорганизации поверяется созданием такой государственности. Это глубинная задача («смысл») всей деятельности этнической системы. Для такой системы характерна культура больших свершений. Не случайно Россия представляет собой северную энергетическую державу. Не так-то просто взять газ и нефть в таких природных условиях, построить ГЭС, АЭС, космические объекты, сдержать съевшую полмира империалистическую систему коричневой чумы, осуществить небывалый по мощи проект социального строительства справедливого общества. Конкурировать с такой системой непросто, но участвовать в ее деятельности готовы активные силы многих народов.

Во внутриэтническом конфликте на Украине самоидентификация части украинцев в настоящее время, как и в прежние времена, идет через отталкивание от государственности (ее минимизацию); при сужении сознания до поиска врагов, акцент смещается на воплощенных государственников - русских. Внешнее вмешательство, апеллируя к идеологическим установкам антирусскости, только подталкивает украинцев к разрушению своей государственности. В этой связи правомерен вопрос: сохраняется ли «государственность большого стиля» в смысловом поле сознания молодых россиян? Что изменилось в нем за последние 20 лет? Не грозит ли России в эпоху потребления демонтаж государственности, в чем-то аналогичный украинскому вопросу?

Государственность реализуется через ее носителей – государственников. Они бывают разными: защитники отечества, стратеги-системщики, инженеры государственных механизмов, социальных институтов, исполнители и создатели идеологических конструкций, охранители культуры, паразиты (кормленцы) от государственных возможностей и др. Поэтому для полноты картины необходимо рассмотреть АП, представляющие образы не только государства, но и государственных людей.

Рассмотрим смысловые предпочтения испытуемых в ассоциативных полях ГОСУДАРСТВО, ПРАВИТЕЛЬСТВО, ПРЕЗИДЕНТ, ЧИНОВНИКИ.

ГОСУДАРСТВО (СИБАС). В устойчивой части АП *государство* осмысляется в масштабах страны *страна* 62, *Россия* 59, *РФ* 7, поэтому оно *российское* 17, *наше* 7, и даже *мое* 2, *родина* 9, *державка* 2, принадлежит *России* 2, а его резиденция – *Кремль* 2. *Государство* базируется на целом ряде социальных институтов и представительств: *власть* 27, *правительство* 15, *президент* 12, *политика* 7, *общество* 5, *система* 3, *монархия*, *державка*, *парламент*, *налоги* 2. Оно представляет *народ* 4, оно есть *нация* 3, *люди* 2, *патриот(ы)* 2. У него есть свои

атрибуты-знаки: *флаг* 4, *герб*, *граница*, *Кремль*. *Государство* несет в себе то, что создается его институтами и людьми: *демократия*, *и право* 5, *единство*, *закон*, *сила* 4, *мощь*, *право* 2. Носитель и представитель государственности – *президент* 12, *правитель* 2, *глава* 2, это *Медведев* 4, *Путин* 3. *Государство* должно быть *сильное* 7, *большое* 5, *правовое* 4, *независимое* 3, *великое*, *единое*, *могучее*, *честное* 2, в нем должно быть *единство* 4. Но оно может быть и *плохое* 4, тогда в нем *обман* 3, *бедность*, *козлы*, *ненавижу* 2.

Очевидно, что ядерная (устойчивая) часть АП дает позитивную, оптимистичную модель государственности, которая соответствует идентификации в пользу государственности большого стиля. На периферии (массив единичных реакций) выявляется несколько семантических сфер, среди которых следует выделить качество самого государства и то, что оно в себе несет: *богатое*, *величие*, *крепкое*, *крупное*, *любимое*, *масштаб*, *многонациональное*, *могучее* (*Россия*), *мощное*, *мы вместе*, *надежное*, *общее*, *огромное*, *ответственность*, *родное*, *свобода*, *социальное*, *союз*, *сплоченное*, *справедливое*, *суверенитет* и пр. Большинство ассоциаций либо не несут в себе оценочных смыслов, либо позитивны. Негативные смыслы в этой части поля представлены примерно 27,5% единиц. Среди них можно выделить те, которые связаны с озабоченностью по поводу неполноценности и даже ликвидации государственности: *в опасности*, *в сложной ситуации*, *в упадке*, *разваливается*, *распад*. Эти ассоциации свидетельствуют о позитивной направленности рефлексии на сохранение государственности в должном качестве. Выделяются и маркеры внутреннего «врага» - причины озабоченности: *безответственное*, *воровство*, *коррупция*, *ложь*, *нищее*, *ненависть*, *несправедливость*. Таким образом, абсолютное большинство негативных оценочных смыслов связано с рефлексией и озабоченностью, равнодушием, причастностью к проблемам государства. Собственно ругательства и основанные на эмоциональном и безапелляционном неприятии брутальные оценки в адрес государства составляют здесь абсолютное меньшинство: *концлагерь*, *секта*, *зло*, *самое дурацкое*.

Сравнение ассоциативных полей ГОСУДАРСТВО в СИБАС и в РАС-1 показывает полную перестройку смысловой структуры в части социалистических и советских реалий. Государство *советское* (в РАС-1) воспринималось как более *справедливое*, *народное*, *богатое*, *свободное* и легче присваивалось как *наше* 26, *мое* 8. В нем присутствуют высокочастотные ассоциации, связанные с советской системой и более ранними реминисценциями. В СИБАС слово *советский* ушло совсем из АП *Государство*, а СССР 3 сохранил некоторую устойчивость, вероятно, в связи с чувством преемственности «государственности большого стиля» Россия – СССР. Данные РАС-2 в европейской части России свидетельствуют об аналогичных изменениях. Там также не фиксируются бывшие в РАС-1 устойчивыми цепочки: *государство* -> *социалистическое* 19; *государство* -> *Советское* 18 [Черкасова 2012: 209]. Вместе с тем, получена новая частотная пара: *государство* -> *РФ* (20) [там же: 208].

Институт президентства появился в России в период перестройки, поэтому до какой-то степени он нашел вербальное выражение в АП *Президент* в РАС-1. В целом это поле выглядит бедно (всего 103 реакции, из них 57 разных, 2 отказа и 47 единичны), по сравнению с данными СИБАС, отражающими опыт последних десятилетий.

В устойчивой части этого АП РАС-1 нет оценочных единиц. Здесь присутствуют персоналии первых президентов и номинации общего характера с намеками на источник президентства в России и канал поступления информации о деятельности президентов: *Ельцин* 17; *страны* 9; *США* 8; *России* 6; *республики* 4; *ассоциации, власть, глава, Горбачев, телевизор* 2

На периферии находим нейтральные в оценочном плане реакции, а также примерно 32% резко негативных ассоциатов-оценок, таких как: *дурной, идиот, импотент, лживый, предатель, продажная шкура, пьяница, сволочь* и др. При этом всплывает *главарь* 1 в противовес *глава* 2. Очевидно, что эти оценки напрямую связаны с актуальными для языкового сознания начала перестройки образами персон на посту президента.

Примечательно, что в СИБАС не только в разы расширилось наполнение АП ПРЕЗИДЕНТ (здесь 498 реакций, 137 разных и 95 единичных), но и изменилось соотношение оценочных смыслов. В устойчивой части преобладают персоналии новой эпохи, абсолютное лидерство у Путина: *Путин* 87, далее идет *Медведев* 53, замыкает тройку *Ельцин* 5, из иностранных президентов в устойчивую часть попал только *Буш* 4. Локальные связи представлены в многочисленных ассоциациях с *Россией*. Они свидетельствуют о том, что, несмотря на иностранное происхождение института президентства, сознание россиян связывает слово Президент с русскими реалиями. В ядре АП находим названия институтов, связанных с президентской деятельностью. Президент характеризуется как *глава* 41, *глава государства, лидер, человек* 4, *авторитет, голова, мужик, политик, правитель, руководитель, царь* 2. Он *главный* 13, *умный* 4, *наш* 3, *молодец*, вызывает *уважение* 2, *хорошо* 2. Есть символика, с которой ассоциируется облик и поведение президента России: *медведь* 5, *костюм* 2, а также предметы потребления с аналогичным названием: *сыр* 3. В этой части поля практически отсутствуют негативные реакции. Периферия дает большее разнообразие реакций и смысловых зон, в которые они объединяются. Здесь, помимо персоналий и стран (*Володя, Обама, Клинтон, Д.А.Медведев, Горбачев, Польши, США и др.*), присутствуют указания на роли предствителей элиты при президенте и некоторые институты при нем. Есть положительные оценки: *главнокомандующий, достойный, лучший, справедливый* и пр. Негативные оценки составляют примерно 11,5% от общего массива единичных реакций (ср. 32% в РАС): *гад, лопух, марионетка, на фиг его*, и др.

Можно констатировать, что в СИБАС образ президента явно оптимистичен с преобладанием позитивных оценочных смыслов, которые связаны с опытом довольно успешного руководства процессом российского государственного строительства последнего времени. Следует отметить, что эксперимент, отраженный в СИБАС, проводился еще до гражданской войны на Украине и крымских событий, принесших российскому президенту существенную дополнительную поддержку со стороны народа России.

При сравнении устойчивой части АП ПРАВИТЕЛЬСТВО в РАС-1 и в СИБАС выявляется его существенная перестройка, которая отражает смену настроений в обществе и изменения самого этого общества после проведенных правительством реформ. Сравним наиболее частотные ассоциаты (жирным шрифтом выделены те, которые присутствуют в обоих источниках).

ПРАВИТЕЛЬСТВО (РАС-1): *наше* 40; *страны* 37; *советское* 30; *СССР* 21; *Горбачев* 15; *государство* 9; *временное, глава, государства, плохое* 7; *Москва, России* 6.

ПРАВИТЕЛЬСТВО (СИБАС): РФ 31; *государство* 29; *дума* 28; *президент* 27; *власть* 24; *России* 23; *Путин* 17; *плохое* 10; *страны* 9; *коррупция*; *парламент*; *США*; *управление* 7; *глава*; *государства*; *ложь* 6

Очевидно, что у нового поколения россиян утрачиваются ассоциации с СССР и советским строем, наблюдается некое дистанцирование от действий правительства. Вместе с тем, отмечается повышение значимости российского контекста (РФ, России) и государственности. Из 72 разных реакций в устойчивой части поля РАС-1, 16 можно квалифицировать как ассоциации с негативным оценочным смыслом, что составляет примерно 22% от общего инвентаря разных слов-реакций. Например: *плохое* 7; *глупое* 5; *дураков*, *тупое* 4; *свергнуто*, *хреновое* 3; *бездарное*, *идиотов*, *несправедливое*, *продажное*, *сборище*, *черти* 2 и др. Нетрудно заметить, что здесь преобладают оценки эмоционального плана. В СИБАС на 54 разных слов-реакций приходится 19 (то есть 35%), отмеченных негативными оценками: *плохое* 10; *коррупция* 7; *ложь* 6; *врет* 5; *беспредел*; *воры*; *не работает*; *несправедливое*; *тупое* 3 *несправедливость*, *обман* 2 и др. Есть и совсем брутальные: *вор*; *говно*; *дураки*; *идиоты*; *козлы*; *надоело* 2 и др.

Таким образом, выявляется некоторое усиление негативного оценочного фона (по сравнению с РАС-1), при этом всплывают не только эмоциональные оценки, но и диагностические, фиксирующие реальные проблемы, связанные с деятельностью правительства. Сходная картина в периферийной части АП: 38% от списка единичных реакций несут в себе негативные оценки. Сюда можно отнести: *беззаконие*; *бестолковое*; *взятки*; *дармоеды*; *дебилы*; *достали*; *дрянь*; *зажралось*; *иждивенцы*; *кормушка*; *лжецы*; *наглость*; *некомпетентное*; *сошло с ума*; *уроды*; *фу*; и пр. В РАС-1 их примерно 26% от списочного состава единичных реакций. Позитивными оценками отмечены лишь несколько реакций как в РАС-1 (*справедливое*, *великое*, *деловое*, *прогрессивное*, *хорошее*), так и в СИБАС (*демократичное*, *мудрое*, *справедливое*, *умное*, *четкое*).

Иную картину находим в АП ЧИНОВНИК(И), где контрастируют данные РАС-1 и СИБАС. В СИБАС наполнение поля много богаче (500, 226, 24, 169) против (105, 70, 4, 59) в РАС-1. Смысловые сферы и акценты также поменялись. В устойчивой части РАС-1 находим ассоциации с литературными персонажами Гоголя, воплощенными символами чиновничьих стереотипов, а также внешние признаки субъекта и объекты, связанные с его деятельностью. В целом образ шаблонизирован и схематичен (абстрактен в своих общих контурах, можно говорить о бедности сенсорных эталонов в основе образа, который реконструируется на основе литературных посылов): *бюрократ* 19; *Гоголь* 5; *вор*, *государственный*, *деньги*, *нос*, *ревизор*, *служащий*, *стол*, *толстый*, *чин* 2. В периферийной части есть негативные единицы: *барин*, *бумагомарака*, *взяточник*, *глупый*, *жулик*, *морда*, *писака*, *пьяный*, *толстопуз*, *хапуга* и др.; нейтральные и безоценочные: *аппарат*, *бумаги*, *должность*, *из министерства*, *контора*, *лысый*, *мелкий начальник*, *портфель*, *руководить*, *учреждение*, *форма* и пр. Ядерная зона в СИБАС: *коррупция* 26; *бюрократия* 20; *взятка*; *власть* 18; *бюрократы*; *люди* 16; *воры* 14; *деньги* 11; *взятки*; *правительство* 8; *богатые*; *взяточники*; *депутаты*; *дума*; *политика* 7; *гады*; *козлы*; *ложь*; *сволочи* 6; *государство* 5; *жлобы*; *зло*; *политики* 4; *буржуи*; *вор*; *галстук*; *города*; *есть*; *злые*; *президент*; *уроды* 3; *администрация*; *верх*; *воруют*; *врут*; *глупость*; *Гоголь*; *госаппарат*; *государственные*; *должность*; *история*; *казнокрады*; *конторские крысы*; *начальство*; *нечестные*; *плохие люди*; *продажные*; *суки*; *толстый*; *тупые* 2 и др.

Помимо общих для РАС-1 и СИБАС ассоциатов (выделены жирным в устойчивой части), в СИБАС находим много новых, преимущественно негативных смыслов,

которые называют внешний облик, атрибуты, проблемы, создаваемые чиновниками: *толстый* 2; *деньги, очередь, справки, проверка, проволочки, кабинет, мигалки, галстук, большой стол, милиция, бумажки, дела, чин, живот, костюмы, ордена, пиджак, пузатые, пухлые* 1 и др.; социальные позиции (роли) и институты, где сосредоточена деятельность чиновника: *власть* 18; *правительство* 8; *депутаты, дума, политика* 7; *государство* 5; *политики* 4; *города, президент* 3; *администрация, верх, госаппарат, должность, история, начальники, управленцы* 2; *босс, государственные служащие, губернатор, департамент, депутат, крупные шишки, министры, мэр, партии, правительства, таможня, тюрьма, федерации, чин* и др. Очень немногочисленны реакции, идентифицирующие чиновников как обычных людей со свойственными им нормальными, социально приемлемыми признаками: *люди* 16; *человек* 2; *голова, мужчины, мы, одинаково, разные, тоже люди, умный, усталый* 1. Ср.: *крысы, но не все* 1. Литературные ассоциации явно ушли на периферию: *Гоголь* 2; *мертвые души, ревизор, титулярный* 1. Предикаты-прямые указания на действия чиновников базируются преимущественно на негативных оценках: *есть* 3; *воровать, воруют, врут* 2; *берет, берут деньги, оборзели, рулят, хапают* 1.

Главная отрефлексированная в предметном опыте последних десятилетий проблема, связанная с растаскиванием общегосударственной собственности руками тех, кто к ней был приобщен в советское время, превращением государства в корпоративное предприятие, трансформацией социального строя и экономики, ложью и угрозами для «государственности широкого стиля», находит устойчивое воплощение в семантической зоне (воровство и ложь) с рядом высокочастотных ассоциатов, а также многочисленных единичных реакций: *коррупция* 26; *взятка* 18; *воры* 14; *взятки* 8; *богатые, взяточники* 7; *ложь* 6; *зло* 4; *буржуи, вор* 3; *воровать, воруют, врут, глупость, казнокрады, лживые, нечестные, продажные* 2; *бандиты, бездельники и воры, берут деньги, вранье; грабеж; злодеи; коррупционеры, мафия, обманщики, оборотни в погонах, паразит, под следствием, пожиратели, преступники, продажный, хапают* и мн. др.

Можно заключить, что образ чиновников в СИБАС гораздо более (по сравнению с РАС-1) конкретен, предметно структурирован, основан на новых сенсорных признаках и эталонах. Вероятно, здесь отражен негативный личный опыт прямых контактов с представителями власти в условиях рыночных реформ, а также подкрепленный влиянием СМИ устойчивый ряд оценок-ярлыков, создающих приземленный (в отличие от схематичного в РАС-1), но устойчиво негативный образ. Расширился инвентарь предоставленных культурой познавательных средств, к которым Е.Ф.Тарасов относит и образы сознания, объясняющие результаты чувственного восприятия [2014: 28]. Последнее могло произойти за счет деятельности разных интерпретирующих политических и экспертных программ в СМИ и иных источников (включая публицистическую и учебную литературу, в которой объясняются процессы социальной энтропии конца прошлого века в СССР)². Общее количество негативных ассоциатов из общего списка разных реакций в ядре АП ЧИНОВНИКИ в СИБАС составляет 55%! Еще больше их в периферийной части поля, где расширяются семантические зоны оценок, появляются крайне brutальные единицы, с нарушением табу (ср.: *бандиты; беспредел; зло; враги; все ти...; гомосеки; грабеж; грязь; злодеи; крысы; мрази; мудаки; негодяи;*

² «...внешний по отношению к субъекту деятельностно освоенный мир есть предметная экстрацеребральная форма сознания, детерминирующая при ее восприятии внутреннюю, образную форму сознания. Следовательно, предметный мир, деятельностно освоенный и ставший после этого средством порождения образов сознания, превращается при исследовании этих образов в инструмент анализа сознания "по предметам внешнего субъекту мира"» [Тарасов 2014: 28].

лидары; ух они; хамы; чмыри и мн. др.). В этой части АП негативно-оценочные единицы составляют 58% (против 35,5% в соответствующей части АП ЧИНОВНИК в РАС-1). Таким образом, вся мощь постперестроечной фрустрации от утраты защитного пояса культивированных в прежние времена ценностных ориентиров и завышенных ожиданий обрушивается на людей, в чьем поле деятельности русское сознание локализует ответственность за построение и сохранение государственности в России. При сохранении оптимистического идеала государственности в сознании русского человека несовершенство текущего состояния дел относится на счет правительства и чиновников (то есть людей). Образ президента имеет тенденцию к идеализации в сторону позитива, однако он динамичен в своем приближении к реальной оценке внешнего мира, поскольку зависит от качеств и действий конкретной личности, занимающей этот пост.

Результаты наших наблюдений над семантическими структурами всех рассмотренных здесь АП применительно к оценочным смыслам дают противоречивую картину, которая, впрочем, фиксирует реальные противоречия в сознании россиян и имеет глубокие исторические корни, связанные с особенностями форм государственности в России. Общий оптимистично-положительный образ государства (как в РАС, так и в СИБАС) противостоит образам государственных людей, официальных носителей и представителей государственности (президент, правительство, чиновники). При таком сопоставлении выявляется исключительно позитивная оценочная доминанта у образа президента (с отсутствием негатива в ядре АП как в РАС, так и в СИБАС) и с резким усилением позитива на периферии поля в СИБАС (11,5% негативных ассоциатов в СИБАС против 32% в РАС-1). Правительство как институт и как набор властных представителей оценивается в гораздо большей степени негативно, чем президент, причем, если у президента положительная оценка усиливается со временем, то с правительством все обстоит наоборот. В ядре РАС-1 – 22% негативных оценок, в СИБАС – 35%; единичные реакции (периферия АП) в РАС-1 дают 26% негатива, в СИБАС уже 38%. Абсолютно негативные оценочные доминанты находим в образах чиновников, как в РАС, так и в СИБАС. Здесь также отмечен рост негатива (в ядре АП РАС-1 – около 10%; СИБАС уже 55%; единичные реакции дают в РАС 32%. В СИБАС – 58%). Это очень высокие показатели с учетом того, что позитивные оценки встречаются редко как исключительные случаи по отношению ко всему набору ассоциатов в рассматриваемых АП ЧИНОВНИК(И). Выявленные здесь оценочные доминанты свидетельствуют, на наш взгляд, о сохранении актуальности «государственности большого стиля» в идентификационных процессах, отразившихся в языковом сознании молодых россиян. Вместе с тем, они говорят о высоком уровне социального напряжения в отношениях граждан России с управленческим аппаратом на местах, об отсутствии положительного (привлекательного) образа чиновника, что может стать препятствием в дальнейшей легитимизации власти при новых выборах на местах.

Ценностные сдвиги, сопровождающие процессы идентификации, целесообразно рассматривать на всем массиве ассоциатов полученной в эксперименте модели АВС. Для этого потребуются семантическая разметка корпуса именно в целях определения ценностных доминант. Исследование языкового сознания, по нашему убеждению, должно опираться не только на фундаментальные основы теории языкового сознания, но и на апробацию теоретических установок в решении прикладных задач. Одной из перспективных в плане практического выхода задач может стать профессиональная лингвистическая разметка ассоциативных баз данных [Шапошникова 2014]. Разметку можно проводить как в целях тотальной (или частичной) маркировки формально-

языковых показателей отмеченных вербальных единиц, или классов единиц, так и с содержательной стороны, в целях выявления смысловых доминант на всем массиве или на массиве определенных групп ассоциативных пар. Формальная разметка будет призвана помочь исследователю в анализе активной грамматики. Она также может послужить мостом для будущего соединения возможностей ассоциативных баз с корпусами, способными дать полнотекстовые иллюстрации. Здесь возможно решение проблемы поиска соответствий «словарного» и «психолингвистического» представлений значений, о чем пишут психолингвисты, занимающиеся ассоциативной лексикографией [Гольдин, Сдобнова 2014].

Литература

Гольдин В.Е., Сдобнова А.П. «Словарное» и «психолингвистическое» представление значений: поиски соответствий // Вопросы психолингвистики. №4(22). – М., 2014. – С.56 – 67.

Зинченко В.П. Проблема «образующих» сознание в деятельности теории психики // Вестник МГУ. Серия 14: Психология, 1988. Т. 3. – С. 25 – 34.

Зинченко В.П. Шепот раньше губ, или что предшествует эксплозии детского языка // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / Сост. А.Д.Кошелев, Т.В.Черниговская. М.: Языки славянских культур, 2008. – С. 101 – 134.

Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. – М.: Смысл; КДУ, 2005. 511 с.

РАС-1: Русский ассоциативный словарь / Сост. Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. Т.1-2. – М.1994-1998. URL: <http://www.tesaurus.ru/dict/dict.php>

СИБАС: Русская региональная ассоциативная база данных (2008 – 2015) (авторы-составители И.В. Шапошникова, А.А. Романенко) URL: <http://adictru.nsu.ru>

Тарасов Е.Ф. Прологомены к теории языкового сознания // Вопросы психолингвистики. №4(22). – М., 2014. С.24 – 35.

Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. – М.: Эксмо, 2007. – 736 с.

Черкасова Г.А. Новый русский ассоциативный словарь (РАС-2): первые результаты // Межэтническое общение: контакты и конфликты. Сборник статей / под ред. Н.В.Уфимцевой. – М.: ИЯз РАН-МИЛ, 2012. – С. 194 – 211.

Шапошникова И.В. К вопросу об инструментари для сближения лингвистического образования с практикой жизни (на материале СИБАС - русской региональной ассоциативной базы данных) // Вопросы психолингвистики. 2014 год, Выпуск 2 (20). – С.28 - 41.

Шапошникова И.В. История языка как междисциплинарная наука (общетеоретические проблемы в интерпретации исторических процессов: к вопросу о методах) // Сибирский филологический журнал. 2015. № 1. – С.140 – 149.

Bybee J. Markedness: Iconicity, Economy, and Frequency // J.Jung Song (ed.). Handbook of Linguistic Typology. Oxford: Oxford Univ. Press, 2010. – P. 131 – 147.

Gallese V. Mirror neurons and the social nature of language: The neural exploitation hypothesis// Social Neuroscience. 2008. Volume 3. Issue 3-4. – P. 317 – 333.

Gallese V. Mirror neurons, Embodied Simulation, and the Neural Basis of Social Identification // Psychoanalytic Dialogues: The International Journal of Relational Perspectives. 2009. – P. 519- 536.

В.И. Шаховский

УДК 81'23

КОГНИТИВНАЯ ВООРУЖЕННОСТЬ ПРИ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИЙ

Констатируется факт повышенной агрессивности современного коммуникативного общества, рассматриваются некоторые его причины, приводятся конкретные факты, мотивирующие эту агрессивность. Показывается превалирование социальных факторов негативных процессов в обществе, провоцирующих вербальную и невербальную агрессию СМИ и речевых партнеров. Обсуждаются данные Института Психологии РАН об ухудшении психических характеристик современного человека и о росте тенденции к массовым убийствам. Обобщаются некоторые достижения современной науки в профилактике этой тенденции. Перечисляются новые направления в различных профессиональных сферах — психологии, педагогике, медицине, лингвистике, экологии, — разрабатывающие формы и методы экологического воспитания человека. Объясняется содержание концепта «когнитивная вооруженность» при рационализации эмоций.

Ключевые слова: когнитивная вооруженность, рационализация эмоций, эмотивная лингвоэкология, агрессия, позитивное общение, параметры экологичности, содержание позитивных качеств человека.

Vladimir I. Shakhovskiy

COGNITIVE KNOWLEDGE FOR RATIONALIZATION OF EMOTIONS

The paper states a fact of increasing social aggressiveness in modern communicative society, considers some of its reasons, presents concrete facts which motivate this aggressiveness.

The prevailing social factors of negative processes in society provoking verbal and non-verbal aggressiveness of mass media and speech partners are demonstrated. RAS Psychological Institute data about psychic degradation of human behavior and the growth of massacres are discussed. Some modern science achievements in improving the tendency are summed up. New scientific schools in psychology, pedagogy, medicine, linguistics, ecology, which research methods of human ecological education are listed in the article. New concepts 'cognitive knowledge' and 'rationalization of emotions' are explained.

Keywords: cognitive knowledge, rationalization of emotions, emotive lingvoecology, aggression, positive communication, ecological parameters, value of positive human qualities.

¹Язык – неудержимое зло. ¹³Мудрость свыше чиста, мирна...

*¹ Братия мои! не многие делайтесь учителями, зная, что мы подвергнемся
большому осуждению,*

*² ибо все мы много согрешаем. Кто не согрешает в слове, тот человек со-
вершенный, могущий обуздывать и все тело.*

*³ Вот, мы влагаем удила в рот коням, чтобы они повиновались нам, и
управляем всем телом их.*

- ⁴ Вот, и корабли, как ни велики они и как ни сильными ветрами носятся,
небольшим рулем направляются, куда хочет кормчий;
- ⁵ так и язык – небольшой член, но много делает. Посмотри, небольшой
огонь как много вещества зажигает!
- ⁶ И язык – огонь, красота неправды; язык в таком положении находится
между членами нашими, что оскверняет все тело и восплаляет круг жизни, будучи
сам восплаем от геенны.
- ⁷ Ибо всякое естество зверей и птиц, пресмыкающихся и морских живот-
ных укрощается и укрощено естеством человеческим,
- ⁸ а язык укротить никто из людей не может: это – неудержимое зло; он
исполнен смертоносного яда.
- ⁹ Им благословляем Бога и Отца, и им проклинаем человеков, сотворенных
по подобию Божию.
- ¹⁰ Из тех же уст исходит благословение и проклятие: не должно, братия
мои, сему так быть.
- ¹¹ Течет ли из одного отверстия источника сладкая и горькая вода?
- ¹² Не может, братия мои, смоковница приносить маслины или виноградная
лоза смоквы. Также и один источник не может изливать соленую и сладкую воду.
- ¹³ Мудр ли и разумен кто из вас, докажи это на самом деле добрым поведе-
нием с мудрою кротостью.
- ¹⁴ Но если в вашем сердце вы имеете горькую зависть и сварливость, то не
хвалитесь и не лгите на истину.
- ¹⁵ Это не есть мудрость, нисходящая свыше, но земная, душевная, бесов-
ская,
- ¹⁶ ибо где зависть и сварливость, там неустройство и всё худое.
- ¹⁷ Но мудрость, сходящая свыше, во-первых, чиста, потом мирна, скромна,
послушлива, полна милосердия и добрых плодов, беспристрастна и нелицемерна.
- ¹⁸ Плод же правды в мире сеется у тех, которые хранят мир.

Новый Завет, Соборное послание святого апостола Иакова, 3 глава.

Не зря существует поговорка: «Язык мой – враг мой». Известно также: «Человек учится говорить 3-4 года, а молчать учится до конца дней своих». Трудно, конечно, молчать, когда вокруг тебя много раздражителей, трудно не реагировать на несправедливость, на обман, на непорядочность, на пакости, на предательство, на оскорбление (очное и заочное), сплетни, слухи, скандалы вокруг твоего имени, игнорирование, замалчивание твоих заслуг, различного рода другие унижения, манипулирования тобой и обливания грязью и прочую хулу, особенно от близких тебе людей и тем более от твоих учеников, которым ты дал должность, все ученые степени и звания [Шаховский 2012(б): 90-112]. Как в свое время людям рекомендовал Э. Кант, «нельзя использовать человека в качестве средства для достижения своих целей». Другими словами, он осуждает user'of, а их в современной рыночной жизни расплодилось у нас с излишеством – это мое личное мнение, основанное на наблюдениях.

Помимо этого многочисленны раздражители, социально-экономические и политические, происходящие в стране и вызывающие отрицательный кластер эмо-

ций у людей, которые смотрят ТВ и следят за СМИ (см. об этом ниже). Многие россияне уже отказываются, в целях сохранения своего здоровья, следить за этим негативом. Кроме того, многие люди отказываются и общаться с другими людьми, чтобы не получить лишнюю отрицательную энергетику, которой заражено современное общество. В.Г. Гак неоднократно утверждал, что коммуникации без эмоций не бывает [Гак 1998]. Тем более что лингвистикой эмоций доказан тезис о том, что человек не *homo sapiens*, а *homo sentiens*.

Одним из доказательств этого факта является неистребимость мата и бесполезность всякой борьбы с ним [Шаховский 2012(а)]. В связи с этим нельзя не упомянуть мучительную коммуникативно-этическую проблему русского мата. Проблема, что делать с матом, в настоящее время неразрешима: да, он есть, он не экологичен, не этичен, но широко используется с древних времен, и у него есть и положительные функции [Шаховский 2012(б)]. В 2014 г. Госдума своим законом запретила мат в общественных местах, в художественной литературе, но на улицах этот закон не сработал: как матерились, так и матерятся даже дети дошкольного возраста, не говоря уже о взрослом населении, включая политиков всех уровней.

Но уже в январе 2015 г. Министерство культуры само внесло законопроект в Думу о смягчении наказания за мат и о его разрешении в кинофильмах. Мат не обязательно является формой выражения эмоций, он может быть просто и специфическим русским артиклем или связкой. И тем не менее мы, лингвисты, в своих научных работах и в своих публичных выступлениях матом не пользуемся. И не только мы. Следовательно, без него в принципе можно обойтись.

Британские лингвисты из Бристольского университета, проанализировав английскую литературу XX века, пришли к выводу, что общественные умонастроения и политическая обстановка в различные времена по-разному отражаются в выборе слов, сообщает немецкая газета «*Süddeutsche Zeitung*». Как говорится в статье, учёным удалось установить, что к концу XX века в литературе снизились почти все эмоции, кроме страха. В своём исследовании учёные, изучив свыше пяти миллионов книг, сконцентрировали внимание на шести различных категориях настроений: гневе, антипатии, страхе, радости, удивлении и печали. Частота появления в тексте слов с позитивным или отрицательным значением колебалась в зависимости от того, были ли написаны книги во времена социальной беззаботности или же в неспокойные годы. Так, больше всего слов, означающих радость, можно найти в произведениях 1920-х и 1960-х годов прошлого века [URL: <http://suche.sueddeutsche.de/> (дата обращения 15.01.2015)].

Эмоционализация мира, и прежде всего российского общества, приводящая к трансформации личности, его психоэмоционального здоровья и психологии поведения, очень встревожила не только психологов, но и психолингвистов. В основном, как известно, коммуникация человека осуществляется вербально. Но, как показывает последнее пятилетие, существенное место в вытеснении вербального общения занимает теловая и акциональная коммуникация.

В литературе уже неоднократно утверждалось, что цивилизация началась якобы с того момента, когда дикарь, не говорящий ещё ни на каком языке, впервые вместо того, чтобы отомстить своему соплеменнику за обиду камнем или дубинкой, издал угрожающий звук. Похоже, что в настоящее время теловые и сопутствующие им акциональные (с помощью тела) мщения нередко выдвигаются из периферии в центр межличностной коммуникации. Кроме того, все большее распространение

получают теловые и акциональные типы общения на групповом, институциональном и даже межгосударственном уровнях.

Подтверждением этой мысли является статья Т. Владыкиной «Сейчас взорвусь» [URL: <http://www.rg.ru/2013/12/10/portret.html>], книга М.А. Кронгауза «Русский язык на грани нервного срыва» [Кронгауз 2013]. На мой взгляд, в последнее время российское коммуникативное общество уже перешло эту грань и находится далеко за ее пределами. В указанной статье Т. Владыкиной делается краткий обзор психоэмоционального состояния российского общества, отмечается его возросшая до предела агрессия, называются причины деформации общества в целом и его культуры. Что касается вербального неэкологичного поведения, то оно уже тоже перешло все грани агрессивности и в настоящее время носит деструктивный характер и даже отражает коммуникативный садизм [Волкова 2014]. В сфере психоэмоционального общения возник и такой феномен, как девербализация эмоций [Клушина 2013], или девербализация, как отказ от словного общения и возврат к эпохе дикарской довербальной коммуникации. Примеров тому в нашей теперешней жизни предостаточно. Некоторые факты приведены в этой статье, увы, далеко не все. Так, киллеры убивают людей без всяких эмоций, так как они не испытывают их по отношению к назначенной жертве, с которой они, как правило, даже не знакомы. Это тип рационального убийства человека.

Статья «Сейчас взорвусь» приводит следующие факты, полученные в 2014 г. в Институте Психологии РАН: «россияне стали конфликтнее, злее, наглее и во многом потеряли способность к самоконтролю» (за последние полтора-два года эта агрессивность еще более усилилась в связи с событиями на Украине и вокруг нее. – В.Ш.); «важнейшей характеристикой агрессивности является статистка убийств, по которой Россия в четыре раза превосходит США и примерно в десять раз большинство стран Западной Европы» и «около 80 процентов убийств у нас совершаются в состоянии спонтанной агрессивности»; «криминальная культура оказывает огромное влияние на наше общество еще с конца 1980-х годов»; «политические телепередачи формируют довольно агрессивное отношение к некоторым странам, создают образ окружающего нашу страну мира как враждебного и опасного» [URL: <http://www.rg.ru/2013/12/10/portret.html>].

Недовольство властью тоже порождает агрессию. Как известно, «любая власть стоит на двух ногах: строгость и справедливость» (Б. Акунин «Звездуха», интернет-радио. – В.Ш.). А если власть строга к одним слоям населения и добра к другим, закрывает глаза на их преступления в различных проявлениях, то такая власть несправедлива и вызывает недовольство. И чем выше несправедливость власти, тем агрессивнее становится общество от этой несправедливости.

По нашему мнению, многим представителям населения чужды такие понятия, как эмоциональный интеллект, эмоциональный тыюнинг, экологический интеллект, экологическое мышление, так как в государственной системе образования отсутствует воспитательный элемент, а некоторые наши СМИ, смакующие происходящие бесчисленные катастрофы, уносящие десятки и сотни тысяч людей, вызывают кластеры отрицательных эмоций у населения.

Приведу далеко не полный список таких катастроф и происшествий: *Пугачево, Бирюлево, три подряд теракта в Волгограде и многие другие теракты (в Московском метро, в Дагестане, в Грозном и т.д.), катастрофы в Московском*

метро, наводнение на Дальнем Востоке, авиакатастрофа малазийского «Боинга» над Донбассом и другие авиакатастрофы на внутренних линиях России (в Смоленске, Иркутске, московских аэропортах), взрыв «Невского экспресса», серийные убийства на автодорогах в Подмоскovie, взрывы на шахтах, пожар в ночном клубе «Хрошая лошадь», в детских домах, домах престарелых, в жилых домах (и везде с человеческими жертвами – В.Ш.), пожар в московском театре, трагедия на Саяно-Шушенской ГЭС (тоже с многочисленными человеческими жертвами – В.Ш.), пожар в библиотеке «ИНИОН», (уничтоживший более 2 млн. раритетных изданий – В.Ш.), а перед этим Курск, Норд-Ост, Беслан, разорение турфирм/крах турбизнеса, нераскрытые убийства журналистов, самоубийство вице-адмирала, серийные убийства в Краснодаре, гибель туристического теплохода «Булгария» около Казани, полицейские пытки арестованных со смертельным исходом в СИЗО, бунты в тюрьмах, эмиграция молодежи за границу (реальная и потенциальная – В.Ш.), сладкая парочка «минобороны» (Сердюков — Васильева), санаторный домашний арест Васильевой VS жесткий домашний арест Навального, трехмесячный домашний арест Евтушенкова, ежедневный заработок миллиардера Сечина (5 млн. руб. в день), диссертет (Пархоменко): разоблачение плагиатных диссертаций министров и депутатов Госдумы, активизация деятельности РЦП в политической жизни страны, многочисленные запретные законы Госдумы, интриги вокруг возникновения ЛНР и ДНР, закон Магницкого, посмертное преследование Магницкого, закон Димы Яковлева, депутаты-дебоишеры в авиалётах и в Госдуме, золотой пистолет у депутата Госдумы, золотой унитаз и батон Януковича, шеститысячная акция протеста врачей в Москве, изгнание телеканала «Дождь» с Арбата, демонстрация сексуальных сцен известных артистов по НТВ (Королёва, Тарзан, Слава и др.), задержание министра финансов Подмоскovie Кузнецова, сити-менеджеры (city managers), губернаторы-жулики и воры, санкции/антисанкции (в связи с украинскими событиями – В.Ш.), голодовки подсудимых, а также находящихся в СИЗО и тюрьмах, вирус Эбола, отзыв у многочисленных кредитных организаций лицензий на осуществление банковских операций и др. Все эти события и факты являются эмоциогенными и аксиогенными, что не в пользу позитивно-общения и позитивных коммуникативно-эмоциональных ситуаций.

Такой же эмоционально-негативный эффект вызывают и многочисленные кинофильмы, демонстрируемые по современному ТВ. Одно лишь их название уже вызывает недобрые, неэкологичные предчувствия (антиципации) об их контенте. Приведу названия таких кинофильмов из программы ТВ (исключая кабельное ТВ) с 12 по 18 января 2015 года: «Палач»; «Бой с тенью 2: реванш»; «Засуди меня»; «Не ври мне»; «Улицы разбитых фонарей»; «Давай разведёмся»; «Земля мёртвых»; «Универ. Новая общага»; «Хлеб. Золото. Наган»; «Самый пьяный округ в мире»; «Пыльная работа»; «Стриптиз»; «Щупальцы»; «Девушка из воды»; «Дети сексу не помеха»; «Пока не сыграл в ящик»; «Мой парень – псих»; «Попса»; «7 психопатов»; «Следствие по телу»; «Порочные связи»; «Мартовские иды»; «Напряги извилины»; «12 катастроф»; «Кома»; «Западня»; «Охотники на ведьм»; «Наёмные убийцы»; «Человек-паук»; «Женщина-кошка»; «Комната страха»; «В ловушке времени»; «3 часа на побег»; «Кошки против собак»; «Кот в мешке»; «Смерть на взлёте»; «Не твоё тело».

Данный перечень негативных событий и телевизионных фильмов (далеко не

полный), естественно, «оречевляется при помощи языковых знаков» [Тарасов 2014: 25], вызывает вербальные комментарии разных СМИ, а также комментарии этих комментариев и т.д. до бесконечности. Эти комментарии и сами события не могут не вызывать негативные отношения как к самим событиям, так и к комментариям о них и словам, их номинирующим. Это разрушает экологию языка и культуры речи, а также экологию здоровья граждан и экологический имидж страны как внутри нее, так и за её пределами. Как отмечает проф. Е.Ф. Тарасов, языковое сознание представляет собой опосредованный языком образ мира той или иной культуры, т.е. «совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира» [Тарасов 1996: 187]. В другой своей статье Е.Ф. Тарасов справедливо замечает, что алфавит эталонов сенсорных качеств человека никто еще не разработал и их перечень даже еще не дефинирован [Тарасов 2014].

Возникает вопрос: какие знания о мире, какие образы возникают у человека после перцептивного восприятия таких событий и таких комментариев о них? Можно ли при этом говорить о кооперативном, доброжелательном общении людей друг с другом, власти с народом и народа с властью? Пояснения на этот счет дает нам В.З. Демьянков: «чем кооперированнее общение людей, тем более согласованны их действия: когда мы наблюдаем адресность высказываний, в действиях собеседников наблюдается системность, одни высказывания приводят к другим. Именно в таких случаях поведение собеседников согласованно, «кооперированно», в значении: направлено на выполнение одной общей задачи. Поэтому-то, видимо, и говорят об “общении”» [Демьянков 2005: 31]. Исходя из вышеизложенного, со всей очевидностью можно утверждать, что ни о каком системном общении, ни о какой согласованности в решении единой задачи в современных условиях коммуникации не может идти речи.

Перед современной наукой всерьез встал вопрос об исследовании проблемы рационализации эмоций. Об агрессии, о деструктивном общении, о ненависти, о мести, о поругании, о проклятьях и о многих других аспектах этой проблемы написаны сотни кандидатских и докторских диссертаций. Медики обратили внимание на ухудшение здоровья населения, на повышение смертности по этой причине, на увеличение числа психиатрических больных. Появилось специальное исследование о шизореальности [Руднев 2010]. Написаны тысячи статей об изменении ценностей — и культурных, и духовных, и физиологических; о процессах деградации человека как личности, о деформации языковой личности под влиянием Интернета и других гаджетов. Даже в Госдуме уже раздаются голоса с требованием ограничить подачу негативной информации в СМИ до одной трети. Там тоже поняли деструктивное воздействие не только на имидж страны, но и на ментальное и психическое здоровье населения России в силу отрицательной эмоциогенности такой информации.

В лингвистике эмоций под влиянием негативной психоэмоциональной ситуации зародилось новое направление — эмотивная лингвоэкология (в недрах волгоградской школы лингвистики эмоций). Участились периодические научно-практические конференции на тему «Язык и экология» (Тамбов, Пенза, Красноярск, Волгоград — ВГСПУ и ВолГУ). В 2013 г. появился новый журнал «Экология языка и коммуникативная практика» (Красноярск, ред. проф. А.П. Сковородников). Открыты новые направления в науке об оздоровлении психоэмоциональной ситуации

в стране — эколлингвистика, педагогическая экология, психологическая экология, экология медицины и др. Таким образом, лингвистика занялась проблемой рационализации эмоций, у неё имеются уже значительные наработки по экологизации эмоций, т.е. по их обузданию, сдерживанию. И теперь дело за государственными структурами всех уровней — поинтересоваться этими наработками и рекомендациями психоллингвистов, лингвистов, лингвоэкологов, психоэкологов, педагогических и медицинских экологов.

В.Н. Телия своими фундаментальными лингвистическими исследованиями смогла проникнуть в семантическую/смысловую глубину слова и ФЕ, «раскопать» и вытянуть на поверхность (эксплицировать) культурный код русского языка, который абсолютно лишен всякой агрессии и деструкции [Телия 2006]. Достижения отечественной и мировой лингвистики в исследовании эмоций [The Language of Emotions 1997] убедительно доказывают, что эмоции являются центральным фактором личности человека, а мои собственные исследования и исследования моих учеников убедили меня в том, что человек далеко не *homo sapiens*, а *homo sentiens* [Шаховский 2008(а)], ибо все его ментальные, вербальные, теловые и акциональные поступки мотивируются и движутся эмоциональными инстинктами и чувствованиями.

Следовательно, рационализация эмоций действительно является глобальной и очень тяжёлой проблемой, которую, тем не менее, надо решать сообща. Выше я уже упоминал о дикаре, который рационализировал свой инстинкт нечленораздельным звуком, ставшим со временем фонематичным семиотическим знаком угрозы. Но за истекшие миллионы лет, как показывает коммуникативная практика, человек практически от эмоциональных звуков перешел к эмоциональным словам, которые со временем зарядил разрушительной энергией [Шаховский 2008(б)].

В настоящий период *homo sentiens* фактически возвращается на исходную дикарскую позицию и сопровождает свои вербальные угрозы, вплоть до нецензурщины на всех уровнях, киданием в своего врага, но уже не камня, а снарядов и хитроумных (фосфорных) бомб, не говоря уже о ядерных. Неужели мир действительно развивается по пресловутой спирали и человек, достигший фантастических успехов в научно-техническом прогрессе, деградирует до дикаря, обвешанного технологичными гаджетами и хакерскими изощрениями? Данный вопрос требует срочного лингвохирургического вмешательства, потому что слово обладает значительно большей убойной силой, чем вся военная техника. Правильное владение словом способно было и, я уверен, в настоящее время может изменить ситуацию, если журналисты всех СМИ будут специально подготовлены и вооружены технологией возврата слову позитивной прагматической силы. Другими словами, надо научиться рационализировать свои эмоции.

Рационализацией, я полагаю, можно считать такой уровень контроля над своими эмоциями, который позволял бы человеку обуздать их, воздержаться от них или, как минимум смягчить их и перевести из чувственной сферы в этом мире бушующем в фактуально-логическую сферу. А под когнитивной вооружённостью (термин Тарасова. – В.Ш.) [Тарасов 2014: 28] я понимаю системные знания всех коммуникантов о способах, средствах, приёмах, методиках и методах овладения своими эмоциями и регулирования/моделирования эмоций собеседника (слушающего/пишущего/ смотрящего). Ниже я попытаюсь кратко, можно сказать, пунктир-

но перечислить некоторые из тех знаний, которыми наука уже обладает и которые уже можно внедрить в соответствующий курс обучения, а также те задачи/проблемы, которые необходимо в ближайшее время решать сообща как гражданскому обществу в целом, так и государственным структурам.

Начнём с того, что первой ступенью рационализации эмоций является их номинация. Рационализированными являются эмоции и в песенных стихах, и в художественной литературе о любви и ненависти, грусти, печали и пр. эмоциях. Тексты этих художественных произведений могут быть эмоциогенными, но сами по себе эмоции в них рационализированы, потому что они осмыслены авторами и исполнителями, которые уже не переживают их и не выражают, а описывают. Описание эмоций – это ещё одна ступень их рационализации. Аналогично вся мировая художественная литература, посвящённая страстям человеческим, представляет собой их рационализацию, так как здесь они уже не спонтанны, не инстинктивны, а обдуманы авторами и персонажами. Выражение эмоций в них, сколь бы грубым оно ни было, тоже уже рационализировано, т.к. выражено в осмысленных словах (правда, это осмысление имеет разную степень глубины).

Но речь должна идти о такой рационализации эмоций, которая не является эмоциогенной, которая не разрушает ни язык, ни здоровье коммуникантов. Известно, что человек, выражающий даже уже рационализированные им эмоции, может разрушать себя изнутри тем, что загоняет свои истинные и инстинктивные эмоции вовнутрь себя. В таких ситуациях он их может подменять, смягчать. Другое дело в случае их имитации и симуляции. Здесь воспроизводится только их оболочка, которую говорящий не переживает, а слушающий может декодировать их с эмоциональной «начинкой», зарядом, нагрузкой.

Напомню, что психология уже давно предложила коммуникативному миру методику тренинга айкидо [Литвак 2008]. Но эта методика, к сожалению, в учебных заведениях при подготовке специалистов разных профилей не используется. В учебных программах всех образовательных учреждений отсутствуют предметы «Коммуникология» [Матяш 2011] и «Речевая практика», которые могли бы способствовать решению проблемы позитивной коммуникации.

Психологией также разработана и практикуется методика выведения человека из стрессовой ситуации, когда он входит в ступор, – это, как правило, бывает при различного вида катастрофах, терактах и в других случаях гибели близких людей. Приведем примеры некоторых таких рекомендаций:

«Если близкий вам человек находится в ступоре (остановившийся взгляд, неподвижность и т.п.) — не отпускайте его одного. Обнимите и поезжайте домой вместе с ним, рассказывая о своих планах словами: «Сейчас сядем в такси, поедem домой, я всё время буду с тобой» и т.д.

Если в ступоре находится незнакомец, вы можете ему помочь, просто подойдя поближе, взяв за руку, начав разговаривать: «Кто вы? Могу ли я чем-то вам помочь?» Можно похлопывать человека по плечу, прикрыть чем-то тёплым, если началась дрожь, побуждать разговаривать. Слез бояться не следует: выражение эмоционального аффекта — это гораздо лучше, чем ступор» [URL:<http://www.miloserdie.ru/articles/pravila-pervoj-psihologicheskoy-pomoshhi/print>].

К сожалению, эти рекомендации не всегда эффективны для снятия агрессии человека и других эмоций, входящих в кластер гнева. В литературе имеется специ-

альная работа, посвящённая проблеме утешения, в которой приводятся и другие рекомендации, как поступать с человеком вербально в его несчастьях и других эмоциональных кризах [Романов, Немец 2006]. Все вышеперечисленные источники приводят рекомендации по психологической реабилитации человека, попавшего в эмоциональную ситуацию, в том числе и коммуникативную.

В статье «Сейчас взорвусь» предлагаются несколько путей снятия агрессивной напряжённости в российском обществе:

- курсы обучения контролю над агрессией;
- позитивная психология;
- конечно же, возникает проблема реформирования системы образования и воспитания для создания позитивного образа своей страны и народа, в том числе и патриотического. Для этого необходимо повсеместное создание центров патриотического воспитания с разъяснением смыслового содержания концепта «патриотизм» и приведения этого содержания в соответствии с жизнью в стране.

Для этого, прежде всего, нужно изъять из коммуникативного обращения во всех СМИ и из лексики политиков понятие «образ врага», как внешнего, так и внутреннего. А этим сейчас грешат все государственные структуры. Человек не может быть дружелюбным и жить без страха, если ему всё время твердят о том, что все страны – враги, и о том, что внутри страны существует «пятая колонна». Такая информация получила название «сбитый фокус» в её восприятии и понимании.

Как в стране, так и во всех коллективах людей необходимо воспитание позитивной психологии, позитивного мышления / сознания, интеллекта и позитивного коммуникативного поведения. Для этого необходимо научить людей притормаживать, сдерживать, скрывать свои эмоции в соответствующих коммуникативных ситуациях и переводить их стрелки на неодушевленные предметы.

В последние несколько лет этой проблеме посвящён ряд очень интересных публикаций о позитивном общении [см., напр.: Леонтович 2015 и др.], а также работы о конфликтологии и о способах и приёмах предупреждения конфликта и выхода из него [Кара-Мурза 2013]. Речь идёт, конечно же, не только о межперсональных конфликтах, но и о групповых, а также о межгосударственных конфликтах, которые мы наблюдаем в последние десятилетия с особой тревогой, если не сказать больше. И такая ситуация не способствует экологизации взаимоотношений людей друг с другом как на вербальном, так и на паралингвистическом, акциональном уровнях коммуникации.

Позитивное общение, конечно же, предполагает толерантность. Без толерантности невозможно позитивное общение. Мало освободить человека от того, что делает его несчастным – неврозов, фобий, депрессий и всех эмоциональных рисков, нужно ещё и специально развивать позитивные состояния самого человека. Конечно, для этого необходимо с раннего детства развивать в ребёнке, в подростке, в студентах и во всех трудовых / профессиональных коллективах такие позитивные качества характера, как добродетель, совесть, порядочность, доброжелательность, милосердие, правдивость, честь, сочувствие, верность во всех своих параметрах, преданность, вежливость, искренность, чистоплотность, дружелюбность, целомудрие, терпеливость, великодушие, сдержанность, скромность, отзывчивость, благородство, достоинство, гармоничность, взаимопонимание, добропорядочность, солидарность, уважение к старшим, любовь к природе, к Родине, тяга к чтению, этичность, способность к покаянию (признанию своей вины), умение искренне из-

виниться и др. Возможно, для этого человека необходимо когнитивно вооружить правильными, этичными формами извинения.

Без когнитивной вооруженности невозможно избежать конфликтов, скандалов, судебных исков о защите чести и достоинства, которые сейчас проникли во все сферы жизнедеятельности человека. К моему большому сожалению, они сейчас процветают и в мире нашей лингвистики и других наук в связи с её коммерциализацией и личной неприязнью некоторых учёных друг к другу (завистью и местью).

Напомню, что имеется сравнительно новое и фундаментальное исследование Д. Гоулмана об эмоциональном интеллекте и его пяти конституэнтах [Goleman 1995]. С помощью этой монографии разработаны 5 практических шагов адаптивной коммуникации людей друг с другом, которые названы «эмоциональный тьюнинг» [Шаховский 2008(в)]. В связи с этим напомню слова древнегреческого мыслителя Аристотеля о гневе, который он считал самой разрушительной эмоцией не только для того, на кого он был направлен, но и для того, кто гневется.

В связи с этим на ум приходит социальная улыбка американцев. От неё приятно даже неприятному собеседнику, но что на самом деле чувствует улыбающийся, никому неизвестно. К сожалению, социальная улыбка в России ни в одном учреждении так и не привилась, так как в русском сценарии эмоций она не предусмотрена изначально и, следовательно, её тоже нужно прививать с детства, чтобы не видеть вокруг себя угрюмые, злобные, грустные лица. Но привить улыбку на лице без изменения позитивной ситуации в обществе не удастся.

Полагаю, что при всей практической трудности преодоления внешнего негативного проявления эмоций общество должно дать человеку когнитивную вооруженность самостоятельно сопротивляться желанию своего языка к злобным высказываниям и взаимным оскорблениям. Конечно, существуют в изобилии медицинские препараты седативного характера, притупляющие чувственные реагирования человека на внешний мир и, следовательно, смягчающие речевые формы эмоционального реагирования. Но в данной работе проблеме предлагается решать внутренним сознательным воздействием на свой эмоциональный / экологический интеллект, на эмоциональное / экологическое мышление и его речевую презентацию через эмоциональный тьюнинг. Для этого необходимо воспитание и самовоспитание в человеке внутренней лингвоэкологической рецензии своего вербального поведения.

Поэтому, конечно же, надо вводить в коммуникативную компетенцию человека не только знания о языке, но и знания о культуре вообще и о речезыковой культуре в частности. Кроме того, необходимы знания каждым коммуникантом таких составляющих коммуникативной компетенции, как эмоциональная, эмотивная, экологическая и человеческая компетенции.

Лингвистикой эмоций разработано содержание таких компетенций. Эмотивной лингвоэкологией предложено понятие экологического мышления и экологического интеллекта и выработаны параметры экологического общения людей: доброжелательность, вежливость, кооперативность, этичность, сочувствие, адаптивность и др. [Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве 2013].

В стране давно уже работает Гильдия лингвистов-экспертов по докумен-

тационным и информационным спорам («ГЛЭДИС»), организатором и руководителем которой является проф. М.В. Горбаневский. По образцу данной Гильдии в двадцати семи субъектах РФ созданы центры лингвистов-экспертов, участвующих в судебных исках и направляющих свои заключения правоохранительным и судебным органам об экологичном / неэкологичном вербальном поведении подсудимых. На таких процессах, как правило, присутствует большое количество зрителей, которые познают, в чём заключается неправильность (неэкологичность) вербального поведения; кроме того, эти процессы активно комментируются в СМИ. Тем самым коммуниканты получают необходимую компетенцию и делятся ею со своими коллегами и родственниками. Таким образом, данная Гильдия проводит воспитательно-просветительскую работу по экологическому воспитанию граждан страны, а также ориентирует и конфликтующие стороны на экологичное коммуникативное поведение.

Для всеобщего воспитания граждан в этом аспекте необходима согласованность со всеми учебными заведениями, начиная с дошкольных учреждений и заканчивая специальными курсами повышения квалификации в позитивном общении. Современной психологии в дидактиках всех типов образовательных учреждений по аналогии с дресс-кодом нужно ввести и этико-эмоциональный код культуры позитивного общения людей друг с другом. И прежде всего, власть должна научить своих многочисленных чиновников позитивно общаться с народом: не вымогать, не хамить, вести приём граждан по графику, выполнять обещания, своевременно реагировать на все запросы и жалобы, а не заниматься пустыми, формальными отписками, не запускать эти отписки по бесконечным чиновничьим кругам.

Разумеется, полная рационализация эмоций невозможна, потому что человек есть не *homo sapiens*, а *homo sapiens*. Но какие-то культурно-этические нормы эмоционального общения, понижающие градус его напряжённости, должны быть введены как обязательные в коммуникативном обществе.

Хорошо понимаю трудность разрешения проблемы рационализации эмоций, особенно в практическом плане. Но это не значит, что эту проблему надо замалчивать. Её нужно продвигать с периферии в центр научно-исследовательской тематики, к ней необходимо привлекать общественное мнение и мнение государственных структур. Этой цели и посвящена данная работа.

Кроме предложенных выше мер можно создать на каждом предприятии отдел психологов, обученных на специальных тренинговых психологических курсах формам, методам и способам профилактики негативных эмоций, реагирования на них в этичной упаковке [Ионова 2013: 323-332]. А этим психологам вменить в обязанность проводить в трудовых и учебных коллективах дидактические занятия по профилактике выражения негативных эмоций.

Отсюда возникает проблема воспитания толерантности к психоэмоциональным проявлениям общества и ко всем видам коммуникативных групп. Это не значит воспитывать безмолвных или равнодушных членов общества (в духе всепокорности, что делала власть в романе Дж. Оруэлла «1984» или его варианте Влад. Войновича «Москва-2040»). Речь идёт об очень сложном психолингвистическом процессе речепорождения и внешнения его результатов. Другими словами – о воспитании воздержания внешнего проявления бушующих в твоей душе и голове и рвущихся на твой язык эмоций. Вспомним о существовании такого неологизма, как *злобр*. Оно обозначает, что в языке всё-таки есть и доброе начало. Вот и нужно

человеку говорящему отталкиваться во всех своих речевых поступках от доброго начала.

Как говорил Ландау, «лучше притворяться счастливым, чем чувствовать себя несчастным». Действительно, лучше казаться, чем быть. Но это для других, а не для себя. И в этом трудность решения данной проблемы. Тем более что на мнение Ландау известно мнение Шекспира: «Уж лучше быть, чем слыть».

Прошу читателя не ожидать от предлагаемых в этой статье чужих и моих собственных рекомендаций по обузданию своих и чужих эмоций быстрого положительного результата.

Из цитаты, приведенной в эпиграфе к данной работе, явствует, каким злом является для человека его собственный язык. А поскольку человек – существо биосоциальное, этой враждебностью невольно может быть пронизано и всё общество, если не требовать от человека подчиняться этическим и экологическим нормам общения друг с другом.

Литература

БФСРЯ – *Телия В.Н.* Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. д-р филол. наук В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с. – (Фундаментальные словари).

Владыкина Т. Сейчас взорвусь. Психологи нарисовали портрет современного россиянина. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rg.ru/2013/12/10/portret.html> (дата обращения: 29.01.2015).

Волкова Я.А. Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. – Волгоград, 2014.

Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.

Демьянков В.З. Кооперированность общения и стремление понять собеседника // Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация: сб. статей / Институт языкознания РАН. – Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2005. – С. 28-36.

Ионова С.В. Неэкологичное эмоциональное общение в «приличной» упаковке // Человек в коммуникации: от категоризации эмоций к эмотивной лингвистике: сб. науч. трудов, посвященный 75-летию проф. В.И. Шаховского. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2013. – С. 323-332.

Кара-Мурза Е.С. Лингвоконфликтология: основные понятия и вузовские варианты // Журналистика и культура русской речи. Научно-практический журнал. – М., 2011. № 2 (58). – С. 64-79; Продолжение. № 3 (59). – С. 54-73; Заключение. № 4 (60). – С. 64-79.

Клушина Н.И. Девербализация эмоций в современной медиакulturе // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. проф. В.И. Шаховский. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. – 450 с.

Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. 3Д. М.: Астрель: CORPUS, 2013. – 480 с.

Леонтович О.А. Позитивная коммуникация: постановка проблемы // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика». № 1. – М., 2015 (в печати).

Литвак М.Е. Психологический вампиризм: анатомия конфликта – Ростов н / Д: Издательский дом «Феникс», 2008. – 411 с.

Матьяш О.И. и др. Межличностная коммуникация: теория и жизнь. СПб.: Речь, 2011. – 560 с.

Подольская О. Правила первой психологической помощи при ЧС и терактах [Электронный ресурс] URL: <http://www.miloserdie.ru/articles/pravila-pervoj-psihologicheskoy-pomoshhi/print> (дата обращения: 23.01.2015).

Романов А.А., Немец Н.Г. Дискурс утешения: Лингвопсихологический анализ. – М.: ИЯ РАН, ТвГУ, ТГСХА издательство «Агросфера», 2006. – 144 с.

Руднев В. Введение в шизореальность. – М.: Аграф, 2010. – 224 с.

Тарасов Е.Ф. К построению теории речевой коммуникации // Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. – М., 1979.

Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996. – С. 7-22.

Тарасов Е.Ф. Прологомены к теории языкового сознания // Вопросы психоллингвистики. - № 4 (22). – 2014. – С. 24-35.

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008а. – 416 с.

Шаховский В.И. Энергетическая мощь эмоций и дискурсивные нормы // Вопросы психоллингвистики. № 7. 2008б. – С. 39-43.

Шаховский В.И. Эмоциональный тьюнинг в речевом общении // Язык – сознание – культура – социум: сб. докл. и сообщ. Междунар. науч. конф. памяти проф. И.Н. Горелова. – Саратов: Изд. центр «Наука», 2008в. – С. 478-481.

Шаховский В.И. Русский мат как коммуникативная «приправа» // Голос эмоций в языковом круге *homo sentiens*. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012а. – С. 112-123.

Шаховский В.И. Функциональная амбивалентность русского мата как проблема эмотивной лингвоэкологии // Экология языка и речи: мат-лы Междунар. науч. конф. (17-18 ноября 2011 г.) / отв. ред. А.С. Щербак; Мин.-во обр. и науки РФ, ФГБОУ ВПО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина». Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012б. – С. 38-41.

Шаховский В.И. Семиотика и семантика оскорбления в конфликтной коммуникативной ситуации // Голос эмоций в языковом круге *homo sentiens*. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012в. – С. 90-112.

Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. проф. В.И. Шаховский. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. – 450 с.

Goleman D. Emotional intelligence. – Bantam Books, 1995. – 352 p.

The Language of Emotions. Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins Publishing House. 1997. – P. 195-208.

Süddeutsche Zeitung [Электронный ресурс] URL: <http://suche.sueddeutsche.de/> (дата обращения: 15.01.2015).

И.А. Бубнова

УДК 81'23

МЫ ГОВОРИМ – ПАТРИОТИЗМ, ПОДРАЗУМЕВАЕМ...

Статья посвящена изучению специфики речевого воздействия, которое оказывается на сознание аудитории в ходе дискуссий по актуальным проблемам современного общества. На примере значения слова *патриотизм* выявляются наиболее типичные для современного медийного дискурса тактики манипулирования массовым сознанием.

Ключевые слова: медийный дискурс, речевое воздействие, массовое сознание, тактики манипулирования.

Irina A. Bubnova

WE SAY – PATRIOTISM BUT WE MEAN....

The article is devoted to analysis of specific traits of linguistic manipulation influencing mass consciousness in the course of the discussions on modern society's actual problems. For modern mass media discourse, the most typical tactics of consciousness manipulation are determined through the example of the word *patriotism*.

Keywords: mass media discourse, linguistic manipulation, mass consciousness, tactics of manipulation.

Термин «патриотизм»: значение и особенности интерпретации

В современном медийном дискурсе дискуссии о патриотизме, рассматриваемом либо непосредственно, либо обсуждаемом опосредованно в том или ином ракурсе, занимают одно из ведущих мест. Несомненно, что такой всплеск интереса к данному феномену не является случайным. С одной стороны, это ответ на официальное заявление властей о том, что патриотизм является одной из фундаментальных основ, объединяющих российское государство, с другой, причиной такого внимания к смысловому наполнению термина со стороны представителей самых различных политических партий и течений является реакция обычных людей на события в нашей стране и в мире, происходящие в последний год. Примечательным кажется и еще один факт: в публичных обсуждениях того, что такое патриотизм и что понимается под патриотизмом сегодня, принимают участие политики, политологи, социологи, журналисты, члены различных неправительственных организаций, т.е. спектр мнений по данному вопросу достаточно широк, однако комментарии профессиональных лингвистов практически отсутствуют. И это представляется довольно показательным. Любому, кто работает со словом, очевидно, что значение понятия *патриотизм*, в отличие от слов-симулякров (в смысле Ж. Батая, Ж. Делеза и Ж. Бодрийяра), подобных таким как *демократия*, *социализм*, *равенство*, *свобода*, тех слов-призраков, которые не могут быть схвачены идеей, а, следовательно, репрезентируют то, что на деле не существует, но именно благодаря этому своему свойству оказывают огромное влияние на массовое сознание (см. об этом, например, [Лебон 1999]), достаточно четко определено. Если суммировать словарные толкования, то в самом общем смысле *патриотизм* (от греч. «соотечественник»,

«родина, отечество») есть любовь, преданность и привязанность к отечеству, своему народу, стремление своими действиями служить его интересам. Кстати, именно так, по данным ВЦИОМ, понимают патриотизм большинство граждан России, считающих, что в основе патриотизма лежит любовь к своей стране (68% от всех ответов на вопрос «Что, по вашему мнению, значит быть патриотом?»). Однако, несмотря на результаты этого опроса, более того, ссылаясь на них, как и на данные Левада-центра, эксперты Института современной России (ИСР) делают иной вывод: понятие патриотизма сегодня полностью монополизировано российскими властями для продвижения своих интересов, а в нынешней политической среде России патриотизм стал все чаще ассоциироваться с национализмом и ксенофобией [<http://www.imrussia.org/ru/society/1735-has-patriotism-in-russia-been-hijacked>].

Разнообразие мнений и толкований, часто взаимно исключаящих друг друга, транслируемых в настоящий момент в СМК, позволяет предполагать, что семантика термина *патриотизм* в языковом сознании общества в настоящее время подвергается коррекции, причем это происходит целенаправленно и постоянно на всем медийном пространстве. В связи с этим следует упомянуть результаты недавних исследований, свидетельствующие, что такая коррекция, а точнее, массовые усилия СМИ, постоянно влияющие на то, как мы думаем, что мы покупаем, как мы голосуем и что мы ценим, уже изменили значения слов *успех*, *деньги* и некоторых других, причем смысловой сдвиг в данном случае произошел в сторону западного понимания данных феноменов. Тем более актуальной становится задача выявления трансформаций, закладываемых сегодня в термин *патриотизм*, который действительно хоть и является глубоко личным чувством (и здесь данные ВЦИОМ и Левада-центра совпадают), но его понимание каждым отдельным человеком определяет в итоге отношение всего общества к судьбе своей страны.

Специфика аналитических программ как жанра массмедийного дискурса

Представляется, что среди многочисленных жанров массмедийного дискурса, в которых тема патриотизма (эксплицитно либо имплицитно) затрагивается постоянно, особое место сегодня занимают аналитические программы, имеющие свои, отличающие их от всех остальных информационных передач, черты. Прежде всего, это специфическая аудитория, на которую рассчитаны такие передачи: как правило, имеющая образование, обладающая определенным жизненным опытом и знаниями, и, соответственно, формирующая собственную точку зрения, учитывающую различные интерпретации той или иной проблемы. При этом особенность данной аудитории состоит в том, что она менее склонна к эмоциональному внушению, достаточно внимательно следит за аргументацией тех, кто выражает противоположные их собственным взгляды и способна изменять либо корректировать свое мнение, если логика рассуждений говорящего кажется убедительной. Следовательно, и задача речевого воздействия со стороны общего адресанта, которая в принципе является основной для массмедиа (а в психолингвистике любой акт общения с точки зрения его целенаправленности рассматривается как воздействие), в ходе дискуссий в рамках аналитических программ оказывается более сложной: это должно быть не столько только воздействие на сознание при помощи убеждения – систематического повторения и распространения каких-либо взглядов, т.е. пропаганды, но и информирования, передачи каких-либо знаний, способных изменить

смысловое поле значений, в нашем случае – произвести запланированные сдвиги в смысловом поле значения термина «патриотизм» (о психолингвистической модели речевого воздействия см.: [Леонтьев 2008, Тарасов 1986]). Существенно важными в этом процессе оказываются и еще два условия. Во-первых, для достижения своей цели «говорящий должен представлять себе смысловое поле реципиента в момент воздействия и после него, т.е. приставлять себе характер и направление тех изменений в смысловом поле реципиента, которых он должен добиться в результате воздействия» [Леонтьев 2007: 276]. Во-вторых, особую роль играет личность коммуникатора, раскрывающаяся в сообщении, которое, как пишет А.У. Хараш, «может быть только открытым. В этом состоит его главное отличие от текста. Текст может быть сколь угодно закрытым, и тем не менее в процессе его предъявления коммуникатор все равно невольно откроет реципиенту существенные черты своей ‘духовной индивидуальности’». Всякое сообщение есть, помимо всего прочего, сообщение коммуникатора о себе – о своих личных качествах, притязаниях, об уровне своего самоуважения и самооценки, о степени заинтересованности предметом сообщения, о своей общей компетентности в избранной им тематической области и, наконец, о **действительных мотивах своей деятельности**, о лежащих в ее основе личностных смыслах» [Хараш 1978, 87 <http://psylist.net/hrestomati/00007.htm>] (выделено нами. – И.Б.).

Векторы трансформации термина *патриотизм* в процессе речевого воздействия

С позиций, изложенных выше, мы попытались проследить, какими способами осуществляется воздействие с целью изменения смыслового поля термина *патриотизм* в массовом сознании определенной социальной группы – аудитории аналитических программ, экспертами в которых выступают представители как «национал-патриотов», так и «либеральной интеллигенции».

В качестве материала послужила дискуссия на тему «Кто такие русофобы», вышедшая в эфир ТНЦ 10 марта 2015 года в рамках аналитической программы «Право голоса» (ведущий Роман Бабаян), выбор которой был обусловлен сразу несколькими причинами. Во-первых, программа имеет высокий рейтинг среди телезрителей, подтверждаемый как ее оценкой в различных социальных сетях, так и в ходе устных опросов. Во-вторых, участники передачи, как правило, – известные политики (как действующие, так и оппозиционные), авторитетные ученые, политологи, социологи, писатели и журналисты, взгляды которых по вопросам, волнующим современное общество, могут оказывать влияние на массовое сознание. В-третьих, интерес для нас представляла сама тема русофобии, часто выступающей как цельная идеология, в основе которой лежит предвзятое, неприязненное и враждебное отношение к России и русским. В силу этого можно было предполагать, что обсуждение предложенной проблемы непременно коснется и патриотизма, т.к. одним из компонентов значения данного термина является любовь к Родине, а любовь предполагает множество интерпретаций. Это подтверждалось и предварительным анализом мнений о патриотизме литераторов-либералов, высказанных ими в начале лета 2014 года [<http://www.pennrussia.org/new/2014/1064>], которые сводятся к следующему:

– либо это деятельная любовь к родине, не имеющая ничего общего с болтовней о патриотизме и с национальным самовосхвалением, направленная на то,

чтобы разобраться на трезвую голову с современным её состоянием;

– либо это любовь, узурпированная государством, которое не является синонимом родины;

– либо сама любовь – это свободное чувство, к которому нельзя принуждать;

– либо вообще у человека, как показала жизнь, больше, чем одна родина, больше, чем один багаж идеологических или религиозных ценностей, а следовательно, и сам патриотизм – глубокое чувство думающего и равнодушного человека, чувство красивое, но изменяющееся, как и все прочие чувства.

Анализ материала преследовал несколько задач:

Определить, насколько для данной передачи характерны способы речевого воздействия через пропаганду, т.е. манипулирование сознанием слушающих.

Выявить основные техники манипулирования (если таковые обнаруживаются), предпочитаемые участниками дискуссии с разными политическими взглядами.

Выявить соотношения способов, которые можно определить как воздействие через информирование и воздействие через убеждение, т.е. пропаганду, в речи говорящих, позиционирующих себя как носителей тех или иных политических убеждений.

Следует сразу отметить, что предварительная гипотеза об обсуждении феномена русофобии в связи с патриотизмом полностью подтвердилась, причем связь этих феноменов так или иначе прослеживалась в высказываниях всех участников дискуссии. Однако само определение *русофобии* и, соответственно, *патриотизма*, ожидаемо различалось.

Представители либеральных взглядов, как правило, отрицали наличие русофобии, либо объясняли ее чисто рациональными причинами, прибегая при этом к различным манипулятивным тактикам.

Русофоб – это человек, ненавидящий народ по принципу принадлежности к этому народу.... В жизни своей я не слышал ни одного высказывания ненависти к русскому народу по принципу русской культуры, русской национальности и т.д. (Михаил Веллер).

Что касается советской истории, я готов ответить за свои слова в любом суде, вся советская история, написанная в советский период, начиная с 17 по 91 годы – есть ложь и фальсификация... И вот это наглое вранье, которое делалось по указке главполитуправления, выдавать за историю – или это глупость или злой умысел. ...

В данном случае совершенно очевидно использование классической тактики **напористая продажа**, суть которой заключается в высказывании лживых утверждений, которые вполне могут быть приняты аудиторией, во-первых, благодаря эффекту коммуникатора, и, во-вторых, известному из психологии феномену: чем более дикое утверждение, тем больше шансов, что оно задержится в памяти.

Безусловно, у М. Веллера нет оснований утверждать, что вся советская история – это ложь. Не может он также не знать, что интернет наполнен высказываниями, полными ненависти и презрения к русскому народу и его истории. Вот как, например, отзывается о России известная писательница Т. Толстая: *«Страна не такова, чтобы ей соответствовать!.. Ее надо тащить за собой, дуру толсто-жопую, косную! Вот сейчас, может, руководство пытается соответствовать, быть таким же блядским, как народ, тупым, как народ, таким же отсталым, как*

народ» [<http://samsonov.name/trezv/citaty-o-russkom-cheloveke.html>]. Или еще один пример из блога Евгения Понасенкова, представляющегося историком, режиссером, академиком РуАН, членом Независимого совета по правам человека (НСПЧ): *«Как историк я давно отстаиваю концепцию о необходимости дальнейшего окультуривания нашей родины (если в двух словах: Россия – провинция Европы, которая должна продолжать учиться у нее, как у родителя обшей великой цивилизации) Сто раз я уже писал о том, что все науки, все виды искусства, все жанры литературы (а также книгопечатный станок, вилка и аптеки) – все у нас завезено с Запада (как и абсолютное большинство соответствующих слов) Итак, зададимся логичным вопросом: можно ли основывать национальную «духовность» на воровстве, на обмане?»* [<http://www.mk.ru/blogs/posts/mozhno-li-na-vorovstve-osnovat-natsionalnuyu-duhovnost.html>].

Однако прямая ложь, судя по частоте применения в ходе передачи, является одной из излюбленных тактик М. Веллера, что не удивительно, если вспомнить, что данный весьма результативный прием был давно опробован им в его книгах (см. комментарий С.Г. Кара-Мурзы о рассказе М. Веллера «Отравление» [http://www.kara-murza.ru/books/sc_b/sc_b120.htm]).

Я думаю, что русофобия существует в российском политическом классе, причем совершенно независимо от идеологии. Подоплеку разные... Она носит не экзистенциальный характер, она очень рациональна.... Есть ли русофобия среди представителей нынешней власти? Я думаю, что да. Когда они говорят, что нам не нужно ратифицировать ... 20 статью Конвенции... обязывающую чиновников раскрывать свои расходы, потому что от этого якобы развалится российское государство (Александр Гнездилов).

Это пример еще одной хорошо известной манипулятивной тактики – **атрибуции** с элементами **подтасовки карт**. В данном случае очевиден вывод, который «навязывается» аудитории: основные русофобы в России – это воры-чиновники, представители власти, а противостоят им настоящие патриоты, те, кто критикует современную Россию.

Еще более явно тактика **подтасовки карт и ложных силлогизмов** прослеживается в следующих высказываниях:

Говорим о русофобии. Не пришли к единому мнению, к четкому определению, что говорит, что это все некоторое полувиртуальное представление... Если ты исторический пессимист, инакомыслящий и оппозиционер, это то же самое, что ты русофоб (М. Веллер).

Мы должны доказать, что мы не хуже, чем другие народы в мире. Пример Южной Кореи. Чучхе – опора на собственные силы, другая часть – иной путь. Одна страна, один народ может выбрать каждый свой путь и достичь абсолютно разных результатов, статистика показывает, что в Южной Корее даже рост призывников на 5 см больше (Александр Гнездилов).

Достаточно частотной манипулятивной тактикой оказалась тактика **аксиоматичности**, опоры на банальность, подаваемой как непререкаемая истина, к которой неоднократно прибегали участники дискуссии, представляющие либеральные взгляды.

У каждого государства есть свои сторонники и свои должны быть противники, которые полагают что государство должно быть не таким. Самый яркий

пример – это гражданская война (Михаил Веллер).

Если человек придерживается ортодоксальных взглядов, он, будучи стопроцентным патриотом, объявляется русофобом (Михаил Веллер).

Единство непохожих – гораздо лучше, чем псевдоединство похожих (Елена Лукьянова).

Весьма интересно использовалась **тактика переноса с отсрочкой во времени** в ситуации, когда один из участников передачи, представлявший депутатский корпус, процитировал размышления о патриотизме Ивана Ильина. Ответ Александра Гнездилова (причем отсроченный по времени, что было важно в данной ситуации, т.к. его комментарий слов философа был уже вырван из контекста) прозвучал следующим образом:

Если кто-то из моих оппонентов цитирует здесь Ивана Ильина, в свое время приветствовавшего приход Гитлера к власти в Германии, то мне это крайне неприятно, я считаю это оскорбительным...

Тактика **наклеивания ярлыков** тоже оказалось в ряду приемов, употребляемых с целью создания негативного образа оппонентов. Причем данная тактика, как правило, употребляется в сочетании с тактиками **сверхобобщения, приведения примеров с последующим переносом**.

Я выслушала очередную яркую пропагандистскую речь, причем достаточно малограмотную, это мое частное, личное, экспертное мнение, где был перевод стрелок с одной темы на другую и подмены логических тезисов... (Елена Лукьянова)

Если человек высказывается в зависимости от ситуации, значит у него своего мнения нет, потому что мнение основано на мозгах... Я скорее считаю наиболее русофобами и льющими мельницу против будущего государства российских людей, которые, обладая личными целями, несут ахинею, прикрываясь, что они депутаты и т.д.... Иметь свою позицию можно, а быть флюгером – это просто проституция (Григорий Крамской).

Я больше всего не люблю непрофессионалов. Это какократия, это власть худших! Это самое страшное, что сегодня наносит ущерб стране. Здесь предположительно есть русофобы. Это те, кто сегодня своими идиотскими непрофессиональными законами наносят ущерб нашей стране (кричит). Вы знаете, что о вас народ говорит, господа депутаты? Да когда же у них запрещалка отвалится (кричит) (Елена Лукьянова).

Когда, например, говорят, что России нужна плетка, нужен кто-то с кнутом – это русофобия. Когда люди рассчитывают, как г-н Милонов, который тут уже разделял нас по этническому признаку, натравливал нас, что именно они будут с плеткой... (Александр Гнездилов).

...Большинство присутствующих, тех, кто больны фобиями, начиная с Иосифа Евгеньевича (Дискин)... фобия – состояние души, ума... Те, кто сейчас вносит в нашу жизнь это понятие, ну, я не призываю к изоляции, но их нужно проверить... (Милонову) Вы – первый претендент на то, чтобы Вас проверить.

Милонов: Кто платит вашему обществу? Почему вы получаете гранты из-за рубежа?

Дорогой мой... Ну потерпите... Мы с вами поговорим о грантах потом.... У меня смирительной рубахи для Вас нет... (Валентин Гефтер).

Последний диалог между Валентином Гефтером и Виталием Милоновым показателен и в ином отношении. В данном случае совершенно очевидно, что неоднократный повтор фразы о психически больных людях (к которым, как ясно из его речи, В. Гефтер относит не только тех, кто присутствует в студии, – элемент **тактики расширения**) имеет своей целью не просто закрепить в сознании негативное восприятие данной группы людей, в частности всего депутатского корпуса, но и уйти от ответа на поставленный вопрос.

В целом попытки уйти от ответа прослеживались неоднократно, при этом участниками дискуссии использовались различные тактики:

а) тактика отвлечения внимания с элементами неопределенности:

Вы работаете в бюджетной организации, вы финансируетесь за счет нашей страны, а ваши студенты пишут в твиттере: «Мы поддерживаем майдан! Слава Бандере!» (Виталий Милонов – Елене Лукьяновой).

У нас единство непохожих!!! Дайте им право иметь свою точку зрения!!! (кричит) (Елена Лукьянова).

Лично мне не нравится, когда люди с российскими паспортами сидят в Киеве и призывают к активизации боевых действий в отношении нашей страны... А еще больше мне не нравится, когда эти люди даже не уезжают в Киев, когда они находятся здесь, причем работают на хороших работах, получают очень хорошую зарплату... Очень часто эта зарплата идет из госбюджета, парадоксальная история... Они ненавидят это государство, ненавидят эту страну, но не отказываются от этой зарплату (Роман Бабаян Валентину Гефтеру).

Во-первых, конечно, неважно, кто где сидит и кто какие деньги получает, важно, что он делает и говорит...Вы же говорите про других людей, которые спорят с государством, а деньги они получают от налогоплательщика! Налогоплательщик хочет слышать разное мнение! Он имеет на это полное право (Валентин Гефтер).

б) атрибуция с подтасовкой карт

А Вам нравится, когда кто-то нашу страну называют Рашкой? (Роман Бабаян Павлу Гусеву).

Ну вы знаете, мы же тоже можем кое-кто высказывать как мы называем Украину.... Как мы называем Соединенные Штаты... Я знаю, что есть великая Россия... Когда приходит желание запрещать...Да, кому-то не нравится нынешняя власть, так это ЗАМЕЧАТЕЛЬНО!!! (Павел Гусев)

в) блестящая неопределенность

У Вас есть сомнения, что в подавляющем большинстве население Крыма действительно искренне желал воссоединения с Россией? (Роман Бабаян Александру Гнездилову).

Я предпочитаю в данном вопросе руководствоваться не своими личными ощущениями, а результатами законно проведенного, в том числе проведенного под международным контролем, по украинским законам, референдума (Александр Гнездилов).

В целом результаты анализа показали, что в ходе обсуждения заявленной темы все участники передачи использовали различные приемы речевого воздействия. При этом, в отличие от представителей либеральной оппозиции, их оппоненты, как правило (исключение составлял Виталий Милонов), предпочитали способы

воздействия через информирование, что, в свою очередь, влияло на эмоциональный фон их высказываний, который был значительно более спокойным и в данном случае совершенно явно проигрывал ярким речам представителей противоположных взглядов.

Заключение

Несмотря на то, что передача была посвящена русофобии, главной обсуждаемой темой было содержание термина *патриотизм*, которое, как было показано выше, активно конструируется в массовом сознании, причем точки зрения на ядерный компонент смыслового поля данного понятия либералов и тех, кого в либеральных кругах называют «ура-патриотами», кардинально различаются. Для представителей либеральной оппозиции главные признаки патриотически настроенного человека – это борьба с политикой государства, если она не находит одобрения в Западной Европе, стремление сформировать отрицательное отношение к истории России и к власти, которая имплицитно отождествляется с национализмом. Причем следует подчеркнуть, что данная модель патриотизма – это патриотизм для России, т.к. рассуждая об этом же феномене применительно к любой стране западной Европы, США либо Украине, те же самые люди интерпретируют его совершенно иначе. Их оппоненты делают акцент не просто на критике власти, но широком общественном обсуждении различных внутренних проблем, в том числе связанных с фальсификацией исторических событий, при безусловной поддержке политики своей страны, в основе которой лежит понимание процессов, происходящих сегодня в мире.

Подводя итог всему вышесказанному отметим, что анализ дискурса современных массмедиа свидетельствует, что все основные принципы теории речевого воздействия, которая разрабатывалась в отечественной науке при непосредственном участии Е.Ф. Тарасова [Тарасов 1986], активно используются в настоящее время, причем набор тактик манипулирования массовым сознанием постоянно пополняется, а сами тактики становятся все более комплексными, что, с одной стороны, усложняет их распознавание, а с другой – повышает их эффективность.

Литература

- Лебон Г. Психология толп. — М.: *Институт психологии РАН, Издательство «КСП+»*, 1998. стр
- Леонтьев А.А. Психология общения. М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2007. – 368 с.
- Леонтьев А.А. Прикладная психолингвистика речевого общения и массовой коммуникации. М.: Смысл, 2008. – 271 с.
- Тарасов Е.Ф. Психологические и психолингвистические аспекты речевого воздействия // Речевое воздействие: психологические и психолингвистические проблемы / Под ред. Ю.А.Сорокина, Е.Ф.Тарасова, Н.В.Уфимцевой. М.: Ин-т языковедения АН СССР, 1986. – С. 4-9.

И.И. Валуйцева, Г.Т. Хухуни

УДК 81'23

**ДИАЛОГ ИЛИ БОРЬБА КУЛЬТУР?
(О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ)**

В статье рассматриваются вопросы, связанные с проблемой межкультурного общения в процессе диалога культур. Отмечается, что указанный процесс может протекать как при сохранении каждой участвующей в нем стороной своего этнокультурного пространства, так и при перемещении носителей одной этнокультуры на территорию другой, что приводит к неравноправию участников диалога и потенциально способствует возникновению конфликтных ситуаций.

Ключевые слова: этнокультурный, этноязыковой, аккультурация, диалог, билингвизм.

Irina I. Valuytseva, Georgy T.Khukhuni

**THE DIALOGUE OR THE CONFLICT OF CULTURES?
(SOME ASPECTS OF CROSSCULTURAL COMMUNICATION)**

The paper considers some aspects related to the problem of the intercultural communication in the process of the dialogue of cultures. The said process may take place under different conditions: a) each side retain its linguocultural environment; b) the representatives of one ethnical culture migrate to the territory of the other one. The latter results in the inequality of the communicants and potentially can lead to conflict situations.

Keywords: ethnocultural, ethnoligual, acculturation, dialogue, bilingualism.

Проблематика, связанная с межкультурной коммуникацией, в настоящее время находится в центре внимания как исследователей, работающих в различных областях социально-гуманитарного знания, так и политических деятелей, соответствующих государственных учреждений, общественных организаций и т.п. Такое внимание к относящимся к ней вопросам вполне понятно, учитывая, какой злободневный характер они приобрели в современном мире. Неудивительно, что суждения по данному поводу нередко носят заостренно-полемиический, а нередко и антагонистический характер, причем обусловленные этим конфликты порой не ограничиваются рамками академических дискуссий.

В одной из своих работ Е.Ф. Тарасов, ссылаясь, в частности, на труды Л.С. Выготского, указывал, что «любой диалог культур реально протекает только в сознании конкретной культуры, которому удается постигнуть образы сознания носителей другой (чужой) культуры в ходе рефлексии над различиями квази-идентичных образов своей и чужой культур» [Тарасов 1996: 9].

При рассмотрении процесса межкультурной коммуникации целесообразно учитывать, осуществляется ли она при *сохранении* каждой участвующей в нем стороной того, что можно назвать собственным этнокультурным пространством (например, во время туристической поездки, долгосрочной командировки, при обмене

делегациями и т.п.) или же взаимодействие происходит в результате *перемещения* представителей одной культуры в пространство, занимаемое носителями другой, и их закрепление в этом пространстве (например, миграция, вызванная политическими, экономическими, культурными и т.п. причинами, формирование устойчивых диаспор и др.). В первом случае можно постулировать в целом относительное *равноправие* участвующих в диалоге коммуникантов и *добровольный* характер взаимодействия, что если не исключает, то во всяком случае уменьшает риск возникновения этнокультурного конфликта. Во втором случае оно во многом воспринимается как *вынужденное*, причем не только для «принимающей», но и для «прибывающей» стороны, а ситуация «хозяева» // «гости» (отнюдь не всегда желанные) придает ему ярко выраженный *неравноправный* характер.

Не останавливаясь сейчас на всех аспектах такой ситуации, отметим, что, с точки зрения подавляющего большинства «коренного населения», результатом подобного рода межкультурного взаимодействия должно стать не только (и даже не столько) постижение мигрантами образов сознания чужой культуры, но и их *аккультурация*, а в перспективе, вероятно, и *ассимиляция* (хотя последний момент в официальных кругах толерантных обществ стараются не акцентировать). Таким образом, – возвращаясь к данной Е.Ф. Тарасовым дефиниции – по существу, приходится говорить об ожидании частичной или полной утраты одной из сторон своего этноязыкового/этнокультурного сознания или ряда присущих ему характеристик. А такой процесс (поскольку речь идет о массовой миграции) вряд ли может быть безболезненным и тем более гармоничным.

Исходя из вышесказанного, требуется уточнить вопрос о смысле самого понятия «аккультурация мигрантов». На наш взгляд, в данном случае уместнее говорить именно о *смысле*, а не о *значении*, поскольку при его рассмотрении вряд ли можно исключить личностный момент со стороны участников рассматриваемого процесса.

Начнем с чисто терминологического аспекта – содержания понятия «мигрант» применительно к конкретной ситуации, сложившейся к настоящему времени в Российской Федерации. Уместно ли оно по отношению к гражданам РФ или распространяется исключительно на приезжих из-за рубежа? С одной стороны, живущие и работающие, например, в крупных мегаполисах представители национальных регионов России юридически не отличаются от приезжих из собственно «русских» областей страны. С другой – в лингвокультурном плане отличия могут проявляться не в меньшей, если не в большей степени, чем когда речь идет о многих из тех, кто в 90-х годах XX века превратился в «иностранцев» и о которых говорят порой как о «бывших» или, напротив, «новых» соотечественниках (см., например, [Дронов, Тарасов 2007]).

Второй аспект, который приходится принимать во внимание, – соотношение в процессе аккультурации собственно лингвистического (овладение языком) и культурного (смягчение культурного шока, причём для обеих сторон) аспектов. Как показывает опыт, в том числе и мировой, указанные моменты тесно связаны, но не идентичны друг другу. Неприятие (порой весьма агрессивное) культуры принимающей стороны и стремление заставить считаться со своими ценностями демонстрируют лица, свободно владеющие её языком.

В этой связи представляется целесообразным указать на следующий момент.

Хотя фактор несовпадения языка и культуры неоднократно отмечался в лингвистической литературе (см., например, [Сепир 1993: 193] и др.), в работах по межкультурной коммуникации и теории перевода понятия билингвизма и бикультурности иногда употребляются если не как параллельные, то во всяком случае как неразрывно связанные. На наш взгляд, между ними существует ряд принципиальных отличий.

Применительно к билингвизму существует достаточно чёткая классификация его разновидностей (полный – частичный, контактный – дистактный, субординативный – координативный, пассивный – активный и др. [Словарь... 2006: 31]), отражающая различную степень владения и использования соответствующих идиомов. Применительно же к культуре говорить о «частичной» или «пассивной» бикультурности не принято. Действительно, можно судить о степени *знакомства* с чужой культурой, но вряд ли о мере *принадлежности* к ней.

Далее, известны факты, когда языковая принадлежность и культурное самосознание индивида достаточно сильно расходятся. Подобное явление нередко наблюдалось среди культурной элиты колониальных (в широком смысле слова) стран. Нередко не только доминирующим, но и родным для них являлся язык метрополии, однако в культурном отношении они часто сознательно себя ей противопоставляли. Классическим примером такого рода считается ситуация в Ирландии, в связи с которой можно вспомнить слова Ф. Энгельса: «Англичане сумели примирить со своим господством народы, принадлежащие к самым различным расам. Только с ирландцами англичане не справились... Виною тому необыкновенная гибкость ирландской расы. После свирепейшего подавления, после каждой попытки истребления ирландцы спустя короткий промежуток времени снова поднимались с ещё большей силой, чем когда-либо прежде; они словно черпали главную силу в чужеземном гарнизоне, который сажали им на шею для их угнетения. Во втором, а часто и в первом поколении, чужеземцы превращались в больших ирландцев, чем сами ирландцы (*Hiberniores ipsis Hibernis*), а последние чем больше усваивали английский язык и забывали свой собственный, тем больше становились ирландцами» [Энгельс].

Наконец, следует отметить и мотивацию индивида. При изучении второго/иностранного языка действительно ставится задача (правда, практически редко достижимая) сделать свой билингвизм абсолютным, однако при этом обычно не ставят целью изменение своей этнокультурной принадлежности. Ярким примером можем служить русская дворянская культура XVIII-XIX веков, где зачастую основным языком общения был французский, что не мешало её представителям быть русскими патриотами и героически воевать с наполеоновской Францией.

Третий аспект – на первый взгляд, лежащий на поверхности, но не всегда учитываемый на практике – говоря об аккультурации, целесообразно различать, идёт ли речь о собственно *мигрантах* или об *эмигрантах/иммигрантах*. Отметим, что внесение в традиционную бинарную оппозицию «эмигрант»/«иммигрант» третьего компонента «*мигрант*», ставшего в последние годы преобладающим по частотности употребления, существенным образом влияет на подход к данной проблеме. Если речь идет о таких *мигрантах*, для которых пребывание на данной территории является временным, то аккультурация вряд ли достижима в силу того, что у «аккультурируемых» связь со *своей* средой неизбежно превалирует над взаимо-

отношениями со средой внешней. С *иммигрантами* (resp. *эмигрантами*) ситуация представляется принципиально иной. Стимул «встроиться» во внешнюю среду, независимо от того, насколько искренне воспринимаются присущие ей нормы и правила общежития, будет во многих случаях достаточно высоким.

Однако порой не вполне продуманные действия со стороны официальных органов «принимающей стороны» не столько стимулируют указанную мотивацию, сколько могут вызвать у партнеров по межкультурному диалогу подозрение в том, что им – опять-таки используя формулировку Е.Ф. Тарасова – хотят навязать если не реальную утрату, то имитацию отказа от этнокультурного (да и этноязыкового) сознания. Можно вспомнить в этой связи разработанный прежними властями столицы «Кодекс москвича». Излагая его основные положения, один из чиновников тогдашней мэрии перечислил через запятую следующие «неписанные правила»: «Не резать барана во дворе, не жарить шашлык на балконе, не ходить по городу в национальной одежде, разговаривать по-русски...» [Москвичи... 2010]. Можно предположить, что у многих, познакомившихся с процитированным плодом чиновничьего творчества, появилось тогда искушение «разговаривать не по-русски», даже если до этого момента именно русский язык был для них основным коммуникативным средством. К счастью, дальнейшего развития этот проект не получил, хотя его рецидивы в будущем полностью исключить нельзя.

Возможно, не стоило бы вспоминать это порождение, используя выражение М.Е. Салтыкова-Щедрина, «административного восторга», если бы оно не отражало ту дилемму, которая возникает рано или поздно в любом мегаполисе, где накапливается «критическая масса» приезжих. Традиционно здесь принято говорить о двух возможных стратегиях, хотя понятно, что далеко не всегда они встречаются в «чистом виде» и в реальной действительности можно говорить лишь об относительном преобладании той или иной тенденции.

Первый путь условно можно определить как сознательное поощрение того, что квалифицируется как «растворение» мигранта в новой среде: политика «правильного котла», идеалом которого является известный девиз *e pluribus – unum*. По существу, именно такой подход и предлагается в статье, комментирующей «Кодекс москвича»: «Москва – город, жизненный уклад которого базируется на русских культуре и традициях, сложившихся веками, и все, кто приезжает сюда жить, должны с этим считаться. Мы уверены, что это важное требование поможет всем жителям столицы без исключения стать москвичами. То есть членами общности, которая больше, чем национальность, поскольку в ней переплелись разные культуры, у которой есть свой московский стиль жизни, свои правила поведения. Посмотрите на любого приезжего, как он меняется буквально лет через пять жизни в столице!» [Москвичи 2010]. Правда, остаётся не совсем ясным один момент: если пять лет жизни в столице автоматически меняют в соответствующем духе «любого приезжего», то нужен ли вообще специальный «Кодекс», одно название которого неизбежно наводит на мысль о мерах принудительного характера.

Вторая стратегия, до недавнего времени преобладавшая в странах послевоенной Европы и официально разделяемая до сих пор Евросоюзом, обозначается термином «мультикультурализм» и определяется как «политика, направленная на развитие и сохранение в отдельно взятой стране и в мире в целом культурных различий, и обосновывающая такую политику теория или идеология. Важным отличии-

ем от политического либерализма является признание мультикультурализмом прав за коллективными субъектами: этническими и культурными группами. Такие права могут выражаться в предоставлении возможности этническим и культурным общинам управлять обучением своих членов, выражать политическую оценку и так далее» [Мультикультурализм; электронный ресурс]. Обе эти стратегии столкнулись к началу XX столетия с большими трудностями, что потребовало определенных экономических и политических решений со стороны официальных властей различных стран.

Добавим к сказанному, что нередко, говоря о необходимости этнокультурной адаптации мигрантов, их воспринимают как некую нерасчленённую массу, в лучшем случае разграничивая её не столько по лингвокультурному, сколько по – если можно так выразиться – антропологически-географическому признаку. В своё время на данное обстоятельство указывал А.А. Леонтьев, заметивший следующее: «В результате все народы, скажем, Кавказа, глубоко различные и по происхождению, и по культуре, и по языку, и по религии, и по национальной психологии, сливаются для среднего россиянина в жуткого монстра “лиц кавказской национальности”, литовцы, латыши и эстонцы становятся некими усреднёнными “прибалтами”, а коренные жители государств Центральной Азии и вовсе неразличимы и неотличимы от «кавказцев»» [Леонтьев 1998: 3-4].

Считаем необходимым обратить внимание еще на один аспект межкультурного взаимодействия. Если говорить о той ситуации, которая имеет место в современной России (хотя аналогичные явления можно отметить и в других бывших империях), необходимо учитывать, что определённую ее часть составляют лица, чья этнокультурная/этноязыковая составляющая носит неоднозначный характер.

Здесь можно вспомнить вошедшее в широкое употребление после распада Советского Союза понятие «русскоязычное население». Как и многие другие слова постперестроечной эпохи, оно призвано было отразить возникшие тогда реалии, применяясь по отношению к людям, проживавшим до распада страны в национальных республиках, хотя, строго говоря, жители РФ тоже могут быть названы «русскоязычными». На наш взгляд, данная лексема имеет расплывчатое значение, в связи с чем целесообразно остановиться на её содержании несколько подробнее.

Прежде всего, выделяется различное соотношение понятий «русскоязычное население» и «русское население». С одной стороны, первое понятие употребляют как имеющее более широкое значение, т.е. включающее в себя как этнических русских («русских по паспорту», как говорили в советские годы), так и всех, для кого русский язык являлся основным орудием коммуникации. С другой стороны, нередко и такое понимание, когда к «русскоязычным» относят только этнических русских.

В свою очередь, и эта группа включает в себя не вполне однородные элементы. Сюда могут быть включены, во-первых, лица, родившиеся от смешанных браков, причём далеко не всегда имеющие этнических русских предков, во-вторых, те, чьи родители принадлежали к одной национальности, но проживали в других республиках и, соответственно, получали образование на русском языке, в-третьих, представители коренной национальности, в семье которых преобладал русский язык, ставший для них не только доминирующим, но и родным. Необходимо оговорить, что к «русскоязычным» не относятся те лица, принадлежащие к коренной на-

циональности, которые нередко владеют русским практически на уровне родного, но относятся к нему именно как к хорошо знакомому, но не своему языку.

Возвращаясь к интересующему нас вопросу, констатируем, что слово «русскоязычный» акцентирует именно этот – языковой момент. По отношению к относящимся сюда мигрантам (эмигрантам/иммигрантам) призыв «говорить по-русски» выглядит излишним: в плане владения им они вряд ли уступают, скажем, «средним» москвичам, представляющим русский город. Разумеется, в их речи будут проявляться те или иные региональные особенности. Так, известен феномен «тбилисского русского», описанный в своё время К.Б. Лернером [Лернер 1989]); но принципиально это обстоятельство дела не меняет.

Таким образом, в собственно лингвистическом плане, ввиду отсутствия языкового барьера, говорить об адаптации таких мигрантов к новой среде представляется, на первый взгляд, излишним. Но с моментами этнокультурного порядка дело обстоит сложнее.

Здесь следует, хотя бы коротко, уточнить понятие «культура» применительно к интересующей нас теме. Поскольку речь идёт о том, что в обыденном сознании в первую очередь обычно и понимают под «культурой» (литература, искусство и т.п.), то здесь особых сложностей не возникает. Как известно, советскую систему образования в последние четверть века много критиковали за «обезличенность», «подгонку под единый стандарт», «игнорирование национально-культурных особенностей» и т.п. Действительно, образовательные учреждения в республиках СССР с русским языком обучения работали (за исключением не слишком значительного национального компонента, связанного с преподаванием местного языка и истории) по одной и той же программе. Но именно в силу этого принципиальной разницы между культурным багажом тех, кто их заканчивал – будь то в республиках Прибалтики или Закавказья – в общем, не наблюдалось. Конечно, моменты, связанные с уровнем преподавания и индивидуальными успехами в учёбе при этом не исчезали, но вряд ли здесь можно говорить об этнокультурном аспекте.

В бытовом плане нередко складывалась иная ситуация. Так, для «русскоязычного» в приведённом выше смысле приезжего из Грузии некоторые само собой разумеющиеся для москвича моменты (например, привычка сменять обувь при входе в чужую квартиру, даже если этого не требуют погодные условия) могут оказаться не вполне освоенными, вследствие чего не исключён определённый дискомфорт в общении, а порой и коммуникативная неудача в связи с соответствующей реакцией хозяина на подобное с его точки зрения «некультурное» поведение.

Если говорить о первом поколении «русскоязычных» мигрантов, то может наблюдаться несовпадение между понятиями «этнокультурная самоидентификация» и «лингвокультурная самоидентификация». В этническом отношении, причем и в плане бытовой культуры, подавляющее большинство мигрантов этого типа обычно продолжает считать себя представителями той национальности, к которой принадлежал кто-либо из родителей (как правило, она определялась по отцу). В лингвокультурном отношении доминирующая роль русского языка, фактически наличествовавшая и до миграции, будет усиливаться. Следует отметить, что в подавляющем большинстве случаев за исключением некоторых коммуникативных ситуаций, главным образом, связанных с символической функцией – например, элементы бытового общения с бывшими соотечественниками, для которых родным/

доминирующим языком является не русский, – русский язык может выступать в качестве единственного средства общения.

Рассмотренные моменты, которыми, разумеется, не исчерпывается содержание проблемы межкультурного диалога, требуют глубокой и всесторонней комплексной разработки на основе соответствующей программы, осуществление которой относится к числу приоритетных задач науки и практики.

Литература

Дронов В.В., Тарасов Е.Ф. Лингвокультурологический аспект процесса социализации новых соотечественников в России. // Вестник РУДН. Серия «Вопросы образования: язык и специальность». №2, 2007. – С. 105 – 111.

Леонтьев А.А. Культуры и языки народов России, стран СНГ и Балтии: Учебно-справочное пособие. – М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1998. – 312 с.

Лернер К.Б. Социальная природа языка и процесс языкового взаимодействия. Тбилиси: Мецниереба, 1989. – 112 с.

Москвичи пяти морей. Михаил Соломенцев: Ставку нужно делать на то, что объединяет жителей столицы. // Российская газета. Столичный выпуск №5208 (129). 16.06.2010. Электронный ресурс. URL // <http://www.rg.ru/2010/06/16/solomencev.html>. Дата обращения 04.04.2015.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1993. – 656 с.

Мультикультурализм. Электронный ресурс. URL // <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%F3%EB%FC%F2%E8%EA%F3%EB%FC%F2%F3%F0%E0%EB%E8%E7%E5>. Дата обращения 03.04.2015.

Словарь социолингвистических терминов. М., 2006. – 312 с.

Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания. // Этнокультурная специфика языкового сознания. Сборник статей. / Отв. редактор Н.В. Уфимцева. М., 1996. – С. 7 – 22.

Энгельс Ф. Из фрагментов к работе «История Ирландии». Электронный ресурс. URL // http://www.k2x2.info/filosofija/sobranie_sochinenii_tom_16/p83.php. Дата обращения 04.03.2015.

Е.И. Илюхина

УДК 81'23

ТЕМБР ГОЛОСА КАК СРЕДСТВО ФАСЦИНАТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Статья посвящена краткому описанию методики проведения экспериментального исследования и его предварительных результатов по изучению тембра голоса как средства фасцинативного воздействия на смысловое восприятие устного речевого общения в условиях произвольного запоминания.

Ключевые слова: тембр голоса, тип голоса, фасцинативное воздействие, перцептивные эталоны, степень связанности с признаками, восприятие, произвольное запоминание.

Elena I. Ilykhina

VOICE TIMBRE AS A MEANS OF FASCINATING PERCEPTION

The article is devoted to a brief description of an experimental research and its preliminary results on the influence of voice timbre as a means of fascinating impact on sense perception of verbal message in the conditions of involuntary memorization.

Keywords: voice timber, voice type, fascinating impact, perceptual standards, degree of connection with signs, perception, involuntary memorization.

В речевой коммуникации проявление fasciniрующей функции речи наблюдается в усилиях коммуникатора по созданию условий, обеспечивающих достижение конечной цели – управление деятельностью коммуниканта. Усилия коммуникатора направлены на привлечение внимания к передаваемой информации, на создание атмосферы доверия к передаваемой информации и к ее источнику, что является частью проблемы внушаемости и критичности [Тарасов 1979: 68].

Многочисленные исследования фасциации и контрфасциации (А.Брудный, А.Войскунский, Н.Л. Мухелишвили, И.И.Саленко, А.Ш.Сафаргалина, В.М.Соковнин, Ю.А.Шрейдер, Е.В.Омельченко и др), понятие о которой, как о сигнале, создающем благоприятные условия для принятия информации, впервые ввел в широкий научный обиход Ю.В.Кнорзов [Бурлакова 1962]; доказали - наличие фасциации повышает усвоение информации, преодолевая коммуникативные барьеры.

Суггестивное воздействие тембра голоса является общепризнанным и широко используется как в медицинской практике, так и средствах массовой информации, рекламе, ораторском искусстве и т.д.

Говоря о тембре голоса диктора, мы имеем в виду индивидуальный тембр голоса, который, в отличие от интонационного и звукового, рассматривается в данном исследовании в соответствии с общепринятой вокальной [Морозов 1977], театральной [Ведър 1972], лингвистической [Стариченок 2008: 646] и обыденной практикой типологической классификации голосов. «Тип голоса» определяется как разновидность человеческого голоса, выделяемая на основе его высотно-тембральных характеристик. С точки зрения высоты звучания голоса могут быть высокими (тенор у мужчин, сопрано у женщин), средними (баритон у мужчин, меццо-сопрано у женщин) и низкими (бас у мужчин и контральто у женщин).

Формирование нового этапа в понимании тембра, изменения в статусе тембра голоса, выбор которого становится предопределяющим в сфере современных аудио-

визуальных технологий, переход на цифровые методы работы со звуком способствует возникновению новой формы существования текста, позволяющей говорить не только о тембровом восприятии, тембровом пространстве, тембровом глоссарии, но и о «тембровом мышлении» в искусствознании и звукорежиссуре.

В театральной драматургии существует понятие «голосового симфонизма» как одного из компонентов художественной целостности спектакля, предполагающий специальный подбор актерских голосов по их индивидуальным тембрам для создания «голосовой партитуры» спектакля [Васильев 2007: 128].

Высока значимость тембра в звуковой ткани, формирующей слуховую фактуру национального образа сознания. В нашем утверждении мы исходим из того, что сенсорные модальности не кодируют реальность, а несут ее, образуя фактуру образа мира, неравнозначную самому образу, поскольку фактура, материал снимается образом, а не уничтожается в нем [Леонтьев 1983].

Представление образа мира как целостной, но многоуровневой системы позволяет выделить в экспериментальных целях модальные свойства образа как ориентировочной основы поведения. Речь идет об отдельных филогенетически сложившихся семиотических системах, в основе которых лежит оперирование характерными для данной культуры сенсорными и перцептивными эталонами, сформированными на базе модальных характеристик ощущений, отражающих свойства объективной реальности в специфически закодированной (длина световой волны – цвет, частота звуковых волн – тон и т.д.). В нашем исследовании, направленном на изучение сенсорно-перцептивных свойств тембра голоса, воспринимаемого целостно через значения «бас», «баритон» и т.д.

Тембр – это первое, на что реагирует слушатель-иностранец, и часто факт неприятия культуры заключается в неприятии ее тембровой стороны [Сисаури 1980]. В японской культуре наибольшей привлекательностью обладают низкие мужские голоса и высокие женские [Austin 1975], в то время как в американской предпочитают средние и низкие мужские и низкие женские голоса [Cantril, Allport 1935]. При этом низкие женские в Америке и Франции считаются наиболее кредитными [Hennessee 1975], что существенно влияет на выбор дикторов для ведения радиопередач различной тематики.

Для достижения взаимопонимания в межкультурном общении необходима не только общность концептуальных (формируемых в ходе мыслительной деятельности, не опирающейся непосредственно на перцептивные данные), но и перцептивных (сформулированных в результате переработки перцептивных данных, полученных от органов чувств), а также процедурных знаний, то есть способов и последовательности использования тех и других [Тарасов 1996: 7].

Анализируя понимание перцептивного эталона, Е.Ф.Тарасов делает вывод о значении описаний сенсорных признаков воспринимаемых объектов и перцептивных действий с ними для понимания этнокультурной детерминации языкового и неязыкового сознания [Тарасов 2014: 30]. Успешность таких психолингвистических исследований зависит от различения в процессе познания двух этапов: процесса восприятия и процесса собственно сознания, что играет существенную роль при анализе проблемы языка и сознания в психолингвистике, усматривающей различия оречевления как чувственных образов, так и образов сознания.

Целью данной статьи является краткое описание методики проведения экспериментального исследования и его предварительных результатов по выявлению эф-

фективности воздействия тембра голоса диктора на процессы смыслового восприятия устного речевого сообщения в условиях произвольного запоминания.

Методика проведения эксперимента. Были проведены две экспериментальные серии; результаты первой серии опубликованы [Илюхина 1981, 1982]. Остановимся на методических изменениях, которые были внесены в процедуру проведения второй серии.

Испытуемые. В эксперименте принимали участие в качестве испытуемых студенты вузов Москвы и Нижнего Новгорода. В эксперименте учитывался пол испытуемых.

Во второй серии в соответствии с требованиями достоверности экспертных оценок [Кокрен 1976: 86] количество испытуемых было увеличено со 120 до 360 (30 ИМ и 30 ИЖ оценивали голос одного диктора) и по 10 человек (ИМ и ИЖ) прослушивали один из трех текстов в записи одного диктора.)

Отбор дикторов. Во второй серии эксперимента в качестве дикторов были использованы студенты актерского отделения Российского университета театрального искусства в возрасте от 22 до 26 лет. Предполагалось, что использование студентов в качестве дикторов исключит влияние возрастного фактора на результаты эксперимента.

Для отбора 6 дикторов в соответствии с типологической классификацией голосов была составлена группа из 24 дикторов (по 4 диктора на каждый тип голоса). Группа экспертов в количестве 10 преподавателей по сценической речи, мастерству и русскому языку оценивала дикторов по 6- балльной системе оценки по выработанным для этого критериям в зависимости от величины весового коэффициента, присвоенного каждому из критериев: 1) владение орфоэпически правильным произношением – 1,5; 2) отсутствие специфических качеств голоса (хриплости, назальности, и т. д. или других ярко выраженных произносительных особенностей (ускоренный темп, повышенная громкость, суженный диапазон и т.д.), которые могут придавать речи стилистическую окраску – 1,5; 3) достаточный уровень профессиональной подготовки, обеспечивающий свободное владение голосом и навыками дикторского чтения, умение пользоваться произносительными стилями - 1; 4) опыт выступления перед аудиторией, включающий в себя умение говорить перед микрофоном, что снижало возможность влияния эмоционального состояния диктора на речь - 0,75. По результатам балльных оценок, установленных экспертной группой для каждого из дикторов, рассчитывался общий балл экспертной оценки.

Экспериментальный материал. Основным требованием, предъявляемым к экспериментальному материалу по оценке сенсорных качеств разных тембров голоса

было ограничение влияния вербального контекста на восприятие тембра. Мы остановились на широко используемом в психологии способе, при котором в качестве экспериментального материала используются перечисления букв алфавита и цифр.

Во второй серии экспериментов, проводимых с целью изучения влияния тембра голоса на смысловое восприятие сообщения в условиях произвольного запоминания, 10 экспертами было проведено ранжирование 10 текстов, отобранных случайным образом, с целью отобрать «самые неинтересные». После подсчета суммарного места каждого из текстов были отобраны 3 текста. Критерии по отбору текстов вырабатывались в соответствии с психологическими требованиями, предъявляемыми к материалу в исследованиях по произвольному запоминанию [Смирнов 1987; Зинченко 1996]. Прежде всего это отсутствие мнемической направленности у испытуемых, создаваемое

условиями эксперимента и структурно-смысловыми особенностями сообщения (содержанием сообщения, объемом, типом текста, степенью трудности: трудностью для запоминания и трудностью для понимания).

Процедура проведения, измерения и обработки данных первого этапа экспериментальных серий. Эксперимент на первом этапе проводился методом шкалирования.

В связи с тем, что основной целью исследования являлось определение влияния тембра голоса на смысловое восприятие устного сообщения, для проведения эксперимента были использованы результаты субъективного анализа тембральных характеристик эмоционально окрашенной речи, проведенного также методом шкалирования в лаборатории экспериментальной фонетики и психологии речи под руководством Л.П.Блохиной. 25 шкал релевантных для описания тембра речи с учетом их универсальности, то есть возможности их использования и для тембральной характеристики сильно выраженных эмоциональных состояний, и для слабо выраженных. В определениях, образующих шкалы, отображены как акустические, артикуляторные характеристики тембра: звонкий-глухой, мягкий-твердый, оживленный-спокойный, напряженный-естественный, искаженный-нормальный, свободный-скованный, резкий-нерезкий, возбужденный-невозбужденный, громкий-тихий, быстрый-медленный, сильный-слабый, мажорный-минорный, обычный-необычный, монотонный-немонотонный, высокий-низкий, ровный-изрезанный, яркий-тусклый; так и семантические: приподнятый-подавленный, веселый-грустный, доброжелательный-недоброжелательный, нежный-грубый, бодрый-вялый, блестящий-тусклый, теплый-холодный, активный-пассивный. Отобранные шкалы отображают эталоны сенсорных качеств тембра речи, зафиксированные фонетистами в множественных актах восприятия. Предполагалось, что использование данных шкал будет способствовать выявлению возможного влияния тембра голоса на восприятие тембра речи.

Перцептивными эталонами, отображающими образы сознания фонетистов в их познавательной деятельности, как правило, являются параметры громкости, темпа, диапазона высоты, уровня и контура основного тона с учетом коннотативных эмотивных значений: страха, радости, тревоги и т.д. Через эталоны перцептивных действий, направленных на выявление отличительных сенсорных признаков тембра голоса, происходит процесс категоризации тембров по типам голосов. В нашем эксперименте перцептивные действия испытуемые, в отличие от фонетиста, осуществляют неосознанно.

Наличие связи между признаками и исследуемыми типами голосов определялось с помощью χ^2 -критерия.

Во второй серии эксперимента была дополнительно введена оценка для степени связности с признаками, которая была равна 2,09 для всей совокупности измерений. Степень изменчивости исследуемой совокупности характеризуется коэффициентом вариативности, равном 0,13. Данные величины позволяют сравнить изменчивость совокупностей исследуемых признаков по критерию сильной и слабой связанности. Результаты полученных данных приведены в таблице 1.

Анализ полученных данных показал, что количество сенсорных признаков, участвующих в характеристике тембральных особенностей голоса, является величиной вариабельной и зависит от высоты основного тона, пола диктора и пола испытуемых.

Наименьшее количество признаков участвует в характеристике баритона (ИМ) и меццо-сопрано (ИЖ) – 14. Соответственно: 17 – в характеристике тенора (ИМ), баритона (ИЖ) и сопрано (ИЖ); 18 – в характеристике баса (ИМ), меццо-сопрано (ИМ)

и контральто (ИЖ); 19 – в характеристике контральто (ИМ) и сопрано (ИМ); 20 – в характеристике тенора (ИЖ); 21 – в характеристике баса (ИЖ).

При интерпретации результатов эксперимента мы исходили из принципа эквивалентности, используемого для изучения и анализа семиотических систем разных типов [Степанов 1971]. Как известно, в соответствии с принципом эквивалентности большую свободу встречаемости имеет тот знак, у которого меньше дифференциальных признаков, чем у знака той же категории. Наименьшее количество признаков участвует в характеристике баритона (ИМ) и меццо-сопрано (ИЖ) – по 14. Следовательно, можно сделать вывод об ограничении свободы встречаемости голосов с увеличением количества признаков их характеризующих. Можно предложить, что тематическая ограниченность использования дикторов с такими типами голосов ниже, чем дикторов с большим количеством дифференциальных признаков.

Процедура проведения второго этапа экспериментальных серий была одинаковой. Задачей второго этапа являлось определение влияния тембра голоса диктора на смысловое восприятие сообщения в условиях произвольного запоминания. Испытуемым предлагалось прослушать текст в записи одного из шести дикторов без предупреждения о его последующем воспроизведении. Предполагалось, что адекватность интерпретаций может зависеть от тембра голоса диктора.

На данном этапе анализа воспроизведений учитывались три вида интерпретаций: адекватная, когда испытуемый мог трактовать основную идею текста и основные элементы общего содержания; неадекватная, когда испытуемый воспроизводил начало, середину или конец текста; и считалось, что воспроизведение не состоялось, если испытуемый называл тему сообщения и некоторые слова и словосочетания из текста. Были приняты следующие традиционные критерии оценки воспроизведения: переструктурирование текста (изменение последовательности), снятие избыточности, замена одного содержания другим, равнозначным по смыслу; искажение смыслового содержания оригинала; дополнения, выходящие за пределы оригинала.

Предварительные результаты позволили сделать следующие выводы. Наиболее благоприятные условия для восприятия речевого сообщения в мужской аудитории создают дикторы с баритональным типом голоса. Менее благоприятные – бас, тенор, меццо-сопрано, неблагоприятные – контральто и сопрано. Для женской аудитории: благоприятные – меццо-сопрано и баритон, менее благоприятные – контральто, бас; неблагоприятные – сопрано и тенор.

Предварительный анализ результатов уже на этом этапе эксперимента дает основания делать выводы о специфичности использования тембра голоса для достижения фасциативных целей организации общения. Однако, чтобы делать выводы о соотношении информации и фасцинации в сообщении необходим дальнейший анализ результатов и проведение дополнительных экспериментальных исследований.

Литература

Бурлакова М.И. Собеседование по теории сигнализации // Структурно-типологические исследования: сб. статей [отв.ред. Т.Н.Молошная]. - М.: Изд-во Академии наук СССР, Ин-т славяноведения, 1962. - С.47-55.

Васильев Ю.А. Сценическая речь: восприятие – воображение – воздействие. Вариации для творчества. - Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербург. гос. акад. театрального искусства, 2007. - 430 с.

Ведър Й.И. Введение в теорию определения голосовой и речевой профессиональной пригодности в театральных вузах: дис...канд. искусствовед. – Ленинград, 1972. – С.42-45.

Зинченко П.И. Непроизвольное запоминание. Избранные психологические труды. [Под ред. В.П.Зинченко и Б.Г.Мещерякова]. М.,-Воронеж, 1996. - 543 с.

Илюхина Е.И. К проверке гипотезы о влиянии тембра голоса диктора на процессы произвольного запоминания и понимания речевого сообщения. // Общение, текст, высказывание: сб.статей [Редкол.: Н.В.Уфимцева (отв.ред) и др.]. - М.: АН СССР, Ин-т языкознания, 1981. - С.145-165.

Илюхина Е.И. Фатическое общение и его параметры. //Текст как психолингвистическая реальность: сб. статей [Редкол.: Ю.А.Сорокин (отв.ред) и др.].- М.: АН СССР, Ин-т языкознания, 1982. – С.130-146.

Кокрен У. Методы выборочного исследования.- М., Статистика, 1976. - 440с.

Леонтьев А.Н. Образ мира// Избранные психологические произведения: в 2-х т.- М.: Педагогика, 1983. - Т.2 – С. 251-261.

Морозов В.П. Биофизические основы вокальной речи.- Ленинград: Наука, 1977. – 342с.

Сисаури В. Об исторической типологии систем музыкального мышления // Жанрово-стилистические тенденции классической и современной музыки: сб. науч. тр. [ред.-сост. А.Л.Порфирьева].- Ленинград: Изд-во Ленинградский гос. ин-т театра, музыки и кинематографии, 1980. - С. 87-117.

Смирнов А.А. Избранные психологические произведения: в 2-х т. - М.: Педагогика, 1983. - Т.2. -344 с.

Стариченок В.Д. Большой лингвистический словарь.- Ростов-н/ Дон: Феникс, 2008, 811 с.

Степанов Ю.С. Семиотика.- М., Наука, 1971. - 145 с.

Тарасов Е.Ф. К построению теории речевой коммуникации. /Ю.А.Сорокин, Е.Ф.Тарасов, А.М.Шахнарович. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения.- М.: Наука, 1979. – С. 5-147.

Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение - новая антология анализа языкового сознания. //Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. статей [отв.ред. Н.В.Уфимцева]. - М., 1996. – С.7-22.

Тарасов Е.Ф. Прологомены к теории языкового сознания // Вопросы психолингвистики. – 2014. – 4 (22). – С.24-35.

Austin W. H. Some Social Aspects of Paralanguage. // Language and Sex: difference and dominance. В. Thorne and N. Henly(Ed.) Rouley, Mass. 1975. – P.127-138.

Cantril. H. The psychology of radio. By Hadley Cantril and Gordon W Allport . New-York, Harper, 1935. - 276p.

Hennessee J. Some News is Good News.// Language and Sex: difference and dominance. В. Thorne and N. Henly (Ed.) Rouley, Mass, 1975. – P.238-247.

М.А. Пильгун

УДК 81'23

ОСНОВНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ПАТТЕРНЫ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ СЕТЕВОЙ СРЕДЕ¹

Данное исследование посвящено анализу различных форм коммуникативной активности русскоязычных граждан в сети Интернет. Анализируются специфические коммуникации в виртуальных сообществах, формирующие своеобразные виртуальные идентичности, которые невозможно и даже нежелательно проявлять в реальной жизни. В результате анализа коммуникативного поведения в онлайн-взаимодействии было выявлено пять основных коммуникативных паттернов.

Ключевые слова: коммуникативное поведение, сетевой анализ, социальные медиа.

Maria A. Pilgun

BASIC COMMUNICATION PATTERN IN RUSSIAN NETWORK ENVIRONMENT

This study focuses on the analysis of the various forms of communicative activity of Russian citizens on the Internet. Examines specific communication in virtual communities, forming a kind of virtual identity, which is impossible and even undesirable to perform in real life. The analysis of communicative behavior in online interactions identified five basic communication patterns.

Keywords: communicative behavior, network analysis, social media.

This research was supported by a Marie Curie International Research Staff Exchange Scheme Fellowship within the 7th European Community Framework Programme (grant no: PIRSES-GA-2012-318961).

В статье представлены результаты исследования различных форм коммуникативной активности российских граждан в сети Интернет. Особый интерес вызывают те формы коммуникации, которые характерны исключительно для интернета. Речь идет о специфических коммуникациях в виртуальных сообществах, формирующих своеобразные виртуальные идентичности, которые невозможно и даже нежелательно воплощать в реальной жизни.

Последствиями таких виртуальных идентичностей, стилей коммуникации и социальной активности нередко становятся: пренебрежение социальной активностью в реальном мире, поверхностность в восприятии и использовании информации, восприятие самых существенных социальных, экономических и политических проблем как информационных шоу, определённая архаизация, мифологизация и мистификация сознания, социальной нормой становится калейдоскопная клиповая форма личности и, соответственно, социума.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что за 6 лет – с 2008 г. по 2014 г. – активная аудитория Рунета (ежедневное использование Интернета) выросла с 13% до 51% (данные ФОМ). Доля активной аудитории (выходят в Сеть хотя бы раз за сутки) сейчас составляет 59,9 млн. человек. Годовой прирост интернет-пользователей,

¹ Исследование поддержано грантом РФНФ № 15-36-12000/15.

которые выходят в сеть не менее раза в месяц, составил 9%, а для суточной аудитории данный показатель равен 13% (данные ФОМ, 29 декабря 2014).

Структура пользователей Интернета по типам населенного пункта (% от пользователей).

Тип населенного пункта	% от пользователей
Москва	11
Санкт-Петербург	4
Города 1 млн. и более	12
Города 500 тыс.чел.-1 млн.	7
Города 100 тыс. чел.- 500 тыс. чел.	19
Города менее 100 тыс. чел	26
Села	21

Таким образом, прирост пользователей происходит сейчас в основном за счет малых городов, население которых менее 100 тыс. чел. (26 % от числа пользователей) и сел (21 % от числа пользователей). Значительную динамику пророста аудитории показывают и города с населением 100 тыс. – 500 тыс. чел. (19 % от числа пользователей) (данные ФОМ, декабрь 2014).

Закономерно, что в специальной литературе существуют различные интерпретации отдельных аспектов онлайн- коммуникации [Дзялошинский, Пильгун 2011; Медиаконвертация, которая изменила мир? 2014; Новая информационно-коммуникационная среда. Состояние, проблемы, вызовы. Попытки осмысления 2013; Пильгун 2012; Etling, Alexanyan, Kelly, Faris, Palfrey & Gasser 2010; Fuchs 2014; Prasad 2013 и др.].

Цель данного исследования – выявление основных коммуникативных паттернов и доминирующего паттерна в русскоязычных социальных сетях.

При анализе коммуникативного поведения в российской сетевой среде представляется целесообразным рассматривать весь спектр социальных медиа, разнообразный публичный пользовательский контент, представленный в социальных сетях (ВКонтакте, Facebook, Одноклассники, YouTube, Instagram и пр.), блогах и микроблогах (Twitter, LiveJournal, Blogspot, Блоги@Mail.Ru, Blogger. Com и пр.), на форумах (Babyblog.ru, Auto.ru, Ixbt.com и пр.), на сервисах отзывов (Яндекс.Маркет, otzyv.ru, iRecommen.ru, Yell.ru и пр.), на тематических сайтах и порталах (в том числе и в электронных СМИ), а также в комментариях к онлайн-публикациям, поскольку аудиторию социальных медиа составляют 90-100 % пользователей интернета [Социальные сети в России... Цифры и тренды 2014, 2015; Интернет в России 2014].

В статье представлены промежуточные результаты 1 этапа исследования.

Методология

1 этап.

Опрос 500 респондентов (Таблица 1).

Посты блогеров, входящий в Top 2000 Живого журнала (декабрь 2013 г. – 28 000 человек).

2 этап.

Посты наиболее популярных русскоязычных социальных сетей: ВКонтакте 43 млн. пользователей в день, Одноклассники.ru – 40 млн. обращений в сутки, Мейл.ru – 26,8 млн. обращений в день, а также данные русскоязычной сети Фейсбук. Динамика количества постов – неделя, месяц, год (2 этап).

Методологическая основа исследования

1. Сбор и анализ данных в Интернете.

Разработка и наполнение аналитического хранилища.

Сбор данных из социальных сетей.

Сбор данных из блогосферы.

2. Моделирование медиапространства.

Базовые единицы анализа:

- концепт
- конвергентный текст
- контекст
- актер

Методы, алгоритмы, программы

- контент-анализ
- дискурс – анализ
- интент -анализ
- семантический анализ
- метод координационного управления смыслом (coordinated management of meaning - CMM) (B. Pearce, V. Cronen) – для анализа конвергентного текста
- метод компонентного анализа, оппозиций, графов, комбинаторный метод – для анализа структуры семантико-коммуникационных полей
- Formal Concept Analysis (FCA), теория решеток, семантические сети, нейронные сети и др. – для структурирования смыслов
- Анализ социальных сетей – для построения сетевых моделей
- Программы: Xanalis Link Explorer, RCO Fact Extractor, ONTOS – для анализа текстов

3. Интеллектуальный анализ данных (Data Mining).

Полученные в результате исследования данные также анализировались с помощью Brand Analytics (<http://br-analytics.ru/>). Результаты были обработаны с помощью статистической программы обработки социологических данных SPSS.

Результаты исследования

В результате проведенного исследования 1-го этапа были выделены основные паттерны использования онлайн-коммуникации российскими пользователями (Таблицы 2,3,4,5):

1. Информативно-аналитический

Данный паттерн используют продвинутые пользователи, которые имеют аккаунты не менее чем в пяти социальных сетях и не менее чем в 2-х блогах и микроблогах, активно участвуют в различных форумах, читают и пишут отзывы, редко читают и практически не пишут комментариях к публикациям в электронных СМИ, активно применяют весь спектр имеющихся возможностей блогосферы, используют технически сложные сервисы (программирование RSS, настройка интерфейса, media-сервисы, рассылки, календари событий, динамическое меню и пр.), интересуются новыми функциями и активно применяют их.

Технические возможности необходимы для наиболее полного и оперативного получения актуальной информации, поэтому особое значение в блогосфере приобретает обращение к профайлам других пользователей, поиск по тематике записей, возможность динамического построения меню. Диалогическая стратегия проявляется

в различных формах и носит преимущественно прагматический характер. Для этого используют пересылку и размещение аудио- и видеофайлов, размещение фотографий, звонки между собеседниками.

Пользователи данной группы активно создают события в социальных сетях, комментируют публикации, оценивают их (используя кнопку-ссылку «Мне нравится»), пишут личные сообщения и переписываются в чате, «подмигивают», пишут «на стене» других пользователей, поздравляют со значимыми датами, отмечают друзей в видеозаписях, на фотографиях, в заметках и пр., т.е. успешно используют возможности блогосферы и социальных сетей для решения различных задач в различных сферах: в профессиональной деятельности, бизнесе, творчестве, в общественной деятельности, в работе со СМИ, в личном общении (для поддержания старых и налаживания новых контактов), для языковой практики, для активного и пассивного отдыха, туризма и под.

2. Коммуникативно-гедонистический

Данный паттерн применяют пользователи, которые имеют аккаунты не менее чем в трех социальных сетях и не менее чем в 2-х блогах и микроблогах, активно участвуют в различных форумах, преимущественно только читают отзывы, очень редко пишут комментарии к публикациям в электронных СМИ.

Паттерн характерен для людей с высокой потребностью в общении, считающие медиапространство важной формой социальной коммуникации (для поддержания старых и налаживания новых контактов). Пользователи применяют технический инструментарий для поддержания статуса коммуникативно-активного человека, «тусовщика», светского льва/львицы.

Коммуникативно-гедонистический паттерн предполагает активное использование разнообразных функций для максимального расширения круга общения и получения удовольствия от коммуникации: пользователь может переслать свои фото, видеосюжеты, создавать профайлы, сообщения, писать комментарии и т.д. Кроме того, такой пользователь обычно проявляет интерес к профайлам других пользователей, читает чужие записи, звонит собеседникам.

3. Презентативный

Данный паттерн применяют продвинутые пользователи, которые имеют аккаунты не менее чем в пяти социальных сетях и не менее чем в 3-х блогах и микроблогах. Пользователи участвуют в определенных форумах, выборочно читают и пишут отзывы, редко читают и практически не пишут комментарии к публикациям в электронных СМИ.

Использование презентативной стратегии предоставляет широкие возможности для поддержания или создания имиджа в медиапространстве, который может значительно расходиться или даже быть противопоставлен реальному коммуникативному поведению пользователя.

Презентативный паттерн сконцентрирован на наиболее эффективных, по мнению автора, способах использования различных функций онлайн-форматов для создания нужного имиджа. Закономерно, что внимание у пользователя обращено главным образом на создание своего профайла: данная группа уделяет этому максимальное количество времени и усилий. Пользователи активно создают и распространяют свои видео, аудио, текстовые материалы и фотографии, содержащие имплицитную оценку информации.

Проблема заключается в том, что часто внутренняя оценка автора профайла и

реакция на него других пользователей не совпадают. Стремление к коммуникативному доминированию дополняется ожиданием эмоционального одобрения. Пользователи данной группы ждут от онлайн-собеседников только позитивной оценки и практически не готовы к критической коммуникации.

4. Имитационный

Данный паттерн применяют пользователи, которые имеют аккаунты не менее чем в одной социальной сети и не менее чем в 1-м блоге или микроблоге, участвуют в различных форумах, очень редко читают и оставляют отзывы, комментарии к публикациям в электронных СМИ.

Данную стратегию применяют пользователи разных типов для решения самых разнообразных коммуникативных задач: для получения оперативной ответной реакции, для замены/имитации offline общения, получения эмоциональной поддержки и т.д. Довольно активно пользуются видеозвонками и просматривают чужие профайлы, могут создавать и распространять собственные тексты и комментарии, подписываться на блоги других пользователей, пересылать сообщения, размещать аудио-, видео- и фотоматериалы и обмениваются ими.

Показательно, что для представителей данного паттерна более чем для других групп характерно стремление к визуализации – вероятно, потому, что именно визуализация позволяет минимизировать затраты на интерпретацию информации.

5. Потребительский

Данный паттерн применяют пользователи, имеющие аккаунт в одной социальной сети и в 1-м блоге или микроблоге (не всегда), не участвующие в форумах, а только читающие отзывы и комментарии к публикациям в электронных СМИ. Паттерн используется для пассивного присутствия пользователя в медиaprостранстве; он позволяет получать информацию, отслеживать события, односторонне участвовать в онлайн-взаимодействии.

Представители указанного паттерна отличаются крайней пассивностью, пользуются самыми простыми техническими сервисами, изредка размещают свои фото- и текстовые материалы, знакомятся с профайлами других пользователей, просматривают календарь событий. Размещение собственной информации происходит крайне редко.

Данный паттерн характеризует людей, которые либо незначительно вовлечены в онлайн-коммуникацию либо используют виртуальные ресурсы для сбора информации. Они хотят или должны номинально присутствовать в сетевой среде, но не хотят или не могут предоставлять о себе информацию.

Дискуссия

Семантико-коммуникационные поля

Представляется целесообразным признать, что семантическая структура медиaprостранства устроена аналогично лексической системе живого языка, следовательно, для описания медиaprостранства можно принять аналогичные понятия, сформировать аналогичный терминологический аппарат.

Понятие «семантическое поле», «лексико-семантическое поле» имеет различные трактовки в лингвистической литературе. Первоначальное теоретическое осмысление поля связано с именами Й. Трира и Г. Инсена. Так, Й. Трир, применив полевой подход к анализу лексической системы языка, на материале немецкого языка раскрыл внутреннюю форму языка. Именно Й. Трир ввел понятие «семантическое поле»,

сформированное на базе смыслового и понятийного родства слов и возникающее в сознании носителя языка при произнесении того или иного слова. Такие «понятийные ассоциации» образуют совокупность, представляющую собой расчлененное целое [Trier 1931].

К настоящему времени достаточно подробно описаны: структура лексического значения и семантической структуре полисеманта, типы полисемии и особенности семантической деривации (см. работы Ю. Д. Апресяна, Д. Н. Шмелева, М. В. Никитина, Л. А. Новиков и др.), системный характер лексики на микро- и макроуровнях (термины В. Г. Гака), семантические группировки (Ю. Н. Караулов, Э. В. Кузнецова, Л. Г. Бабенко, А. П. Чудинов, А. П. Евгеньева, Г. Н. Складская, и др.).

Предлагается принять в качестве одной из форм структурирования медиапространства семантико-коммуникационное поле – совокупность вербальных и невербальных единиц конвергированного текста, объединенных общностью содержания (иногда общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений.

Таким образом, по аналогии с полем в лингвистической традиции семантико-коммуникационное поле характеризуется связью отдельных компонентов, его составляющих, системным характером этих связей, их взаимозависимостью и взаимоопределяемостью, относительной автономностью семантико-коммуникационного поля, непрерывностью смыслового пространства, обозримостью и психологической реальностью для среднего пользователя.

Например, сегмент медиапространства «Качество жизни» или «Достойная жизнь» содержит следующие семантико-коммуникационные поля:

- 1) высокий уровень технической грамотности
- 2) мобильность; отсутствие закрепленного рабочего места
- 3) дистанционное обучение
- 4) мультикультурализм
- 5) сниженный уровень агрессии
- 6) забота о здоровье
- 7) высокий уровень технической грамотности.

Заключение

В результате анализа коммуникативного поведения в онлайн-взаимодействии было выявлено пять основных коммуникативных паттернов.

Для «сетевого поколения» преобладающими коммуникативными паттернами являются информативно-аналитический, коммуникативно-гедонистический, имитационный. Для старшего поколения - презентативный, потребительский и имитационный (Таблица 5).

Позитивное отношение к жизни в российском обществе связано с новым поколением молодых людей, которые представляют социально и экономически активную часть населения. Значительное расслоение в материальном и социальном положении нивелируется тем, что данную группу объединяет активное онлайн-взаимодействие: все входящие в нее – активные пользователи Интернета. Более того, именно продвинутый уровень использования возможностей Интернета, в частности на мобильных устройствах, осознается ими как залог успеха, как основное средство повышения качества жизни и достижения целей во всех сферах жизнедеятельности: профессиональной, социальной, гражданской, личной.

Из пяти выделенных стратегий использования онлайн-коммуникации российскими пользователями следует выделить информативно-аналитическую. Именно высокая степень владения инструментарием веб-коммуникации рассматривается молодой частью российского общества как основное средство повышения качества жизни и достижения жизненных целей.

Показательно, что самый динамично растущий ресурс в России – Twitter – в наибольшей степени соответствует менталитету современного молодого поколения, а наиболее популярная сеть ВКонтакте становится не только сетью для друзей, превращаясь в медийно-развлекательный портал и площадку для дискуссий. Доминирующие еще недавно диалогическая и полилогическая коммуникативные стратегии в современном русскоязычном веб-пространстве постепенно вытесняются монологической.

Коммуникативные паттерны пользователей в блогосфере и социальных сетях во многом совпадают, хотя общение в социальных сетях, как правило, происходит в среде людей, которые знают друг друга не только виртуально. Про блоги можно сказать обратное: аудитория подписчиков, как правило, формируется из незнакомых людей.

Дальнейшие исследования виртуального коммуникативного пространства предлагается проводить с учетом того, что семантическая структура медиапространства устроена аналогично лексической системе живого языка. Анализ семантико-коммуникационных полей, структурирующих медиапространство, позволит открыть в исследовательской парадигме новые перспективы

Литература

Дзялошинский И.М., Пильгун М.А. Медиатекст: особенности создания и функционирования. Монография. – М.: АПК и ППРО, 2011. – 377 с.

Интернет в России. Состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад. М.: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 2014. – 136 с.

Медиаконвертация, которая изменила мир? (г. Москва, РГГУ, 9 апреля 2014 г) в рамках дискуссионной платформы «Новые медиа в гуманитарном образовании». Ред. и сост. М. Корнев. - М.: РГГУ, 2014 – 137 с.

Новая информационно-коммуникационная среда. Состояние, проблемы, вызовы. Попытки осмысления (<http://worlddocuments.org/docs/index-2431.html>; 03.01.2015).

Пильгун М.А. Формирование контента в современном коммуникационном пространстве. Монография. – М.: РГСУ, 2012. – 212 с.

Социальные сети в России. Зима 2014. Цифры и тренды. Brend Analytics (c) 2014. (<http://habrahabr.ru/company/palitrulab/blog/248645/>; 05.09.2014).

Социальные сети в России. Зима 2014-2015. Цифры и тренды. Brend Analytics (c) 2015. (<http://habrahabr.ru/company/palitrulab/blog/248645/>; 05.01.2015).

Etling B., Alexanyan K., Kelly J., Faris R., Palfrey J., and Gasser U. Public Discourse in the Russian Blogosphere: Mapping RuNet Politics and Mobilization. Harvard University Berkman Center Research Publication. – No. 2010-11. October 19, 2010.– 46 p. (http://cyber.law.harvard.edu/publications/2010/Public_Discourse_Russian_Blogosphere, ; 07.02.2015).

Fuchs C. Social Media. A Critical Introduction. – London: Sage, 2014. – 289 p.

Prasad K. (Ed.). Transforming International Communication: Media, Culture and Society in the Middle East. – New Delhi: B. R. Publishing Corporation, 2013. pp.159-182.

Trier J. Der deutsche Wortschatz im Sinnebezirk des Verstandes: Die Geschichte eines sprachlichen Feldes. Bd.1. Von den Anfängen bis zum Beginn des 13. Jahrhunderts. - Heidelberg: Winter, 1931. – 20 S.

Таблица 1.
Общие характеристики опрошенных

Характеристики	% к числу опрошенных
Пол	
Мужской	48,2
Женский	51,8
Возраст	
18 - 20 года	12,2
21 - 26 года	67,1
27 – 34 года	10,8
35 - 55 лет	7,8
Больше 55 лет	3,1
Образование	
Общее среднее	13,8
Среднее специальное	18,2
Высшее	26,3
Незаконченное высшее (студенты)	36,2
Имею ученую степень	5,5
Вид деятельности	
Промышленность (в т.ч. транспорт, связь, строительство)	5,2
Сельское хозяйство	1,6
Торговля, общепит, жилищно-коммунальное хозяйство, бытовое обслуживание	4,5
Здравоохранение, социальное обеспечение	4,5
Образование	11,7
Культура	6,8
Кредитование, финансы и банковский бизнес	5,4
Органы власти и управления	3,8
Общественные организации	4,3
Средства массовой информации	8,5
Неработающие пенсионеры	4,2
Учащиеся высших и средних учебных заведений	31,1
Армия, органы правопорядка	3,2
Временно неработающие, домохозяйки, находящиеся в отпуске по уходу и пр.	3,1
Другая сфера	2,1

Таблица 2.
Создание контента

Типы коммуникативных паттернов Функция	Информативно-аналитический	Коммуникативно-гедонистический	Презентативный	Имитационный	Потребительский
Создание профиля	1,11	1,20	1,58	0,97	0,65
Создание и распространение собственных текстов	1,06	1,29	1,22	1,15	1,06
Создание комментариев	0,97	1,10	1,23	1,19	1,35
Перевод интерфейса на иностранные языки	0,46	0,42	0,24	0,46	0,50
Размещение аудио-файлов	1,52	0,82	2,25	1,24	0,69
Размещение фотографий	1,50	0,90	1,05	1,38	1,66
Размещение видео-файлов	2,03	1,03	1,25	1,47	0,60
Размещение рекламы	0,43	0,46	0,63	0,51	0,25

Таблица 3.
Использование технических ресурсов

Типы коммуникативных паттернов Функция	Информативно-аналитический	Коммуникативно-гедонистический	Презентативный	Имитационный	Потребительский
Трансформация внешнего интерфейса	1,01	0,61	0,53	0,70	0,67
Настройка RSS	0,75	0,58	0,54	0,54	0,44
Потенциальные уровни доступа	0,62	0,54	0,34	0,36	0,35
Позиции в рейтингах	1,61	1,39	0,57	0,38	0,39
Динамическое построение меню	1,64	0,49	0,76	0,64	1,14
Возможность подключения различных модулей	0,84	0,65	1,13	0,92	0,81
Календарь событий	1,10	0,71	0,78	0,90	1,07
Поиск по тематике записей	1,64	0,61	0,99	0,43	1,03
Кросспостинг	0,81	0,78	0,96	0,71	0,77

Таблица 4.
Коммуникативное взаимодействие

Типы коммуникативных паттернов Функция	Информативно-аналитический	Коммуникативно-гедонистический	Презентативный	Имитационный	Потребительский
Подписка на чужие блоги	0,85	0,42	0,71	1,31	1,26
Обмен видео-файлами	1,23	1,33	1,33	1,30	1,73
Обмен аудио-файлами	2,04	0,69	0,43	1,16	0,33
Обмен фотографиями	1,48	2,25	,42	1,37	0,68
Видео-звонки	0,29	0,08	0,46	2,74	0,37
Звонки между собеседниками	1,88	1,46	0,64	1,44	0,87
Пересылка сообщений	1,52	1,37	1,29	1,49	1,53
Просмотр чужих профайлов	2,19	1,53	0,43	1,57	,31

Таблица 5.
Преобладающие коммуникативные паттерны для различных возрастных групп

Типы коммуникативных паттернов Возраст	Информативно-аналитический	Коммуникативно-гедонистический	Презентативный	Имитационный	Потребительский
18 - 20 года	25,2	45,1	15,2	5,2	12,2
21 - 26 года	57,1	35,2	15,8	15,8	15,8
27 - 34 года	10,8	12	20,8	20,8	18,8
35 - 55 лет	5,8	6,8	47,1	42,1	28,1
Больше 55 лет	2,1	1,9	2,1	17,1	26,1

Л.М. Терентий

УДК 81'23

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ОСОБАЯ ФОРМА НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Анализ дипломатического дискурса выявляет два аспекта данного типа коммуникации: политический и научный. В статье описывается специфика научного аспекта дипломатического дискурса, выявляются сходства и различия данного типа дискурсивной практики и научного общения.

Ключевые слова: дипломатический дискурс, научная коммуникация; статусно-ролевое взаимодействие.

Liviu M. Terentiy

DIPLOMATIC DISCOURSE AS A SPECIFIC FORM OF SCIENTIFIC COMMUNICATION

Diplomatic discourse analysis exposes two aspects of this type of communication: political and scientific. The article describes particular characteristics of the scientific aspect of diplomatic discourse. It points out similarities and differences of such type of scientific communication.

Keywords: diplomatic discourse, scientific communication, role and status interaction.

Анализ дефиниций понятия «дипломатия» показывает, что специфика данного вида коммуникации определяется, прежде всего, особенностями ее агента. В коллективном агенте дипломатического дискурса выделяется две категории людей, деятельность которых, являясь по своей сути, дипломатической, направлена на разную аудиторию и преследует различные цели.

Прежде всего, это публичные фигуры – руководители государств и дипломаты высшего ранга (министры, послы, специальные представители т.д.), выражающие в своих выступлениях, предназначенных для широкой аудитории, позицию своей страны. В силу того, что предметом таких выступлений являются те же события, темы и люди, которые обсуждаются политиками и освещаются в СМИ, их часто относят к политическому либо дискурсу масс-медиа. Однако анализ показывает, что стиль этих документов значительно отличается от политического и медийного стилей, а поэтому выступления такого рода, как представляется, относятся к полю дипломатического дискурса, который мы обозначаем как публичный аспект дипломатической коммуникации.

Однако в большей своей части дипломатическое общение является закрытым для публики и представляет собой процесс переговоров и бесед, участниками которых являются равные партнеры. Другими словами, главной специфической этого аспекта дипломатического дискурса является то, что и агент, и клиент представлен профессиональными дипломатами, сотрудниками дипкорпуса, основная цель которых – достичь согласия в переговорном процессе при решении определенных международных проблем. Так как переговоры, во-первых, готовятся, а, во-вторых, проводятся с опорой на конкретные теоретические положения и практические разработки теории коммуникации, конфликтологии, психологии общения и т.д., они

могут рассматриваться как специфическая научная деятельность сотрудников дипломатического корпуса.

Научный дискурс относится к тем видам институционального общения, которое традиционно привлекает высокий интерес лингвистов. Можно предположить, что не в последнюю очередь этот интерес обусловлен спецификой данного вида деятельности – его направленностью на поиски истины. При этом необходимо подчеркнуть, что изменение общих познавательных установок в гуманитарных науках, связанное с осознанием социальной и культурной обусловленности самого понятия *наука* [Фрумкина 2006, Galtung 1981], привело к смещению акцентов в изучении научного общения. На современном этапе внимание ученых привлекает уже не истина как таковая, а сам процесс создания знания и вывода истины при помощи языка, который в этом случае выступает как основное средство конструирования мира.

Входя в группу дискурсов, которые относятся к институциональному общению, научный дискурс, в то же время, отличается от всех остальных видов институциональной коммуникации по целому ряду параметров.

Прежде всего, характерной особенностью научного общения является принципиальное равенство всех его участников, которое еще более подчеркивается частой сменой ситуативных ролей [Карасик 2004, Кирилина, Маслова 2007]. С другой стороны, для научного сообщества характерно наличие разного рода барьеров – академических званий, членства в различных научных сообществах и т.д., что делает его достаточно закрытым для посторонних.

Внутри научного общения коммуникативно-ролевое взаимодействие «осуществляется в условиях статусно-ролевой субординации» [Кирилина, Маслова 2007: 271]. Наличие нескольких статусно-ролевых характеристик у одного участника, который может выступать в нескольких ролях, и отсутствие (в отличие от других видов институционального общения) четко очерченного «клиента» [Карасик 2004] так же может быть отнесено к специфическим чертам научного дискурса.

Профессиональное поведение ученого регулируется императивами научного этоса, которые выполняют роль ориентиров в научном общении и обеспечивают его нормативную составляющую [Кун 2008, Merton 1973, Философия науки 2004]. Согласно данным нормам основу поведения ученого должно составлять:

- 1) стремление как можно быстрее делиться научными результатами с коллегами, сочетающееся с неторопливостью в публикациях;
- 2) восприимчивость к новым идеям, но устойчивость к интеллектуальной «моде»;
- 3) тяга к получению знания, которое будет высоко оценено коллегами в сочетании с независимостью от оценок других;
- 4) стремление защищать новые идеи, но не поддерживать опрометчивые заключения;
- 5) стремление знать работы, относящиеся к его области, но помнить, что эрудиция может тормозить творчество;
- 6) тщательность в формулировках и деталях, которая не должна переходить в педантизм;
- 7) ученый должен помнить, что знание универсально, но открытие нового знания делает честь нации;

8) он должен воспитывать следующее поколение ученых, но преподавание не должно отнимать у него слишком много времени и внимания [Философия науки 2004: 327].

Как можно заметить, вышеперечисленные основы предполагают, что в научном дискурсе его участники следуют особым нормам общения, подобным тем правилам, которые разработаны в лингвопрагматике. В данном случае речь идет, прежде всего, о принципе кооперации Г. Грайса (делиться полученными результатами, знать работы своих коллег, поддерживать и защищать новое в науке), максимах вежливости Дж. Лича и универсалиях вежливости П. Браун и С. Левинсона (тщательность формулировок, устойчивость, внимание и помощь молодым ученым и т.д.).

Правила поведения в научном общении имеют непосредственное отношение к главной цели научного дискурса – поиску истины, процессу вывода нового знания, представление которого обусловлено коммуникативными канонами научного общения, прежде всего – логичностью изложения, доказательством истинности и ложности выдвинутых положений, предельной абстрактизацией предмета речи [Аликаев 1999, Карасик 2004].

Истина, как подчеркивает В.И. Карасик, является ключевым концептом научного дискурса, оценочный потенциал которого сводится к тому, что истина неочевидна и требует раскрытия, путь к ней сложен, а на этом пути возможны ошибки и заблуждения [Карасик 2004]. Осмысление истины в данном виде коммуникативного взаимодействия происходит в диаде «правда – истина», т.е. такие концепты как *правда*, *ложь*, *заблуждение*, *фантазия*, *вранье* выступают для концепта *истина* системным контекстом [Гак 1995, Логический анализ языка 1995].

Процессом доказательства истины и заблуждения обусловлены основные жанры научного дискурса – научное выступление, доклад, статья, монография, диссертация и т.д.

Главным конституитивным признаком научного дискурса исследователи считают наличие в нем элемента полемики [Михайлова 1997, Аликаев 1999]. Другими словами, выводы об истинности/ложности полученного знания возможно сделать только в ходе дискуссии, которая «представляет собой одну из важнейших составляющих института науки» [Кирилина, Маслова 2007: 259].

Еще одним системообразующим признаком научного дискурса является его интертекстуальность, опора на прецедентные тексты и их концепты. Интертекстуальные связи, представленные в виде цитат и ссылок из работ классиков науки, известных монографий и статей, фраз и т.д., выполняют в тексте научного сообщения одновременно несколько функций: референционную, оценочную, этикетную и декоративную [Михайлова 1999, Карасик 2004, Аликаев 1999, Слышкин 2000].

Язык научного дискурса отличается некоторая сложность, недоступность для посторонних, которая в данном случае обусловлена стремлением участников общения максимально точно раскрыть обсуждаемую проблему. Как и в других видах институционального общения, в научной коммуникации существуют свои обороты речи – дискурсивные формулы, употребление которых является маркером принадлежности говорящего к научному сообществу.

Если кратко суммировать все, сказанное выше, то следует подчеркнуть, что научный дискурс отличается от других видов институционального общения направ-

ленностью на поиск решения определенной проблемы и представляет собой обмен мнениями между равными участниками – членами весьма закрытого сообщества. Для данного сообщества характерен свой особый язык и определенный свод норм и правил поведения, в основе которого лежат принципы, сходные с постулатами общения, разработанными в лингвопрагматике. Наиболее важными, как представляется, в научном общении являются постулаты качества и способа, следование которым обеспечивает как коммуникативную деятельность в целом, так и процесс вывода нового знания.

Обратимся теперь к дипломатической коммуникации и попытаемся выявить ее основные характеристики, следуя предложенной В.И. Карасиком схеме [Карасик 2004]. В данном случае мы преследуем две задачи:

1) описать компонентную структуру той части дипломатического дискурса, которую можно определить как коммуникативную деятельность, направленную на регуляцию международных отношений, т.е. науку о переговорах;

2) выделить сходства и различия между данным компонентом дипломатического дискурса и научным общением.

Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что основу дипломатического дискурса составляют *переговоры*, под которыми в общем смысле понимается «обмен мнениями с какой-то деловой целью» [ОШ: 405]. Таким образом, по общей форме достижения цели научный аспект дипломатического дискурса полностью совпадает с научным общением.

В самой дипломатии переговоры определяются как особый вид взаимодействия, характеризующийся рядом специфических черт [Попов 2003, Сатоу 1961, Камбон 1945, Ковалев 1988, Никольсон 1941, Фишер, Юрии 1990].

Как отмечает М.М. Лебедева [Лебедева 1999: 184–188], к важнейшим особенностям переговоров относятся:

1. Наличие у участников переговоров как единых интересов, так и их одновременного конфликта. Степень расхождения либо совпадения интересов определяет тип взаимодействия – сотрудничество (при полном совпадении интересов), переговоры (при частичном их совпадении) и конфликт (при полном расхождении). Цель переговоров – изменение оценки соотношения интересов и достижение договоренностей по рассматриваемой проблеме.

2. Взаимозависимость участников переговоров, которая может быть усилена за счет предварительных соглашений.

3. Неоднородность процесса переговоров, его стадийность. Стадии переговорного процесса включают в себя: а) подготовку к переговорам; б) процесс ведения переговоров и достижение договоренностей; в) анализ результатов. Другими словами, переговоры начинаются с поиска проблемы, возможной для решения, затем переходят в стадию выработки программы действия и завершаются подписанием договоренностей и их выполнением.

4. Неотъемлемой частью переговорного процесса является наличие общения сторон, предполагающее обсуждение проблемы. **Переговоры** – это обязательно **коммуникация**, требующая **специальной организации**, что помогает формированию у участников более адекватного восприятия как предмета конфликта, так и друг друга (выделено нами. – Л.Т.).

5. Переговоры – это не просто коммуникация, но коммуникация, направлен-

ная на совместное решение существующей проблемы и подразумевающая (хотя бы отчасти) соглашение участников данного процесса.

Как можно заметить, и отдельные стадии переговоров в целом соответствуют принципам ведения дискуссии в научной коммуникации.

Для дальнейшего выявления сходств и различий между научным дискурсом и его аналогом, являющимся составной частью дипломатического дискурса, охарактеризуем более подробно следующие компоненты последнего: участников, хронотоп, цели, ценности, разновидности и жанры, стратегии, прецедентные тексты и дискурсивные формулы.

Итак, участниками дипломатического дискурса данного типа являются представители дипломатического корпуса, профессионалы. Отметим, что, несмотря на существующие статусные различия внутри дипломатического сообщества, характерной особенностью переговорного процесса является принципиальное равенство всех его участников. Нейтрализация статусных признаков внутри общения сочетается с установлением жестких барьеров для посторонних. Клиент (в данном случае – широкая публика), в отличие от других видов институционального дискурса (кроме научного дискурса), явно не выявляется, его присутствие ощущается только на периферии. Хронотоп – обстановка, типичная для дипломатических переговоров, – это зал заседаний на стадии ведения переговоров, и кабинет – на стадии их подготовки либо анализа результатов.

Цель данного аспекта дипломатического дискурса – достижение соглашения в процессе обсуждения имеющейся проблемы. Соглашение должно быть представлено в письменной форме [Лебедева 1999], соответствующей канонам дипломатического общения.

Стратегии дипломатического дискурса в этой его разновидности определяются его целями: 1) выделить проблему, требующую решения; 2) выработать совместное переговорное решение; 3) выяснить точку зрения противоположной стороны, дать информацию о своих интересах, подходах к решению, опасениях; 4) установить постоянные каналы коммуникации, обменяться точками зрения, сформулировать и обсудить подходы к решению проблемы; 5) проконтролировать и скоординировать действия участников переговоров; 6) активно воздействовать на общественное мнение, изложив свои взгляды и прояснив свою позицию. Другими словами, все эти стратегии группируются по стадиям переговорного процесса в следующие классы: подготовка, выполнение, экспертиза и внедрение.

Выделяемые стратегии дипломатических переговоров реализуются как в наиболее традиционных устных – речь, заявление, выступление, так и в письменных жанрах – нота, меморандум, заявление.

Несмотря на то, что тональность выступлений в разных жанрах может изменяться в зависимости от обстоятельств, существенным признаком всей жанровой системы дипломатического дискурса является тщательная подготовка, которая осуществляется, прежде всего, в процессе бесед, являющихся основой всех традиционных жанров дипломатической коммуникации. Именно в силу центрального положения данного жанра в научном аспекте дипломатического дискурса мы считаем необходимым остановиться на беседе более подробно.

Согласно словарю С.И. Ожегова беседа представляет собой «разговор, обмен мнениями» [ОШ 1988: 39]. По В. Далю беседа – это «взаимный разговор, общи-

тельная речь между людьми, словесное им сообщение, размен чувств и мыслей на словах» [Даль 1955: 85]. Как отмечает В.И. Попов, сама суть дипломатии сводится к беседам, каждая из которых «требует от дипломата высокого профессионализма, тщательной подготовки» [Попов 2003: 311].

Беседы могут преследовать различные цели и быть разными по содержанию. Однако главным признаком, положенным Венской дипломатической конференцией в основу регулировки всей сферы дипломатических бесед, является признак формальности. В этом случае выделяются: а) беседы по официальному поручению руководства представляемой дипломатом страны или министерства и беседы по официальному приглашению руководства страны пребывания; б) беседы по инициативе дипломата, которые могут проходить как в ходе официального мероприятия, так и вне заседаний; в) беседы случайные и непредвиденные [там же: 314].

Вне зависимости от того, какой тип беседы планируется провести – формальный или неформальный, – каждая из них скрупулезно продумывается. Другими словами, проведение беседы подчинено определенным правилам и законам.

Стадии подготовки включают в себя ознакомление с характеристикой собеседника, заблаговременное распределение ролей, определение цели беседы (получение информации, ее просеивание и сравнение, убеждение партнера, объяснение ситуации или возникшей проблемы, информирование партнеров о чем-либо и т.д.). При подготовке «сценария» дипломатической беседы учитывается и планируется даже короткий перерыв перед деловой частью разговора, тщательно рассчитывается все время беседы.

Разумеется, огромное значение уделяется планированию и подготовке собственно речи, всех ее разделов; выработке аргументов в пользу своей точки зрения, выбору приемов и основных языковых средств, которые должны привести к намеченной цели.

Весь процесс планирования имеет строго научный характер и строится на основных понятиях теории аргументации и тактике убеждения, т.е. определенных тактических приемах приведения доказательств правильности высказываемых положений.

Следующей особенностью этого типа дипломатического дискурса является достаточно высокая степень его интертекстуальности. В беседе интертекстуальные связи представлены в виде цитат и ссылок на выдающихся лидеров, на положительный опыт других стран при решении аналогичных проблем, на исторические факты и т.д. [Попов 2003, Ковалев 1988, Громыко 1988].

Всех представителей дипломатии объединяет своеобразные обороты речи, т.е. особые дискурсивные формулы, принятые в общении. «Особое внимание, – замечает В.И Попов, – уделяется форме, прежде всего, обращению, заключительному комплименту, правильному написанию фамилии адресата и его титулованию» [Попов 2003: 417]. Эти формулы меняются в зависимости от адресата послания, его содержания, жанра (вербальная либо личная нота, частное письмо полуофициального характера, памятная записка, меморандум, заявление, устная беседа), но в каждом отдельном случае правилами регламентируется весь вид документа или формы, которые обязательны к употреблению в беседе того или иного типа. Дискурсивные формулы конкретизируются в клише, например, в личной ноте послу – *прошу Вас, господин Министр (Посол) принять уверения в моем весьма высоком уважении.*

Посланнику – в моем высоком уважении [Советская дипломатическая ...: 94–95].

Особое место в системе ценностей дипломатического дискурса, а еще точнее, его непубличного компонента, занимает проблема истинности/ложности.

Как подчеркивает В.И. Попов: «Любые дипломатические отношения, и прежде всего обмен мнениями, беседы, основываются на том, что вы сообщаете партнеру какую-то информацию, причем информацию *достоверную*, вы говорите ему правду и, в свою очередь, верите собеседнику, считая, что на его информацию можно положиться» [Попов 2003: 314] [курсив автора – Л.Т.]. В принципе, правдивость считается первой добродетелью дипломата, причем правдивость в данном случае – это стремление не скрывать истину. «Хороший дипломат должен стараться не оставлять неправильного впечатления у тех, с кем он ведет переговоры, и, если последующие сведения противоречат тем, которые он сообщил, он немедленно должен исправить возникшее недоразумение. Несмотря на временную выгоду, которую он может получить, если не исправит его. Даже при очень низком уровне переговоров исправление неправильной информации увеличивает доверие как в настоящем, так и в будущем» [Никольсон 1941: 70].

В целом современная профессиональная дипломатия – это дипломатия, которая строится (по крайней мере, стремится к этому) на доверии. «Успешная дипломатия должна в конечном счете зависеть от признания за представителями правительств определенных общих стандартных подходов и поведения (в том числе возможности положиться на дипломата, на его слово» [Hamilton, Langhorne, 1995: 181].

Другими словами, доверие к информанту обусловлено теми требованиями и нормами, которых придерживаются профессиональные (в отличие от дипломатов-политиков) дипломаты. Помимо доверия, оборотной стороной которого является требование сообщать правдивую информацию, этика дипломата требует от него исключительной терпеливости. Как замечает Г. Никольсон, дипломат: «должен быть в хорошем настроении или по крайней мере подавлять свое плохое настроение» [Никольсон 1941: 213]. «Если вы спорите, раздражаетесь и возражаете, вы иногда одержите победу, но победа эта будет бессмысленной» (Б. Франклин. цит. по: [Карнеги 1989: 138]), а поэтому беседа всегда должна иметь форму диалога, дискуссии, но никогда не превращаться в спор. В дипломатическом общении действуют правила ответственности за свои слова, избегания «пустых разговоров», тактичности в отношении собеседника, уклонения от спора, которое принимает вид позитивного изложения своих взглядов и т.д.

В целом дипломатическая коммуникация полностью руководствуется принципом кооперации Г.П. Грайса [Grice 1978] и следует как разработанным им постулатам, так и максимам вежливости Дж. Лича [Leech 1980, 1983] и принципам рациональности и блага Р. Лакоффа [Lakoff 1975, 1990]. И в этом смысле дипломатический дискурс (при условии, что его участники строго следуют всем правилам, предписываемым этическими нормами) наиболее близок к идеальной модели общения.

С другой стороны, доверие к собеседнику не исключает критичного отношения, а, следовательно, и тщательного анализа информации. Результаты анализа, целью которого является представление истинного положения вещей, отражены в таких жанрах дипломатического дискурса как информационно-справочные мате-

риалы, справки, политические характеристики, ответы на запросы МИД и т. д. И в данном случае для выявления истины и ее доказательства, как и в научном дискурсе, в дипломатической коммуникации используются законы, детально разработанные в логике.

Таким образом, анализ показывает, что по своим основным характеристикам непубличный аспект дипломатического дискурса, совпадает с научным общением. Для обоих видов коммуникации характерно равенство его участников, высокий уровень закрытости сообщества, их объединяет сходство стратегий и определенная степень совпадения жанров: выступление на конференции, доклад, отчет, заключение, аналитический обзор, политический портрет и т.д. Дипломат, как и ученый, может выступать в нескольких ролях, т.е. обнаруживать различные статусно-ролевые характеристики. Тематика этих видов дискурса может охватывать очень широкий круг проблем, они характеризуются высокой степенью интертекстуальности, своеобразными, свойственными только данным видам общения, формулами речи. И научный, и непубличный дипломатический дискурсы стремятся к максимальной точности, одним из ключевых концептов для этих видов дискурсивных практик является *истина*.

Как нам представляется, основное отличие научного аспекта дипломатического дискурса от собственно научной коммуникации лежит в области общих для этих видов дискурсивных практик ключевых концептов *истина, знание, исследование*, и в оппозитивных концептах *правда, заблуждение, ложь, фантазия, вранье*, выступающих для *истины* системным контекстом (о лингвистических исследованиях данных концептов см.: [Гак 1995, Арутюнова 1998, Степанов 1997]).

Если суммировать выделенные различными исследователями особенности *истины* и *правды*, то главное различие между данными концептами заключается в следующем.

Истина – это то представление о мире, которое соответствует действительности, она неочевидна и устанавливается в ходе анализа всех имеющихся в распоряжении человека данных. Всеобъемлющее представление о мире соответствует *абсолютной истине*, доступной только Богу, что касается человека, то ему известны только *частные истины*, являющиеся результатом частных правильных представлений.

Правда – это не сама истина, а характеристика какого-либо высказывания о мире, либо сведений, которые известны, но могут быть скрыты от других людей или, наоборот, сообщены им. Типичным употреблением слова *правда* является оценка чьих-либо высказываний либо оборот, в состав которого включено данное слово: *это правда, говорить правду, узнать правду (у кого-то); у каждого своя правда*. Последний оборот интересен тем, что он подразумевает, что люди знают только часть вещей о мире, причем этот набор знаний может варьироваться от человека к человеку, соответственно, варьируются и представления о мире в целом либо об отдельном событии, в частности.

Следовательно, *истина* ориентирована на соответствие высшей подлинной реальности, тому, что должно быть, и что совпадает с действительным положением вещей. Говоря о *правде*, человек говорит о реально переживаемой им действительности, т.е. данное понятие принадлежит его миру и предполагает соответствие моральным нормам общества.

Если говорить об *истине* и *правде* и их месте в структуре научного дискурса и непубличного (научного) аспекта дипломатического дискурса, то необходимо отметить следующее.

Научный дискурс полностью ориентирован выведение истинного знания, на познание *истины*, которая не принадлежит конкретному человеку и относится к «горнему» миру, к Богу. В этом случае источник истины не имеет значения, а актуальной для этого вида коммуникации задачей является «доказательство отклонения от истины, т.е. доказательство заблуждения» [Карасик 2004: 278].

Для дипломатического дискурса равно необходимым признается и вывод *истины*, и выявление *правды*, которая непосредственно связана с жизнью, «приземлена» и относится к миру «дольного» (поэтому правда узнается у кого-то, т.е. существует некий источник). Данное положение объясняется тем, что:

1) без правдивой и точной информации невозможно представление истинного положения вещей в таких жанрах научного аспекта дипломатического дискурса как аналитический отчет, аналитический обзор, политическая характеристика и т.д.;

2) проведение переговоров, направленных на согласование точек зрения, т.е. согласование различных наборов знаний с целью достижения договоренностей, так же требует первоначального выявления достоверных сведений.

Таким образом, концепт *правда* оказывается не менее важным для научного аспекта дипломатического дискурса, чем концепт *истина*.

Как указывалось ранее, доказательство истины основано на способах, разработанных в логике, следовательно, процесс вывода истины требует от говорящего владения этими способами, т.е. особой формы дискурсивного мышления, которая отражается в стратегиях речевого поведения. Поиск достоверной информации (правды), как и умение согласовывать различные, иногда противоположные, точки зрения в ходе бесед и переговоров так же в определенной степени зависят от формы мышления. Однако в этом случае успех определяется не только формой мыслительной деятельности, но и рядом других психологических характеристик личности.

Это обстоятельство делает необходимым при исследовании дипломатического дискурса обратиться к понятию языковой личности в целом, и особенностях языковой личности дипломата, в частности.

Литература

Аликаев Р.С. Язык науки в парадигме современной лингвистики. – Нальчик: Эль-Фа, 1999.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1998.

Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Языки русской культуры, 1995.

Громько А.А. Памятное. Книга 1 м 2. – М.: Политиздат, 1988.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. - с. 85

История дипломатии. Т. 1. – М.: Госполитиздат, 1959.

Камбон Ж. Дипломат. – М.: ОГИП, 1945. –84 с.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.

Карнеги Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. – М.: Прогресс, 1989 – 352 с.

Кирилина А.В., Маслова Л.Н. Некоторые особенности устной научной дискуссии // Языковое сознание: парадигмы исследования. Сб. ст./ Под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. М. Калуга: ИП Кошелев А.Б. (Издательство «Эйдос»), 2007. – С. 255–277.

Ковалев А.Н. Азбука дипломатии. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Междунар. отношения, 1988. – 288 с.

Кун Т. Структура научных революций. – М.: АСТ Москва, 2008. – 310 с.

Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов: Учеб. Пособие. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 271 с.

Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рябцева. – М.: Наука, 1995. – 201 с.

Михайлова Е.В. Интертекстуальность в научном дискурсе (на материале статей): Автореф. дис. канд. филол. наук. – Волгоград, 1999. – 22 с.

Михайлова Е.В. Конституитивные признаки научного дискурса // Языковая личность: проблемы обозначения и понимания: Тез. докл. науч. конф. Волгоград, 5–7 февраля 1997. – Волгоград: Перемена, 1997. – С. 95–96.

Никольсон Г. Дипломатия. – М.: ОГИЗ, Государственное издательство политической литературы, 1941. – 156 с.

ОШ: Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1988. – 750 с.

Попов В.И. Современная дипломатия: теория и практика. Дипломатия – наука и искусство: Курс лекций. 2-е изд., доп. – М.: Междунар. отношения, 2003. – 576 с.

Сатоу Э. Руководство по дипломатической практике. – М.: Института международных отношений, 1961. – 496 с.

Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 128 с.

Советская дипломатическая и консульская служба / Под ред. И.Н. Земскова, Н.М. Пегова, В.И. Попова. – М., 1979.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.

Философия науки: Уч. для вузов / Под ред. С.А. Лебедева. – М.: Академический проспект, 2004. – 736 с.

Фишер Р., Юриш У. Пусть к согласию или переговоры без поражения. – М.: Владос, 1990. – 158 с.

Фрумкина Р.М. Лингвистика и критика социальных наук // Известия РАН. Сер. Литературы и языка. 2006. Т. 65. №1. С. 3–11.

Galtung J. Structure, culture and intellectual style. An essay comparing saxonic, teutonic, gallic, and nipponic approaches // Social Science Information, 1981, 20. P. 817–856.

Grice H.P. Logic and conversation // Syntax and Semantics. Vol. 9: Pragmatics. – New York, 1978. P. 113–127.

Hamilton K., Langhorne R. The Practice of Diplomacy. Its Evolution, Theory and Administration. – London N.Y., 1995. 181 p.

Lakoff R.T. Language and Woman's Place. – New York, 1975, - 328 p.

Lakoff R.T. Talking Power: The Politics of Language. – New York, 1990.

Leech G.N. Explorations in Semantics and Pragmatics. – Amsterdam, 1980. – 215 p.

Leech G.N. Principles of Pragmatics. – London, 1983. – 257 p.

Merton R.K. The Sociology of Science. – Chicago-London, 1973. – 605 p.

Харченко Е.В., Нин Хуай Ин

УДК УДК 81'23

ИНСТРУКТИВНЫЕ ТЕКСТЫ КАК ПОПЫТКА ПРЕОДОЛЕТЬ «ПАТОЛОГИЧНОСТЬ» МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ

В данной статье анализируются инструктивные тексты, представленные в сети Интернет и касающиеся взаимодействия между китайскими и русскими бизнесменами. Предлагается перечень наиболее частотных тем, приводятся примеры высказываний, характеризующих восприятие носителей иной культуры.

Ключевые слова: психолингвистика, межкультурное общение, языковое сознание, инструктивные тексты.

E.V. Kharchenko, Nin Huai Ying

INSTRUCTIONAL TEXTS AS AN ATTEMPT TO OVERCOME THE «PATHOLOGICAL» INTERCULTURAL COMMUNICATION

This article analyzes instructional texts on the Internet and concerning the interaction between Chinese and Russian businessmen. A list of the most frequent topics are examples of statements that characterize the perception of the representatives of another culture.

Keywords: psycholinguistics, intercultural communication, linguistic consciousness, instructional texts.

Евгений Федорович Тарасов в своих работах не раз обращался к феномену межкультурного общения, напрямую связывая его с темой языкового сознания и утверждая, что межкультурное общение – это случай функционирования сознания в аномальных («патологических») условиях, когда отсутствует оптимальная общность сознаний коммуникантов [<http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book1998/index.htm>]. Ученый считает, что «для достижения взаимопонимания необходимо, чтобы коммуниканты обладали 1) общностью знаний об используемом языке (и общностью навыков речевого общения), а также 2) общностью знаний о мире в форме образов сознаний» [<http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book1998/index.htm>]. Главная причина непонимания при межкультурном общении не различие языков, а различие национальных сознаний коммуникантов, поскольку «любой диалог культур реально протекает только в сознании носителя конкретной культуры, которому удалось постигнуть образы сознания носителей другой (чужой) культуры в ходе рефлексии над различиями квази-идентичных образов своей и чужой культур» [<http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book1996/index.htm>].

Продолжая это направление работ Евгения Федоровича, мы решили рассмотреть китайско-русское межкультурное общение. Актуальность данного исследования обусловлена расширением бизнес-контактов между представителями России и Китая на разных уровнях: от больших организаций до индивидуальных предпринимателей и просто обывателей (например, при обращении в интернет-магазины), и потребностью во всестороннем изучении практики межкультурных контактов. Мы считаем, что именно знания в области межкультурной коммуникации или их отсутствие могут определять качество и результат взаимодействия. В своей работе мы придерживаемся под-

хода, предложенного Московской психолингвистической школой (А.А. Леонтьев, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева и др.).

Сегодня представители разных научных направлений (психологии, этнографии, истории, политологи, социологии и др.) подчеркивают важность сложившихся у коммуникантов знаний и представлений о взаимодействии, образах собеседников, правилах поведения (вербального и невербального). Источниками этих знаний и представлений являются личный опыт, размышления и рассуждения, беседы и обращение к письменным источникам. В данной статье мы рассмотрим инструктивные тексты, представленные в сети Интернет, так как они содержат личный опыт собеседников, их размышления и рассуждения, представленные в письменной форме, что облегчает задачу исследователя. В этом случае мы также избегаем сознательной корректировки поведения в соответствии с ожиданиями социума (что иногда бывает при опросах), так как автор сообщения в Интернете не задумывается о том, что его тексты могут подвергаться анализу, для него стоит задача – изложить свою точку зрения, передать личный опыт, посоветовать, проинструктировать.

Обращение к инструктивным текстам не случайно, так как они влияют на действия, позволяя заимствовать чужой опыт и знания для построения своей модели образа мира. Е.Ф. Тарасов также в одной из своих статей писал о том, что «первоначальный диалог культур происходит в сознании бикультурного билингва, который, владея образами сознания своей и чужой культур, рефлексивен над различием этих образов и описывает это различие в текстах, которые затем осмысляются, интерпретируются, комментируются, тиражируются и т.п.» [<http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book1996/index.htm>]. Далее он говорит, что «можно составить себе представление о содержании образа сознания, функционирующего в конкретной национальной культуре, если прочитать тексты, в которых описывается этот образ. При этом нужно иметь в виду, что чтение этих текстов приведет в лучшем случае к формированию у читателя только представления об образе сознания чужой культуры, т.е. то, что я знаю о чужой культуре — это только мои знания о чужих знаниях, чужие знания описаны мной для меня при помощи моих же знаний. Другой человек, который захочет воспользоваться моими знаниями о чужой культуре (а это стандартный способ постижения чужой культуры, когда знания специалиста по конкретной национальной культуре в форме текстов, написанных им, служат источником знаний), должен составить себе представление о моих знаниях» [<http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book1996/index.htm>]. При этом ученый предупреждает о существующих проблемах, формулируя это следующим образом: «Искажение образов сознания в их овнешнениях – это, пожалуй, наиболее существенная трудность описания сознания, но не единственная, другая трудность – описание неосознаваемых или неполностью осознаваемых слоев сознания» [<http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book1996/index.htm>].

Инструктивные тексты содержат руководство к действию, они могут включать объяснения и / или варианты, последовательность действий, часто имеют раздел с предупреждением (например, побочные явления, негативное влияние и под.). Эти тексты могут составляться специалистами в какой-либо области на основе научных знаний, теорий, исследований, а также неспециалистами, имеющими практический опыт. Если первый вид текстов (инструкции к медицинским препаратам, бытовым приборам, кулинарные рецепты) имеет свою давнюю историю и уже яв-

лялся объектом изучения лингвистов (работы Ю.А. Власовой, Л.Н. Носовой и др.), то второй тип долгое время существовал в устной форме, не фиксировался и не изучался. Современные технологии позволили обмениваться личным опытом людям, которые никогда не могли бы встретиться в реальном пространстве, а ученым представилась уникальная возможность доступа к речевому материалу.

Рассмотрим некоторые подходы к определению инструкции. Согласно словарям, «инструкция – правила, руководство, наставление, наказ» [Даль 1956: 46], «(от лат. *instructio* ‘наставление’) – указание, свод правил, устанавливающий порядок и способ осуществления, выполнения чего-либо; вообще указание, наставление» [Современный словарь иностранных слов 1992: 239]. Л.Н. Носова в диссертационном исследовании анализирует инструкцию как дискурсивный жанр, представляющий в сжатом виде систематизированную и определенным образом управляющую информацию. Рассматривая фармакологический дискурс и инструкцию как его конкретный жанр, она предлагает понимать под инструкцией социально-коммуникативное явление, суть которого – взаимодействие авторов инструкций (которые являются представителями института здравоохранения, в частности – фармации) и потребителями лекарственной продукции, погруженными в сферу опосредованного общения [Носова 2013]. Для нас важно то, что инструкция – это опосредованное взаимодействие двух и более коммуникантов с целью передачи образов, норм, правил, стратегий, знаний своей культуры тем, кто этой культурой не владеет. В этом случае мы рассматриваем межкультурное общение в широком толковании: как процесс взаимодействия носителей не только национальных, но и гендерных, возрастных, корпоративных и других культур и субкультур. Следует уточнить, что культура всегда системна и все правила, нормы, ритуалы представляют лишь верхушку айсберга. Именно поэтому мы говорим не только об инструкциях, но и об инструктивных текстах, используя их в работе как синонимы, однако, на наш взгляд, инструкции в большей степени относятся к официально-деловому стилю, отличаются краткостью и точностью. Инструктивные тексты ближе к публицистике, часто содержат описание личного опыта, оценки происходящего. Однако, как мы уже упоминали, у них общая цель – ввести профана (обывателя) в мир иной культуры.

Для анализа мы выбрали инструктивные тексты носителей русской и китайской культур, которые давали советы, как взаимодействовать с носителями иной культуры в процессе бизнес-коммуникации, при этом часто прибегали к сопоставлению двух культур. Мы считаем это очень важным, поскольку «новые знания при постижении чужой культуры формируются познающим только тогда, когда он побуждается к этому необходимостью искать различия между образами своей и чужой культур и выяснять суть этих различий, а это происходит в случае, когда познаваемый образ воспринимается как чужой, еще сохраняющий нечто непознанное. При таком способе познания чужой культуры нужно помнить, что новые знания о ней формируются (конструируются) из старых знаний субъекта анализа» [<http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book1996/index.htm> (дата обращения: 12.02.2015)]. Следует сказать, что похожие мысли высказывают и сами авторы инструктивных текстов: «*Внимание! Не ожидайте от китайской стороны знание российских реалий и того, что подаваемые Вами знаки «Я старший», «Я умный», «Я авторитетный», «Я свой» (которые бы таким образом воспринимались в российском обществе), будут так же восприниматься вашим китайским партнером. Предпринимателю из Китая нужны знаки родные для китайского сознания*» [<http://www.chinazone.ru>].

Прежде чем перейти к тематическому анализу, хотелось бы сказать о том, что многие интернет-пользователи не просто дают советы, а прибегают для обоснования своей точки зрения к анализу китайской культуры, истории и философии. Часто подчеркивается то, что человек рассказывает о своем опыте («Я встречал и такое»; «Вот хочу поделиться своим опытом здесь на форуме»), используется разговорный стиль и просторечная лексика для объединения с читающим (*За столом тоже есть чисто китайские фишки*). Можно встретить и высказывания о значимости коммуникативной компетентности. Так, на одном из сайтов мы нашли следующее утверждение: «Один правильный востоковед сделает для Вашего бизнеса столько, сколько не сможет сделать целый штат экономистов» [<http://www.chinazone.ru>].

Сами советы могут быть сформулированы кратко, в виде правил:

Сценария в рамках короткой статьи не дадим, но посоветуем придерживаться минимально необходимого - правила 5 «НЕТ»: 1. Не будьте излишне эмоциональными. 2. Не шутите, если у Вас есть хотя бы малейшее сомнение в квалификации Вашего переводчика. 3. Не заискивайте. 4. Не рассчитывайте на обязательность Вашего китайского партнера. 5. Не пренебрегайте личной стороной общения с Вашими партнерами из Китая [<http://www.chinazone.ru>]. Есть подобные советы и китайским бизнесменам:

1.不要被他们傲视一切的大国心态吓倒 (Не пугайтесь их гордости).

2.与他们打交道时要有海量,能喝善饮 (Ты должен уметь выпить).

3.俄罗斯人喜欢外形高大的产品 (Русские любят товар большого размера).

4.初次会见新的客户前,最好先直接写信给自己要联系的对象,约定一个时间 (До первой встречи с русским клиентом советуем себе записать, с кем связаться, потом договориться о времени встречи.lkk) [http://wenku.baidu.com/link?url=ZpHpkTVI-KTKSTzkiLyj_WaFgWXJeS-r7hqs7i6Z8sA8UdjZRwMUCfOrTR920ubcfA0m5MuVCsxZQ6MTRyCcK02Mp45xfQ1OB9sJ_907787].

Тревожит частое упоминание темы выпивки как с одной, так и с другой стороны.总体上,俄罗斯人喜欢饮酒。他们特别喜欢喝伏特加,因为俄罗斯的天气比较寒冷,所以他们会喝酒取暖。俄罗斯喝酒的一个特点是满口干杯,如果他认定你是他的好朋友,好伙伴,他们会一口干杯,而且他们喝酒一般和果汁或者其他饮料混合着喝。

(В общем, русские любят выпить, особенно любят водку, потому что в России климат суровый, они греются водкой. Русские любят сразу выпить до дна. Если считают тебя другом и хорошим партнером, то они выпивают сразу до дна, обычно запивают соком или другими напитками) [http://wenku.baidu.com/link?url=ZpHpkTVI-KTKSTzkiLyj_WaFgWXJeS-r7hqs7i6Z8sA8UdjZRwMUCfOrTR920ubcfA0m5MuVCsxZQ6MTRyCcK02Mp45xfQ1OB9sJ_907787].

На русскоязычных сайтах также эта тема часто присутствует:

Главный китайский тост 干杯! «gān bēi» (что дословно означает «осушить бокал») часто просто служит призывом к совместному выпиванию. Хотя дословно это, по сути «пей до дна», выпивать все не обязательно. Поэтому смотрите на то, сколько пьет тостующий. И если он не выпивает до дна, то и вы не обязаны [<http://sinocom.ru/showthread.php?t=108>].

«На счет пития еще добавлю: китайцы обычно пьют мало и очень осто-

рожно, особенно в южных провинциях (где собственно и сосредоточен весь бизнес и торговля). Но за столом распространены застольные алкогольные игры. Это игра в кости типа «верю-не верю», угадывание суммы выкинутых пальцев или каменья-ножницы-бумага. причем тут, как ни странно это звучит для нас, выпивает именно проигравший. У китайцев, как я уже упоминал, сложно с алкоголем. Говорят не хватает какого-то фермента для его расщепления, или что-то в этом роде. Некоторые ушлые клиенты даже используют это. Так, например, одна польская фирма добивалась выгодных условий именно за столом, перебивая своего поставщика. Когда китаец уже был на все готов, только чтобы остановиться. Поэтому обычно они пьют немного, берегут здоровье и боятся напиться, чтоб не потерять лицо (丢脸 - diūliǎn). Доходит до того, что за столом бывает, есть специальный человек, своего рода профессионал, который сидит возле директора, тостует и выпивает за него. Я встречал и такое» [<http://sinocom.ru/showthread.php?t=108>].

При описании деловых взаимоотношений особенно бросается в глаза частота высказываний, в которых говорится о затягивании времени работы, неумении держать обязательства:

Ленивые,拖拉. Этот характер в大部分俄罗斯人身上体现。三年来, 我一直被他们的这个特点所折磨, 一个订单可以拖个大半年才出货, 特别是拼箱的时候, 每个供应商都那个催啊, 生气啊, 但还是没办法。中国人做事多干净利落啊, 什么事情在什么期限做好, 甚至每天的每个时间段都要安排工作

(1. Ленивые, волокитчики. Такой характер у большинства русских. В течение трех лет меня именно мучит их такая черта характера. С поставкой за одну сделку могут протянуть на полгода. Поставщики постоянно торопят, сердятся, но бесполезно. Китайцы все делают быстро, все выполняют вовремя по сроку, даже все время на каждый день запланировано) [http://blog.sina.com.cn/s/blog_6cbcdad8010195jf.html].

2. 善变, 工作无计划。善变, 除了拖拉之后又一个比较让人崩溃的特点。每一个订单在确定了之后都要改, 重复着做着无效率的事 似乎这与俄罗斯人的思维方式有关, 他们也会思考, 但他们通常只愿意思考到某一个点, 没有全盘的思维。他们善变另外一个原因是某些事物没有自己的判断力

(Хамелеоны, у них нет плана на работу. Вторая мучительная черта характера у русских - характер-хамелеон. Исправляют каждый уже подтвержденный контракт, поэтому бесконечно повторяется бесполезное дело. Это, наверное, связано с их мышлением. Они тоже думают, но обычно думают только над какой-то точкой, а не об общем плане. Другая причина этого в том, что они быстро изменяют решения, у них нет своего мнения по некоторым вопросам) [http://blog.sina.com.cn/s/blog_6cbcdad8010195jf.html].

Однако можно найти и полностью противоположное мнение, например, в приводимом ниже тексте мы видим описание строгости при совместной работе:

俄罗斯人性格外向, 活泼, 热情, 随和, 喜欢在吃饭的时候说祝酒词和敬酒之类的, 他们每喝一次酒, 都要说上几句。不过在谈生意的过程中, 他们对待工作就不那么随和了, 他们喜欢把所有的工作进度提前安排, 并且你必须按照他们的进度按期交货, 否则他们会告你违约。工作上他们不允许出差错, 如果你一再的犯错, 他们的脾气会很暴躁, 而且会一直指责你, 直到你把工作做到达到他们的要求。

(Характер русских открытый, веселый, покладистый, любят за столом предлагать тосты. Но на переговорах они не покладистые. Любят заранее запланировать все работы, и ты должен поставлять товар по запланированному графику поставок,

а то они будут судиться с тобой. Не допускают ошибки в работе, если сделаешь ошибку, то сразу сердятся, и тебя будут постоянно упрекать, пока не сделаешь так, как они требуют)

[http://wenku.baidu.com/link?url=ZpHpkTVI-KTKSTzkiLyj_WaFgWXJeS-r7hqs7i6Z8sA8UdjZRwMUCfOrTR920ubcfA0m5MuVCsxZQ6MTRyCcK02Mp45xfQ1OB9sJ_907787].

3. клиент粘度高, 合作过一次可以长期合作。哈哈, 前面估计推翻了大家想跟俄罗斯人做生意的想法, 这里要说些他们的优点, 重新提起大家的兴趣。

俄罗斯人刚开始跟人接触的时候似乎不那么相信人, 但一旦他们相信了, 他们会一直相信你们下去。所以, 有了第一次成功的合作, 只要他也是做这一行的, 那会跟供应商长期拿货。这也是为什么我能跟俄罗斯客户合作四年甚至以后更长的时间。正因为他们的懒惰, 拖拉, 所以我们要事事多为他们着想, 多为他们多做点, 这样客户对你的粘度就有了, 以后有什么困难他第一个想到是你能帮他。正因为他们善变, 所以我们只要了解了他们的性格, 随时做好这个订单可能不成交的心理准备, 把渴求订单的希望放在一边, 说消极一点, 听天由命吧, 哈哈, 运气好他们就真跟你拿货了 (*Высокая привязчивость, одна сделка может принести долгосрочное сотрудничество. Предыдущее описание скорее всего повлияло на ваше мнение о работе с русскими, а тут хотелось бы поговорить о положительных чертах характера русских, чтобы заново вас заинтересовать. Вначале русские не доверяют никому, но если они начали доверять тебе, то будут всегда доверять. Поэтому мы можем работать с русскими и 4 года, и даже еще дольше. Они ленивые, они волокитчики, поэтому если будешь побольше думать за них, побольше делать за них, то они будут привязываться к тебе, и в трудный момент в первую очередь будут надеяться на твою помощь (рассчитывать на тебя). Если мы хорошо знаем, что характер-хамелеон - это одна из важных черт характера русских, то всегда будем готовы к отказу от сделки. Тогда нужно отложить надежду на сделку в сторону и отдаться на произвол судьбы, ха-ха, если повезет, то сделка выполнится*)

[http://blog.sina.com.cn/s/blog_6cbcdad8010195jf.html].

Российские предприниматели также выделяют определенные черты носителей китайской культуры:

Если вы хотите найти бойкого и изворотливого партнера, который будет понимать вас с полуслова, готов будет пойти на мелкие нарушения закона, чтобы избежать чрезмерных расходов на сертификацию товара, таможенные расходы, то вам лучше поискать его в северных провинциях КНР: Хэйлуцзян, Внутренняя Монголия, Ляонин, Цилинь. Однако вы должны быть при этом готовы к тому, что ваш темпераментный друг может с легкостью проигнорировать и ваши с ним договоренности [<http://hainan-medicine.ucoz.com/forum>].

«В общем, отнеситесь к вашему партнеру с должным уважением и уделите ему свое время. Это будет приятно и ему и вам, и непременно благоприятно отразится на бизнес-отношениях. Как говорится, “в Китае поступай по-китайски”. Ведь традиции здесь играют очень большую роль» [<http://sinocom.ru/showthread.php?t=108>].

«Основное правило для избежания “крайних мер” по отношению к себе со стороны китайцев – не делайте так, чтобы китаец чувствовал себя “потерявшим лицо”. Унижая, оскорбляя, обманывая китайца (вольно или невольно, с последующим чувством раскаяния или без него), старайтесь сделать так, чтобы об этом знало как можно меньше других китайцев. “Потеря лица” – явление социальное. Ваш обман

(хитрость) или оскорбление для китайца сами по себе не являются чем-то страшным. Даже наоборот, ваш обман - это показатель вашего ума, а оскорбление, нанесенное вами, - показатель вашей внутренней силы! Но если об этом знают или, не дай Бог, это видели еще несколько китайцев, а тем более близких и уважаемых вашим китайцем, - это уже "потеря лица", утрата авторитета в глазах окружающих. Тут уж недалеко и до публичного или кулуарного объявления вам вендетты» [http://hainan-medicine.ucoz.com/forum«Тайный смысл. "Хань сюй" (дословно - «завуалированность»), это то, на чем стоит китайская манера общения. Завуалировано должно быть все - внешний вид - неброская но дорогая одежда, часы с бриллиантами, скромно прикрытые рукавом пиджака, золотая ручка, которая так и останется поблескивать в нагрудном кармане. Не принято в Китае выставляться напоказ. А подчеркивать свою значимость надо, поэтому приходится делать это скрытно. Вы, кстати, тоже, собираясь на переговоры с китайской стороной, позаботьтесь о своем внешнем виде. Все должны быть в костюмах, никакой джинсовой одежды и обнаженной груди переводчицы. Завуалирована и манера ведения переговоров. Вы не поймете, интересно им ваше предложение или нет, пока они сами этого не скажут. А сказать сразу - они не могут. Принятие важных решений всегда откладывается на потом, для "пущей важности". Даже ответ на самый "горящий" вопрос, который русские бы решили за минуту, вы можете получить ПОТОМ. По факсу. В этом весь Китай. Особенно, если ваша встреча первая» [http://hainan-medicine.ucoz.com/forum].

Особое место занимает тема честных взаимоотношений, причем взаимных.

当然也有好的客户，看LZ的运气了。最主要款子要收到手，特别是刚开始，不收到全款，别发货。

(Конечно, есть хорошие клиенты, но это смотря как тебе повезет. Самое главное - деньги получить, особенно в начале. Не отправляй товар, если не получишь весь платеж) [http://bbs.fobshanghai.com/thread-1273342-1-1.html].

想起上个世纪中俄边境的倒爷，那个红火呀。拿些中国最次的产品卖高价给俄罗斯人，但好景不长吧。现在人家俄罗斯人反过来对付中国人了，被骗的中国人不少啊。

(Вспомните, какая торговля была в прошлом веке на границах Китая и России! Китайцы за высокие цены продавали русским свои самые плохие товары, но так было не долго! Теперь русские наоборот начали обманывать китайцев, обманули и немало китайцев!) [http://bbs.fobshanghai.com/thread-1273342-1-1.html].

做生意啊，还是诚信点好!!! (В бизнесе надо быть честными!!!) [http://bbs.fobshanghai.com/thread-1273342-1-1.html].

Можно выделить некоторые поступки, которые по-разному трактуются в изучаемых культурах. Приведем пример рукопожатия мужчин при встрече. На русскоязычном сайте эта ситуация объясняется так: «При этом следует знать, что для китайцев правилом хорошего тона при встрече со старшим по возрасту или положению является рукопожатие обеими руками, такое же рукопожатие равного партнера будет являться для него комплиментом. Визитную карточку человека, с которым произошло знакомство, принято принимать обеими руками, равно как и отдавать свою» [http://sinocom.ru/showthread.php?t=108].

Сравним комментарий на китайскоязычном сайте:

俄罗斯人的手劲很大。当和他们握手时，如果你感觉很痛，你可以直接表现出来，他们下次就会更轻的握你了。但是我建议大家还是忍着吧，因为他们越是用

力的和你握手说明他们很喜欢你，愿意和你合作。

(У русских очень сильные руки. Если вам больно при пожатию руки, можно сразу сказать, и тогда в следующий раз они будут пожимать вам руку полечче. Но советую потерпеть, потому что чем сильнее вам пожимают руку, значит тем больше вас любят и хотят с вами работать) [http://wenku.baidu.com/link?url=ZpHpkTVI-KTKSTzkiLyj_WaFgWXJeS-r7hqs7i6Z8sA8UdjZRwMUCfOrTR920ubcfA0m5MuVCsxZQ6MTRyCcK02Mp45xfQ1OB9sJ_907787].

Очень интересные замечания можно встретить и о поведении, демонстрирующем вежливость в отношении женщин.

Так, на русскоязычном сайте мы встретили такое замечание: *«Поражает восточная вежливость, которая, например, подчеркивается настойчивым пропусканием вперед своих спутников. Демонстративно показывается важность гостя. Но при этом, в отличие от западной культуры, не уделяется внимание даме. Для китайцев совершенно нормально не пропустить женщину вперед. Возможно, это свидетельствует о сохраняющихся патриархальных пережитках китайского общества. К слову сказать, в современном Китае немало женщин занимается бизнесом, причем они достигли значительных успехов. Сегодня действительно уместно говорить о равноправии в Китае, особенно в крупных городах. Вообще, в тех или иных формах значимая роль женщин признавалась в этой стране и раньше. Так, время от времени Китаем правили императрицы, некоторых из них даже называют великими, как, например, Цыси (XIX век)»* [<http://sinocom.ru/showthread.php?t=108>].

Китайские авторы также замечают иное отношение к женщине, относя это к галантности русских мужчин:

Российские мужчины очень绅士风度, они обычно для женщин открывают двери, позволяют женщинам сесть к столу и т.д.)

(Русские мужчины – джентльмены. Они открывают двери женщинам, помогают женщинам сесть к столу и т.д.) [http://wenku.baidu.com/link?url=ZpHpkTVI-KTKSTzkiLyj_WaFgWXJeS-r7hqs7i6Z8sA8UdjZRwMUCfOrTR920ubcfA0m5MuVCsxZQ6MTRyCcK02Mp45xfQ1OB9sJ_907787].

Некоторые советы могут вызвать недоумение, поскольку являются весьма спорными. Приведем пример:

Российские люди предпочитают рыбу, особенно острую рыбу, это тоже связано с климатом. Они любят и отбивную, не любят рис, супы и овощи. В общем, если принимаешь русских гостей, лучше выбрать рыбу, отбивную, утку по-пекински и др. Лучше еще встречать их в аэропорту с цветами, они любят поставить цветы дома и в гостинице. Мужчины среднего возраста особенно любят цветы.

(Русские любят рыбу, особенно острую рыбу, это тоже связано с климатом. Они любят и отбивную, не любят рис, супы и овощи. В общем, если принимаешь русских гостей, лучше выбрать рыбу, отбивную, утку по-пекински и др. Лучше еще встречать их в аэропорту с цветами, они любят поставить цветы дома и в гостинице. Мужчины среднего возраста особенно любят цветы)

[http://wenku.baidu.com/link?url=ZpHpkTVI-KTKSTzkiLyj_WaFgWXJeS-r7hqs7i6Z8sA8UdjZRwMUCfOrTR920ubcfA0m5MuVCsxZQ6MTRyCcK02Mp45xfQ1OB9sJ_907787].

Таким образом, мы можем сказать, что инструктивные тексты, распространенные в Интернете, с одной стороны, снижают «патологичность» межкультурного общения за счет толкования знаков иной культуры, но с другой – могут привести к псевдо-

пониманию из-за неизбежного искажения реалий, что связано, в первую очередь, с тем, что каждый носитель какой-либо культуры подходит к партнерам со своих позиций, которые считает наиболее правильными. Именно психолингвистика может использовать теоретическую базу и методологию для объективации процесса межкультурного познания.

Литература

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. Т. II. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956. – 779 с.

Носова Л.Н. Коммуникативно-прагматический потенциал инструкции по применению лекарственных средств в фармацевтическом дискурсе: Автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 2013. – 20 с.

Современный словарь иностранных слов. – М.: Рус.яз., 1992. – 740 с.

Тарасов Е.Ф. К построению теории межкультурного общения // Языковое сознание: формирование и функционирование. Сборник статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М., 2003. Изд. 2-е. – 256 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book1998/index.htm> (дата обращения: 12.02.2015).

Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. Сборник статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М., 2003. Изд. 2-е. – 256 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book1996/index.htm> (дата обращения: 12.02.2015).

О русских. URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_6cbcdad8010195jf.html (дата обращения: 5.01.2015).

Форум о торговле с русскими. URL: <http://bbs.fobshanghai.com/thread-1273342-1-1.html> (дата обращения: 5.01.2015).

Описание русских. URL: http://wenku.baidu.com/link?url=ZpHpkTVI-KTKSTzkiLyj_WaFgWXJeS-r7hqs7i6Z8sA8UdjZRwMUCfOrTR920ubcfA0m5MuVCsxZQ6MTRyCcK02Mp45xfQ1OB9sJ_907787 (дата обращения: 5.01.2015).

Китайская бизнес-психология. URL: <http://sinocom.ru/showthread.php?t=1296-Stat-i-o-kitajskom-mentalitete-v-biznese-obshaja-tema> (дата обращения: 7.02.2015).

URL: <http://www.chinazone.ru> (дата обращения: 12.02.2015).

URL: <http://hainan-medicine.ucoz.com/forum> (дата обращения: 12.02.2015).

URL: <http://sinocom.ru/showthread.php?t=108> (дата обращения: 12.02.2015).

Посвящается юбилару
доктору филологических наук, профессору Е.Ф. Тарасову

В.В. Алимов

УДК 81'23

ПСИХИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИНТЕРФЕРЕНЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТЕКСТА С ОДНОГО ЯЗЫКА НА ДРУГОЙ

Восприятие, перевод и воспроизведение текста связаны со сложной психической деятельностью человека. Текст исходного языка воспринимается при помощи перцептивных эталонов ПЯ и ИЯ и в результате перекодирования формулируется текст ПЯ. Подмена перцептивных эталонов одного языка перцептивными эталонами другого языка является психической основой интерференции.

Ключевые слова: психический, основа, интерференция, перевод, коммуникативный, деятельность, восприятие, психологический, наука, образ, опознание, исходный язык, переводящий язык, перцептивный, эталон, стимул, гипотеза, подмена, перекодирование, воспроизведение.

Vyacheslav V. Alimov

PSYCHICAL BASE OF INTERFERENCE IN TRANSLATION OF TEXT FROM ONE LANGUAGE INTO ANOTHER

Perception, translation, and reproduction of the text are connected with complex psychical activities of a man. The source language text is perceived by means of perceptive etalons of the source and target languages and as a result of recoding the target language text is formed. The substitution of perceptive etalons of one language by perceptive etalons of another language is a psychical base of interference.

Keywords: psychical, base, interference, translation, communicative, activities, perception, psychological, science, psychology, image, identification, source (initial) language, target (translating) language, perceptive, etalon (standard), stimulus, hypotheses, substitution, recoding, reproduction.

Коммуникативная деятельность переводчика связана с **восприятием** текста письменной или устной речи на одном языке, **переводом** этого текста из одной языковой системы в другую (перекодированием) и **воспроизведением** полученного текста в письменной или устной форме на другом языке.

Восприятие, перевод и воспроизведение текста связаны со сложной психической деятельностью человека. В работе: «Образ и деятельность» В.П. Зинченко пишет о том, что проблема анализа строения процессов восприятия является столь сложной, что любая попытка ее решения на уровне накопленных в настоящее время научных данных может быть представлена лишь в виде системы научных гипотез [Зинченко 1997].

Со времен возникновения экспериментальной психологии и психофизиологии органов чувств большинство исследований восприятия проходило в русле

рецепторной теории. На протяжении всей истории психологической науки вопрос об «активности» восприятия неоднократно ставился и решался по-разному в зависимости от уровня развития самой психологии и философских взглядов ее представителей.

Первые экспериментальные исследования психики как деятельности в отечественной психологии связаны с именем Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна и др. В работах Л.С. Выготского, а затем А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии и других экспериментально изучались процессы формирования высших психических функций (внимания, памяти, мышления).

В психологии показано, что многие факты полученные в науке о восприятии, свидетельствуют о том, что один и тот же объект, представляемый наблюдателю, вызывает неодинаковый познавательный эффект в виде образа данного объекта. Особенности образа сказываются в том, что он по-разному воспроизводится или по-разному регулирует действия субъекта при выполнении им задач различения, опознавания или практического действия. Разумеется, при анализе процесса восприятия важно учитывать и прошлый опыт субъекта, и его установки и мотивы. Однако ни один из перечисленных факторов сам по себе не объясняет различий в образе предметов. Более адекватные объяснения следует искать в особенностях действия субъекта с предъявляемым ему материалом. Иными словами, восприятие следует рассматривать как действие субъекта, посредством которого осуществляются различные виды преобразования стимулов в образ. Процессы преобразования стимулов могут отличаться по своей структуре и функциям. Различие задач, стоящих перед субъектом, приводит к тому, что одни и те же свойства предметов могут неоднократно подвергаться преобразованиям, имеющим различное строение и сложность, и тем самым вызывать у наблюдателя неодинаковый познавательный эффект [Зинченко 1997: 13].

Действительно, в процессе обучения и во время работы переводчиков было установлено, что один и тот же текст воспринимается, переводится и воспроизводится по-разному.

При переводе переводчик имеет дело на начальном этапе с процессом восприятия речевого высказывания на ИЯ. Это восприятие на стадии идентификации осуществляется как процесс сравнения воспринимаемых объектов с перцептивными эталонами подобных объектов, хранящимися в памяти переводчика. Это сравнение происходит на основе эталонов слов как ИЯ, так и ПЯ: при отсутствии или недостаточной сформированности эталонов на одном языке переводчик с разной степенью осознаваемости использует перцептивные эталоны из другого языка. **Именно эта подмена перцептивных эталонов одного языка перцептивными эталонами другого языка является психической основой интерференции.**

Для обнаружения, опознавания, обработки и воспроизведения текста перевода требуется процесс сенсорного научения, специальная работа зрительной и слуховой систем. Сенсорное обучение необходимо настолько, насколько необходимы приобретенные, а не врожденные, формы поведения.

Развитие восприятия у детей строится на базе врожденных рефлексов и способностей к восприятию. На начальном этапе более активно развивается зрительное восприятие, а с началом говорения бурно развивается слуховое восприятие. В период взросления организма человека начинается развитие

профессиональных видов чувствительности. Развитие всех видов чувствительности связано с сенсорным обучением восприятия окружающего мира.

Образ предмета складывается в результате осуществления операций обнаружения, выделения информативного содержания и ознакомления с этим содержанием. «В последнее время в качестве эквивалентных употребляются также понятия эталона, гипотезы, категории и т.п. Именно эти процессы построения образа часто не учитываются исследователями. И в литературе о восприятии (особенно последних лет) акцент ставится на процессах обнаружения и опознания «...когда наблюдатель имеет дело со знакомыми объектами. В этих случаях у наблюдателя имеется в памяти набор эталонов, с которыми сличается наличный стимул. Обнаружение предшествует опознанию так же, как оно предшествует построению образа» [Зинченко 1997: 40, 41].

Восприятие текста для перевода осуществляется на основе целого ряда признаков, которые сравниваются коммуникантом с имеющимися в его памяти эталонами: лексическими, грамматическими, стилистическими и другими, приобретенными во время обучения и практической деятельности.

На схеме это можно показать следующим образом:

Текст исходного языка (ИЯ) воспринимается при помощи перцептивных эталонов ПЯ и ИЯ, и в результате перекодирования формируется текст ПЯ.

В зависимости от области исследования и интересов самого исследователя термин «восприятие» может означать идентификацию, распознавание, различение, понимание и усвоение. Авторы монографии «Проблемы восприятия речи» А.В. Венцов и В.Б. Касевич по этому вопросу пишут: «Мы со своей стороны, предпочли бы следующую формулировку: **восприятие речи есть приписывание языковой структуры речевому сигналу**. Данная формулировка акцентирует скорее результат, нежели процедурный аспект перцептивного процесса. Во время восприятия речи слушающий нас должен интерпретировать речевой сигнал в терминах соответствующей языковой системы, которая обладает, как минимум, номинативным (словарным плюс, возможно, словообразовательным), фонологическим, морфологическим, синтаксическим и семантическим компонентами с собственными единицами и правилами. Следовательно, поступающий речевой сигнал должен быть перекодирован слушающим в структуру, охарактеризованную через признаки, принадлежащие всем или некоторым из названных выше компонентов» [Венцов, Касевич 2003: 53].

Если поступающий речевой сигнал перекодируется с отступлениями от норм переводящего языка (ПЯ) или под влиянием исходного языка (ИЯ), в таком случае может проявиться языковая интерференция.

Проведенные отечественными и зарубежными лингвистами сравнения русского, немецкого, французского и английского языков на морфологическом и синтаксическом уровнях показали их определенные сходства и различия. Между этими языками прослеживаются и некоторые фонологические сходства. При изучении этих языков **знание механизма словоизменения (спряжения, склонения и т.д.), существующего в родном языке, облегчает в определенной степени овладение соответствующим механизмом иностранного языка (Я₂), а в последующем Я₃ и т.д.** После изучения или при изучении первого иностранного языка обучаемый обычно психологически готов к изучению 2-го иностранного

языка, опираясь на опыт изучения 1-го иностранного языка. Используя определенные навыки и умения $Я_1$ и $Я_2$ для изучения $Я_3$, обучаемый попадает под влияние «проактивной» и «ретроактивной» интерференции, которые облегчают и затрудняют изучение $Я_3$.

Принимая во внимание теоретические положения и практические достижения в области изучения интерференции, под лингвистической интерференцией следует понимать взаимовлияние контактирующих языков, которое может быть как отрицательным, так и положительным и выражается в отклонениях от нормы в одном языке под влиянием другого (при отрицательной интерференции) и в приобретении, закреплении и усилении навыков в одном языке под влиянием другого (при положительной интерференции). Более упрощенно под лингвистической интерференцией следует понимать **вмешательство элементов одной языковой системы в другую, которое может быть как конструктивным, так и деструктивным.**

Механизмами явления языковой интерференции являются отождествление и перенос элементов и функций контактирующих языков.

Общими причинами языковой интерференции можно считать недостаточную и избыточную идентификацию элементов и функций контактирующих языков для отрицательной, или деструктивной, интерференции и нормальную, или правильную, идентификацию похожих явлений и функций для положительной, или конструктивной интерференции.

Лингвистическими причинами интерференции являются расхождения и сходства в языковых системах контактирующих языков.

Время общения в сфере профессиональной коммуникации, при несовпадении каких-то элементов в двух языках: лексических, грамматических, семантических, стилистических, с имеющимися в распоряжении коммуниканта перцептивными эталонами, может проявиться избыточная и недостаточная идентификация этих элементов. Коммуникант будет пытаться подстроить недостающую или избыточную конструкцию исходного языка (ИЯ) под «аналогичную», по мнению коммуниканта, в языке, на который делается перевод (переводящем языке, ПЯ). В качестве примера можно взять проявление недостаточной идентификации при переводе с русского языка на английский предложений, в которых действия (работа) будут выполняться другими, а не говорящим: *Я хотел бы проверить карбюратор и отрегулировать расход топлива. – I'd like to have the carburetor checked and the fuel consumption adjusted.*

Обычно в таких конструкциях проявляется интерференция, связанная с недостаточной идентификацией того, что действие будет выполняться другими *to have the carburetor checked...adjusted*, а при переводе предложений типа *Мы хотели бы, чтобы они участвовали в переговорах* коммуниканты пытаются перевести данное предложение на английский язык с придаточным предложением, идут по пути «избыточной» идентификации, забывая о конструкции “Complex Object”: *We would like them to take part in the talks.*

Психологически коммуникант старается следовать конструкции предложения исходного текста, используя определенные перцептивные эталоны (восприятия), имеющиеся в памяти, или создаваемые им на базе имеющихся фонетических, лексических, грамматических, стилистических и семантических моделей, заполняя

«разрывы» (gaps) и трудные места (difficulties) элементами другого языка (т.е. интерферентами).

Можно сказать, что восприятие оригинала, перевод и воспроизведение на ПЯ зависят от уровня подготовки переводчика.

В психике коммуниканта отображается предметный мир, опосредованный предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами. «... Подавляющее большинство ситуаций восприятия речи связано не с формированием эталона, а с использованием эталона уже сформированного» [Леонтьев 1997: 130].

Если выбранный перцептивный эталон не соответствует тексту оригинала на фонетическом уровне, проявляется фонетическая интерференция; на лексическом и грамматическом – соответственно лексическая и грамматическая интерференция и проявляется она деструктивно (*accurate calculation* – *аккуратная калькуляция*, правильный вариант – *точный расчет*; *ammunition point* – *пункт амуниции*, правильный вариант – *пункт боепитания*), если перцептивный эталон соответствует оригиналу, можно говорить о конструктивном проявлении интерференции (*optical printer* – *оптический принтер*; *tactical reserve* – *тактический резерв*).

Перевод в сфере профессиональной коммуникации связан с восприятием текста письменной или устной речи, его обработкой в сознании переводчика и доведением полученного текста до реципиента.

Подмена перцептивных эталонов одного языка перцептивными эталонами другого языка является психической основой интерференции.

Литература

Венцов А.В., Касевич В.Б. Проблемы восприятия речи. Издание второе. – М.: УРСС, 2003. – С. 52-64.

Зинченко В.П. Образ и деятельность. – М.: изд. Институт практической психологии. – Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. – 608 с.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 1997. – 130 с.

Тарасов Е. Ф. Межкультурное общение (МО) – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. науч. тр. / РАН. Ин-т языкознания; отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М., 1996. – С. 7–22.

В.В. Дронов, В.П. Синячкин

УДК 81'23

МЕТОДИКА ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗОВ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена описанию психолингвистического подхода к созданию методики формирования образов языкового сознания в процессе изучения русского языка.

Ключевые слова: образы языкового сознания, методика формирования образов языкового сознания, ассоциативные поля, психолингвистика, язык как инструмент познания

Vladimir V. Dronov, Vladimir P. Sinyachkin

METHODOLOGY OF FORMING IMAGES OF LANGUAGE CONSCIOUSNESS IN LEARNING RUSSIAN

The article describes a psycholinguistic approach to the methodology of forming images of language consciousness in learning Russian.

Keywords: images of language consciousness, methods of forming images of language consciousness, associative fields, psycholinguistics, language as a cognitive tool.

Вот уже несколько лет кафедра русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук РУДН имеет уникальную возможность преподавания русского языка как иностранным, так и российским учащимся. Естественно, что на кафедре параллельно развивались два направления методики преподавания языка: русский язык как иностранный и русский язык как родной. Волею случая, на протяжении многих лет группа преподавателей кафедры занималась также проблемой разработки основных принципов методики преподавания русского языка для детей соотечественников, проживающих за рубежом, и созданием практических пособий на основе этой методики.

В процессе обучения и создания учебников и учебных пособий для вышеуказанных групп учащихся мы пришли к выводу о том, что существующие методики преподавания языков уделяют основное внимание:

- обучению общению на уровне понимания **значения** слов, словосочетаний, предложений и текстов (русский язык как иностранный);
- формированию грамматических навыков и умений (русский язык как родной);
- дублированию процесса занятий по русскому языку в российских школах на занятиях в учебных учреждениях за рубежом (русский язык для детей соотечественников).

Необходимо отметить, что в процессе обучения российских учащихся и детей соотечественников, проживающих за рубежом в условиях ограниченной языковой среды, основное внимание уделяется изучению теоретических аспектов языка с целью формирования языковой компетенции и предупреждения грамматических ошибок.

В то же самое время увлечение коммуникативной методикой РКИ привело к недооценке работы над грамматикой в группах иностранных учащихся.

Но и в том, и другом случае за пределами методики преподавания русского языка оставались проблемы понимания глубинного содержания языковых единиц, что не могло способствовать обучению учащихся оптимальному общению на русском языке.

Без этого понимания невозможно как оптимальное общение коммуникантов, так и адекватное восприятие устной и письменной речи. Оптимальное общение коммуникан-

тов предполагает общность знаний не только о языке, но и о мире носителей изучаемого языка, то есть о том, что психолингвисты называют *общностью сознаний*.

Общность сознаний основывается на понимании образов сознания, в нашем случае речь идет об образах языкового сознания. Данные выводы заставили нас обратиться к теории психолингвистики с целью совершенствования как методики преподавания РКИ, так и методики преподавания русского языка как родного. Особенно важно вопрос о формировании образов языкового сознания стоит перед теми, кто учит русскому языку детей соотечественников в условиях ограниченной языковой среды, в том числе и детей билингвов как в России, так и за рубежом.

Психолингвистическая теория определяет языковое сознание как совокупность образов неязыкового сознания. Эти образы формируются и овнешняются с помощью языковых средств: слов, словосочетаний, фразеологизмов, предложений, текстов. Особую роль в формировании языкового сознания играют ассоциативные связи, которые формируются под воздействием различных факторов на протяжении всей жизни человека.

Методика преподавания русского языка для русских традиционно занималась проблемами грамматики на уровне слов, словосочетаний и предложений с целью изучения языка как науки.

Психолингвистические исследования помогают нам выйти за рамки традиционных представлений о преподавании русского языка и увидеть основную цель обучения языку в самых различных аудиториях как процесс формирования образов языкового сознания и способ овнешнения и восприятия их при помощи языковых средств, которые мы рассматриваем как инструмент данного процесса.

Что касается ассоциативных полей, то вопросам их изучения существующие методики преподавания русского языка практически не уделяли внимания, за исключением редких случаев занятий в школе по расширению словарного запаса учащихся в младших классах школы.

В то же самое время наша методика предполагает, что изучение языка является процессом формирования ассоциативных норм русского языка и целенаправленного их закрепления в сознании учащихся с целью их обучения как адекватному восприятию русской речи, так и использованию ассоциативных связей слов в процессе оптимального общения на русском языке.

С этой целью на кафедре в тесном сотрудничестве с сектором психолингвистики ИЯ РАН был создан первый в мире детский ассоциативный словарь-учебник, использование которого предполагает не только знакомство с ассоциативными полями русских слов, но и формирование и расширение образов языкового сознания учащихся, изучающих русский язык как иностранный и как родной. В настоящее время эта работа продолжается и в тесном сотрудничестве с психолингвистами создается Большой обучающий ассоциативный словарь.

Следует заметить, что при изучении русского языка как родного учащиеся идут от образа, сформированного на протяжении его жизни, к значению и структуре языковых единиц.

При изучении же русского языка как иностранного или русского в условиях ограниченной языковой среды учащиеся должны пройти путь от универсального значения языковых единиц к образу языкового сознания, который отражает особенности этнической ментальности.

Наши лингвометодические подходы получили определение как **методика формирования образов языкового сознания в процессе изучения русского языка**. Мы сочли не только желательным, но и возможным предложить эту методику вниманию

преподавателей русского языка как иностранного и студентам-филологам – будущим преподавателям как русского, так и иностранных языков. С этой целью в сотрудничестве с сектором психолингвистики ИЯ РАН на кафедре был создан УМК и программы курса «Лингвокультуроведческие аспекты формирования языкового сознания иностранных студентов в процессе изучения русского языка»

Данный курс ставит перед собой следующие лингвометодические задачи:

- формирование объективных представлений о языковом сознании русских и особенностях русской языковой личности;
- формирование навыков совместной деятельности и общения с русскими по правилам русского социума;
- формирование навыков русского речевого общения при помощи средств русского языка.

Инновационный характер курса определяется использованием понятий *этнокультурный образ мира, русская языковая личность, образ языкового сознания и языковое сознание* как наиболее адекватных элементов описания процесса формирования представлений о русском языковом сознании в преподавании РКИ.

Кроме того, новизна курса определяется тем, что основная его цель предполагает формирование элементов русского языкового этнического сознания, позволяющего вырабатывать навыки совместной деятельности и речевого общения с русскими по правилам русского социума и русской культуры.

Методика формирования образов языкового сознания дает возможность учащимся видеть мир, скрытый в слове. По нашему убеждению, занятия по русскому языку должны быть уроками «мировидения», которые учат совершенному владению языком как инструментом познания «видения» картины мира. Именно об этом писал великий русский поэт Г.Р. Державин:

Язык – всем знаниям
И всей природе ключ.
Во слове всех существ
Содержится картина».

Таким образом, изучение русского языка должно стать для учащихся вовсе не процессом заучивания отчужденных для них теоретических правил языка, а процессом воспитания взгляда на скрытый в слове мир посредством самого слова.

Эту идею мы попытались реализовать при создании УМК «Русский язык и чтение для зарубежных школ (1-4 класс)». –

Перед коллективом авторов была поставлена задача – создать УМК, целью которого являлось бы формирование навыков и умений русской речи в условиях ограниченной языковой среды на основе образовательных стандартов школ РФ и требований ЕС к преподаванию языков.

Выполняя эти задачи при создании УМК, мы решили не ограничиваться поставленными задачами, а ввести в систему УМК элементы методики формирования образов русского языкового сознания и «образного» представления русской грамматики, то есть попытались в учебнике «воспроизвести путь» ребенка при усвоении родного языка.

Отсутствие или ограниченность языковой среды заставили авторов моделировать в определенной степени не только эту среду, но и, используя психолингвистическую теорию, попытаться воссоздать механизмы формирования образов языкового сознания.

С этой целью авторами была разработана и применена система лингвометодических приемов, оптимизирующих не только овладение навыками и умениями речевой

деятельности, но и упрощающих формирование образов языкового сознания, от звука и буквы до текста.

Так, например, грамматические явления представлены в УМК в форме оригинальных схем и рисунков, имитирующих традиционные детские игры по моделированию и конструированию предметов и ситуаций. А процесс формирования образов языкового сознания включает в себя созданные авторами литературные учебные конструкции – стихи, рассказы, сценарии.

Так, например, непростая формальная тема «Части слова. Образование слов» представлена ребенку не просто в форме дидактических правил, а в виде образного описания корня как основы «мировидения»:

Из корней растут цветы,
И деревья, и кусты.
Из корней растет трава
И, конечно, и, конечно,
Из корней растут Слова!
Из корней растут названья,
Их с тобою нам не счесть.
В них живут воспоминанья,
Наши мысли, наши знанья.
Все, что было, все, что есть!

Параллельные рисунки помогают ребенку увидеть мир русского слова в форме привычных для него вещей, растений, животных, что способствует образному восприятию сложных грамматических явлений языка.

Формированию образов языкового сознания на уровне текстов способствует обращение к словам, словосочетаниям и темам, которые раскрывают общечеловеческие ценности в языковом сознании русских. Этому посвящены концептуальные темы о природе, дружбе, добре, семье, Родине и другие. Авторы старались основываться не только на литературных текстах, но и создавать лингвокультуроведческие тексты на уровне изучения грамматики. Эти учебные тексты не только иллюстрируют грамматические явления, но и предоставляют возможность учащимся самим конструировать подобные тексты, рассказывающие об указанных ценностях на уровне восприятия ребенка.

Описанная нами *методика формирования образов языкового сознания* ни в коей мере не отрицает достоинства традиционных методик преподавания русского языка, но, по нашему мнению, она в большей степени ориентирована на человека, и по мнению учителей и преподавателей русского языка, пользующихся этой методикой, «оживляет» грамматику и делает ее более «человечной». Именно этим авторы этой методики обязаны тесному сотрудничеству со школой российской психолингвистики.

Литература

Дронов В.В., Мальцева И.В., Синячкин В.П., Хруслов Г.В. Русский язык для зарубежных школ. УМК. – М: Изд-во Дрофа, 2012. – 178 с.

Брагина М.А., Дронов В.В., Красс Н.А., Синячкин В.П., Тарасов Е.Ф. Лингвокультуроведческие аспекты формирования языкового сознания иностранных студентов в процессе изучения русского языка. УМК. – М: Изд-во РУДН, 2008. – 364 с.

Синячкин В.П. Формы существования общечеловеческих ценностей в русской культуре. Вестник ЧГПУ. – Челябинск. 2009. – С. 273-289.

Тарасов Е.Ф., Дронов В.В., Ощепкова Е.С. Ассоциативный словарь русского языка. Представляю и понимаю: пособие для учащихся начальной школы. – М.: Дрофа, 2010.

Л.В. Красильникова, И.В. Ружицкий, Э.А. Ружицкая

УДК 81'23

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АССОЦИАТИВНОГО СЛОВАРЯ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

В статье показываются возможности использования ассоциативных словарей в практике преподавания русского языка как иностранного. Их потенциал видится в корректировке существующих лексических минимумов, создании учебных текстов, способствующих формированию билингвальной личности, составлении различного типа лексических заданий. На примере пособия «Русская лексика по-новому» показываются возможности использования результатов сравнительного ассоциативного эксперимента при создании национально ориентированного учебника. Раскрываются принципы группировки ассоциаций, основанные на типах отношений, существующих между словом-стимулом и словами-реакциями, предлагается типология лексических заданий.

Ключевые слова: ассоциативный словарь, обучение русскому языку как иностранному, пособие по лексике.

Lidia V. Krasilnikova, Igor V. Ruzhitskiy, Elina A. Ruzhitskaya

ON SOME POSSIBILITIES OF ASSOCIATIVE DICTIONARY USAGE IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE TEACHING

The article shows the possibility of using associative dictionaries in the practice of teaching Russian as a foreign language. Their potential is seen in the adjustment of existing lexical lows, creating educational texts, contributing to the formation of bilingualism, the preparation of various types of lexical tasks. For example, the textbook «Russian vocabulary in a new way» shows the possibility of using the comparative results of the experiment in the creation of a national oriented textbook. The principles of grouping of associations, based on the types of relationships that exist between the word-stimulus and words-reactions, a typology of lexical tasks etc. are described.

Keywords: associative dictionary, Russian as a foreign language teaching, manual on vocabulary.

Русский ассоциативный словарь (РАС), сконструированный в начале 90-х годов прошлого столетия на основе полученных в результате проведения масштабного эксперимента результатов, впоследствии использовался в самых разных областях науки, прежде всего филологических – психолингвистике, теории и практике межкультурной коммуникации, когнитивистике, лексикологии и др. Тем не менее, возможности применения материалов РАС и других ассоциативных словарей (см. [РАС; САС; АНИиРЯ]) в лингводидактике исследованы далеко не достаточно, хотя, казалось бы, именно в прикладном аспекте, при обучении иностранному языку, когда стратегической задачей становится формирование билингвальной личности учащегося, использование материалов ассоциативных словарей и ассоциативных экспериментов могло бы привести к весьма ощутимым результатам.

Так, в пособиях по русскому языку как иностранному материалы ассоциативных словарей практически не задействованы. Исключением, пожалуй, является

учебное пособие для испанцев (см. [Curso Completo... 2005]), где сделана определенная попытка включить данные сравнительного ассоциативного эксперимента в лексические задания:

Con ayuda de este léxico que les resultará familiar, intenten contarnos lo que saben de estos países. Usen las palabras que les parezcan oportunas <Используя подходящие слова, расскажите об этих странах>:

– *Россия*: Москва, Петербург, русские, по-русски, холодно, снег, степи, тайга, тундра, водка, блины, река Волга, Урал, Обь, Лена, Енисей, Сибирь, литература, Достоевский, Пушкин, музыка, Чайковский, Гоголь, Бродский, Пастернак, Шагал, перестройка.

– *Испания*: Мадрид, Толедо, Севилья, испанцы, по-испански, река Эбро, Тахо, Гвадалквивир, Пиренеи, тепло, мандарины, лимоны, коррида, вино, паэлья, хамон, море, пляж, Колумб и три Каравеллы, Америка, Сервантес, Лопе де Вега, Кальдерон, музей Прадо, Веласкес, Гойя, Мурильо.

– *Египет*: Каир, Александрия, египтяне, по-арабски, река Нил, Сахара, жарко, пальма, оазис, пирамида, сфинкс, фараон, экскурсия, группа, турист, автобус.

– *Америка*: Вашингтон, Нью-Йорк, американцы, по-английски, река Миссисипи, Аляска и Калифорния, холодно и жарко, киностудия, кинокомпания, Голливуд, индустрия, технология, индейцы, иммиграция, иммигранты [Curso Completo... 2005: 135–136].

Именно о возможностях использования ассоциативного словаря в практике преподавания русского языка как иностранного и пойдет речь в настоящей статье.

Методический потенциал ассоциативных словарей мы видим в следующем.

1. Одной из важнейших методических проблем является составление лексического минимума для каждого из этапов обучения иностранному языку. Данные, полученные в результате проведения ассоциативных экспериментов, помогли бы скорректировать существующие лексические минимумы, ввести в них новые лексемы, в том числе и с ярко выраженным фоновым и прагматическим компонентами значения. Кроме того, ассоциативные словари дают объективную возможность определения активного и пассивного словарного состава, в терминологии Ю.Н. Караулова и Ю.Н. Филипповича – рецепт и ретушь (см. [Караулов, Филиппович 2009]). Это же касается активных и пассивных грамматических форм.

2. При создании учебных текстов, построенных на основе информативной и активной лексики, предназначенных, по сути, для формирования билингвальной личности.

3. При составлении различного типа лексических заданий, в том числе игровых.

Обозначенные выше положения о потенциале ассоциативных словарей нашли конкретное воплощение в создании национально ориентированного учебного пособия «Русская лексика по-новому», предназначенного в основном для студентов Барселонского университета и опирающегося на базовый для данного вуза учебник – «Курс русского языка. 1–2» (Marc Ruiz-Zorilla Crusate, Joan Castellvi Vives, Pyotr K. Kornakov).

Отличительная черта данного пособия заключается прежде всего в том, что в нем активно задействован материал русских ассоциативных словарей (РАС и АНИИ-

РЯ). Это позволило отразить в предлагаемых заданиях и учебных текстах не просто особенности лексической системы, но и раскрыть общую картину живой речи носителей русского языка, показать речемыслительный портрет русских, дать картину сочетаемости слов и, как результат, развивать не только лексические навыки и умения, но и приблизиться к формированию билингвальной личности – человека думающего и говорящего по-русски. Такой подход вовсе не исключает привлечения других материалов – словарей и учебных пособий, а также существующих лексических минимумов.

Структура пособия отражает те лексические трудности, которые могут возникнуть у испаноговорящих учащихся уровня В1-В2. Материал для заданий соответствует лексическому минимуму данного этапа обучения: *изучать-учить, учиться-заниматься; задача-задание-вопрос-проблема; тоже-также; стараться-пытаться-пробовать, стремиться; решить-решиться; использовать-употреблять; молодой-младший; старый-старший; личный-собственный-частный; навещать-навестить, посещать-посетить; полный-толстый, стройный-худой-тонкий; способный-талантливый-гениальный-одаренный* и др. Слова предъявляются в составе определенных лексико-семантических групп, обеспечивающих коммуникацию в рамках таких тем, как «Образование», «Семья», «Транспорт» и др. Одновременно с этим даются фрагменты русского и испанского ассоциативных полей, которые в дальнейшем дополняются актуальными, по мнению авторов пособия, данными из других лексикографических источников и учебных пособий по лексике.

Система заданий, с одной стороны, традиционная, т. е. выделяются языковые, предречевые и речевые задания, с другой стороны, делается больший упор на решение коммуникативных задач, используется микротекст, в состав которого входят слова-реакции, единицы ассоциативного поля, представляющие собой отработываемый учебный материал.

Приведем конкретный пример. Тема: «Глаголы *учиться-заниматься*». Типы заданий:

– Посмотрите схему, обратите внимание на ассоциации к глаголам *учиться-заниматься*, которые возникают у русских и испаноговорящих учащихся, определите их сходства и различия.

– Прочитайте и сравните предложения, обратите внимание на сходства и различия в значении и употреблении этих глаголов. <...>

– Измените предложения таким образом, чтобы в них можно было употребить глаголы *учиться-заниматься*.

– Вставьте вместо точек пропущенный глагол, мотивируйте свой выбор.

– Ответьте на вопросы, используя глаголы *учиться-заниматься*.

– Прочитайте текст, ответьте на вопросы.

– Составьте рассказ по картинкам.

– Задайте друг другу вопросы об учебе и увлечениях, используя лексику урока.

– Употребляя слова, данные в скобках, расскажите о своей учебе в школе (в университете); о подготовке к занятиям; о своих увлечениях. Выразите свое отношение к учебе и увлечениям ваших друзей. В рассказе используйте материал соответствующих ассоциативных полей и упражнений урока.

Поскольку в ассоциативном поле могут встречаться ассоциации всех типов – синтагматические (лексическая и грамматическая сочетаемость), парадигматиче-

ские (гипоним, родовое слово, однокоренное слово, антоним, синоним, пароним, конверсив), когнитивные (фразеологизм, метафора, отсылка к прецедентному тексту, афоризм и др.), прагматические (эмоционально-оценочные) и образные, то, как мы полагаем, включение такого рода материала в лексические задания позволит в полной мере раскрыть специфику значения и употребления изучаемых слов, отразить особенности русского языкового сознания.

Скажем несколько слов о принципах группировки ассоциаций.

Лексическая единица рассматривается нами в тройном аспекте – (1) семантики, т. е. ее номинативной значимости, или сигнификативно-денотативной соотнесенности; (2) когнитивной (фоновой) значимости, т. е. способности заключать в себе определенные знания, как культурные, так и научные; (3) прагматики, т. е. возможности отражать в своем значении определенное отношение говорящего (пишущего). В соответствии с этим к области семантики относится в первую очередь гипотаксис, или подчинительные связи слова, а также ближайшие парадигматические связи, или паратаксис; ко второй области относятся фоновые знания и к третьей – эмоционально-оценочный компонент значения слова и его возможная стилистическая маркированность. Слова-реакции (**Р**), ассоциации, разделяются прежде всего по этим трем областям.

На основании типа отношений между словом-стимулом (**С**) и словом-реакцией выделяются пять групп ассоциаций: (1) синтагматические (**СЧТ**); (2–3) парадигматические, как «ближние», образующие центр ассоциативного поля (**П-1**), так и «дальние» (**П-2**); к **П-1** относятся в первую очередь слова той же лексико-семантической группы, включая антонимы, а также однокоренные слова, к **П-2** – слова других лексико-семантических групп, но того же семантического поля; (4) фоновые, куда входят ассоциации-когнемы, единицы знаний, например, имена, названия, фразеологические единицы с ярко выраженным фоновым компонентом значения, отсылки к прецедентным текстам и др. (**Ф**); (5) прагматические (**Пр**), т. е. лексические единицы с ярко выраженным эмоционально-оценочным компонентом, а также стилистически маркированная лексика.

Существуют некоторые отклонения от указанных выше базовых принципов классификации слов-реакций, обусловленные как объективными факторами, например, возможностью существования одновременно нескольких типов отношений между **С** и **Р**, так и конкретными учебно-методическими задачами. Перечислим такого рода отклонения и сделаем некоторые уточнения:

– если **Р** относится к когнемам, но одновременно связана с **С** синтагматическими отношениями, то эта реакция включается в группу **СЧТ**: *поездка (С) в Америку (Р)*. Если же в качестве **Р** мы имеем именительный падеж *Америка*, то это слово относится к группе **Ф**; то же касается и прагматических ассоциаций;

– некоторые **Р**, которые мы относим к **П-2**, например, слова, обозначающие участников какой-либо ситуации, строго говоря, следует относить к **Ф** или к **П**, поскольку они формируют определенный фрейм (т. е. когнему); это, однако, отнюдь не противоречит базовым положениям: единицы знаний и образного восприятия действительности, т. е. единицы зоны **Ф**, очень часто формируются именно на уровне **П-2**;

– **Р**, репрезентирующие яркий образ, картинку, относятся к **Ф**;

– к **Ф** относятся фразеологизмы, но не все, а только те, которые отражают русскую языковую картину мира, например, устойчивые сравнения;

– к **Ф** также относятся **Р**, представляющие собой дефиниции, близкие к словарным, в том числе и наивное толкование значения слова.

Пример:

ЗНАКОМЫЙ(-ая,-ое,-ые)

СЧТ: человек, парень, мужчина, голос, врач, дом, лицо, мальчик, город, образ, случай, юноша, дядя, мотив, мужик, предмет, прохожий, сюжет, автор, гость, журналист, запах, круг, номер, облик, пейзаж, преподаватель, роман, сосед, стиль, текст, художник, актер, артист, вариант, взгляд, вид, вывод, двор, девушка, дело, жест, лик, материал, музыкант, ответ, официант, певец, перекресток, переулок, писатель, почерк, режиссер, силуэт, студент, тип, улыбка, фильм, формула, характер, человек с часами; друга, Бунина, мамы; мне, всем; в лицо, по работе, с детства; заждался, звонил, обманет, поправился, умер; хороший, мой, близкий, старый, приятный, абстрактный, ваш, гордый, давний, интересный, красивый, новый, общий, один, прошедший, чей-то;

П-1: друг, товарищ, приятель, незнакомец, знакомый, известный, неизвестный, одноклассник, знакомец, знакомому, подруга, родственник, сослуживец, узанный, узнать;

П-2: встреча, встречный, родной, говорить, давно, личный, муж, недруг, поверхностно, поссориться, посторонний, приметный, семья, тетьа, чужак, чужой;

Ф: безразлично близкий, встать в очередь; не помню, как зовут; связи, электричка;

Пр: радость, желанный, необходимо иметь, и не только, что-то родное.

Сделаем некоторые комментарии к предложенной выше модели построения вводной части урока пособия по русской лексике.

1. В результатах эксперимента всегда присутствует некоторый «шум», случайные **Р**, когда респондент хочет выделиться своей оригинальностью и специально дает **Р**, которая никак не связана с **С**. Для нас существует еще «методический шум» – слишком сильно коннотативно окрашенные **Р**, или слова, относящиеся к пассивной лексике, т. е. коммуникативно абсолютно незначимые, или **Р**, возникновение которых трудно однозначно квалифицировать. Так, на **С** *знакомый* мы не включили в задание на ассоциации такие **Р**, как *вечер, властный, глаз, день, кот, кореш, пес, плут, пример, прием, приятно, прожитое, протезист, ревизор, редко, след, сон, убежать, уметь, устал, циник, час, черный, черт, швейцар, щенок*. То, что **Р** – существительные в подавляющем большинстве мужского рода, объясняется мужским родом **С**. Из этого, в частности, следует и то, что полученный список **Р** при составлении упражнений следует дополнять другими источниками.

2. В зоне **СЧТ** граница между подклассами обозначается точкой с запятой. Последними даются субстантивация и предикативные связи. Последовательность подклассов в целом соответствует системе, заложенной в [СС 1983; СЯД 2008, 2010, 2012]. В начале зоны **Р** распределяются по частоте, начиная с максимальной, затем, когда мы уже имеем дело с единичными **Р**, – в алфавитном порядке.

3. **Р** *незнакомец, знакомый, знакомец, знакомому, узанный, узнать* вошли в **П-1** как однокоренные. **Р** *друг, товарищ, приятель* и т. п. вошли в **П-1** не просто как ближайшие по значению слова той же лексико-грамматической группы, что выражается, в частности, противопоставлением типа *просто знакомый, а не друг*, а также потому, что именно здесь возможны ошибки в речи иностранных учащихся: **Я встретил знакомого друга*.

4. Отнесение к **П-2 С** типа *посторонний, приметный* и т. п. определяется маловероятностью ?*посторонний, приметный знакомый*. Тем не менее, эти слова определенным образом раскрывают специфику денотата слова *знакомый*, т. е. входят в то же семантическое поле, хотя и не составляют его ядро.

5. Отнесение *безразлично близкий; не помню, как зовут* к **Ф** объясняется тем, что здесь мы видим стремление респондента дать наивную дефиницию **С**, что уже означает некий когнитивный процесс. *Встать в очередь* и *электричка* связаны не только с личным опытом респондента, но и с коллективными, узнаваемыми представлениями, что говорит об их когнитивной значимости: *электричка* – одно из мест, где *знакомые* часто встречаются, *встать в очередь* – если в очереди стоит *знакомый*, то можно подойти к нему и встать рядом, хотя для воспитанного человека это и не может считаться приемлемым.

Предлагаемая в статье модель построения учебного пособия по лексике ориентирована прежде всего на испаноговорящую аудиторию, что, однако, вовсе не означает невозможности использования данного подхода для аудитории учащихся других языков и культур, конечно, при условии проведения соответствующего сравнительного ассоциативного эксперимента.

Литература

АНИиРЯ: Ассоциативные нормы испанского и русского языков / М. Санчес Пуиг, Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова. – Москва–Мадрид: Отд. лит-ры и яз. РАН, Мадридский гос. ун-т Комплутенсе, 2001. – 496 с.

Караулов Ю.Н., Филиппович Ю.Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования. – М.: Азбуковник, 2009. – 336 с.

РАС: Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Т. I. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов. – М.: АСТ-Астрель, 2002. – 784 с. Т. II. От стимула к реакции: Более 100 000 реакций. – М.: АСТ-Астрель, 2002. – 992 с.

Ружицкий И.В., Красильникова Л.В., Ruiz-Zorilla Crusate M. Русская лексика по-новому (пособие для испаноговорящих студентов) // Русский язык: исторические судьбы и современность. V Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2014 г.). – С. 491.

САС: Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Ю.Н. Караулов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Е.Ф. Тарасов. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2004. – 792 с.

СС: Словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. 2-е изд., испр. М.: Русский язык, 1983. – 688 с.

СЯД: Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий / Е.А. Осокина, И.В. Ружицкий, Е.А. Цыб, С.Н. Шепелева / Под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Азбуковник, 2008, 2010, 2012. Т. I. – 962 с.; т. II – 1049 с.; т. III. – 847 с.

Curso Completo de Lengua Russa. Niveles Básico, intermedio y Avanzado. – Madrid, Ediciones Hispano Eslavas, 2005. – 387 p.

А.П. Василевич, Д.В. Молчанова

УДК 81'23

**LADY VERSUS ЛЕДИ:
ПРОБЛЕМА ТРАНСФОРМАЦИИ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА ПРИ
ЗАИМСТВОВАНИИ¹**

Статья посвящена особенностям отражения спектра значений концепта «lady» в языковом сознании носителей английского языка и заимствования *леди* в языковом сознании русскоязычных испытуемых. Проанализированы и сопоставлены данные трех толковых словарей английского языка и результатов ассоциативных экспериментов. Выявлена необходимость расширения перечня значений, представленных в словарях. Установлено существенное сходство структуры значений концептов «lady» и «леди» в языковом сознании русскоязычных и англоязычных испытуемых.

Ключевые слова: lady, леди, концепт, языковое сознание, культурный стереотип, ассоциативный эксперимент, толковые словари, заимствования.

Aleksandr P. Vasilevich, Darya V. Molchanova

**LADY VERSUS ЛЕДИ:
ON THE SHIFT OF MEANING OF LOAN WORDS**

The paper touches upon the reflection of the set of notions of the concept “lady” in the minds of native English speakers and that of the loan word *леди* in the minds of Russians. The data of three English dictionaries and the results of associative experiments were analyzed and compared. The necessity of enlarging the amount of notions found in dictionaries was revealed. Dramatic similarity of notion sets composing the concepts “lady” and “леди” was also established.

Keywords: lady, леди, concept, verbal consciousness, culture’s stereotype, association experiment, dictionaries, loan words.

Процесс заимствований обусловлен реальной исторической практикой и отражает связь народов и наций, характер их культурного взаимодействия [Реформатский 2004: 120]. Как правило, заимствованные слова обозначают свойственные чужим народам или странам понятия [ЛЭС 1990: 158]. Такие слова могут быть освоены языком в меньшей или большей степени (в том числе, настолько, что их иноязычное происхождение не ощущается носителями заимствующего языка и обнаруживается лишь специалистами – путем этимологического анализа). Однако в любом случае, попадая в новый язык, заимствованное слово оказывается в необычной для себя языковой ситуации. Оно несет с собой основное значение оригинала (и сохраняет его в течение определенного периода), но лишается существенной лингвистической информации: становится нерелевантной его устоявшаяся система словосочетаний, ассоциативные связи, коннотации и т.д.

В настоящей работе соответствующая понятийная трансформация будет показана на примере заимствования леди. Слово интересно тем, что процесс его освоения русским языком еще далек от завершения: упомянем, в частности, что оно до сих пор несклоняемо, а его употребительность не идет ни в какое сравнение с частотой слова

¹ Заглавный автор статьи посвящает ее своему давнему коллеге и товарищу Е.Ф. Тарасову и обещает в качестве следующей темы выбрать концепт «джентльмен», который так созвучен его личности.

lady в практике английского языка.

Как известно, наиболее полное представление о смысловом репертуаре слова дает хороший толковый словарь. Но если относительно слова lady и, скажем, словарей Oxford, Longman или Macmillan Dictionary это верно, то, как показывает наш анализ, в словарях русского языка информация о смысловой структуре слова леди чрезвычайно скудна и, на наш взгляд, не отражает всего смыслового разнообразия этого слова, которое реализуется в речевой практике.

Эффективным способом получить представление о семантической структуре слова в его реальном практическом употреблении, как известно, является *ассоциативный эксперимент*. Он же рассматривается и как продуктивный способ реконструкции языкового сознания. Данные ассоциативных экспериментов широко используются в таких областях исследований, как ментальный лексикон, вербальная память, социокультурный стереотип и др. [Бескороваяная 2004, Залевская 2005, Караулов 1989, Мартинович 2008].

Особенно важным для нас является этнокультурное направление – сопоставление результатов ассоциативных опросов разных лингвокультурных множеств испытуемых [Уфимцева, Черкасова 2012; Василевич, Семьянская 2009].

Множество ответов группы испытуемых составляет **ассоциативное поле** слова-стимула, которое можно рассматривать как фрагмент образа мира, отраженного в сознании «среднего» носителя исследуемой этнокультуры, его культурных стереотипов. Следовательно, проанализировав результаты ассоциативного эксперимента, можно «проникнуть» в языковое сознание носителя языка, понять особенности его мировидения, сравнить с особенностями мировоззрения носителя другого языка и культуры [Уфимцева 2009].

За многие годы проведения ассоциативных исследований были разработаны и детально описаны самые разные варианты экспериментальной процедуры. По мнению Е.И. Горошко, самые интересные и разнообразные реакции дает *цепной эксперимент*, когда в ответ на слово-стимул испытуемый сообщает целый ряд слов-ассоциаций, пришедших ему в голову [Горошко 2005].

Задав группе англоязычных испытуемых в качестве стимула слово *lady*, можно быть уверенным, что множество полученных реакций в полной мере отразит его семантические связи, сформированные на данный момент в языковом сознании носителей английского языка. Сопоставление множества ответов испытуемых с данными английских словарей даст возможность оценить, насколько совпадают словарные дефиниции с реальной речевой практикой. Это и составляет первую задачу настоящего исследования.

В нашей предыдущей работе [Молчанова 2014] были проанализированы ассоциативные реакции *русскоязычных* респондентов на слово *леди*. Сопоставление этих данных с результатами англоязычного эксперимента позволит оценить, как трансформировалось понятийное поле концепта «lady» при его заимствовании русским языком. Это составило вторую задачу нашей работы.

В связи со сказанным, план нашего исследования выглядит следующим образом. В качестве исходных данных будут рассмотрены толкования значений *lady* в ряде английских словарей. Затем мы представим данные ассоциативных экспериментов соответственно для слов *lady* (группа англоязычных испытуемых) и *леди* (группа русскоязычных испытуемых).

Начнем с представления словарных данных (табл. 1).

Таблица 1. Толкования лексемы *lady* в толковых словарях английского языка²

Семы	Толкования ³	
I «Обращение к женщине»	1	вежливое или официальное обращение (MD, OD, LD)
	2	ироническое обращение (MD, OD, LD)
	3	вежливое обращение к женщине по профессии, которое некоторые женщины находят оскорбительным (LD, MD)
	4	обращение к женщине-депутату (OD)
II «Женщина»	5	женщина определенного возраста (LD)
	6	обозначает женщину (LD)
	7	в словосочетании <i>ladies' room</i> (MD, OD, LD)
III «Женщина с особым статусом»	8	титул супруги или дочери британского аристократа (OD, LD, MD)
	9	женщина, занимающая хорошее положение в обществе (OD, LD, MD)
IV «Женщина с характерными чертами»	10	порядочная, с хорошими манерами (OD, LD, MD)
	11	женщина с сильным характером или с достижениями (LD, MD)
V «Женщина как член семьи»	12	(устар.) Жена (MD, OD, LD)
	13	(устар.) Хозяйка дома, мать семейства (OD, LD)
	14	Мария, мать Иисуса Христа (MD, OD, LD)
	15	(истор.) дама сердца рыцаря (OD); (часто юмор.) девушка, подруга (<i>lady friend</i>) (LD, OD)

Принципиально, что нам удалось распределить все приведенные в словарях оттенки значений по четко выделенным категориям. Как показывает наш опыт, при обработке результатов ассоциативного эксперимента ответы информантов, отражающие их понимание значения слова-стимула, также могут быть естественно распределены по «смысловым категориям» (Василевич 2008; Василевич, Боголепова 2011). Это дает основание надеяться на возможность прямого сопоставления данных словарей и результатов эксперимента.

Итак, обратимся к результатам ассоциативного эксперимента с носителями английского языка.

Опрос проводился посредством сети Интернет. На просьбу откликнулись в общей сложности 150 человек, признавших английский язык родным.⁴

Инструкция давалась в письменной форме и выглядела следующим образом:

Many people associate the word *apple* with such words as “fruit”, “pear”, “Adam”, “Eve” etc., the word *bird* – with “sparrow”, “to fly”, “wing”, etc.

What words would you associate the word *lady* with?

² Обобщенные данные словарей Oxford (OD), Longman (LD) и Macmillan (MD) Dictionary.

³ Перевод толкований на русский язык наш – А.В., Д.М.

В общей сложности было получено более 600 ответов. Из них 20 ответов включали собственные имена реальных людей или литературных персонажей: *Lady Diana, Lady and the Tramp, Lady Jane Grey, Camilla Parker Bowles, Macbeth* и т.д.⁵ Еще 18 представляли собой словосочетания со словом *lady* (*ladybird, ladybug, dinner lady* и др.). Во всех этих случаях ответы никак не раскрывали содержание самого слова *lady* и потому для нашей задачи являлись «шумом». Так же не информативными были еще несколько реакций (ср. *New York, mysterious, moon*). Устранив эти слова из рассмотрения, мы привлекли к анализу в общей сложности 561 слово. Кстати, в русскоязычном эксперименте после устранения реакций подобного типа состав ответов было примерно таким же – 549 слов.⁶

Итак, сгруппируем все ответы англоязычных и русскоязычных испытуемых, руководствуясь представленной в табл. 1 схемой, которая, напомним, отражает данные толковых словарей (табл. 2).

Таблица 2. Сопоставление словарных данных и результатов опроса для слов *lady* и *леди*

Семы	Словарные толкования		Английские ассоциации		Русские ассоциации	
			Число ответов	Примеры ответов	Число ответов	Примеры ответов
I	1	вежливое или официальное обращение	4	madame 2, Mrs 1, Miss 1	1	мадам 1
	2	ироническое обращение	-	-	-	-
	3	вежливое обращение к женщине по профессии	-	-	-	-
	4	обращение к женщине-депутату	-	-	-	-
II	5	женщина определенного возраста	41	girl 12, mature 7, adult 7, young 4, old 3, maturity 2, youth 2	40	девушка 25, дама 9, молодая 2, взрослая 1, опытная 1
	6	обозначает женщину	140	woman 61, female 43, feminine 22, femininity 5, she 2, gender 1	32	женщина 32
	7	в словосочетании <i>ladies' (room)</i>	-	-	-	-

⁵ Между прочим, у русскоязычных испытуемых эта группа реакций была в два раза более представительной: Принцесса Диана 11, Леди Гага 3, моя прекрасная леди, леди Уинтер, Кейт Миддлтон, Леди и Бродяга и т.д.

⁶ Как мы говорили, эксперимент с русскоязычными испытуемыми был описан в работе [Молчанова 2014].

III	8	титул супруги или дочери британского аристократа	14	hierarchy 2, royalty 2, Victorian 2, queen 1, heraldry 1, regal 1	17	королева 5 бал 3, приёмы 3, дворец 2, принцесса 1
	9	женщина, занимающая хорошее положение в обществе	77	upper-class 11, rich 6, class 6, nobility 4, high society 3, aristocracy 1	37	высшее общество 9, богатство 8, аристократичная 8
IV	10	порядочная, с хорошими манерами	79	polite 15, well-mannered 7, gentle 5, respectful 4, etiquette 2, well-bred 2	140	воспитанная 39, манеры 27, этикет 11, благородство 9, культурная 6, вежливая 5, уважаемая 2
	11	женщина с сильным характером или с достижениями	-	-	-	-
		умная, образованная	21	educated 5, intelligent 2, wise 2, smart 2, intellectual 1, eloquent 1	44	образованная 19, интеллигентная 9, умная 6, начитанная 2, красивая речь 2, культура общения 2

Семы	Словарные толкования	Английские ассоциации		Русские ассоциации	
		Число ответов	Примеры ответов	Число ответов	Примеры ответов

IV		приятная внешность	92	elegance 17, elegant 16, beauty 10, refined 9, sophisticated 7, grace 5, pretty 3, delicate 2, charming 1	112	красивая 31, элегантная 21, утонченная 18, женственная 12, грациозная 9, изысканная 7
		хорошо одетая, ухоженная	39	classy 6, hair 4, dress 3, stylish 2, lipstick 2, hats 2, well-dressed 1, fashion 1	80	шляпка 16, платье 11, чувство стиля 8, перчатки 7, ухоженная 7, духи 3, вкус 1, помада 1, веер 1
		отрицательные черты	11	stuck up 2, carefree 1, pretentious 1, stubborn 1, headstrong 1, snob 1	13	скука 2, надменность 1, чопорность 1, холодная 1,
		старомодная	8	old fashioned 3, outdated 1, an archaic term 1, women from 19th century 1	10	девушка из 19 века 3, рыцари 2, дуэль 1, особа из прошлого 1
V	12	(устар.) жена	3	wife 1, my lady 1, partner 1	-	-
	13	(устар.) хозяйка дома, мать семейства	15	mother 9, housewife 1, children 1, lady of the house 1, hospitable 1	-	-
	14	Мария, мать Иисуса Христа	-	-	-	-
	15	(истор.) дама сердца рыцаря (часто юмор.) девушка, подруга	-	-	-	-
		женщина как пара к мужчине	17	gentleman 8, lord 5, man 2, male 1	2	джентль-мен 2

	символ Англии	-	-	21	Англия 15, английская роза 2, чаепитие 1, денди 1
--	---------------	---	---	----	---

Данные табл. 2 позволяют не только выяснить, как реализуются те или иные словарные значения в сознании современных носителей языка, но и – по количеству названных ассоциаций – оценить «вес» каждого значения.⁷

Приведем краткий анализ табл. 2.

1. Ответы англоязычных испытуемых «покрывают» все семы концепта «Lady», причем сема IV – «характеристика женщины» (в подавляющем большинстве случаев сугубо положительная) оказывается наиболее значимой (около 45 % всех ответов). С другой стороны, сема III («титул, высокое положение») обычно в словарях идет первой, а в ответах имеет весьма скромную долю (16 % у англичан и менее 10 % у русских).

2. Ряд значений в пределах сем (2-4; 7; 11; 14; 15) в ответах не реализовался. Значения 12-13 (оба с пометой *устар.*) известны только англоязычным ии., да и то очень немногим.

3. Респондентами обеих групп был выделен ряд значений, не нашедших отражения в словарях, таких как: *умная, образованная; приятной внешности; хорошо одетая, ухоженная; старомодная и т.д.*). На их долю приходится около 1/3 ответов англоязычной группы респондентов и более половины всех ответов русскоязычных испытуемых! Нам представляется, что авторам современных версий толковый словарь не следует игнорировать этот факт.

4. Предположение о существенном различии в структуре значений концепта «lady/леди» в сознании русских и англичан оказалось, в общем, неверным. Основные различия касаются лишь степени важности отдельных значений. В русской аудитории существенно большее значение придается внешним и внутренним характеристикам (ум, внешность, образованность, одежда и т.д. составляют в сумме 48 % ответов – против 30 % у англичан). В свою очередь, англоязычные респонденты имеют явно большую долю ответов, связанных с историко-культурными реалиями (20 % против 10 % у русских).

Примечательно, что по многим отдельно взятым параметрам (ср. *символ Англии*, все значения семы **женщина с характерными чертами**) русские носители предложили даже больше реакций, чем дали англичане.

Вполне вероятно, что в подавляющем большинстве случаев русск. *леди* встречается в текстах, фильмах, произведениях искусства и т.д., связанных так или иначе с *английскими реалиями*. Не случайно в 20 случаях *леди* вызвало ассоциации, напрямую связанные с Англией (последняя строка табл. 2). Соответственно, лингвистический опыт русских мало чем отличается от опыта владения англичанами слова *lady*. Если можно так выразиться, «собственной» жизни в практике русского языка у слова *леди* (пока?) нет.

Как бы то ни было, приведенные нами соображения позволяют предположить, что зачастую словарные дефиниции как в языке, из которого происходит заимствование, так и в принимающем могут быть неполными и до конца не передавать абсолютный максимум значений, которыми наделена лексема. В этом случае

⁷ Заметим, что в этом отношении данные ассоциативного опроса выгодно отличаются от данных словаря.

на помощь приходят лингвистические эксперименты, призванные раскрыть всю глубину смысла, заложенного в то или иное слово, и раскрыть его в новых плоскостях.

Литература

Бескорвайная И.Г. Ассоциативный эксперимент как способ реконструкции фрагментов языкового сознания // Вопросы психолингвистики. 2004, № 2. – С. 73-76.

Василевич А.П. Национальные цвета и государственные флаги как отражение национально-культурной традиции // Вопросы психолингвистики, 2008, № 8. – С. 101-106.

Василевич А.П., Боголепова С.В. Об универсальном характере структуры ассоциативных полей названий частей тела // Вопросы психолингвистики, 2011, № 1. – С. 120-12.

Василевич А.П., Семьянская М.А. Опыт психолингвистического исследования национального характера русских и марийцев // Образ России извне и изнутри. – М., 2009. – С. 255-263.

Горошко Е.И. Проблема проведения свободного ассоциативного эксперимента [Электронный ресурс] // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. Филол. науки. – 2005. - №3. - URL: <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=74> (дата обращения: 14.02.2015).

Залевская А. А. Психолингвистические исследования // Слово. Текст: Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.

Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – С. 3-8.

ЛЭС: Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990.

Мартинovich Г.А. Текст и эксперимент: исследование коммуникативно-тематического поля в русском языке. – СПб.: СПбГУП, 2008. – 256 с.

Молчанова Д.В. Образные характеристики лингвокультурного концепта «леди» (на материале ассоциативного эксперимента среди русскоязычных респондентов) // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика, 2014, № 5. – 120 с.

Реформатский А.А. Введение в языковедение: Учебник для вузов. – 5-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 536 с.

Уфимцева Н.В. Образ мира русских: системность и содержание. // Язык и культура, 2009, вып. 4.

Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Ассоциативная лексикография и исследования языкового сознания [Электронный ресурс] // Филология и культура, 2012, вып. 38.

В.Е. Гольдин

УДК 811.161.1'23'37

СЕМАНТИЧЕСКИ НЕАДЕКВАТНЫЕ АССОЦИАТИВНЫЕ РЕАКЦИИ И ЯДРО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

В статье демонстрируется единство ядра языкового сознания у школьников I – VI классов, независимо от того, какие ассоциативные реакции преобладают в их ответах на стимулы: реакции адекватного или неадекватного типов.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, стратегия реагирования, языковое сознание.

Valentin E. Goldin

SEMANTICALLY INADEQUATE ASSOCIATIVE REACTIONS AND NUCLEUS OF LINGUISTIC CONSCIOUSNESS

The article demonstrates unanimity of nucleus of linguistic consciousness in schoolchildren of I-VI grades irrespective of the type of associative reactions (adequate or inadequate) to the stimuli given.

Keywords: associative experiment, response strategy, linguistic consciousness.

Семантически неадекватными мы называем ассоциативные реакции, квалификация отношения которых к стимулу невозможна на основе учёта содержания данного слова-стимула. Такие реакции, как известно, неоднократно рассматривались на материале экспериментов с детьми с разной степенью умственной отсталости (исследования А. Р. Лурия, Б. В. Зейгарник, Т. М. Рогожниковой, Р. Н. Гариповой и др.), причём интеллектуальные возможности каждого из испытуемых устанавливались в этих случаях по совокупности медико-психологических показателей, а экспериментальный материал служил для выявления различий между ассоциативными стратегиями испытуемых в условиях нормы и патологии.

В отличие от этого материал, рассматриваемый нами, получен от испытуемых, школьников I–VI кл., умственное развитие которых не оценивалось ни до, ни после их участия в экспериментах. Он извлечен из электронной базы данных Ассоциативного словаря школьников Саратова и Саратовской области (АСШС), создававшегося в 1998–2008 гг. в ходе массовых свободных ассоциативных экспериментов с участием испытуемых на анонимной основе¹. Изучение семантически неадекватных реакций на таком материале имеет свою специфику: обнаруживаемые в ответах испытуемых разновидности ассоциативного поведения выступают как самостоятельный предмет исследования и осмысляются не в связи с группировкой участников эксперимента по их медико-психологическим характеристикам, а на основе анализа ассоциативных стратегий и их сочетаний в анкетах испытуемых. Такой подход к исследованию представляется тем более важным, что между стратегиями реагирования на стимулы и умственным развитием испытуемых нет строгого однозначного соответствия (см., например, [Богословская 2014: 61] и на

¹ По материалам электронной базы данных АСШС опубликован Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I–XI классов: в 2 т. Т. I. От стимула к реакции. Т. II. От реакции к стимулу. – Саратов, 2011.

характер реагирования может влиять многое, даже такой фактор, как усталость ребенка к моменту проведения эксперимента [Лурия 1979: 105].

Из 30553 анкет, сосредоточенных в электронной базе данных АСПС, более 16 тыс. анкет получено от учащихся I – VI классов и не менее 4,5 % анкет из этих 16 тыс. содержат признаки, по которым при создании ассоциативных словарей материал обычно отбраковывается (см. [Караулов 1999: 119]): большое количество отказов и семантически неадекватных реакций, в том числе реакций формально-грамматических и фонетических, реакции, повторяющие стимул, реакции-отрицания и др. Из базы данных АСПС такие анкеты не удалялись, но получили метки, обеспечившие возможность формировать особый подкорпус анкет с большим количеством в них семантически неадекватных реакций. Анализ материалов этого подкорпуса позволяет, как представляется, делать выводы, имеющие отношение не только к анкетам с семантически неадекватными реакциями, но и к материалам свободных ассоциативных экспериментов в целом.

Семантически неадекватные реакции – это прежде всего реакции, представленные в ассоциативных парах типа календарь > автобус, бояться > камень, быстро > зубы и под., в которых между стимулом и реакцией не удается обнаружить ни содержательной, ни формальной связи. Поскольку такие реакции не обусловлены ни содержанием, ни формой слов-стимулов, их можно назвать «абсолютно неадекватными». В анкетах с преобладанием таких реакций, как известно, нередко просматриваются некоторые признаки их в е ш н е й обусловленности: тем, что окружает испытуемого в момент эксперимента, какими-то личными его интересами, предпочтениями либо чем-то еще, не имеющим отношения к стимулу. Например, в анкете четвероклассника, представленной в табл. 1, преобладают абсолютно неадекватные реакции и при этом заметна влияющая на их появление актуализированность для испытуемого тем «Пища» (реакции *сухарик, сахар, арбуз, сыр, колбаса, жрёт*) и «Класс» (реакции *книга, дневник, ручка, пенал, листок, парта, указка*; причем реакции *книга* и *ручка* в анкете повторяются). Если в таких анкетах встречается и небольшое количество семантически интерпретируемых пар «стимул – реакция» (например, интересный > цветок или конфета > мальш в табл. 1), то не лишено оснований предположение, что семантическое соответствие реакции стимулу может быть в них результатом случайного совпадения.

Таблица 1. Анкета ученика 4-го класса с преобладанием «абсолютно неадекватных реакций»

Стимул	Реакция	Стимул	Реакция	Стимул	Реакция
1. интересный	<i>цветок</i>	11. роза	<i>сыр</i>	21. страдание	<i>пенал</i>
2. конфета	<i>мальш</i>	12. ребёнок	<i>колбаса</i>	22. родной	<i>ручка</i>
3. кошка	<i>сухарик</i>	13. колокольчик	<i>жрёт</i>	23. сидеть	<i>листок</i>
4. работать	<i>сахар</i>	14. она	<i>бежит</i>	24. спор	<i>парта</i>
5. кукла	<i>осёл</i>	15. обещать	<i>семья</i>	25. гора	<i>рубашка</i>
6. невозможно	<i>арбуз</i>	16. каменный	<i>Дятловы</i>	26. дежурить	<i>указка</i>
7. армия	<i>книга</i>	17. громкий	<i>томос</i>	27. зря	<i>пятно</i>
8. вернуться	<i>дневник</i>	18. ещё	<i>маленький</i>	28. гордый	<i>волосы</i>
9. скупой	<i>ручка</i>	19. ученик	<i>собака</i>	29. ветер	(нрзб.)
10. помогать	<i>книга</i>	20. чай	<i>куртка</i>	30. смотреть	<i>родина</i>

Отношения в парах типа печка > *птичка*, поиск > *поезд*, ребёнок > *бонок*, построенные на одном лишь фонетическом сходстве между стимулом и реакцией, безусловно, также являются семантически неадекватными, но при этом внутренне обусловленными и относятся исследователями к подклассу формальных реакций (см., в частности, [Гарипова 2006]). К семантически неадекватным формальным относятся и эхологические реакции: скоро > *скоро*, слово > *слово* и под.

Реакции в парах типа алый > *не алый*, банда > *не банда*, бояться > *не бояться* (так называемые «не-реакции») реализуют формальную операцию отрицания, при осуществлении которой не имеет значения, что именно отрицается, поэтому они также относятся нами к семантически неадекватным, но внутренне обусловленным формальным, хотя эти реакции уже надо признать периферией зоны семантической неадекватности, так как трудно провести строгую границу между собственно отрицанием, общей оппозитивностью и выражением семантической противоположности, тем более что у школьников младших классов слитное или раздельное написание слов с НЕ может не выражать осознания ими содержательных различий, связанных со слитным и раздельным написаниями в случаях типа *неверный* и *не верный*, *неважный* и *не важный* и под. И всё же мы относим «не-реакции» к зоне формального реагирования и семантической неадекватности, поскольку в анкетах с заметной долей «не-реакций» они нередко перемежаются со значительным количеством реакций собственно фонетического характера (см. например, ответы ученика 2-го кл., представленные в табл. 2).

Таблица 2. Анкета ученика 2-го класса с преобладанием фонетических реакций и «не-реакций»

Стимул	Реакция	Стимул	Реакция	Стимул	Реакция
1. интересный	<i>неинтересный</i>	11. роза	<i>мимоза</i>	21. страдание	<i>не страдание</i>
2. конфета	<i>комета</i>	12. ребёнок	<i>малыш</i>	22. родной	<i>неродной</i>
3. кошка	<i>мошка</i>	13. колокольчик	<i>шмольчик</i>	23. сидеть	<i>лежать</i>
4. работать	—	14. она	<i>он</i>	24. спор	<i>мораль</i>
5. кукла	<i>шмукла</i>	15. обещать	<i>не обещать</i>	25. гора	<i>жара</i>
6. невозможно	<i>возможно</i>	16. каменный	<i>военный</i>	26. дежурить	<i>не дежурить</i>
7. армия	<i>небо</i>	17. громкий	<i>негромкий</i>	27. зря	<i>не зря</i>
8. вернуться	<i>не вернуться</i>	18. ещё	<i>нет</i>	28. гордый	<i>негордый</i>
9. скупой	<i>не скупой</i>	19. ученик	<i>учитель</i>	29. ветер	<i>море</i>
10. помогать	<i>не помогать</i>	20. чай	<i>май</i>	30.	—

Подобное решение следует принять и относительно случаев, когда реакции являются какими-либо из форм словоизменения слова-стимула или связаны со стимулом общим корнем, основой, поскольку при этом реакции «словоизменительного» и «словообразовательного» характера, как их иногда называют, очень часто перемежаются в той же анкете с реакциями фонетического характера. См., например, табл. 3, где в анкете ученицы 3-го кл. представлены, во-первых, ассоциативные

пары конфета > *конфеты*, гора > *горы*, во-вторых, пары типа интересный > *интерес* или сидеть > *сиделка* и почти половина реакций связана с соответствующими стимулами фонетически (кошка > *мошка*, чай > *ай*, страдание > *Дания* и под.). Три разные тактики реагирования (ответ словоизменительной формой слова-стимула, родственным словом, фонетически сходным словом) представляют в данной анкете общую ассоциативную стратегию формального реагирования.

Таблица 3. Анкета с сочетанием формально грамматических и фонетических реакций

Стимул	Реакция	Стимул	Реакция	Стимул	Реакция
1. интересный	<i>интерес</i>	11. роза	<i>мимоза</i>	21. страдание	<i>Дания</i>
2. конфета	<i>конфеты</i>	12. ребёнок	–	22. родной	<i>водный</i>
3. кошка	<i>мошка</i>	13. колокольчик	–	23. сидеть	<i>сиделка</i>
4. работать	<i>боты</i>	14. она	<i>он</i>	24. спор	<i>спорт</i>
5. кукла	<i>пугало</i>	15. обещать	<i>обижать</i>	25. гора	<i>горы</i>
6. невозможно	<i>возможно</i>	16. каменный	<i>камень</i>	26. дежурить	<i>жмурить</i>
7. армия	–	17. громкий	<i>гром</i>	27. зря	<i>заря</i>
8. вернуться	<i>свернуться</i>	18. ещё	<i>чѐ</i>	28. гордый	<i>потный</i>
9. скупой	<i>кукой</i>	19. ученик	<i>учебник</i>	29. ветер	<i>вечер</i>
10. помогать	<i>может</i>	20. чай	<i>ай</i>	30. смотреть	<i>смотр</i>

Относя «словоизменительные» реакции и реакции «словообразовательные» к типу неадекватных реакций на формальной (в данном случае – формальной грамматической) основе, мы учитываем их постоянную встречаемость в одних и тех же анкетах с реакциями на безусловно формальной основе, фонетической. Дело в том, что, как мы полагаем, имеются основания рассматривать каждую анкету, фиксирующую ответы испытуемого как относительно единый т е к с т, объединенный ассоциативными связями. Существенно, что это не только связи стимулов с соответствующими реакциями, то есть связи г о р и з о н т а л ь н ы е, но это и, как правило, общий характер основных реализуемых испытуемым стратегий реагирования в контексте конкретной ситуации эксперимента, то есть связи в е р т и к а л ь н ы е. Стремление экспериментатора так выстраивать последовательность стимулов, чтобы они не воспринимались как семантически связанные (см. [Караулов 1999: 124], наталкивается на обусловленную всем коммуникативным опытом испытуемых установку на отношение к событию своего участия в эксперименте как к речево-му целому, и это отношение проявляется в более или менее явной однородности каждой анкеты по характеру представленных в ней а с с о ц и а т и в н ы х стратегий.

В анкетах с абсолютно неадекватными или формальными реакциями такая однородность особенно заметна, поскольку, реализуясь стратегией семантически неадекватного реагирования, выступает как отклонение от интуитивно принимаемой «нормы», но она имеет место и в анкетах с преобладанием семантически адекватных реакций, то есть в основной их массе, как реализация самого принципа се-

мантической адекватности и при этом нередко сопровождается дополнительными элементами грамматической однородности ответов испытуемого, в соответствии с которой в анкете преобладают реакции, сходные по какому-либо грамматическому основанию: либо в основном существительные, либо, напротив, глаголы, либо определенные словоизменительные формы, либо слова той же части речи, что и стимул. Так, в анкете шестиклассницы: бандит > *крадёт*, музыка > *поёт*, каприз > *плачет*, оркестр > *играет*, сон > *спит ночью*, а в анкете ее одноклассницы: бандит > *пистолет*, музыка > *песни*, каприз > *слёзы*, оркестр > *музыка*, сон > *сновидение*; в анкете четвероклассницы с ответами на список из 30 стимулов реакции в основном семантически адекватные и при этом последовательно относятся к той же части речи, что и стимул: конфета > *шоколад*, работать > *играть*, помогать > *убирать*, роза > *цветок*, каменный > *твёрдый*, чай > *стакан* и под. См. также: [Караулов 1999: 221, 222; Гольдин, Сдобнова 2012].

Как всякий текст, анкета испытуемого может содержать элементы динамики, в данном случае – динамики ассоциативного поведения, что не противоречит общей тенденции сохранять в ней однородность принципов реагирования. Так, в ассоциативных экспериментах со школьниками I – VI классов нередко случаи, когда начало анкеты строится из ответов ни семантически, ни формально не соответствующих стимулам, (ответы типа мир > *каша*, порошок > *цветочек*, смерть > *сапоги*, шел > *ножницы*, звать > *сено* и под.), но в какой-то момент на очередной стимул появляется семантически адекватная реакция, и после этого испытуемый уже почти не отступает от найденного им способа ассоциативного поведения, которое в силу своей мотивированности, по-видимому, переживается им как более удачное. Интересно, что переход от формальных грамматических и/или фонетических реакций к семантически адекватным наблюдается реже и, по-видимому, совершается труднее.

Таким образом, выявляемое по материалам АСШС разнообразие вариантов семантически неадекватного реагирования сводимо, как и устанавливаемое по материалам экспериментов с детьми с легкой степенью умственной отсталости (см. [Гарипова 2006]), к двум основным типам: к абсолютно неадекватному реагированию и к реагированию формальному. В соответствии с преобладанием в анкетах реакций абсолютно неадекватного или формального характера удастся распределить (к сожалению, с не абсолютной точностью) рассматриваемые 748 анкет из базы данных АСШС по двум группам: анкеты с ответами абсолютно неадекватного характера (412 анкет, тип НР) и анкеты с ответами формального характера (336 анкет, тип ФР). В результате компьютерной обработки данных открывается возможность сравнить составы «ядра языкового сознания» школьников I–VI классов, установленные отдельно по материалам анкет трех типов: по материалам 15611 анкет с преобладанием семантически адекватных реакций (тип АР), по материалам анкет типа НР и анкет типа ФР. К ядру относим реакции, обнаружившие связь с наибольшим количеством разных стимулов.

Из ранжированных по убыванию частот списков ассоциативных реакций по данным обратных словарей анкет типов АР, ФР и НР выбрано для сопоставления по 40 реакций начальных рангов (см. табл. 4).

Таблица 4. Наиболее активная часть «ядра языкового сознания» школьников I–VI классов по данным анкет трех типов

Ранг	Типы анкет		
	АР	ФР	НР
	человек	человек	дом
	дом	дом	машина
	машина	машина	ручка
	человека	мама	пенал
	друг	собака	человек
	мама	день	доска
	хороший	умный	стул
	мальчик	друг	тетрадь
	хорошо	мальчик	книга
	большой	кот	цветок
	умный	цветок	мама
	красивый	я	собака
	собака	кошка	дерево
	я	маленький	стол
	папа	мой	школа
	плохой	мяч	дверь
	дома	ручка	линейка
	плохо	тетрадь	карандаш
	урок	человека	парта
	школа	большой	класс
	книга	вода	хорошо
	нет	город	дневник
	день	дерево	кот
	играть	заяц	кошка
	класс	злой	день
	жизнь	играть	лист
	тетрадь	идти	нет
	мой	класс	мальчик
	большая	нет	папа
	люди	добрый	учитель
	стул	дома	вода
	цветок	жить	друг
	работа	море	заяц

	кот	плохой	мел
	людей	пришёл	цвет
	ручка	урок	учебник
	дерево	хороший	красный
	стол	бег	пол
	мяч	война	снег
	маленький	дать	часы

Сравнение представленных в табл. 4 данных позволяет сформулировать в качестве выводов по крайней мере следующие положения.

Несмотря на существенные различия стратегий реагирования, с учетом которых устанавливался тип анкет, в трех рассматриваемых списках совпали 15 реакций (в таблице они выделены полужирным) из 40, и это не может быть случайным. Слова *человек, дом, машина¹, друг, мама, мальчик, собака, нет, день, класс, тетрадь, цветок, кот, ручка, дерево* выделились как активная о б щ а я часть ядра языкового сознания русскоязычных школьников I–VI классов по данным АСШС. Особенно важно, что этот результат получен в том числе на основе анализа ассоциативных реакций в анкетах типа НР: в ответ на стимулы авторы этих анкет давали по преимуществу абсолютно неадекватные реакции, но черпали их, как можно видеть, из, несомненно, структурированной языковой базы, общей в своей основе носителям русского языка. Реакции в анкетах типа НР были случайными по отношению к соответствующим стимулам, но лексический состав этих реакций и относительные частоты появления каждой из них в анкетах уже не были случайными, так как в значительной мере определялись общими свойствами ядра русского языкового сознания.

Обращает на себя внимание обилие именно в списке НР слов, именующих предметы, которые могли непосредственно окружать испытуемых во время проведения экспериментов в классных комнатах: *ручка, пенал, линейка, карандаш, доска, мел, парты, стул, стол, книга, тетрадь, лист, дневник, учебник, дверь, пол, цветок*. Использование семантически неадекватных реакций этого типа установлено как характерное для детей с некоторой степенью умственной отсталости (см., например, [Лурия 1979, Гарипова 2006] и др.), однако мы бы остереглись давать материалу АСШС однозначную трактовку в данном направлении: реакции *ручка, тетрадь, цветок, класс* частотны в анкетах всех трех типов, а в списке АР, наиболее противопоставленном списку НР, среди частотных реакций находим также реакции *книга, стол, стул, школа*, и это естественно, поскольку испытуемые – школьники и школьные реалии занимают в их жизни важное место. Кроме того, мы рассматриваем ассоциации школьников младших возрастных групп, а в анкетах старших школьников абсолютно неадекватные реакции появляются уже гораздо реже, и, следовательно, возрастной фактор здесь также значим.

¹ Относительно вхождения в ядро слова *машина* могут быть некоторые сомнения: в стандартном объяснении испытуемым условий эксперимента стимул *машина* использовался в качестве примера, и это могло повлиять на его употребительность в качестве реакций.

Общность состава реакций обнаруживается и в попарном сопоставлении списков. В списках АР и ФР совпадают еще 12 реакций: *человека, хороший, большой, умный, я, плохой, урок, дома, играть, мой, мяч, маленький* (5 прилагательных, 2 местоимения, глагол, наречие, косвенная форма одного существительного и 2 существительных в начальной форме). Отсутствие этих реакций в списке НР не случайно, поскольку в отличие от списков АР и ФР список НР состоит почти из одних существительных, в нем вообще нет глаголов, местоимений и слов в косвенной форме. В списках АР и НР, кроме реакций, общих всем трем спискам, совпали 6: *хорошо, папа, школа, книга, стол, стул*, а в списках ФР и НР – только *кошка, вода и заяц*. Таким образом, у списков АР и ФР общего больше, чем у каждого из них в отдельности со списком НР.

Различия между списками имеют не только грамматический и собственно лексический характер, но и типологический: 35 реакций-существительных списка НР относятся к предметной лексике, среди остальных пяти реакций только две – существительные с непредметным значением (*день, цвет*) и нет ни одной номинации действия, тогда как в списках АР и ФР находим глаголы *играть, жить, дать, идти* и непредметные существительные *урок, день, бег, война, жизнь, работа*; только в списках АР и ФР представлены местоимения (*я, мой*).

В плане методическом представленный материал хорошо демонстрирует, с нашей точки зрения, полезность соединения в ассоциативных исследованиях внимания как к «горизонтальным», так и к «вертикальным» проявлениям стратегий реагирования испытуемых.

Литература

Богословская И.В. Специфика понимания текста смешанного типа и формализация его сложности: дис... док. филол. наук. – Уфа, 2014. – 442 с.

Гарипова Р.Н. Особенности ассоциирования в условиях патологии // Вестник УГАТУ. – Уфа: Уфимский гос. авиационный технический университет, 2006. Сб. научных трудов 8, № 1 (17). – С. 152 – 160.

Гольдин В.Е., Сдобнова А.П. К проблеме коммуникативного анализа ассоциативных данных // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. Т. 12. 2012. Вып. 3. – С. 3 – 7.

Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. – М.: ИРЯ РАН, 1999. – 180 с.

Лурия А.Р. Язык и сознание. – М., Изд-во Московского университета. 1979. – 320 с.

М. Еленевская, И.Г. Овчинникова

УДК 81'23

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ АССОЦИАЦИИ ИЗРАИЛЬТЯН КАК ОТРАЖЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ¹

Статья посвящена обсуждению предварительных результатов исследования вербальных ассоциаций русскоязычных израильтян, полученных в результате свободного ассоциативного эксперимента с иврит-русскими и русско-иврит билингвами. В эксперименте использован список стимулов «Славянского ассоциативного словаря», что позволяет сравнивать ассоциации израильтян с материалами других исследований ассоциаций на русском языке. В результате такого сравнения, проведенного для слова *деньги*, выявлены изменения в представлении значения слова в сознании россиян за три десятилетия и обнаружены заметные различия в актуализации семантических признаков слова между россиянами и русскоязычными израильтянами. Проект создания базы данных русскоязычных ассоциаций израильтян рассматривается на фоне характеристики эволюции русского языка и культуры в Израиле.

Ключевые слова: свободные ассоциации, билингвизм, русский язык в Израиле, содержание концепта *деньги*.

Maria Yelenevskaya, Irina G. Ovchinnikova

THE TRANSFORMATION IN LANGUAGE AND CULTURE OF RUSSIAN SPEAKING ISRAELIS REFLECTED IN THE FREE ASSOCIATIONS SETS

This paper reports on the association experiment conducted among Russian-Hebrew bilinguals. As the basis of the experiment we used a list of 112 stimuli-words that form the core of the Slavic Association Dictionary, thus we are able to compare our data with free associations received from Russian speakers in the Russian Federation. The comparison of association sets, responses to the stimulus-word *dengi (money)* from different Russian association dictionaries with our data enabled us to trace and clarify the evolution of the lexical meaning and changes in the content of the concept connected with the word. Our analyses reveal the difference in the mental representation of the word meaning and the concept structure between Russian speakers from RF and Israel. We also discuss some peculiarities of the Russian language and culture in Israel.

Keywords: free associations, bilingualism, Russian in Israel, concept *money*.

К постановке проблемы

Повсеместное возрождение интереса к вербальным ассоциациям обусловлено несколькими обстоятельствами. Во-первых, это развитие языковых контактов и массовое распространение многоязычия. Владение и овладение несколькими языками как в естественных условиях, так и в учебной аудитории порождает спрос на словари, дидактические материалы, программные средства, адекватные уровню компетенции в осваиваемом языке. Во-вторых, распространение кросс-культурной

¹ Авторы выражают самую сердечную признательность Наталье Владимировне Уфимцевой за идею исследования и предоставленный список стимулов

коммуникации в самых разных сферах, включая компьютерно-опосредованное общение, провоцирует разработку методов и инструментов диагностики межкультурных различий для предотвращения коммуникативных неудач. В-третьих, совершенствование способов компьютерной обработки текстов и прочего языкового материала, методов извлечения информации из текстов и звучащей речи для адекватного выполнения запросов пользователей дает возможность ориентироваться не только на формальные параметры, но и на более тонкие и адекватные восприятию и переработке информации человеком с нечеткими семантическими градациями и разнонаправленными ассоциативными связями. Для создания алгоритмов обработки текстовых массивов с использованием ассоциативных связей между словами необходимы базы данных ассоциаций и ассоциативные словари для разных языков.

Самой существенной причиной нового обращения к ассоциативному эксперименту и ассоциативным тезаурусам оказывается массовый билингвизм современного глобального мира, обуславливающий необходимость создания ресурсов, отражающих представление о значении языковых единиц при заметных различиях в уровне освоения и сферах использования национального языка. Нивелирование подобных различий чревато нарушениями социального взаимодействия. Ассоциативный эксперимент был и остается наиболее простым и одновременно надежным способом диагностики семантических различий и выявления актуальных смыслов у разных носителей языка. В результате системного описания таких различий между билингвами и монолингвами можно выявить изменения образа мира и культуры, т.е. «совокупности перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира» [Тарасов 1996: 7], происходящие под влиянием билингвального опыта.

Оптимальный способ хранения ассоциативных сетей – это словари, базы данных и корпусы, в которых сырые материалы остаются доступными для изучения в различных аспектах и моделирования разных сторон речевого общения и языковой способности. Долгая традиция изучения и сбора вербальных ассоциаций позволяет выбрать необходимый вариант ассоциативного теста для решения конкретной исследовательской или практической задачи. Однако при всем многообразии словарей ощутимо отсутствие материалов ассоциаций, в которых были бы зафиксированы основные демографические и социальные характеристики респондентов. Такого рода материалы, представленные в словарях и базах данных, необходимы прежде всего для мировых языков, поскольку именно эти языки играют наиболее заметную роль в распространении информации и знаний для организации социального взаимодействия. К мировым языкам относится и русский язык, распространенный далеко за пределами Российской Федерации.

Цель данной работы мы определяем как обоснование подходов к созданию базы данных русских ассоциаций иврит-русских и русско-иврит билингвов и характеристику этого проекта. Создаваемая нами база данных пригодна как для оптимизации социального взаимодействия, так и для исследования особенностей ментального лексикона носителей двух языков, живущих в поликультурном пространстве.

В своем исследовании мы исходили из гипотезы:

- релевантным методом массового сбора ассоциаций, сопоставимых с другими источниками, является письменно-письменный эксперимент, традиционно используемый при составлении словарей;

- формулировка задания и процедура проведения эксперимента с билингвами исключает малейший намек на тестирование языковой компетенции;
- русскоязычные ассоциации израильтян отражают языковую аттрицию и сужение сферы функционирования русского языка;
- поликультурность проявляется в диффузном распределении ассоциаций на слово-стимул, связанный с несколькими культурами.

Социокультурная характеристика русскоязычных израильтян

Израиль представляет собой поликультурное и многоязычное государство. До девяностых годов прошлого века политика адаптации иммигрантов строилась в соответствии с принципом «плавильного котла». Предполагалось, что прибывающие в Израиль иммигранты отказываются от языка и культуры своих стран и принимают, одновременно с израильским гражданством, язык и культуру новообретенного отечества. Превращение мира в глобальную деревню и массовая эмиграция евреев из стран бывшего Советского Союза способствовали отступлению от политики «плавильного котла» и развитию толерантности к использованию в социальном взаимодействии, наряду с ивритом, языков стран исхода.

Прибывшие в последнее десятилетие прошлого века иммигранты, оставляя экс-СССР, стремились не столько попасть в Израиль, сколько оставить позади опыт проживания в социалистической системе и предпринять попытку достичь стиля жизни, определяемого как «благополучие», «стабильность» и «личная свобода» [см. Еленевская и Фиалкова 2005: Ч. 1: 47-63; Рывкина 1996: 186; Al-Haj and Leshem 2000: 11-13]. В соответствии с моделью Бэрри [1997], подобная мотивация как правило приводит к низкому уровню адаптации в принимающей культуре. Однако, поскольку массовая иммиграция 90-х представляла собой весьма разнородное сообщество, адаптация подгрупп в рамках этого сообщества к жизни в Израиле проходила по разным сценариям. Среди иммигрантов 90-х можно обнаружить практически все переходные зоны от полного сознательного отказа от русского языка в пользу освоения иврита и израильского стиля жизни до стремления сохранить язык и культуру и создать в Израиле своеобразную русскоязычную культурную автономию. Многочисленные социологические и антропологические исследовательские проекты, посвященные так называемой «большой русской алии» (иврит, иммигрантской волне) выявили сложную мозаику, не поддающуюся точному описанию в рамках модели Бэрри. Русскоязычные израильтяне успешно освоили местный рынок труда и создали в нем собственные ниши. Они быстро обосновались в политической жизни, хотя им и не удалось избежать влияния со стороны различных группировок израильских политиков. Особенно заметен вклад «большой русской алии» в развитие высоких технологий и туризма. Израильтяне благодарны «русским» за оживление светского искусства, обогащение театральных и литературных традиций. Даже спортивной сфере «русские» придали новый стимул для развития [Кенигштейн 2007; Носенко 2008; Al Haj 2004; Fialkova, and Yelenevskaya 2013; Remennick 2007].

Иммигранты 90-х из бывшего СССР высоко ценили русскую культуру и старались развивать ее в новой стране. Они стали первой группой иммигрантов, открыто отказавшихся отречься от культуры и языка страны исхода [Yelenevskaya and Fialkova 2003]. Очень важным качеством, привнесенным “русскими” в израильскую жизнь, стала толерантность к другим языкам и культурам, поскольку многие

из приехавших в Израиль привыкли к поликультурному и многоязычному окружению еще в Советском Союзе. [Shumsky 2002].

Почти 60 процентов приехавших взрослых получили высшее и среднее специальное образование в СССР и до эмиграции работали в соответствии с полученной профессией [Leshem and Lissak 1999: 144]. Новые израильтяне старались быстро продвигаться по ступенькам социально-экономической лестницы, порой добиваясь даже более высокого статуса, чем тот, что имели в стране исхода. Однако израильская ниша рынка труда для «белых воротничков» была переполнена уже к 1990-м. По целому ряду причин, включая бюрократические барьеры и высококонкурентную среду, только треть иммигрантов с высшим образованием смогли продолжить и в Израиле работать по специальности [Remennick 2007: 73-93]. Остальным приходилось осваивать востребованные на рынке труда профессии и приспосабливаться к новому, более низкому, по сравнению с советским, социальному статусу.

Практически не прекращающийся в 1990-е годы приток иммигрантов из бывшего СССР рассматривался правительством как важное и положительное политико-экономическое явление, однако финансовая поддержка вновь прибывшим сокращалась. В результате многие новые израильтяне были вынуждены искать работу, не успевая освоить иврит даже на начальном уровне. Благодаря таким работникам и спросу в Израиле возникли организации и целые отрасли, ориентированные на обслуживание клиентов на русском языке. В отличие от других языков, привезенных иммигрантами, русский, как и английский, получил широкое распространение за пределами домашнего общения в официальной коммуникации. Сфера распространения русского языка в официальном общении включает такие отрасли, как туризм, дополнительное образование, развлечения, СМИ и обслуживание клиентов в различных организациях, от государственных, до частных. Благодаря представительности русскоязычные общины, русский язык превратился в третий из наиболее распространенных языков Израиля². Поскольку русские составляют восьмую часть населения страны, правительственные организации были вынуждены отступить от политики исключительной поддержки иврита в официальной сфере [Yelenevskaya 2015, в печати]. Сейчас почти в каждой компании клиенту могут предоставить поддержку на русском языке. Таким образом, современный русскоязычный израильский горожанин, иммигрант первого поколения, не стремящийся к вертикальной социо-экономической мобильности, может не предпринимать особых усилий для серьезного освоения иврита, так как для повседневной коммуникации в общественных местах достаточно русскоязычных сотрудников, работающих с «русскими» клиентами. В большинстве своем эти люди функциональные билингвы, но в малом частном бизнесе встречаются и такие сотрудники, которые сами плохо владеют ивритом. Такая практика существенным образом облегчает адаптацию новым иммигрантам из экс-СССР, хотя их количество существенно сократилось по сравнению с 90-ми годами прошлого века. Быстрое освоение иврита утратило первостепенную важность. Если в семидесятых или ранних девяностых годах XX века иммигранты стремились как можно быстрее научиться свободно говорить на иврите, чтобы найти работу и обустроиться в повседневной жизни, то в

² <http://www.jewish.ru/news/israel/2014/02/news994323074.php>, дата обращения: 15.01. 2014.

новом столетии прибывающие в Израиль граждане бывших советских республик не ощущают такой насущной необходимости.

Растущее влияние русского языка на общественную жизнь Израиля особенно заметно на примере увеличения числа русскоязычных СМИ. Максимального количества печатные издания достигли на рубеже XX и XXI веков, когда количество печатных изданий на русском языке превысило 50, а по некоторым оценкам достигало 100 [Каспи и др. 2000]. Однако по мере того, как рос уровень владения ивритом среди русскоязычных израильтян, а также в связи с ростом популярности интернет-изданий количество бумажных изданий резко сократилось. Однако государственная радиостанция *РЭКА* продолжает 10-часовое вещание в день на русском языке (помимо этого действуют также коммерческие радиостанции). С 2003 года работает также русскоязычный телеканал Израиль-Плюс, чей репертуар включает новости, политические ток-шоу, развлекательные и музыкальные программы, а также показ фильмов, некоторые из которых снабжены титрами на иврите, что часто привлекает часть ивритоязычной аудитории.

Появление новых русскоязычных страниц в интернет и полноценных ресурсов на русском языке давно никого не удивляет. Помимо новостных и аналитических порталов *izrus.co.il*, *cursorinfo.co.il*, *newsru.co.il*, *9tv.co.il*, *relevantinfo.co.il* и других, в сети доступны русскоязычные израильские группы для пользователей любого возраста в социальных сетях и чатах, на блоговых платформах и форумах. Посты и записи на этих ресурсах в основном посвящены новостям и проблемам израильской жизни, в текстах встречаются гебраизмы и переключение кода. Зачастую обсуждение ведется на одновременно на трех языках: русском, иврите и английском. Один из каталогов израильских русскоязычных сайтов, отнюдь не претендующий на полноту, предлагает 20 тематических групп: образование, музыка, молодежь, подростки и дети, туризм, спорт и т.п., что позволяет судить о разнообразии сфер использования русского языка³. Исчезающие сайты тут же заменяются новыми, подтверждая востребованность информации о всех сторонах жизни страны на русском языке.

Вторая после СМИ сфера, на развитие которой русский язык оказал заметное влияние, – это образование и воспитание. Иммигрировавшие в Израиль педагоги создали новую сеть двуязычных детских садов, школ и лагерей. Теоретической основой развития способностей детей в билингвальных образовательных учреждениях стало положение Льва Семеновича Выготского о зоне ближайшего развития, понимаемое в аспекте одновременного приобщения к двум языкам и культурам [Fialkova and Yelenevskaya 2011; Remennick 2002; Moin et al. 2011]. В девяностые годы большая часть занятий проводилась на русском языке, однако в новом столетии возникла необходимость адаптировать систему обучения для тех школьников, которые не владеют русским в достаточной мере. Для выросших в Израиле детей иммигрантов «большой алии» в этой образовательной сети введено преподавание некоторых предметов на иврите. Обращение к ивриту позволяет привлечь учеников из семей, говорящих на иврите или арабском.

В рамках данной статьи мы вынуждены ограничиться основной характеристикой русскоязычного Израиля и роли русского языка в повседневной жизни стра-

³ <http://www.startpage.co.il/russian/>, дата обращения: 15.01. 2014.

ны. В заключение нашего беглого обзора приведем замечание Спольского и Шо-хами о том, что русскоязычное сообщество в состоянии поддерживать постоянное функционирование языка [1999: 236]. Рискнем добавить, что назрела настоятельная необходимость описания функционирования израильского русского во всех его разновидностях и регистрах.

Отношение к русскому языку в Израиле

Несмотря на практически полноценное функционирование русского языка в общественной сфере Израиля, признаки языковой аттриции заметны невооруженным глазом. Даже профессиональные журналисты иногда допускают грамматические ошибки. В интернет коммуникации нарушение правил орфографии и пунктуации встречается регулярно, а немотивированное вкрапление гебраизмов становится нормой. Наружная и печатная реклама на русском языке, превратившаяся в естественную составляющую израильского лингвистического ландшафта, нередко приводит в ужас русистов. Отношение к языку, его использование и речевое поведение выросших в Израиле детей и тех, кто, родившись здесь, унаследовал русский от родителей, заслуживает отдельного описания. Несмотря на богатую библиографию [см. Еленевская и Фиалкова 2005; Kraemer et al. 1995; Niznik 2011; Prashizky and Remennick 2015; Remennick 2003], систематическое исследование израильского варианта унаследованного русского еще ожидает своего часа. Большой вклад в расширение русскоязычного общения унаследовавших русский потомков иммигрантов внесло компьютерно-опосредованное общение (СМС), упростившее связи между сообществами эмигрантов из экс-СССР в разных странах. Языковое существование в СМС представляет новое измерение развития национального языка в иноязычном окружении.

Отношение к языку в иммигрантском сообществе со временем меняется. Иногда людям удается сохранить язык страны исхода в семейном общении [Kopeliovich 2009]. Нередко возникает конфликт поколений, в ходе которого родительские попытки навязать русский язык наталкиваются на стойкое сопротивление детей, выражающееся в попытке перехода на иврит при общении с родителями [Zbenovich and Lerner 2013]. Порой молодые люди возвращаются к родному языку после успешной самореализации в ивритоговорящем окружении, добившись в нем статуса «своего». Символическое значение русского языка во многом обусловлено социо-экономическим статусом семьи: чем успешнее родители, тем легче им убедить детей в необходимости сохранения языка и осознания принадлежности к двум культурам. При этом некоторые родители опасаются негативного отношения к своим двуязычным детям со стороны сверстников и школьного коллектива [Rozovsky 2014].

Как мы уже упоминали, израильский вариант русского языка все еще остается неопианным. Некоторые его черты обсуждаются в [Низник 2013; Naiditch 2004; Niznik 2011]. Семантические трансформации лексических значений под влиянием иврита, заимствования, новообразования и окказионализмы пока не зафиксированы ни в словарях, ни в комментариях к учебникам и справочникам. Унаследованный русский существенно отличается как от языка метрополии, так и от разговорного русского на улицах Израиля. Темой отдельного психолингвистического исследования может стать сопоставление унаследованного языка, использовать который за пределами семьи говорящий просто не решается, с языковой компетен-

цией носителя русского языка, иммигранта в первом поколении, владеющего всеми регистрами общения.

Наконец, настоящую *tabula rasa* представляет ментальный лексикон билингва. База данных, пригодная для реконструкции ментального лексикона, формируется из материалов ассоциативных экспериментов. Между тем создание статистически достоверной базы данных речевых образцов и ассоциаций иврит-русских и русско-иврит билингов представляет собой задачу пока не решенную, но весьма важную. База данных ассоциаций и ассоциативный тезаурус позволит оптимизировать обучение языкам русскоязычных израильтян и преподавание различных курсов на русском языке, во-первых. Знание ассоциативных связей между русскими словами, актуальных для израильтян, дает возможность оптимизировать межкультурную коммуникацию в различных сферах, в том числе в бизнесе и политике, во-вторых. Наконец, база данных или ассоциативный тезаурус распространенного в Израиле русского языка должна быть сопоставима с остальными ассоциативными словарями и тезаурусами для изучения пределов варьирования стереотипов и актуальных смыслов в ситуации различных языковых контактов.

Характеристика подходов к созданию и материалов ассоциативного тезауруса иврит-русских и русско-иврит билингов

Ассоциативный эксперимент с русскоязычными израильтянами был начат в ноябре 2014 года. Основная цель эксперимента заключается в накоплении материалов для изучения ментального лексикона билингов и трансформации русского языка в условиях контакта с ивритом в культурном пространстве современного Израиля. Также мы рассчитываем установить, насколько в ассоциациях на частотные слова проявляется языковая аттриция (см., работы в которой обсуждаются проблемы аттриции в русскоязычных сообществах за рубежом в [Гловинская 2001; Перотто и Низник 2014; Протасова 2014; Andrews 2014; Naiditch 2000]).

С целью получения сопоставимых данных, мы по предложению Натальи Владимировны Уфимцевой использовали список из 112 слов-стимулов, уже опробованный в «Славянском ассоциативном словаре». Мы используем ставшую общепринятой практику распространения анкет через интернет. Отбор участников эксперимента производится по трем основным критериям:

- 1) возрастному (от 20 до 35),
- 2) образовательному (наличие полного среднего образования),
- 3) адаптационному (пятилетний минимум проживания в стране, что соответствует критериям Министерства Абсорбции Израиля для перевода новых репатриантов в иную категорию граждан страны и отмены ряда льгот).

Критерии оказались достаточно жесткими. Многие из тех, кто бегло говорит по-русски и по всем критериям подходит для участия в эксперименте, не умеют писать кириллицей. Мы расширили экспериментальную аудиторию, обратившись к билингам старше 35 лет, анкеты которых обрабатываем отдельно. Пока в нашем эксперименте приняли участи 30 билингов старше 35 лет и 34 билингва в возрасте от 20 до 35 лет.

На сегодняшний день обработано 34 анкеты основной группы участников до 35 лет (19 женских и 15 мужских), в которых представлено 3,806 ассоциаций. Наши информанты прожили в Израиле от 6 до 23 лет. Возраст переезда в Израиль варьирует от дошкольного возраста (8 испытуемых) до 18+ (8 испытуемых); основ-

ная часть участников эксперимента приехала в страну в школьном возрасте от 7 до 17 лет (18 испытуемых). Таким образом, большая часть информантов получила образование на иврите, из чего можно заключить, что русский превратился в субдоминантный язык по отношению к ивриту.

Уровень образования можно описать пятью градациями:

- наличие диплома об окончании школы, свидетельствующего о полном среднем образовании (4 испытуемых);
- обучение на степень бакалавра (6 испытуемых)
- наличие степени бакалавра (13 испытуемых);
- обучение на степень магистра (5 испытуемых);
- наличие степени магистра (6 испытуемых).

Отдельным пунктом анкеты был контекст, в котором испытуемые пользуются русским языком. Анкета предоставляла возможность множественного выбора, и ею воспользовались почти все участники. Русский язык используют в общении:

- в семье 32 испытуемых;
- с друзьями в Израиле – 25 испытуемых;
- с друзьями, живущими в других странах – 21 испытуемый;
- с родственниками, живущими в других странах – 25 испытуемых;
- на работе – 12 испытуемых.

Графу «укажите другие ситуации» заполнили лишь пятеро участников. Одна из наиболее молодых (24 года), указала, что преподает русский ивритоязычным израильтянам. Другие единичные ответы: «повсеместно»⁴ (30, Ж); «Кроме того, много читаю и изредка пишу на русском» (30, М); «исследование»⁵ (32, Ж); TV (32 Ж)

Таким образом, становится очевидным, что для исследуемой возрастной группы русский язык прежде всего является средством неформального общения. Более того, это еще раз подтверждает роль транснациональных связей иммигрантов в поддержании языка страны исхода.

Полученные данные еще обрабатываются, однако некоторые закономерности и особенности очевидны уже сейчас. Мы обсудим общую характеристику полученных ассоциативных реакций, а затем приведем пример семантического анализа ассоциативных полей одного из стимулов в сопоставлении с материалами русских словарей ассоциаций.

В списке стимулов представлены имена существительные, прилагательные, глаголы и наречия. Информанты продуцируют однословные реакции тех же частей речи, предложно-падежные сочетания, а так же устойчивые сочетания. Первое, что бросается в глаза, это тенденция повторять одну и ту же реакцию в ответ на разные стимулы. Неоднократно такой «универсальной» реакцией оказывается *человек*. В частности, в одной из анкет *человек* актуализируется в ответ на стимулы-прилагательные *старый, молодой, свободный, белый, веселый, жадный*. В другой анкете реакция *любовь* приведена в ответ на стимулы *друг, вспоминать, счастье, вместе, вечность, любимый*.

Вторая очевидная тенденция проявляется в зеркальных реакциях: на стимул *белый* возникает ассоциация *черный*, на стимул *черный* – *белый* и т.п. Частотность

⁴ Во всех приводимых примерах орфография оригинала сохранена.

⁵ По-видимому, эта испытуемая – студентка имеет в виду исследовательскую часть своей дипломной работы по сравнительному литературоведению.

таких примеров наряду с дефицитом реакций, характерных для письменной речи, наводит на мысль о сужении словарного запаса.

В качестве третьей тенденции отметим своеобразие синтагматических реакций. Среди синтагматических реакций заметно преобладание стратегии дополнения до устойчивого сочетания как при прямом (*добро – пожаловать, душа – поет*), так и при обратном порядке слов (*лес – дремучий, счастье – хрупкое*). Более того, нередки ассоциации, возникающие на основе прецедентных текстов, в том числе пословиц и поговорок: *слово – воробей, утро – вечера мудренее, муж – объелся груш, любовь – козла, день – простоять и ночь продержаться, дядя – Степа* (3), *мальчик – с пальчик*. ([Hop o' my tongue], №. 700 в классификации фольклорных сюжетов [Aarne, and Thompson 1964]. Последняя реакция встречается 4 раза в полной версии и еще дважды без предлога. Очевидно, устойчивые сочетания и прецедентные тексты хранятся у билингвов в качестве целостной единицы, доступ к которой обеспечивает любой из компонентов, независимо от направления развертывания текста слева направо. При сужении словаря и дефиците актуальных в повседневном общении лексических связей всплывают в качестве реакции прецедентные тексты. Причем часто в качестве ассоциаций выступают ставшие речевыми клише цитаты из детских книг и фильмов. К уже приведенным выше добавим *чистый – МойДодыр, жадный – мальчиш плохиш, дурак – Незнайка*. Обращает внимание и влияние массовой культуры на ассоциации наших респондентов. Так, один испытуемый в качестве ассоциации на стимул *машина* выбрал *время*, а еще семь – *времени*, причем один из них добавил разъяснение «название музыкальной группы». Интерес также представляют отголоски советского дискурса в ассоциации молодых билингвов, повзрослевших уже в постсоветские времена: *враг – не пройдет, враг – народа* (2) *Родина – мать* (6). Интересны еще две многократно встречающиеся ассоциации. Одна из них реакция на стимул *памятник*. Надо отметить, что в Израиле скульптурные изображения людей не приняты. Возможно, отчасти поэтому у билингвов мобилизовались фоновые знания о стране исхода и дважды в качестве ассоциации встречается *Пушкину* и один раз *Пушкин*. Однако великого поэта заметно обогнал Ленин: три участника дали ассоциацию *Ленину*, четыре – *Ленин* и один *Ленин*. Еще одна интересная пара – это *новый – год* (11). Празднование Нового года превратилось в Израиле в своеобразный вызов обществу, и подчеркивание своей принадлежности к русской культуре. В начале 1990-х большинство израильтян не понимали, что Новый год в СССР, а затем и в постсоветской России – светский праздник и считали, что «русские» празднуют день Святого Сильвестра. Среди парадигматических реакций наиболее типичными являются антонимы: *старый – новый, добро – зло, успеть – опоздать*.

Полученные нами анкеты дают разнообразные примеры языковой аттриции. Наиболее интересными являются нарушения, характерные для детей, которые еще не овладели письменной речью и продуцируют слова фонетически сходные со знаковыми им: *лес – гремучий, лес – дубровый, палец показательный, гость – прошенный*. Наконец, влияние жизни в Израиле проявляется в упоминании топонимов: *город – Хайфа, гора – Кармель, река – Иордан* и т.п. Для обсуждения влияния контактного языка и культурного контекста наши данные пока недостаточны. Мы попытаемся проанализировать такое влияние на примере ассоциативного поля слова *деньги*.

Семантики слова *деньги* в сознании русскоязычных израильтян в по данным ассоциативного эксперимента

Приведем пример анализа семантики слова в сознании носителей израильского варианта русского языка по материалам нашего ассоциативного эксперимента. Выполненный пилотажный анализ призван продемонстрировать плодотворность использования результатов ассоциативного эксперимента с билингвами для определения семантических сдвигов и трансформаций. Семантический анализ мы проводим вполне традиционным способом с опорой на словарные толкования, выделение в них семантических признаков и последующую группировку ассоциаций вокруг семантических признаков.

Обратившись к словарным дефинициям и ассоциативным полям лексемы, попытаемся установить представление о семантике слова *деньги*.

Начнем с анализа семантической структуры и ассоциативного поля лексемы *деньги*, полученного в эксперименте с носителями русского языка.

Лексема *деньги* закрепились в русском языке в качестве самостоятельной единицы, а не формы множественного числа существительного *деньга*, в прошлом столетии. Слово *деньга* восходит к тюркскому *tamga* – клеймо, печать. В словаре В. Даля приведено толкование слова *деньга*, в котором упоминается также форма *деньги* (<http://slovardalja.net/>)⁶. В словаре под редакцией Д.Н. Ушакова находим отдельную словарную статью для слова *деньги*, содержащую упоминание о форме единственного числа как «исторической» и «просторечной». В 30-е годы прошлого столетия лексемой *деньги* обозначали металлические и бумажные знаки, являющиеся мерой стоимости вещей, а также в целом капитал, средства [Ушаков 1935]. В словаре С.И. Ожегова приводятся практически те же два лексико-семантических варианта лексемы: *металлические и бумажные знаки, являющиеся мерой стоимости при купле-продаже и предметом накопления; капитал, средства* (<http://slovarozhegova.ru/>)⁷. В словаре под редакцией Г.Н. Складчиковской отмечается актуализация лексемы *деньги*; словарная статья включает устойчивые атрибутивные словосочетания *быстрые деньги, горячие деньги, грязные деньги, деревянные деньги*, вошедшие в литературный язык в последние десятилетия [Толковый словарь... 2002: 200]. Новые значения у лексемы не выделяются.

Таким образом, в семантической структуре лексемы представлены семантические признаки: «металлические и бумажные знаки», «мера стоимости», «купля-продажа», «предмет накопления», «капитал», «средства».

У лексемы *деньги* отмечают терминологическое значение, или, точнее, лексема имеет омонимы в экономической и юридической терминосистемах. В словаре юридических терминов деньги трактуются как денежные знаки в виде банкнот и монет; один из объектов гражданских прав (www.vseslova.ru/index.php?dictionary=law&word=dengi/)⁸. Терминологическое значение отличает семантический признак «объект гражданских прав». В словаре экономических терминов термин *деньги* трактуется как «особый вид универсального товара», «всеобщий эквивалент», «средство обмена, платежа, стоимости, накопления богатства» [Райзберг, Лозов-

⁶ Дата обращения: 15.03.2015

⁷ Дата обращения: 15.03.2015

⁸ Дата обращения: 15.03.2015

ский, Стародубцева 2007], а также как одно из важнейших понятий любого рыночного хозяйства [Борисов 2010]. Термин содержит дифференциальную сему «универсальный товар», «эквивалент», «рыночное хозяйство».

Обратимся к сопоставлению ассоциативных полей слова-стимула *деньги*, полученных от носителей русского языка, проживающих в России, и израильско-билингвов. Начнем сопоставление с характеристики частотных по нашим данным ассоциаций. Затем проследим изменения в осознании значения слова за полтора десятилетия, с конца 80-х до 2005, на основании анализа реакций россиян, полученных в течение четверти века и опубликованных в «Русском ассоциативном словаре» и «Славянском ассоциативном словаре». Материалы для первого были собраны в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века, материалы второго – в 2001-2003 годах.

В наших материалах 2005⁹ года наиболее частотная реакция россиян *власть* составляет чуть более 6% от общего количества ответов, причем следующие по рангу ассоциации отстают всего на 1%: *валюта* и *богатство*.

Разнообразие реакций и отсутствие стереотипа означает расплывчатость представлений о языковом значении слова в сознании россиян. Диффузность представления о семантике слова *деньги* становится очевидна при обращении к его обратным связям: оно оказывается стереотипной реакцией с удельным весом в 36% на слово *бизнес*. Наличие стереотипа позволяет отнести *деньги* к ядру лексикона позволяет определить значимость обозначенного словом концепта для сознания носителя русского языка. По данным «Славянского ассоциативного словаря» деньги в ядре языкового сознания русских занимают 14-15 позицию в группе из 30 ядерных слов¹⁰. Между тем лексема *деньги* обладает слабыми исходящими связями и невысокой ассоциативной силой. Это означает, что слово *деньги* существенно как способ идентификации и описания других понятий и языковых единиц, но само по себе лишено четкого представления или определения.

Очевидно, несовпадение жизненного опыта приводит к актуализации личностных смыслов, связанных с различными компонентами семантической структуры слова, что и приводит к несовпадению у наших респондентов актуальных связей лексемы *деньги* с другими единицами лексикона. Три наиболее частотных реакции россиян отражают наиболее важные для них компоненты семантики слова: «гражданские права», «предмет накопления», «металлические и бумажные знаки».

По данным РАС¹¹, частотными ассоциациями на обсуждаемый стимул в начале 90-х были *бумажки*, *грязь*, *мелочь*, *монета*. В доступной онлайн версии ассоциативного тезауруса¹² три первые частотные реакции *большие*, *много*, *бешеные* составляют соответственно 7%, 4% и 3% ответов. По приведенным в «Русском сопоставительном ассоциативном словаре»¹³ данным можно судить о том, что все приведенные реакции повторяются в двух из трех изданных ассоциативных слова-

⁹ Подробную характеристику материалов см.: Овчинникова И.Г. Отражение диалога субкультур в содержании концепта интеллигент // Вопросы психолингвистики. 2009. №9. С.167-187.

¹⁰ См. подробнее о ядре лексикона: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/SAS/index.html>

¹¹ Русский ассоциативный словарь. Книги 1-6. / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. М.: «Помовский и партнеры», 1994-1998.

¹² <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php>

¹³ http://it-claim.ru/Projects/ASIS/RSPAS/RAS_SAS.htm#RS32

рей¹⁴. Отмеченная в наших материалах ассоциативная реакция *власть* встречается только в последнем из изданных словарей – в «Славянском ассоциативном словаре», опубликованном в 2004 году. За прошедшее пятнадцать лет представление о концепте *деньги*, отраженное в сознании россиян, существенно изменилось. Во-первых, для сознания наивных носителей языка приобрело актуальность терминологическое значение слова. Во-вторых, изменился эмоционально оценочный фон. Еще в «Славянском ассоциативном словаре» ассоциация *зло* оказывается третьей по частотности, а в наших материалах она встречается только у одного испытуемого. Для современного языкового сознания *деньги* – это прежде всего *жизнь, свобода, благополучие, успех*. Анализ дискурса также показывает, что деньги стали частым предметом обсуждения россиян и служат основанием категоризации современного мира [Осипова 2011].

Ни одна из трех актуальных для россиян XXI века реакций не существенна для израильтян. Русскоязычные израильтяне на стимул *деньги* чаще всего реагируют словом *работа* (7,5% от всех ответов). *Богатство* встречается только среди единичных ассоциаций; ни *власть*, ни *валюта* не приходят билингам в голову в связи с *деньгами*. Вполне вероятно, что при расширении аудитории информантов в ассоциативном поле исследуемого стимула появятся как *власть*, так и *валюта*, однако в разряд частотных ассоциаций они вряд ли попадут.

Каким образом проявляются остальные семантические признаки лексем в сознании билингов-израильтян по сравнению с монолингвами-россиянами?

Семантический признак «металлические и бумажные знаки» эксплицирован в таких ассоциациях россиян, как *доллар, доллары, бумага, рубль, баксы, рубли, бабки, купюра, купюры, монеты, бумажки, пачка, \$ €, бабло, баксы доллары, медь, мелочь, монета, у.е.* Совокупная частотность реакций составляет почти треть ответов (31%). Очевидно, этот семантический признак является доминирующим в психологическом значении слова современных носителей русского языка. Между тем для билингов этот признак оказывается менее актуален: совокупная частотность эксплицирующих его реакций достигает 15%. Все ассоциации израильтян, кроме *банкноты* и *радужные бумажки*, совпадают с приведенными выше реакциями жителей России. Таким образом, сема «металлические и бумажные знаки» в значении слова *деньги* для израильтян менее актуальна, чем для россиян.

Семантический признак «мера стоимости» репрезентирован в реакциях монолингвов *коттедж, машины, ресторан, роскошь, солярий, дорогие машины, покупка, покупки* и ряде других. Как видим, сема «мера стоимости» склеен с семой «купля-продажа». Приведенные ассоциации отражают представление о том, что ассоциируется с возможностями, которые открывают деньги и измеряемое деньгами богатство. Эти семы входят в семантическую структуру малочастотных слов-реакций.

В ассоциативном поле билингов возможности, обусловленные наличием денег, совершенно не представлены. Для израильтян деньги – это «средство», они *необходимы, нужны; их надо много, поэтому всегда не хватает*. Сема «средства»

¹⁴ Имеются в виду: Словарь ассоциативных норм русского языка/ Под ред. А.А. Леонтьева. М.: Издательство Московского государственного университета, 1977. 190 с.; Русский ассоциативный словарь. Книги 1-6. / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. М.: «Помовский и партнер», 1994-1998; Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский. М.: Институт языкознания РАН, 2004. 792 с

отражена в ассоциативном поле монолингвов реакциями *доход, зарплата, возможность*. В целом монолингвы реже переживают значение слова *деньги* как «средство», то есть способ получить необходимое и желаемое; для них *деньги* – это, скорее, возможность вести определенный образ жизни, отраженный ассоциациями, номинирующими дорогостоящие покупки.

Сема «капитал», помимо частотной ассоциации *богатство*, присутствует в значении слов-реакций *богач, банк, бизнес*, возникающих у россиян. Эта сема гораздо ярче проявляется в реакциях израильтян: *банк, бизнес, богатство, вклад, капитал*. Для израильтян деньги важны в качестве средства обеспечения занятости и гарантии достижимого будущего, а не стиля жизни, ассоциируемого с богатством или бедностью.

В ассоциативных полях находим реакции, отражающие лексические взаимосвязи юридического и экономического терминов *деньги*. Полагаем, что сема «объект гражданских прав» свойственна словам-реакциям *государство, власть, свобода, президент*, появившимся у россиян. Отражение содержания экономического термина находим в ассоциациях *банк, бизнес, валюта, средства, наличность*. Представленность в сознании наивных носителей языка содержания юридического и экономического терминов обусловлена частотностью публикаций на юридические и экономические темы в широкой печати, а также актуальностью информации об экономическом положении и правовом регулировании в эпоху общественных перемен.

Между тем в реакциях израильтян терминологическое значение отражается гораздо полнее, почти так же мощно, как ведущая для монолингвов сема «металлические и бумажные знаки». Ассоциации, отражающие актуальность термина и сему «металлические и бумажные знаки», перекрывают 30% ассоциативного поля билингвов, по 15% на термин и “знаки”.

В обсуждаемых ассоциативных полях мало реакций, отражающих перцептивный образ в семантической структуре слова. Перцептивный образ можно проследить по тематическим ассоциациям россиян: *кошелек, толстый кошелек, умный человек, зеленые*. Для израильтян перцептивный образ совершенно не актуален, с ассоциациями россиян совпадает только *кошелек*. По-видимому, «чувственная ткань» оттесняется на периферию значения слова сигнификативными семами, актуальными для терминов. Однако, если обратиться к расширенной трактовке перцептивного образа в структуре значения слова, предлагаемой школой И.А. Стернина, то стоит обратить внимание на существенность перцептивной составляющей в семантическом признаке «металлические и бумажные знаки», отраженном ассоциациями-номинациями монет, бумажных купюр, национальных валют. Такого рода ассоциации показывают актуальность не оценочного детализированного образа в структуре значения слова [Розенфельд 2008: 19]. Тем не менее, перцептивный компонент и чувственная ткань в осознании значения слова *деньги* не значимы ни для билингвов, ни для монолингвов.

В ассоциативных полях представлена оценка концепта *деньги*. Оценку и эмоции отражают малочастотные и единичные реакции. Наиболее частотные ассоциации с оценочной семантикой *хорошо, свобода, благополучие, жизнь, успех* у россиян составляют около 5% всех ответов. Отрицательная оценка (*грязь, грязные, вред, зло, мусор* и т.п.) выражена единичными реакциями. Ассоциации *грязь, грязные, зло* не позволяют составить устойчивое представление об оценке, поскольку совпадают с устойчивыми идиомами и не могут быть однозначно интерпретиро-

ваны как оценочные. Таким образом, концепт *деньги* переживается на фоне положительных эмоций. Для израильтян эмоциональная оценка *денег* неактуальна. Единичные ответы *грязь, грязные, зло*, как мы уже подчеркивали, не могут быть однозначно интерпретированы как оценочные. Выраженная единичными реакциями оценка *стресс, люблю* статистически недостоверна.

В совпадающих ассоциациях билингвов-израильтян отражено иное, чем у россиян, представление семантики слова *деньги*. В неединичных ответах израильтян представлены семы «гражданские права», «универсальный товар», «эквивалент», «капитал». В целом совпадающие у разных информантов-билингвов ассоциации составляют немногим менее четверти ответов. Сравнительная однородность ассоциативных реакций объяснима меньшим, по сравнению с монолингвами, объемом активного словаря, поскольку русский язык используется не во всех сферах общения. Однако это не единственное объяснение. Более компактная семантическая структура обусловлена сближением бытующего в HebRush¹⁵ *деньги* с экономическим термином, что отражено в совпадающих ассоциациях. На наш взгляд, концентрация представлений о значении слова вокруг термина отражает повседневный опыт существования в рамках более жесткой и более определенной экономической и финансовой системы.

Заключение

Насколько мы можем судить по предварительным результатам нашего эксперимента, изучение ассоциативных реакций иврит-русских и русско-иврит билингвов позволяет выявить несовпадение в представлении значений слов и существенном изменении иерархии лексико-семантических вариантов. Обнаруженные тенденции изменения лексикона соответствуют тем, что описаны для современного русского за рубежом.

В целом исходная гипотеза нашего исследования подтвердилась. Для получения достоверных надежных данных необходимо продолжать эксперимент. По мере роста базы данных ассоциаций станет возможным определение ядра лексикона русских израильтян. Одной из наиболее важных перспектив исследования нам кажется выявление варьирования ассоциативных связей в зависимости от социальных характеристик, прежде всего образования и профессии. Эти характеристики отражают меру вовлеченности индивида в социальную активность за пределами «русского Израиля». Полагаем, что степень варьирования ассоциаций даст объективные основания для определения меры неоднородности русскоговорящего общества в современном Израиле.

Литература

Борисов А.Б. Большой словарь юридических терминов. – М.: Книжный мир, 2010. – 848 с.

Гловинская М. Общие и специфические процессы в языке метрополии и эмиграции // Язык русского зарубежья. Общие процессы и речевые портреты. – 2001. Москва – Вена, Wiener slawistischer Almanach. – С. 341-429.

Еленевская М.Н. и Фиалкова Л.Л. Русская улица в еврейской стране. Исследование фольклора эмигрантов 1990-х в Израиле. В 2-х частях. М., РАН, Ин-т Этнологии и Антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 2005. – С. 593 (см. полную версию <http://old.iea.ras.ru/books/dostupno.html>.)

¹⁵ В социолингвистической литературе на английском языке прижился параллельный термин HebRush, использованный Л. Ременник (2003)

Кенигштейн М. (ред.) «Русское» лицо Израила: Черты социального портрета. М., - Иерусалим, Гешарим, Мосты культуры, 2007. – С. 503.

Носенко Е. (Отв. ред.) Израиль глазами «русских»: Культура и идентичность. Посвящается памяти Баруха Кимерлинга. Институт Востоковедения РАН. М., Наталис, 2008. – С. 477.

Низник М. Русский язык в Израиле – при смерти или все еще жив? //Русский язык зарубежья [под ред. М.М. Ровинской]. – СПб, Златоуст, 2013 – С. 106-127.

Овчиникова И.Г. Отражение диалога субкультур в содержании концепта интеллигент // Вопросы психолингвистики. 2009. 9. – С.167-187.

Осипова М.А. Ценности, деньги и дискурс //Эволюция ценностей в языках и культурах [под ред. И.А. Седаковой]. – М., Российская Академия Наук Институт Славяноведения, 2011 – С. 92-100.

Перотто М. и Низник М. По-русски говорим мы с детства. Из опыта неформального обучения русскому языку в Израиле и Италии //Ошибки и многоязычие. *Slavica Helsingiensia*, Vol. 45. Instrumentarium of Linguistics/A. Никунласси и Е. протасова// Helsinki: University of Helsinki, 2014. – С. 50-115.

Протасова Е. (Отв. ред.) Многоязычие и ошибки. Берлин, Реторика, 2014. – С. 4-10.

Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2007. – 495 с.

Розенфельд М.Я. Перцептивный образ в структуре значения слова. АКД. Воронеж, 2008. 24 с.

Русский ассоциативный словарь. Книги 1-6. / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. М.: «Помовский и партнеры», 1994-1998.

Рывкина Р. Евреи в пост-Советской России. Кто они? Социологический анализ Российского еврейства. М., URSS, 1996. – С. 240.

Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов. М., 2004. – 792 с.

Словарь ассоциативных норм русского языка/ Под ред. А.А.Леонтьева. М: Издательство Московского государственного университета, 1977. – 190 с.

Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение — новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания [под ред. Н.В. Уфимцевой]. – М: Институт языкознания РАН, 1996. – С. 7–22.

Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. / Под ред. Г.Н. Складневской. Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. - СПб., 2002. - 700 с.

Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. — М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940.

Aarne, A. and Thompson, S. (1964) The Types of the Folktale: A Classification and Bibliography. Helsinki: FFC No. 3. -1964.

Al-Haj, M. Immigration and ethnic formation in a deeply divided society: The case of the 1990s immigrants from the Former Soviet Union in Israel. Leiden, Boston, Brill, 2004. – P. 246.

Al-Haj, M., and Leshem, E. Immigrants from the Former Soviet Union in Israel: Ten years later. Haifa: The University of Haifa, 2000. – P. 130.

Andrews, D. R. Similarities and differences between American-immigrant Russian of the 1970s and 1980s and post-Soviet Russian in the motherland//The Russian language outside the nation / L. Ryazanova-Clarke// Edinburgh, Edinburgh University Press. – 2014. – P. 209-224.

Berry, J. W. Immigration, acculturation, and adaptation//Applied psychology: An International Review – 1997. – Vol. 46 № 1. – P. 5-68.

Caspi, D. et al. The Red, the white and the blue//Gazette: The international journal for communication studies. – 2002. – Vol. 64, No. 6. – P. 537-556.

Fialkova, L., and Yelenevskaya, M. Immigrants in the city: from Exploration to domestication// Israel affairs. – 2011. – Vol. 17, №1. – P. 143-164.

Fialkova, L., and Yelenevskaya, M. In search of the self: Reconciling the past and the present in immigrants' experience. Tartu, ELM Scholarly Press, 2013. – P. 282.

Kopeliovich, S. Reversing Language Shift in the Immigrant Family: A Case Study of a Russian-Speaking Community in Israel. Herstellung: Dudweiler Verlag, 2009. – P. 340

Kraemer R., et al. A study of Jewish adolescent Russian immigrants to Israel: language and identity//International journal of sociology of language – 1995. – Vol. 116. – P. 153-159.

Leshem, E., and Lissak M. Development and consolidation of Russian community in Israel // Roots and routes: Ethnicity and migration in global perspective/ Sh. Weil// Jerusalem, Hebrew University and Magnes Press. – 1999. – P. 135–171.

Moin, V. et al. Balancing between the heritage and host languages in bilingual kindergarten: Viewpoints of Russian-speaking parents in Germany and in Israel//European early childhood education research journal – 2011. – Vol. 19, № 4. – P. 515-533.

Naiditch, L. Code-switching and mixing in Russian-Hebrew Bilinguals// Languages in contact: Studies in Slavic and general linguistics – 2000. - Vol, 28. Amsterdam-Atlanta, Rodopi. – P. 277-282.

Naiditch, L. Russian Immigrants of the Last Wave in Israel. Patterns and Characteristics of Language Usage // Wiener Slawistischer Almanach – 2004. – Vol. 53. – P. 291-314.

Niznik, M. Cultural Practices and Preferences of 'Russian' Youth in Israel// Israel Affairs. – 2011. – Vol. 17, №1. – P. 89-107.

Prashizky, A., and Remennick, L. Cultural Capital in Migration: Fishka Association of Young Russian-speaking Adults in Tel Aviv, Israel //Journal of intercultural studies .– 2015. – Vol. 36, № 1. – P. 17-34.

Remennick, L. Survival of the Fittest: Russian Immigrant Teachers Speak about Their Professional Adjustment in Israel // International Migration. 2002. – Vol. 40, №1. – P. 109-121.

Remennick, L. From Russian to Hebrew via *HebRush*: Intergenerational Patterns of Language Use among Former Soviet Immigrants in Israel//Journal of Multilingual and Multicultural Development. – 2003 – vol. 24, №. 5. – P. 431-453.

Remennick, L. Russian Jews on Three Continents: Identity, Integration, and Conflict. New Brunswick and London, Transaction Publishers, 2007. – P. 408.

Rozovsky, L. Rusit tedabri babait [Speak Russian at home], retrieved from www.ha-makom.co.il/post/liza-safa?utm_source=socialplat&utm_medium=fbpage&utm_campaign=liza-safa (last accessed 25.12.2014), in Hebrew.

Shumsky, D. Ethnicity and citizenship in the perception of Russian Israelis // Challenging ethnic citizenship: German and Israeli perspectives on immigration / D. Levy, and Y. Weiss// New York, Berghahn Books. 2002. – P. 154-180

Spolsky, B., and Shohamy, E. The languages of Israel: Policy, ideology and practice. Clevedon: Multilingual Matters, 1999. – P. 299.

Yelenevskaya, M. An immigrant language in a multilingual state: Status and group competition (Russian in Israel) // Russian journal of communication. – 2015, - Vol. 7. № 2, in

Yelenevskaya, M., and Fialkova, L. From muteness to eloquence: Immigrants' narratives about language // Language awareness. – 2003. – Vol. 12, № 1. – P. 30-48.

Zbenovich, C., and Lerner, J. Vospitanie – eto rabota: Intercultural encounters in educational communication within Russian-speaking families in Israel // Russian journal of communication. – 2013. – Vol. 5, № 2. – P. 119-140.

«РАДОСТЬ» В РУССКОЙ И ВЬЕТНАМСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ И «СЧАСТЬЕ»
В ПАРЕМИЯХ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ¹

Статья посвящена исследованию описания радости и счастья в русских и вьетнамских фразеологизмах и поговорках. Лингвокультурологический анализ позволяет определить общее и различное в понимании важнейших категорий сквозь призму семантики и образной структуры русских и вьетнамских единиц.

Ключевые слова: эмоция, радость, русские и вьетнамские фразеологизмы и поговорки, образ, эталон, лингвокультурологический анализ.

Maria L. Kovshova, Hoang Thi Phuong Ha

“JOY” IN RUSSIAN AND VIETNAMESE PHRASEOLOGY AND “HAPPINESS”
IN PROVERBS AND SAYINGS: LINGUISTIC AND CULTURAL ANALYSIS

This article is about the images of emotions expressing “joy” and “happiness” in Russian and Vietnamese phraseological units and proverbs and sayings. The linguistic and cultural analysis of Russian and Vietnamese units allows us to study the relationship between linguistic and cultural categories through semantics.

Keywords: linguistic and cultural analysis, emotion, joy, happiness, Russian and Vietnamese phraseological units and proverbs and sayings, images, etalon.

Эмоции свойственны носителю любого языка и представителю любой культуры, однако в разных лингвокультурах есть свои особенности в описании эмоций, и сопоставительный анализ русских и вьетнамских фразеологизмов и поговорок позволяет выявить данные особенности, а также обосновать роль образных средств языка в концептуализации эмоций в разных лингвокультурах [Ковшова, Хоанг Тхи Фьонг Ха 2014]. Радость и счастье – это не только внутреннее состояние человека, но и универсальные общечеловеческие ценности. Как все эмоции, радость и счастье — преходящее, временное переживание [Изард 2003]. Радость проявляется в веселье; более длительное ощущение радости создает состояние счастья, при этом счастье при толковании этого понятия в словарях предстает как нечто более значительное, чем радость, сводимое к чувству удовольствия, внутреннего удовлетворения, веселого состояния духа [Ушаков 2001: 9]. В толковых словарях русского языка слово *радость* описывается с опорой на сходные понятия – удовольствие, удовлетворение, веселье, счастье, которые и составляют своего рода «формулу» позитивного состояния духа для русского человека. Переживание важнейшей в этом ряду эмоции – радости – обычно сопряжено с переживанием других «родственных» эмоций, потому слова радости, веселья, удовольствия, счастья и т.п. оказываются зачастую в общем контексте, «поддерживая» друг друга. Ср. в [НКРЯ]: «Крестьяне, проходя мимо, снимали шляпы и кланялись ей приветливо — у всех на лицах блистала *радость* и *удовольствие*» [Неизвестный. Модест и София (1810)]; «Ты доставал творожок и, если он был угаданный, ты смеялся и *радовался* так, что я была *счастлива*, глядя на тебя» [Алексей Слаповский. 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну (2009)].

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-28-00130) в Институте языкознания РАН.

Образы радости, веселья и счастья в русской и вьетнамской лингвокультурах обнаруживают много сходного, универсального в описании внутреннего состояния и его внешнего проявления у человека, но также сохраняют особый взгляд русских и вьетнамцев на данные понятия и в образах фразеологизмов, и в образах паремий.

Так, обратимся к образам радости в русской и вьетнамской идиоматике. Согласно фразеологическим словарям [Молотков 1978; Федоров 1998; СОВРЯ 1995; Телия 2006], радость описывается в русских идиомах во всех фазах и формах данной эмоции; их можно рассмотреть, объединив идиомы в две группы: 1) внутреннее переживание эмоции; 2) внешнее проявление эмоции. При этом в каждой из групп можно отметить идиомы, которые описывают возникновение эмоции и ее протекание; отметим также, что одна и та же глагольная идиома, в зависимости от формы вида – несовершенного или совершенного – может использоваться для описания различных фаз – возникновения или протекания эмоции.

Распределим данные единицы по выше названным группам.

1.1. *зки от радости*; вулг. *радости полные штаны* и др.

В особую, третью, группу можно выделить речевые формулы, которые выполняют функцию междометий, частиц: *вот это да*; *слава богу*; *ёлочки зелёные* и др.

(Здесь не рассматриваются единицы – коллокации с опорным компонентом *радость* типа *от радости*, *с радостью*, *вспыхнуть от радости*, *заплакать от радости* и т.п., а также коллокации, в которых описывается не сама эмоция, а то, что составляет радость; в основном, это иронические обороты; ср.: разг. *сладкая радость* ‘конфета, леденец на палочке’; разг. шутливо-ирон. *собачья радость* ‘дешевая колбаса’; эвфем. *бабья радость* ‘пенис’; жарг. *мартышкина радость* ‘маленькое удовольствие’ и др. [Мокиенко, Никитина 2008: 552].)

Рассмотрим данные группы фразеологизмов более подробно и проведем лингвокультурологический анализ по методу [Ковшова 2014].

В первой группе (1.1 и 1.2) внутреннее состояние описывается в образах телесности, и компонентами фразеологизмов-идиом является соматизм, т.е. наименование внутреннего источника эмоций, который, по представлению русских, «отвечает» за эмоции: *сердце*, а также квазисоматизмы: *душа*, *дух*; данные образы в составе идиом выполняют роль символов различных эмоций и, в том числе, эмоции «радость». *Сердце*, *душа* и *дух* в образах фразеологизмов выступают субъектами того «внутреннего» действия, которое осуществляется в человеке; ср.: *сердце забило [от радости]*; *душа запела/поёт*; *вызграться духом* и др.; «внешний» человек прислушивается к своему внутреннему alter ego и зависит от того, что происходит внутри; пассивность форм компонентов идиом также указывает на зависимость субъекта от своего внутреннего состояния, от того, что «чувствует» субстанция, как бы существующая в человеке отдельно, но неразрывно с ним связанная и воздействующая на его состояние.

См. примеры употребления в [НКРЯ]: «Ах, господин, господин! — обратился он вдруг ко мне как-то странно, — поверишь ты: как завидел я твой огонёк, *сердце* во мне *вызрало*, — право не лгу!» [В. Г. Короленко. Соколинец]; «Он решил показать себя молодцом и уже *вызрался духом*, намереваясь заявить среди новых товарищей свой характер, вполне достойный бурсака» [Н.Г. Помяловский. Очерки бирсы (1862)]. Отметим, что приставки *вз-/вс-*; *за-* в основном, глагольном, компоненте многих фразеологизмов также «говорят» о начальной фазе эмоции, даже ее внезапности, согласно описанию семантики глагольных приставок, в: [Кронгауз 1998]; так, грамматическое значение приставки *вз-/вс-* «добавляет» данные смыслы во фразеологизмы как первой

группы (внутреннее переживание); ср.: *сердце взыграло*, так и второй группы (внешнее проявление), если они описывают начальную фазу радости; ср.: *всплеснуть руками*. Глагольные идиомы первой группы сочетаются с местоимениями в косвенных падежах, указывающими на «внешнего» человека – носителя эмоции. Ср.: «Каждый рас еду из рейса и у меня *душа радуется*: скоро увижу» [Василий Шукшин. Рассказ (1967)]; «Однажды он сказал Стюарту, что его *сердце радуется* этим дымам больше, чем величию замков, и что понять это может только тот, кто знает, какие отличные, достойные люди живут в этих незаметных хижинах» [Р. Я. Райт-Ковалева. Роберт Бернс (1959)].

Во фразеологизмах первой группы, кроме соматических образов как источников возникновения радости, используются космогонические образы, восходящие к мифологическим представлениям об устройстве мироздания; ср.: *на седьмом небе*; *на верху блаженства* и др. Образы данных фразеологизмов связаны с представлением о небе как месте обитания богов, о рае, который понимается как самое лучшее, спокойное, красивое, чистое место. Также в образ фразеологизма *на седьмом небе* входит компонент *седьмое* с символическим значением “магической удачи”; в образ фразеологизма *на верху блаженства* – компонент *верх* со стереотипным смыслом верха как расположения всего лучшего для человека в мире. Ср. также: *ног под собой не чуют*, где образ также соединен со смыслом отрыва человека от земли как изменения привычного состояния; ср.: *приподнятое настроение*.

Идиомы как первой группы, так и второй группы относятся к глагольным фразеологизмам (глагольным пропозициональным, по: [Кобелева 2012]). Протекание эмоции, будь это внутреннее ее переживание (первая группа) или внешнее проявление (вторая группа), описывается с помощью форм несовершенного вида настоящего, будущего и прошедшего времени у глаголов, в том числе связочных глаголов в составе фразеологизма. Ср. в [НКРЯ]: «Я *был на седьмом небе* от счастья, исполнилась моя мечта» [Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975-1977)]; «Возвращаясь из университета, повстречал Бориса Подлипкина и по дороге к дому говорил ему, что нынче у меня удачный день, а если исполнится еще одно заветное желание — получить твое письмо, — буду *прыгать до потолка!*» [Александр Морозов. Прежние слова (2002)]. Представляется, что в русских фразеологизмах данные формы несовершенного вида у глагольных компонентов отвечают самой природе радости – кратковременной эмоции, которая ощущается как еще не совершенное состояние.

Фразеологизмы второй группы (2.1 и 2.2) создают наглядные образы проявления радости, описывая мимику, жесты, действия человека, который начал или какое-то время испытывает недолговременную, но сильную эмоцию – радость. Ср. единицы этой группы с основными вариантами: *прыгать до потолка*; *скакать <прыгать> козлом*; *скакать козликом*; *приходить в телячий восторг*; *быть в телячьем восторге*; *сиять как начищенный самовар*; *сиять как новенький полтинник*; *смотреть именинником*, *чувствовать себя именинником*; *как ребенок (как дитя) смеяться, веселиться, радоваться*.

Сила такой эмоции, как радость, в представлении русских, требует выхода, и если фразеологизмы первой группы сосредоточены на описании внутреннего переживания, то фразеологизмы второй группы описывают нескрываемое проявление этого переживания. Согласно русской фразеологической картине мира, радость ассоциируется с легкостью и высотой; основными для описания проявления радости выступают акциональные образы перемещения вверх – *прыгать, скакать* (ср. образ верха у единиц первой группы: *быть на верху блаженства*). Ключевыми для описания

радости «по-русски», которая наблюдателем оценивается со стороны не всегда положительно, являются антропные возрастные и поведенческие эталоны: *как ребенок (как дитя) смеяться, веселиться, радоваться*; зооморфные эталоны прыжков и скачков в изъяснении непосредственных реакций – *как козел, телячий (восторг)*; артефактивные эталоны улучшения, обновления, сияния и семейного торжества за праздничным столом – *как начищенный самовар*; обновления, сияния и ценности в денежном образе – *как новенький полтинник*; см. также антропный образ праздника, торжества, который дан в описании вида участника торжества, его поведении в целом: *смотреть <выглядеть> именинником* и др.

Третья группа, которую условно можно назвать – «радость осознанного этапа», представлена различными междометными фразеологизмами: *слава богу; ёлки-моталки; ёлочки зелёные* и др., а также синтаксическими фразами типа *у нас (у меня) получилось!* и др. Описание этих единиц, во многом, определяется контекстом, поскольку они могут употребляться в русской речи для выражения самых разных эмоциональных реакций по поводу самых разных событий и служат одинаково хорошо для выражения многих эмоций – удивления, радости, страха, гнева и др.; см. об этом в: [Ковшова, Ха 2014].

Обратимся к тому, как описана радость во вьетнамской фразеологии [Нгуен Ныи И, Нгуен Ван Кханг, Фан Суан Тхань 1993]. Нужно отметить, что понятия «радость» и «веселье» в образах вьетнамских идиом соединяются в глубинном переживании и сдержанном проявлении этих сближающихся во вьетнамской культуре состояний. Приведем сначала общим списком основные вьетнамские единицы с данной семантикой и дадим в скобках их буквальный перевод: *như đi ở trên mây* (букв. как быть на облаках); *vui như Tết* (букв. радоваться как Тэт); *vui như hội* (букв. радовать как праздник), *mở cờ trong bụng* (букв. открыть флаг в животе); *hời lòng, hời dạ* (кишка радуется, утроба радуется); *nở từng khúc ruột* (раскрывается кусок кишки); *nở gan nở ruột* (букв. печень раскрывается кишки раскрываются); *mừng như bắt được vàng* (букв. радоваться как изловить золото); *tay bắt mặt mừng* (букв. обменяться рукопожатиями, лицо радуется); *mát mày, mát mặt* (букв. прохладные брови, прохладное лицо).

Вьетнамские фразеологизмы, как и русские единицы, описывающие эмоцию «радость», также можно разделить на две группы: 1) внутреннее переживание эмоции; 2) внешнее проявление эмоции. Третья группа в том фразеологизированном виде, в каком она существует в русском языке, не отмечена.

Распределим вьетнамские единицы по вышеназванным группам.

1. «Внутреннее переживание радости»: *như ở trên mây* (букв. быть как на облаках); *mở cờ trong bụng* (букв. открыть флаг в животе); *hời lòng, hời dạ* (кишка радуется, утроба радуется); *nở từng khúc ruột* (раскрывается кусок кишки); *nở gan nở ruột* (букв. печень раскрывается кишки раскрываются) и др.

2. «Внешнее проявление радости»: *vui như Tết* (букв. радоваться как Тэт); *vui như hội* (букв. радовать как празднество); *mừng như bắt được vàng* (букв. радоваться как изловить золото); *tay bắt mặt mừng* (букв. обменяться рукопожатиями, радуемое лицо); *mát mày, mát mặt* (букв. прохладные брови, прохладное лицо).

В первой группе вьетнамских идиом, как и в соответствующей группе русских фразеологизмов, радость описывается как внутреннее переживание. Однако при изображении «радости» в русских и вьетнамских идиомах используются разные соматические образы.

Середина тела человека, взятого в его измерении с головы до ног, в русской картине мира – это грудь и сердце (которое и поименовано по своей «срединной»

характеристике); ср.: *сердце в груди запрыгало; грудь теснит от чувств; в груди всё сжалось; затрепетало* и т.п. В русских фразеологизмах с понятием «радость» связана именно эта «срединная» телесность; ср.: *душа, дух*; ср.: *сердце взвырало от радости; душа поёт; взыграться духом* и др.

Во вьетнамской культуре внутренняя телесность, «отвечающая» за эмоции, за духовность человека, находится также в срединной части, но это иная середина, и ее центр – живот. Во вьетнамской картине мира эмоции соотносят с животом и тем, что его составляет, что в нем находится: кишки, утроба, печень. «Срединная» внутренняя телесность – основа образного описания мира во вьетнамской лингвокультуре. Например, про образованного человека принято говорить: «У него в животе книги»; о хорошем человеке – «У него хороший живот». Для описания эмоции «радость» вьетнамская фразеология также обращается к соматическому образу живота, утробы. В данном случае, живот – вместилище радости; ср: *Mở cờ trong bụng* (букв. открыть флаг в животе; флаг – символ праздника); *nở từng khúc ruột* (букв. раскрывается кусок кишки); *nở gan nở ruột* (букв. печень раскрывается / кишки раскрываются) и др.

Таким образом, соматические «координаты» радости в русской и вьетнамской лингвокультурах имеют разные основания, более того, само движение эмоций внутри человека воспринимается русскими и вьетнамцами по-разному. В русской картине мира это движение, которое начинается в «срединной» части – груди, это движение духа, души, сердца, направленное «вовне» и «вверх»; ср.: *радость выплескивается; веселье бьет ключом* и др.; ср. также: *в приподнятом состоянии духа; в приподнятом настроении* и др. Во вьетнамской картине мира ощущение радости зарождается также в «срединной» части тела, но эта середина – живот; движение радости видится не как движение из тела человека во внешний мир, движение «снизу вверх», а как внутреннее движение – раскрытие в животе человека одного за другим его внутренних, самых потаенных, «участков», закрытых органов, таких как печень, кишки, даже «кусочек кишки».

Охарактеризуем отдельные из вьетнамских фразеологизмов первой группы, со значением внутреннего переживания радости.

Фразеологизм *mở cờ trong bụng* (букв. открыть флаг в животе) означает - ‘радость, приподнятость’. Накануне праздника, во вьетнамских деревнях, на самом видном месте всегда вешали флаги разных цветов, чтобы поднять настроение жителей, подготовиться к празднику. Поэтому можно сказать, что флаг является символом праздника. Но флаг в животе как в самом закрытом, таинственном месте, сокрытом пространстве говорит о том, что радость – это сокровенное, не требующее обязательно внешнего выражения, но тем не менее сильно переживаемая эмоция; потому радость во вьетнамской культуре совместима с ощущением покоя, душевного глубокого равновесия.

Кроме соматических образов как источников, органов и создателей радости, в первой группе вьетнамских фразеологизмов используются космогонический образ; ср.: *như ở trên mây* (букв. как быть на облаках). Данный фразеологизм описывает состояние радости как состояние легкости, оторванности от земных забот, полёта; такое ощущение свойственно человеку, когда он радуется. Тем самым, наблюдается смысловое и частично образное сходство с русской единицей *быть/ чувствовать себя на седьмом небе*.

Вьетнамские идиомы второй группы так же, как и единицы во второй группе русских идиом, описывают мимику, жесты, действия человека, который не только испытывает, но и проявляет свою радость.

Во вьетнамской фразеологической картине мира основными образами для описания проявления радости являются образы праздника: *hội* (празднество) - *vui*

như hội (букв. радовать как празднество); *Tết* (традиционный вьетнамский новый год по лунному календарю) - *vui như Tết* (букв. радоваться как Тэт); радость уподоблена ценности и ее обретению: *vàng* (золото) - *mình như bắt được vàng* (букв. радоваться как изловить золото); радость описывается как поздравительный жест, как лицо, брови человека, и в этот соматический метафорический образ «вкраплена» синекдоха: *mặt mừng* (радующееся лицо), *mát mặt* (прохладное лицо). Ср.: *tay bắt mặt mừng* (букв. обменяться рукопожатиями, радующееся лицо); *mát mày, mát mặt* (букв. прохладные брови, прохладное лицо). В данных единицах используется конструкция сравнения, тем самым, в описании эмоции «радость» во вьетнамском языке чаще, чем в русском языке, участвуют компаративные фразеологизмы, словно «предназначенные» служить эталонами; ср.: *Vui như hội* (букв. радоваться как праздник), *vui như Tết* (букв. радоваться как Тет), *Như ở trên mây* (букв. как быть на облаках) и др.

Итак, благодаря структурно-семантическому разнообразию фразеологизмов, присущей им образной выразительности в обоих языках, а главное – расположенности фразеологизмов к описанию эмоций по свойственным данным знакам языка эмоциональности и экспрессивности, русские и вьетнамские единицы сходно в денотативном аспекте и весьма специфично в образном аспекте описывают эмоцию «радость». Описание эмоций в русских и вьетнамских фразеологизмах отвечает представлениям, сложившимся в той или иной национальной картине мира, об источниках эмоций в организме человека, о культурно обусловленных «правилах» переживания эмоций; также образы фразеологизмов сопряжены с существующими в культуре эталонами (например, число «семь» в русском фразеологизме *быть на седьмом небе*) или символами (например, образ флага во вьетнамских фразеологизмах).

Для понимания особенности восприятия эмоций в данных лингвокультурах еще более важным представляется обращение к пословицам и поговоркам, которые не только образно описывают мир, но и в цельнопредикативной форме выражают обобщенное суждение о мире, излагают в своих законченных текстах прескрипции культуры, постулаты наивной этики. Знаковая функция пословиц и поговорок – выражать мнение, создавать суждение – позволяет выявить присущие русской и вьетнамской культурам основные линии осмысления такого понятия, как «счастье». Охарактеризуем русское и вьетнамское понимание счастья на материале паремий.

Для вьетнамского народа радость и счастье взаимосвязаны; они понимаются не как абстрактные понятия, а предстают в сознании как что-то простое, непосредственное, простодушное, святое: забота о родителях, братство, любовь между супругами, многодетная семья, обеспеченная жизнь и т.п. Так, во вьетнамских пословицах счастье проявляется в самой кровной связи, в существовании семейных уз: *Có cha có mẹ thì hơn, không cha không mẹ như đờn đứt dây* (букв. Как хорошо, когда есть отец и мать, нет (без) отца и матери как струнный инструмент без струн). Данная пословица выражает мнение народа о счастье – это когда у тебя есть родители, когда они еще живут с тобой. (Во Вьетнаме по традиции взрослые дети часто живут с родителями). Счастье понимается не как имущество, богатство, а как возможность жить в обстановке взаимной любви, заботы и помощи.

Anh em thuận hòa là nhà có phúc (букв. Братья дружно живут – это и есть счастье в семье). По этой пословице, семья, в которой дети живут дружно, относятся друг к другу с любовью, считается счастливой. Пословица не только призывает, но и поучает: братья должны дружно жить, чтобы вместе познавать радость и счастье.

Con hơn cha là nhà có phúc (букв. Дети лучше отца – это счастье семьи). Счастье

– это успехи детей в сравнении с карьерой родителями. Для вьетнамцев дети – большая радость и счастье, поэтому они живут только ради детей, готовы пожертвовать собой ради детей. Вьетнамцы считают, что дети дороже, чем золото, имущество, поэтому существует выражение: *Có con hơn của chàng ơi, bo bo giữ lấy hòm vàng mần chi* (букв. Иметь детей лучше, чем имущество, зачем нам короб с золотом).

Trẻ vui nhà, già vui chùa (букв. Молодежь семья радует, старость пагода радует). В данной пословице речь идет о том, что является радостью для старшего поколения. Раньше в пагоды – молиться, просить у Будды, чтобы их семья, их дети жили благополучно – ходили пожилые женщины, бабушки; сейчас ходят и мужчины, и молодежь, даже маленькие дети. Для вьетнамцев счастье – это когда в семье много детей, и они хорошо живут.

Тем самым представление вьетнамского народа о счастье сконцентрировано вокруг идеи семьи и отношений в семье.

Русская идея счастья состоит в его ожидании или в его поиске, но и в том, и в другом случае счастье разделяет людей. Ср.: «Кому счастье, кому два, а кому нет ничего»; «Глупому счастье, умному – несчастье»; «Иному счастье – мать, иному – мачеха»; «Всякому свое счастье, в чужое не заедешь»; «Нового счастья ищи, а старого не теряй»; «От счастья не бегут – счастье догоняют» и др. Счастье, по русским пословицам, случайное, недолгое и ненадежное обретение; ср.: «Легче счастье найти, чем удержать», «Счастье шапкой не словишь», «Счастье отпало - ничего в доме не стало»; «Счастье пытать - деньги терять» и т.п. Счастье легко обращается в несчастье; ср.: «Счастье с несчастьем на одних санях ездят», «Счастье полосой приходит», «Не верь счастью – на пёстром коне ездит» и т.п. Все предупреждения в паремиях связаны с попыткой отвести человека от поисков счастья, обратить его к дому, к труду; вернуть от подаренного свыше случая – к константам земного бытия. Ср.: «Ищи счастье на стороне, а дом люби по старине»; «Счастье искать – от него бежать»; «Не лови счастье неводом, а лови делом сделанным»; «Счастью не верь, в беде не унывай»; «Счастье – дым, очи выест»; «Счастье не птица – само не прилетит» и т.п. Счастье соединяется в образах пословиц с глупостью, с обманом; чужое счастье способно пробудить зависть; счастьем нельзя управлять; счастье может привести к несчастью, оно сродни искушению и т.п.

И тем не менее мечта о самом разнообразном счастье как о даре, как о внезапной возможности изменить жизнь, как о способности справляться с невзгодами скрепляет все русские пословицы крепкой смысловой нитью; ср. «Дадут счастья – не откажусь, просить – не стану»; «Храброму счастье помогает»; «Счастье что солнышко – и улыбнется, и скроется»; «Своего счастья колесом не объедешь»; «На счастье мужик и хлеб сеет»; «Кто себя постоянно поведёт, того счастье у ворот найдёт»; «Не кудыкай – счастья не будет»; «За кем счастье – за тем и люди»; «Было бы счастье – а дни впереди»; «Счастливому везде добро»; «Счастливым быть – всем досадить»; «Счастливому ничего не делается – живет да греется»; «Счастье лучше богатства»; «Счастье зови, а горе терпи»; «Нет счастья – не жди и радости»; «Где счастье, там и радость» и др. (Все примеры приведены по своду различных сборников русских пословиц в: [Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 889 – 893].)

Итак, исследование фразеологических единиц со значением 'радость' на материале разноструктурных языков, русского и вьетнамского, позволяет выявить сходные черты в денотативном описании выделенного фрагмента мира у русских и вьетнамцев, описать общие и специфические черты в семантике фразеологизмов, исследовать образы, в которых ярко проявляется то, что присуще русскому и

вьетнамскому пониманию «радости». Особенно полно характерные черты мировидения той или иной лингвокультурной общности воплощаются в паремиях, и главные идеи русского и вьетнамского «счастья» предстают в образах пословиц и поговорок как через увеличительное стекло – выпукло и ёмко.

Литература

- Изард К.Е.* Психология эмоций. – СПб.: Питер, 2003. – 460 с.
- Кобелева И.А.* Современная русская диалектная фразеология: лексико-грамматический аспект: Автореф. дисс. ... доктор филол. наук Сыктывкар. 2012. – Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, – 2012. – 38 с.
- Ковшова М.Л.* Сопоставительный анализ фразеологизмов: Лингвокультурологический подход. // «Филология и культура». Казанский (Приволжский) государственный университет. – 2014. – № 4 (38). – С. 115 – 120.
- Ковшова М.Л., Хоанг Тхи Фыонг Ха.* Эмоция «удивление» и способы ее концептуализации в русской и вьетнамской фразеологии // Сборник / Научный журнал «Язык. Сознание. Коммуникация». Вып. 50. – М.: Изд-во МГУ, 2014. – С. 159-166.
- Кронгауз М.А.* Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 286 с.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских поговорок. – М.: ОЛМА, 2008. – 784 с.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К.* Большой словарь русских пословиц. – М.: ОЛМА, 2010. – 1024 с.
- Молотков 1978: Фразеологический словарь русского языка / Под. ред. А.И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1978. – 543 с.
- Нгуен Ньы И; Нгуен Ван Кханг; Фан Суан Тхань.* Вьетнамский фразеологический словарь. – Ханой: Культура, 1993.
- НКРЯ: Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorgpora.ru>
- СОВРЯ 1995: Словарь образных выражений русского языка. / Под. ред. В.Н. Телия. – М.: Отечество, 1995. – 366 с.
- Телия В.Н.* Большой фразеологический словарь. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Под. ред. В.Н. Телия. – М., АСТ-Пресс, 2006. – 784 с.
- Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка. / Под. ред. Д.Н. Ушакова. – Т. III. – М.: Мир книги, 2001. – 1424 с.
- Федоров А.И.* Фразеологический словарь русского языка. / Под. ред. А.И. Федорова. – М.: Аст Астрель, 1998. – 720 с.

Ly Toan Thang

УДК 81'23

**THE HEART IN RUSSIAN CULTURE AND LANGUAGE:
FROM A CROSS-LINGUISTIC AND CROSS-CULTURAL PERSPECTIVE**

An attempt of many scholars nowadays is to study intensively the relationship among language, thought and culture, continuing the tradition from W. von Humboldt in Europe and E. Sapir and B. Whorf in America. The evidences for that are the theoretical concepts such as 'ethno-syntax', 'ethno-linguistics', 'cultural linguistics'; 'human factor in language', 'language picture of the world' etc.

In Russian tradition of psycholinguistics, this area of research belongs to 'ethno-psycholinguistics' which was proposed in 1980s by A. Leontev and his team. In the research area of ethno-psycho-linguistic 'factors', proverbs can provide very good examples showing linguistic, cultural and cognitive specificity of a people because they are "tools for world view study"; and they can show ethno-cultural and ethno-linguistic features of 'language consciousness', 'language mentality' and 'human universal values'.

In this paper, we will study concepts as denoted in the Russian proverb "*С глаз долой из сердца вон*". For showing a more clear cultural and cognitive difference between 'Western' and 'Oriental' languages, linguistic data of Russian, French and English will be compared with Chinese or Vietnamese, and especially with some languages of families and groups in Southeast Asia which have their representatives in Vietnam (as Austro-Asiatic, Austronesian, Sino-Tibertan, etc.).

Keywords: ethno-psycho-linguistic factors, worldview, consciousness, mentality, values, HEART, MIND, proverb, Russian, Vietnamese, ASE languages.

INTRODUCTION

The tradition of W. von Humboldt in Europe, E. Sapir and B. Whorf in America, who emphasized the relationship among language, thought and culture, is intensively continued nowadays and reflected in terms and phrases such as 'ethno-linguistics', 'ethno-syntax', 'cultural linguistics'; 'human factors in language', 'linguistic pictures of the world', 'linguistic mentality/consciousness'.

In Russian tradition of psycholinguistics, this area of research belongs to 'ethno-psycholinguistics' which was proposed in 1980s by A. Leontev and his team [Markovina, Sorokin 2008; Leontev 1997; Ly Toan Thang 1993, 2006; Sorokin 1988]. According to A. Leontev's opinion [1997], there are different kinds of 'factors' which function at different levels of communication: a) factors connected to cultural tradition; b) factors connected to social situation and social functions of communication; c) factors connected to ethno-psychological characteristics; and d) factors determined by specific features of language of the community. These factors shape 'national-cultural specificities or varieties of communication' and ethno-psycholinguistics explores how they function in: a) speech operations, speech behaviors and speech activity; b) linguistic consciousness, that is cognitive use of language; and c) organization of processes of communication. With these explorations we can see 'ethno-psycholinguistic determinations' of speech activity, linguistic consciousness, and communication.

Very interesting are the studies of Russian scholars concerning the well-established linguistic and psychological notion of 'world picture', 'world image' and '**world view**' [Apresjan 1995, 2006; Bulyghina, Shmelev 1997; Jakovleva 1994; Leontev 1997;

Ly Toan Thang 1993, 2006; Plughjan 1991; Shmelev 2002; Tan Aoshuan 2004; Ufimtseva 1999, 2000; Urison 2003; Zaliznjak Anna 2005]. It is a common knowledge that the ‘world picture’ or ‘world image’ encoded in language is *ethno-specific* for native speakers and reflects a particular ‘world view’ to be inherent in the language, the ethnicity, and significantly distinguishes them from other languages, ethnicities.

Very interesting are also the investigations of Moscow psycholinguistics concerning the ‘language consciousness’, ‘language mentality’ and ‘human values’ [Tarasov 1996, 2011; Ufimtseva 1996, 2000].

In the research area of ethno-psycho-linguistic ‘factors’, **proverbs** can provide very good examples showing linguistic, cultural and cognitive specificity of a people because they are “**tools for world view study**” [Niemeyer 1982]; and they can show ethno-cultural and ethno-linguistic features of ‘language consciousness’, ‘language mentality’ and ‘human universal values’.

In this paper, we are also studying the ‘**world view**’ related to human body organs and parts, using the proverbs. We are investigating what are denoted by EYES and HEART in Russian and found in the proverb “*С глаз долой из сердца вон*”, and this proverb will be analyzed from a cross-linguistic and cross-cultural perspective. The data from Russian will be compared with ‘Western’ ones such as French, English and Oriental ones such as Chinese, Vietnamese. We also use examples from different language families and groups (as well as within these families and groups) in Southeast Asia (SEA) which have their representatives in Vietnam.

LINGUISTIC, CULTURAL AND COGNITIVE EVIDENCES

A. From Russian to French and English

1. In Russian

The Russian proverb mentioned here is:

С глаз долой из сердца вон

From - **eyes** - away - from - **heart** – away

‘Out of sight, out of mind’/ ‘Long absent, soon forgotten’

In general, this proverb means that: something that you say which means if you do not hear about or see someone or something for a period of time, you stop thinking about; and that: if you do not see someone or something frequently, you will forget about it.

In the denotation of this Russian proverb, as we can see, people use two human body organs: EYES and HEART. As they are interpreted in Ozhegov’s dictionary, in this case, the organ *сердце* ‘HEART’ is “**the symbol of experiences, feelings, moods of a person**”.

2. In French

The worldview embodied in the Russian proverb can be observed in French equivalent:

Loin des yeux loin du coeur

(Far from the **eyes** far from the **heart**)

However, an attention should be paid here to the fact that Russian HEART is not similar to the French ONE in all its metaphorical uses. Compare the following examples:

Russian : *От всей моей души* (From – all – my - **soul**) ‘With all my **heart**’

French: *De tout mon coeur* ‘With all my **heart**’

3. In English

The English equivalent of Russian proverb “*С глаз долой из сердца вон*” is:

Out of sight out of mind

Two relations can be seen in this proverb:

SIGHT - EYE: The term *sight* with its synonyms as *see*, *view*, *vision* and the compound *eyesight* are clearly related with the faculty or power of seeing, and consequently – with the EYES as organs of vision.

MIND - HEAD: The head is considered as the centre of the intellect (as of thought, memory, or understanding); mind. People often use the term *mind* to mean the same as *thought*, and in the ‘folk psychology’ it is the way we talk to ourselves «inside our **heads**». That is a MIND as a part of a person is related to a HEAD as a human body part.

It is known that our body is divided into four parts: a) head, b) trunk/torso, c) upper extremities, d) lower extremities; that our eyes are on our face, and that our face is found on the anterior surface of our head. Roughly speaking, from a biological perspective there are two body organs used in the denotation of proverb *Out of sight out of mind*: HEAD and EYES.

Moreover, attention should be paid to the fact that there are an anatomical and functional *dichotomy* between MIND and HEART in English language and culture:

“heart” is an inner body part (or organ), and metaphorically plays a role of ‘locus’ (or ‘seat’ or ‘container’) for person’s feelings (or capacity for love and compassion), that is for human **emotional** life;

while “mind” is not a body part; it is only a person’s ability to think and reason, and it can be seen as the place, the ‘locus’ for thoughts, for human **mental** life.

A culturally and cognitively deep difference can be uncovered in analyzing this case. If English chooses MIND/HEAD (a body organ used as a container for human *mental* life), for Russian and French we can see another way: our HEART (as a container for *emotional* life) is chosen. In comparison with Russian and French, it seems that the English ‘cognitive style’ is more ‘cold’ with thoughts in MIND/HEAD while Russian and French is more ‘warm’ with emotions/affection in the HEART. Russian and French proverbs seem to be more ‘narrow’ with a sense related to *only persons* while English one is more ‘broad’ with a sense related to *someone or something*. For example, the feature of ‘warm feeling’ of French proverb can be observed from the various definitions in which this proverb is often explained:

the distance of two persons weakens the **affection** which they have for each other (L’*éloignement* de deux personnes affaiblit l’**affection** qu’elles se portent mutuellement);

the distance distends the **emotional** connection (L’éloignement distend le lien **af-**

fectif); or the absence destroys or cools the **affection** (L’absence détruit ou re-

froidit l’**affection**) (Source: *fr.wiktionary.org/wiki*).
B. Vietnamese vs. Russian, French and English

In Vietnamese the equivalent of the Russian proverb “*С глаз долой из сердца вон*” is:

Ха mặt cách lòng

Far face away place of abdomen/inside of belly

It is obvious that there exist two crucial differences between the similar proverbs in Russian, French, English and their Vietnamese equivalent:

(i) Not EYES, but FACE in Vietnamese is chosen; but the term *mặt* ‘face’ is used here with metonymical meaning, stands for a person, as in the phrase: *gặp mặt* (see **face**) ‘meet someone’. Another interesting case is the pair of *mặt* ‘FACE’ – *lòng* ‘PLACE OF

ABDOMEN', in which the FACE also denotes the outside of a person, and the PLACE OF ABDOMEN refers to his/her inside:

Bằng mắt nhưng không bằng lòng

Content/Consentient – **face** – but – not – content – **place of abdomen**

'Be content by **face** but not by **heart**'

(ii) Not MIND/HEAD or HEART in Vietnamese is chosen, but the term *lòng* (the place of abdomen/inside of belly) is used.

To better understand the aforementioned proverb in Vietnamese, it is necessary to give an overview of this lexical item *lòng* 'place of abdomen/inside of belly' which like English *mind* or *soul* has the denotation of **non-anatomical part, non-physical place**. In modern Vietnamese, the word *lòng* denotes only the body part INTESTINE of an animal, but not for a human. *Lòng* is often considered as the synonym of *bụng* ('belly') and symbolizes a place for localizing emotion and mental/psychological aspects, spirit, will, character, moral nature of humans as well. Because *lòng* is not included in the anatomical list of human body parts, it can be translated into English as: '*the place of abdomen/the inside of belly*'. See examples:

Tôi đắm chìm vào những suy nghĩ trong lòng.

I - immerse myself - thoughts - in - **place of abdomen**

'I was immersed in the thought of my **heart**'

Nghe tin bà mất, nó rất đau lòng

Hear - grandmother - die - she - very pain - at her **place of abdomen** 'Having heard about the grandmother's death, her **heart** is almost broken'.

Tâm lòng vàng

place of abdomen - gold

'A **heart** of gold/A golden **heart**'

Tự đáy lòng

from the bottom - **place of abdomen**

'From the bottom of one's **heart**'

Học thuộc lòng

learn - know by **place of abdomen**

'Learn by **heart**'

In general, there is a certain similarity in terms of meaning between Russian *сердце*, French *coeur* and English word *heart* and Vietnamese *lòng*, whose definition can be easily found in dictionaries. However, Vietnamese *lòng* cannot always be translated into Russian *сердце*, French *coeur* and English *heart*; in some cases not *lòng* 'PLACE OF ABDOMEN' but other body part can be chosen like *bụng* 'BELLY' or *ruột* 'INTESTINE':

+ Russian - Vietnamese:

с болью в сердце : *đau lòng*

(with - pain - in - **heart** - : pain - **place of abdomen**)

недоброе *сердце* : *xấu bụng*

(bad - **heart** : bad - **belly**)

Сердце разрывается на части : *Ruột đau như cắt*

(**Heart** - torn – apart : **Intestine** - pain - like - cut off

от всей души : từ đáy lòng

(from - all - **soul** : from - bottom - **place of abdomen**)

+ French - Vietnamese:

Bon coeur : *Tốt bụng*

(good - heart : kind - belly)

'Kind- hearted'

Avoir le coeur sur la main : *Ruột để ngoài da*

(Have - heart - on - hand : Intestine - be - out - on skin)

'Wear your heart on your sleeve'

+ English - Vietnamese:

Kind- hearted : *Tốt bụng* (kind - belly)

Heart- break : *Xé ruột* (break - intestine)

There is no absolute similarity between Vietnamese proverb and its equivalent in Russian, French or English. It should be mentioned here that in contrast to most of 'Western' cultures and languages, and like in Chinese and most of other 'Oriental' ones, there is no the opposition between HEAD/MIND-HEART in Vietnamese language and culture. The HEART in Chinese or the PLACE OF ABDOMEN in Vietnamese is conceptualized as a container or location for emotions, feelings and at the same time – for thought and reason. It lies in the fact that there exist two ways of 'world view' in our thinking about the location of human thought and feelings in inner body organs: 'Dualistic cultural construct' in English versus '*Monistic cultural construct*' in Vietnamese as well as in Thai and Japanese (see Berendit, Tanita 2010).

C. Other languages in Vietnam

According to the official statistics of the Vietnamese government, there are 54 ethnic groups in Vietnam, including the Kinh (Vietnamese) and 53 other ethnicities (or minority groups), and each group has its own language. Among these ethnic minority languages, only Chinese and Khmer have official status elsewhere (in China and Cambodia, respectively). Moreover, in Vietnam there are a variety of language families, subfamilies or groups existing in the larger South East Asia (SEA) as follows:

- Austro-Asiatic languages (including Mon-Khmer with the core consisting of Viet-Katuic and Khmer-Bahnaric languages);
- Austronesian/Malayo-Polynesian languages;
- Hmong-Mien/Miao-Yao languages;
- Sino-Tibetan languages;
- Tai-Kadai languages.

It would be ideal to conduct a multifaceted cross-cultural study of the English proverb with reference to its equivalent expressed in 54 languages. However, we are only trying to compare the Russian proverb with some languages of five language groups mentioned above.

1. Austro-Asiatic languages with the focus on the Mon-Khmer core: *Muong and Khmer*

a) *Muong*

Compared with Vietnamese, the Muong language embodies the same 'monistic cultural tradition' and a similar way of perceiving and conceiving *lòòng/lòm* 'place of abdomen' (and *roit/ roach* 'intestine', *lởng/ trởng* 'belly', *đạ* 'place of stomach') as 'locus' for human emotional and mental life. It should be noted that Muong are believed to be most closely related to the ethnic Vietnamese (some ethnologists propose that the Muong have remained in the mountains and developed independently while the Vietnamese have moved to the low country and become influenced by Chinese culture). Linguistic data suggest that in contrast to Vietnamese, in the Muong language BELLY (and INTES-

TINE) is used more frequently than the ‘place of abdomen’ (and ‘place of stomach’). So, the Muong equivalent of Russian proverb “*С глаз долой из сердца вон*” is:

Kha mäch (hây i) kha troong tlong/trông

Far - **face** - (also) - far - in - **belly**

b) Khmer

Like the Vietnamese, the Khmer language in the South of Viet Nam has a similar ‘monistic cultural tradition’. The crucial feature of this similarity is that the ‘place of abdomen’ is seen as the central locus for human emotions and rationalities. The Khmer equivalent of Russian proverb “*С глаз долой из сердца вон*” is:

Kho-liết cai cho-ngai chât

Far - **body** - far - **place of abdomen**

It is clear that in the Khmer language neither EYES nor FACE but whole BODY is used, and this feature is very specific in comparison with other languages.

2. Within Austronesian languages: Cham

In Cham language, a similar ‘monistic cultural tradition’ exists. Like in Vietnamese, the Cham equivalent of Russian proverb “*С глаз долой из сердца вон*” is:

Atah bok pok hatian

Far - **face** - narrow - **belly/place of abdomen**

There is another equivalent:

Atah palei karei tian

Far - **village** - different - **belly/place of abdomen**

This proverb means that if you do not see or hear about someone who lives in your village, when he/she is far away (from the village) for a period of time, you stop thinking or worrying about them. As it can be seen here, the specific feature of this Cham proverb is that it refers to two entities: one is a human body organ BELLY, but the other is a spatial object VILLAGE. This is a culturally and cognitively specific difference between the Cham language on the one hand and Russian, English, French, and other languages in Vietnam on the other.

3. Within Hmong-Mien languages: Hmong

In comparison with other SEA languages in Vietnam, Hmong (or Mong, or Meo) language is very specific in its linguistic, cognitive and cultural aspects. In Hmong’s mode of thinking, LIVER is the center of human affective states, processes and activities or their cognitive counterparts.

The Hmong equivalent of the Russian proverb “*С глаз долой из сердца вон*” is:

Đêz flu mak kuôk saz

Far - **face** - far - **liver**

CONCLUDING REMARKS

In my comparative study of the Russian proverb “*С глаз долой из сердца вон*” and its equivalents in the aforementioned languages, we have examined different evidences in language, culture and cognition. Theoretically, as a result, a ‘*new typology*’ of our ways of viewing and thinking or feeling about humans, animals, plants etc... around us can probably be established. In the case of the Russian proverb “*С глаз долой из сердца вон*”, for example, it is **the typology of cultural conceptions of human body parts functioning as a container or locus of thoughts and emotions**; and the data collected from different languages have revealed that they can probably be divided into the following ‘cultural- linguistic’ groups:

1. Regarding human body parts used in *the first half* of the proverb, there are two ‘world-views’, ‘cognitive styles’ or ‘modes of thinking’ as follows:

(i) **Using only human parts or body organs:**

In this case, only English chooses the couple EYES – MIND, but in Russian and other languages EYES – HEART, FACE – BELLY or FACE – PLACE OF ABDOMEN have been used.

Russian, French and Chinese choose EYES, while FACE is selected by Vietnamese and other languages of SEA.

The Khmer language uses entire BODY.

Using human body parts and physical objects or places:

In this case only the Cham language chooses the pair VILLAGE – BELLY.

2. With regard to human body parts used in *the second half* of the proverb, it seems that there is a **moving down** along vertical axes of the body in choosing its parts:

- In Russian, French, and Chinese, the HEART which is contained in the upper body part is referred to; - In English proverb, the HEAD (related to MIND) is chosen.

- In Vietnamese and many languages of SEA, the BELLY or the PLACE OF ABDOMEN which belongs to the lower part of the body is preferably used.

In terms of psychology and linguistics, and in the case of the aforementioned proverb of different languages, we can see that there is:

(i) a group of languages as English which has a ‘MIND/HEAD-cognitively oriented strategy’ (or ‘MIND/HEAD- cognitively oriented style’);

(ii) a group of languages as Russian, French or Chinese which has a ‘CHEST/THORAX-cognitively oriented strategy’ (or ‘CHEST/THORAX- cognitively oriented style’);

(iii) and a group of languages as Vietnamese, Muong, Khmer, Cham and Hmong which have ‘ABDOMEN-cognitive oriented strategy’ (or ‘ABDOMEN- cognitively oriented style’), that is another inner body part or place (as BELLY, LIVER, PLACE OF ABDOMEN) chosen for ‘container/locus’ function.

* We express special thanks to the informants who as the representatives of different ethnic groups have filled out our questionnaire: Thach Doi and Dao Son Nam (Khmer), Nguyen Thi Hang and Tran Thanh Huong (Muong); Nguyen Ngoc Thanh and Giang A Pao (Hmong), Phu Van Han (Cham).

Cited references

In Russian:

Апресян Ю. Д. (1995). *Избранные труды. Т. 2. Интергральное описание и системная лексикография.* Москва.

Апресян Ю. Д. (2006). *Языковая картина мира и системная лексикография.* Москва.

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. (1997). *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики).* Москва.

Леонтьев А. А. (1997). *Основы психолингвистики.* Москва.

Ли Тоан Тханг. (1993). *Пространная модель мира: Когниция, культура и этнопсихология (на материале Вьетнамского и Русского языков).* Москва: Институт языкознания. *Second edition (2006) with new title: Вьетнамская лингвистическая модель мира: Концептуализация пространства.* Москва: Институт языкознания.

Марковина И.Ю., Сорокин Ю. А. (2008). *Культура и текст. Введение в лакунологию.* Москва.

Ожегов С.И. (1968). *Словарь русского языка.* Москва.

Плунгян В. А. (1991). *К описанию африканской «наивной картины мира» (локализация ощущений и понимания в языке догон // Логический анализ языка: культурные концепты. Москва.*

Сорокин Ю. А. (отв. ред). (1988). *Этнопсихоллингвистика. Москва.*

Тан Аошун. (2004). *Китайская картина мира. Язык, культура, ментальность. Москва.*

Тарасов Е.Ф. (1996) *Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. Москва.*

Тарасов Е.Ф. (2013) *Проблема анализа содержания общечеловеческих ценностей (проект) // Вопросы психоллингвистики, No 1(15), с. 8-17.*

Урысон Е. В. (2003). *Проблемы исследования языковой картины мира. Москва.*

Уфимцева Н. В. (1996). *Сопоставительный анализ языкового сознания: этнические и культурные стереотипы // Этнопсихоллингвистические аспекты преподавания иностранных языков. Москва.*

Уфимцева Н. В. (отв. ред.) (2000). *Языковое сознание и образ мира. Москва.*

Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А.Д. (2005). *Ключевые идеи русской языковой картины мира. Москва.*

Яковлева Е. С. (1994). *Фрагменты русской картины мира (модели пространства, времени и восприятия). Москва.*

Шмелев А. Д. (2002). *Русская языковая модель мира. Москва.*

In English:

Berendit E., Tanita K. (2010). *The heart and related body parts in Thai, Japanese and English. [www.uri.edu/~Example of ICS. Formatting.pdf](http://www.uri.edu/~Example%20of%20ICS%20Formatting.pdf).*

Ly Toan Thang, Pham Huu Duc. (2010) *The Vietnamese concept LÔNG: from the perspective of foreign language teaching // Proceedings of 2010 International Conference on Vietnamese and Taiwanese Studies. Taiwan.*

Ly Toan Thang. (2011). *The Vietnamese Expression of BODY and SOUL: A Cognitive and Cultural Linguistic Study. In: Srichampa S., Sidwell P. and Gregerson K. (eds.) Austroasiatic Studies: papers from ICAAL4. Mon-Khmer Studies Journal Special Issue No. 3. Dallas, SIL International; Salaya, Mahidol University; Canberra, Pacific Linguistics. pp.127-xx.*

Maalej Z. and Ning Yu. (eds.). (2011). *Embodiment via Body Parts: Studies from Various Languages and Cultures. Human Cognitive Processing, Vol. 31. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins.*

Niemeyer, Larry L. (1982). *Proverbs : tools for world view studies : an exploratory comparison of the Bemba of Zambia and the Shona of Zimbabwe. Dissertations and Theses. Paper 886. Portland State University.*

Ning Yu. (2009). *From Body to Meaning in Culture: Papers on Cognitive Semantic Studies of Chinese. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins.*

Ning Yu. (2009). *The Chinese HEART in a Cognitive Perspective: Culture, Body, and Language. Applications of Cognitive Linguistics, Vol. 12. Berlin and New York: Mouton de Gruyter.*

Sharifian F., Dirven R., Ning Yu, and Niemeier S. (eds.). (2008). *Culture, Body, and Language: Conceptualizations of Internal Body Organs across Cultures and Languages. Applications of Cognitive Linguistics series, Vol. 7. Berlin and New York: Mouton de Gruyter.*

А.В. Рудакова, И.А. Стернин

УДК 81'33

МЕТОДИКА ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СИНОНИМОВ¹

В статье рассматривается методика поэтапного психолингвистического исследования семантики слов-синонимов, которые плохо поддаются семантической дифференциации методами традиционного семного компонентного анализа. Методика исследования представлена на примере анализа семантики синонимов *джип* и *внедорожник*, *врач* и *доктор*. По данным верификационного теста формулируются общие и отличительные признаки слов-синонимов. Обосновывается необходимость использования триангуляционного подхода при исследовании синонимических единиц.

Ключевые слова: психолингвистическое значение, синоним, верификация, экспериментальные методы.

Aleksandra V. Rudakova, Iosif A. Sternin

METHODOLOGY OF PSYCHOLINGUISTIC STUDY OF SYNONYMS

The technique of psycholinguistic research of the semantics of synonyms, which are not semantically differentiated by methods of traditional componential analysis is studied in the article. Research methodology is presented for analyzing the semantics of synonyms «jeep» (джип), SUV (внедорожник), physician (врач), doctor (доктор). By means of verification test common and distinctive features of the synonyms are revealed. We justify the use of triangulation approach for the study of synonymous units.

Keywords: psycholinguistic meaning, synonym, verification, experimental methods.

Психолингвистические методы могут быть эффективно использованы для разграничения синонимов, которые плохо поддаются семантической дифференциации методами традиционного семного компонентного анализа. Покажем методику поэтапного триангуляционного психолингвистического исследования семантики подобных синонимов на примере слов *джип* и *внедорожник*, *врач* и *доктор*.

Этап I. Формулирование психолингвистического значения каждого слова

Из «Ассоциативного словаря употребительной русской разговорной лексики» [АСУРЛ 2011] были взяты ассоциативные поля исследуемых слов. Методом семантической интерпретации [Попова 2010: 168-173; Стернин 2011: 139-164] полученные ассоциации были интерпретированы как объективация отдельных значений и семантических компонентов слов-стимулов. Были сформулированы семные описания значений исследуемых слов.

Этап II. Сравнительный анализ психолингвистических значений синонимов

В Таблице 1 «Психолингвистическое значение слов ДЖИП и ВНЕДОРОЖНИК» и Таблице 2 «Психолингвистическое значение слов ВРАЧ и ДОКТОР» представлены результаты анализа исследуемых слов методом свободного ассоциативно-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 15-04-00250 «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка (проблема теоретического и лексикографического описания)».

го эксперимента; СИЯ – совокупный индекс яркости значения, вычисляется как сумма ассоциатов, интерпретированных как семы одного из значений слова-стимула, в абсолютных цифрах.

Фиксация результатов исследования в виде таблицы облегчает представление об общих и отличительных признаках сравниваемых близких по семантике единиц; помогает в дальнейшем унифицировать метаязыковые наименования семантических компонентов синонимических единиц (например, признаки «высокой проходимости» и «повышенной проходимости»; «машина» и «автомобиль», «дорогостоящий» и «дорого стоит» и др.).

Таблица 1. Психолингвистическое значение слов ДЖИП и ВНЕДОРОЖНИК

ДЖИП 100	ВНЕДОРОЖНИК 103
то же, что внедорожник 2	то же, что джип 24
–	то же, что вездеход 1
–	то же, что вездеходник 1
автомобиль 43	автомобиль 30
большой 7, с огромными колесами 1	большой по размеру 8
повышенной проходимости 5	высокой проходимости 12
дорогостоящий 9	дорогостоящий 1
черный 7, красный 2, зеленый 1	–
–	полноприводный 2
тонируемый 2	–
–	с фарами 1
владелец – богатый 4, лысый 1 мужчина	–
свидетельствует о высоком статусе	–
владельца 3	–
–	участвует в соревнованиях 2
–	на нем ездит дорожный патруль 1
–	дает чувство свободы 1
вызывает одобрение 10	вызывает одобрение 2
–	вызывает неодобрение 1
<i>сочетаемость</i> 1 – новый 1	–
<i>разновидность</i> 2 – русский 1, седан 1	<i>разновидность</i> 2 – из Оки 1, трактор 1
<i>идентификация</i> 3 – Ленд Ровер 1, Мерседес 1, Хаммер 1	<i>идентификация</i> 17 – УАЗ 5; Хаммер 4; Нива 3; ВАЗ 1, Ленд Ровер 1, УАЗ «Козел» 1, BMW 1, Land Cruiser 1
<i>неоценочное</i> 73	<i>неоценочное</i> 97
<i>одобрительное</i> 21	<i>одобрительное</i> 2
–	<i>неодобрительное</i> 1
<i>неэмоциональное</i> 94	<i>неэмоциональное</i> 97
–	<i>положительно-эмоциональное</i> 2
–	<i>отрицательно-эмоциональное</i> 1
<i>межстилевое</i>	<i>разговорное</i>
СИЯ 94	СИЯ 100
Неактуально 6	Неактуально 2
Не интерпретировано 0	Не интерпретировано 1 (<i>подорожник</i>)

Таблица 2. Психолингвистическое значение слов ВРАЧ и ДОКТОР

ВРАЧ 109 ии	ДОКТОР 100 ии
1. Медицинский работник	1. Медицинский работник
то же что доктор 30	то же, что врач 25
то же, что лекарь 3	то же, что лекарь 1
медик 1, профессиональный работник 5 здравоохранения 2	медицинский работник 2
по специальности хирург 9	по специальности хирург 3
по специальности терапевт 6	по специальности терапевт 1
по специальности стоматолог 3	по специальности стоматолог 3
по специальности гинеколог 1	–
по специальности дерматолог 1	–
по специальности педиатр 1	–
–	по специальности лор 1
женского пола 1	–
работает в больнице 6	работает в больнице 5
–	работает в поликлинике 1
лечит 9	лечит 4 больных 1, пациентов 1
избавляет от боли 3	–
избавляет от болезней 2	избавляет от болезней 5
возвращает здоровье 1 и жизнь 1	помогает 2 сохранить здоровье 2 и жизнь 1
ходит в белом 1 халате 1	в белом 4 халате 3
дает таблетки 1	дает таблетки 1, лекарства 1
использует градусник 1, стетоскоп 1, скальпель 1, мензурку 1	–
–	назначает уколы 1
работает в паре с лаборантом 1, медбратом 1	–
должен иметь призвание от Бога 2	–
–	добрый 1
–	бедный 1
–	не хочется к нему ходить 2
берет взятки 1	–
работает некачественно 1	–
пахнет лекарствами 1	–
вызывает неодобрение 3 (<i>плохой, зло, оборотень</i>)	вызывает неодобрение 1 (<i>извращенец</i>)
–	вызывает одобрение 2 (<i>друг, хороший</i>)
<i>устойчивые сочетания</i> 1 – главный врач	
<i>идентификация</i> 4 – Эскулап 3, Айболит 1	<i>идентификация</i> 8 – доктор Хаус 4, доктор Айболит 3, Дуллил 1
<i>устойчивые выражения</i> 2 – лечащий врач 2	–
<i>неоценочное</i> 95	<i>неоценочное</i> 74

<i>одобрительное</i> 7	<i>одобрительное</i> 5
<i>неодобрительное</i> 5	<i>неодобрительное</i> 3
<i>неэмоциональное</i> 98	<i>неэмоциональное</i> 78
<i>положительно-эмоциональное</i> 7	<i>положительно-эмоциональное</i> 3
<i>отрицательно-эмоциональное</i> 2	<i>отрицательно-эмоциональное</i> 1
<i>межстилевое</i>	<i>межстилевое</i>
СИЯ 107	СИЯ 83
–	2. Человек с ученой степенью доктора наук
	человек с ученой степенью доктора наук 6
	читает лекции 1
	<i>неоценочное</i>
	<i>неэмоциональное</i>
	<i>разговорное</i>
	СИЯ 7
Неактуально 2	Неактуально 9
Не интерпретировано 0	Не интерпретировано 1 (<i>доктор</i>)

Этап III. Верификация семантических компонентов, выделенных на основе анализа ассоциативных полей слов-стимулов

Для получения наиболее достоверных психолингвистических данных возможно и целесообразно применение триангуляционного метода исследования [Тарасов 2012: 15; Янчук 2005]. Триангуляция – (triangulation) использование нескольких исследовательских методов как способ получения более достоверных эмпирических данных по сравнению с результатами, получаемыми при применении какого-либо одного метода в отдельности [Социологический словарь; электронный ресурс].

На данном этапе исследования для описания психолингвистических значений исследуемых слов была составлена анкета для верификации выделенных семантических компонентов этих слов методом лингвистического интервьюирования (верификационный тест). В анкету для верификации включались все семы, выделенные в результате свободного ассоциативного эксперимента в обоих словах-синонимах. Анкета имела следующий вид:

Просим Вас принять участие в психолингвистическом эксперименте. Мы изучаем, чем различаются в нашем сознании близкие по значению слова, которые трудно разграничить.

Пожалуйста, поставьте галочки около того или иного ответа. Нас интересует ваше личное мнение.

Отмечайте только самые яркие с вашей точки зрения признаки. Можете дописать свои признаки, если считаете это необходимым, в оставленных для этого строках анкеты.

Просим Вас помнить, что наша задача – различить эти слова.

Пол М Ж

Возраст (количество полных лет)...

Профессия или должность – студент, инженер, библиотекарь, школьник и т.д.

Строго говоря, верификационный тест – не психолингвистический эксперимент, а лингвистическое интервьюирование, но рядовым носителям языка эту разницу объяснять не имеет смысла, а опыт проведения экспериментальных исследований разного типа свидетельствует, что словосочетание *психолингвистический эксперимент* интуитивно понятно респондентам и настраивает их на серьезное отношение к выполнению задания: психолингвистика – это интересно, эксперимент – тоже интересно, поэтому в инструкции лучше назвать верификационный тест психолингвистическим экспериментом.

Результаты обработки данных верификационного теста представлены в Таблице 4 «Психолингвистическое значение слов ДЖИП и ВНЕДОРОЖНИК по данным верификационного эксперимента» и Таблице 4 «Психолингвистическое значение слов ВРАЧ и ДОКТОР по данным верификационного эксперимента».

В верификационном тесте приняли участие 59 респондентов (37 мужчин и 22 женщины, средний возраст 18 лет). В таблицах курсивом выделены признаки, добавленные респондентами. Индекс яркости семы (ИЯ) вычисляется как количество респондентов, верифицировавших данную сему в ходе опроса, от общего числа респондентов.

Таблица 4. Психолингвистическое значение слов ДЖИП и ВНЕДОРОЖНИК по данным верификационного эксперимента

ДЖИП 59	ИЯ	ВНЕДОРОЖНИК 59	ИЯ
Это то же, что...		Это то же, что...	
<i>машина 8</i>		<i>джип 8</i>	0,14
<i>внедорожник 5</i>	0,14	<i>Нива 4</i>	0,07
<i>большая машина 3</i>	0,09	<i>автомобиль 3</i>	0,05
<i>Хаммер 2</i>	0,05	<i>машина 3</i>	0,05
<i>Land Cruiser 1</i>	0,03	<i>уазик 2</i>	0,03
<i>марка автомобиля 1</i>	0,02	<i>большая машина 2</i>	0,03
<i>иномарка 1</i>	0,02	<i>полный привод 1</i>	0,02
<i>большой 1</i>	0,02	<i>седан 1</i>	0,02
<i>крутой большой автомобиль 1</i>	0,02	<i>большой джип 1</i>	0,02
<i>большая городская машина 1</i>	0,02	<i>очень надежная машина 1</i>	0,02
<i>Jeep 1</i>	0,02	<i>вездеход 1</i>	0,02
<i>транспортное средство 1</i>	0,02	<i>танк 1</i>	0,02
<i>рейнджер 1</i>	0,02	<i>почти как танк 1</i>	0,02
<i>BMW X6 1</i>	0,02	<i>грязь 1</i>	0,02
<i>автомобиль с большими</i>	0,02	<i>хорошая машина 1</i>	0,02
<i>колесами 1</i>	0,02	<i>транспортное средство 1</i>	0,02
		<i>лошадь 1</i>	0,02
машина, автомобиль 37	0,63	машина, автомобиль 40	0,68
<i>большой 39</i>	0,66	<i>большой 34</i>	0,58
<i>средний 1</i>	0,02	<i>не обязательно (большой),</i>	0,05
<i>просторный 1</i>	0,02	<i>нет 3</i>	0,02
<i>городской 1</i>	0,02	<i>неудобный 1</i>	0,02
		<i>огромный 1</i>	
повышенной проходимости 29	0,49	повышенной проходимости 40	0,68

высокой проходимости 20	0,34	высокой проходимости 41	0,70
дорогостоящий 37	0,63	дорогостоящий 34	0,58
полноприводный 28	0,48	полноприводный 36	0,61
с фарами 32	0,54	с фарами 37	0,63
свидетельствует о высоком статусе владельца 45	0,76	свидетельствует о высоком статусе владельца 15	0,25
<i>свидетельствует о заработной плате 1</i>	0,02	<i>нет, не свидетельствует 2</i>	0,03
владелец – лысый мужик 25	0,42	владелец – лысый мужик 11	0,19
<i>нет, не лысый 1</i>	0,02	<i>толстый 1</i>	0,02
<i>не обязательно 1</i>	0,02	<i>бандит с рынка 1</i>	0,02
на нем ездит дорожный патруль 10	0,17	на нем ездит дорожный патруль 13	0,22
участвует в соревнованиях 12	0,20	участвует в соревнованиях 40	0,68
дает чувство свободы 25	0,42	дает чувство свободы 27	0,46
<i>нет, не дает 1</i>	0,02	<i>нет, не дает 1</i>	0,02
противостоит «Оке» 23	0,39	противостоит «Оке» 27	0,46
<i>много жрет 1</i>	0,02	<i>много жрет 1</i>	0,02
хороший 33	0,56	хороший 38	0,64
плохой 7	0,12	плохой 2	0,03
Какой?		Какой?	
черный 44	0,75	черный 25	0,42
тонированный 20	0,34	русский 24	0,41
русский 5	0,09	тонированный 11	0,19
зеленый 3	0,05	красный 5	0,09
красный 0	0	зеленый 5	0,09
<i>элегантный 1</i>	0,02	<i>строгий 1</i>	0,02
<i>тюнингованный 1</i>	0,02	<i>подержанный 1</i>	0,02

Какой вспоминается?		Какой вспоминается?	
Land Cruiser 27	0,46		0,51
Ленд Ровер 23	0,39	УАЗ 30	0,48
BMW 20	0,34	Нива 28	0,25
Хаммер 16	0,27	ВАЗ 15	0,19
Мерседес 13	0,22	УАЗ «Козел» 11	0,17
Нива 9	0,15	Мерседес 10	0,14
УАЗ 7	0,12	Хаммер 8	0,12
ВАЗ 2	0,03	Land Cruiser 7	0,10
Jeep 2	0,03	BMW 6	0,09
УАЗ «Козел» 1	0,02	Ленд Ровер 5	
Гелендваген 1	0,02		
Чероки 1	0,02		
RaV 4 1	0,02		

Психолингвистическое значение слов ВРАЧ и ДОКТОР
по данным верификационного эксперимента

ВРАЧ 59	ИЯ	ДОКТОР 59	ИЯ
		Это то же, что...	
	0,36	врач 18	0,31
	0,27	лекарь 7	0,12
Это то же, что...	0,03	медик 5	0,09
лекарь 21	0,03	Айболит 3	0,05
доктор 16	0,03	знахарь 1	0,02
медик 2	0,03	лечащий врач 1	0,02
хирург 2	0,02	хирург 1	0,02
специалист 2	0,02	терапевт 1	0,02
терапевт 1	0,02	спаситель 1	0,02
скорая помощь 1	0,02	помощник 1	0,02
стоматолог 1	0,02	лор 1	0,02
лечащий врач 1	0,02	ученый 1	0,02
автослесарь 1		специалист 1	0,02
медбрат 1		мама 1	0,02
		док 1	0,02
		Малахов 1	0,02
		шаман 1	0,02
		хорошо 1	0,02
Работает где?		Работает где?	
в больнице 45	0,76	в поликлинике 38	0,64
в поликлинике 15	0,25	в больнице 19	0,32
в госпитале 2	0,03	в скорой 1	0,02
в медицинском учреждении 1	0,02	в госпитале 1	0,02
в клинике 1	0,02	в институте 1	0,02
в морге 1	0,02	в медицине 1	0,02
в лазарете 1	0,02		
в институте 1	0,02		

Кто по узкой специальности?		Кто по узкой специальности?	
терапевт 24	0,41	хирург 21	0,36
стоматолог 20	0,34	лор 17	0,29
педиатр 17	0,29	терапевт 16	0,27
хирург 17	0,29	педиатр 15	0,25
гинеколог 12	0,20	стоматолог 15	0,25
лор 9	0,15	гинеколог 9	0,15
дерматолог 9	0,15	дерматолог 9	0,15
любой узкий специалист 1	0,02	доктор технических наук 1	0,02
(х)лор 1	0,02	каких-то наук 1	0,02
В чем одет?		В чем одет?	
в (белом) халате 46	0,78	в белом халате 39	0,66
в колпаке 3	0,05	в одежде 2	0,03
в хирургических перчатках 1	0,02	в маске 2	0,03
в хирургичку 1	0,02	в костюме 2	0,03
в форме медработника 1	0,02	в белом 2	0,02
в халате, бахилах, перчатках 1	0,02	в форме медработника 1	0,02
в очках 1	0,02	синий халат 1	0,02
в форме 1	0,02	строгий костюм 1	0,02
в маске 1	0,02	туфли 1	0,02
в сине-зеленом мед. костюме 1	0,02	штаны белые 1	0,02
в униформе 1	0,02	в халате, перчатках 1	0,02
в спецформе 1	0,02	в кофте 1	
в белом 1	0,02		
в тапках 1			
Пахнет лекарствами?		Пахнет лекарствами?	
да 32	0,54	да 29	0,49
нет 13	0,22	нет 14	0,24
ну да 1	0,02	наверное 1	0,02
Какого пола?		Какого пола?	
мужского 35	0,59	мужского 37	0,63
женского 28	0,48	женского 22	0,37
среднего 1	0,02	среднего 1	0,02

<p>Что делает? лечит больных 28 избавляет от боли и болезней 26 назначает уколы 21 дает лекарства 20 ставит градусник 19 дает таблетки 17 возвращает здоровье и жизнь 15 помогает сохранить здоровье 15 спасает 13 использует скальпель 12 использует стетоскоп 8 использует мензурку 4 <i>следит за здоровьем пациентов 2</i> <i>больно 1</i> <i>небрежно 1</i> <i>делает больно, а потом приятно 1</i> <i>рентген 1</i> <i>гипс 1</i></p>	<p>0,48 0,44 0,36 0,34 0,32 0,29 0,25 0,25 0,22 0,20 0,14 0,07 0,03 0,02 0,02 0,02 0,02 0,02 0,02</p>	<p>Что делает? помогает сохранить здоровье 23 назначает уколы 22 лечит больных 20 избавляет от боли и болезней 18 возвращает здоровье и жизнь 18 дает таблетки 17 ставит градусник 15 дает лекарства 14 спасает 13 использует мензурку 12 использует стетоскоп 10 использует скальпель 10 <i>аккуратно 1</i> <i>не больно 1</i> <i>дает рекомендации по здоровью 1</i> <i>читает лекции 1</i> <i>занимается наукой 1</i></p>	<p>0,39 0,37 0,34 0,31 0,31 0,29 0,25 0,24 0,22 0,20 0,17 0,17 0,02 0,02 0,02 0,02 0,02 0,02</p>
<p>Должен иметь призвание? да 26 нет 5 <i>худший работник месяца 1</i> <i>он и есть врач 1</i> <i>да, спасать 3</i> <i>профессор 1</i> <i>лечить 1</i></p>	<p>0,44 0,09 0,05 0,02 0,02 0,02 0,02 0,02</p>	<p>Должен иметь призвание? да 22 нет 5 <i>да, оберегать 2</i> <i>лучший работник месяца 1</i> <i>научная степень</i> <i>лучшего специалиста 1</i> <i>простой 1</i> <i>ставить на ноги больных 1</i> <i>оживлять 1</i></p>	<p>0,37 0,09 0,03 0,02 0,02 0,02 0,02 0,02 0,02</p>

Какой? добрый 33 хороший 24 бедный 7 плохой 2 <i>опытный 1</i> <i>невоспитанный 1</i> <i>богатый 1</i> <i>безэмоциональный 1</i> <i>нейтральный 1</i> <i>лучший 1</i> <i>квалифицированный 1</i> <i>внимательный 1</i> <i>бывает разным 1</i> <i>опрятный 1</i> <i>серьезный 1</i> <i>сосредоточенный 1</i>	0,56 0,41 0,12 0,03 0,02 0,02 0,02 0,02 0,02 0,02 0,02 0,02 0,02 0,02 0,02 0,02	Какой? добрый 34 хороший 32 бедный 4 плохой 3 <i>внимательный 2</i> <i>опытный 1</i> <i>умный 1</i> <i>самый лучший 1</i> <i>усатый 1</i> <i>терпеливый 1</i>	0,58 0,54 0,07 0,05 0,03 0,02 0,02 0,02 0,02 0,02 0,02 0,02 0,02 0,02 0,02
Не хочется к нему ходить <i>не хочется 18</i> <i>нет, почему не хочется 13</i> <i>надо, как ни крути 3</i> <i>хочется 2</i> <i>не всегда не хочется 1</i> <i>а иногда надо 1</i> <i>делает больно 1</i>	0,31 0,22 0,05 0,03 0,02 0,02 0,02	Не хочется к нему ходить <i>нет, почему не хочется 15</i> <i>да, не хочется 10</i> <i>нужно бывает 3</i> <i>не всегда не хочется 1</i> <i>надо для получения знаний 1</i>	0,25 0,17 0,05 0,02 0,02
Какой вспоминается? Айболит 24 Эскулап 15 Доктор Хаус 9 <i>главный герой из фильма</i> <i>«Я лечу» 1</i> <i>больничный хирург 1</i> <i>Гиппократ 1</i> <i>зубной 1</i> Дулиттл 0	0,41 0,25 0,15 0,02 0,02 0,02 0,02 0	Какой вспоминается? Айболит 40 Доктор Хаус 13 Эскулап 9 <i>хирург 1</i> <i>наш декан 1</i> <i>Гиппократ 1</i> <i>доктор Ватсон 1</i> <i>доктор Пилюлькин 1</i> Дулиттл 0	0,68 0,22 0,15 0,02 0,02 0,02 0,02 0

По полученным данным может быть вычислен индекс семантической близости синонимов (ИСБ) – на основании данных о синонимии исследуемых единиц, полученных при верификации, как отношение от меньшего к большему. Так, по результатам верификационного теста выявляется, что *врач* – это то же самое, что *доктор* 0,27, а *доктор* – то же самое, что *врач* 0,31. В этом случае ИСБ исследуемых единиц вычисляется как отношение меньшего к большему: 0,27 разделить на 0,31 = 0,87; близость полученного результата к единице свидетельствует о достаточно высоком показателе семантической близости. Синонимы *джип* и *внедорожник* имеют средний показатель семантической близости, так как *джип* – это то же самое, что *внедорожник* 0,09, а *внедорожник* – то же самое, что *джип* 0,16 (*джип* 0,14 и большой *джип* 0,02), ИСБ 0,56.

Этап IV. Дифференциальная семантизация исследуемых синонимов

Далее предполагается дифференциальная семантизация исследуемых синонимов по результатам верификационного теста.

В дифференциальные дефиниции синонимов в психолингвистическом синонимическом словаре предлагается включать семы с индексом яркости не менее 0,05.

Сначала приводятся *интегральные* семы значений синонимов – общие для обоих синонимов, совпадающие или несущественно различающиеся по яркости (принимается порог не более чем на 10 пунктов). Архисема приводится первой. Приводится индекс яркости каждой семы. Семы приводятся по убыванию яркости.

Затем приводятся *дифференциальные* семы исследуемых слов – это семы, которые выявляются (присутствуют) в обоих значениях, но существенно или заметно различаются по яркости. Принимаемый порог существенности, заметности различий по яркости – более 10 пунктов. Приводится индекс яркости каждой семы. Семы приводятся по убыванию яркости.

Отдельно приводятся сведения об оценочности исследуемых слов: приводится совокупный индекс яркости оценок как сумма индексов яркости оценочных сем (учитываются семы с любым индексом яркости, даже с минимальным).

Идентификация значения («типичный представитель») приводятся после дифференциальных сем.

В конце словарной статьи приводятся эндемичные (присутствующие только в одном из сравниваемых слов) семы (если они выявляются в исследуемых синонимах), с указанием индекса яркости семы.

Некоторые семы могут требовать комментария составителя – словесного разъяснения содержания семы.

Количественные показатели: в интегральных семах приводится ИЯ семы сначала в первом описываемом слове, потом во втором. В дифференциальных семах первым приводится максимальный индекс яркости, характерный для семы в данном слове, затем – уступающий ему по величине индекс яркости данной семы в другом синониме.

Приведем примеры дифференциального психолингвистического описания синонимов.

Джип, внедорожник

ДЖИП	ВНЕДОРОЖНИК
<p><i>Различия не более чем на 10 пунктов</i></p> <p>Автомобиль 0,63-0,68, большой 0,66-0,60, дорогостоящий 0,63-0,58, хороший 0,56-0,64; с фарами 0,54-0,63 (очевидно, имеется в виду заметность фар, их размер, количество), дает человеку чувство свободы 0,42-0,46, противостоит «Оке» (то есть существенно отличается от нее по размеру, проходимости, стоимости) 0,39-0,46, Мерседес 0,22-0,17, на нем ездит дорожный патруль 0,17-0,22, зеленый 0,05-0,09</p>	
<p><i>Различия более чем на 10 пунктов</i></p> <p>свидетельствует о высоком статусе владельца 0,76-0,25, черный 0,75-0,42, владелец – лысый мужик 0,42-0,19, тонированный 0,34-0,19</p>	<p><i>Различия более чем на 10 пунктов</i></p> <p>повышенной проходимости 0,68-0,49, участвует в соревнованиях 0,68-0,20, полноприводный 0,61-0,48, русский 0,41-0,09</p>

<i>идентификация</i> Ленд Крузер 0,46-0,12, Ленд Ровер 0,39-0,09, BMW 0,34-0,10, Хаммер 0,27-0,14	<i>идентификация</i> УАЗ 0,70-0,14, Нива 0,48-0,15
одобрительное 1,45 неодобрительное 0,14	одобрительное 2,51 неодобрительное 0,07
	<i>эндемичная сема</i> красный 0,10-0

Врач, доктор

ВРАЧ	ДОКТОР
<i>Различия не более чем на 10 пунктов</i>	
Мужчина 0,59-0,63, в белом халате 0,82-0,74, добрый 0,56-0,58, пахнет лекарствами 0,56-0,51, должен иметь призвание 0,46-0,40, назначает уколы 0,36-0,37, дает лекарства 0,34-0,254, стоматолог 0,34-0,25, ставит градусник 0,32-0,25, дает таблетки 0,29-0,29, педиатр 0,29-0,25, хирург 0,29-0,36, нежелания ходить к нему нет 0,27-0,27, возвращает здоровье и жизнь 0,25-0,31, не пахнет лекарствами 0,22-0,24, спасает 0,22-0,22, гинеколог 0,20-0,15, использует скальпель 0,20-0,17, дерматолог 0,15-0,15, использует стетоскоп 0,14-0,17, бедный 0,12-0,07, не обязательно должен иметь призвание 0,09-0,09, иногда нужно ходить 0,07-0,07.	
<i>Различия более чем на 10 пунктов</i> женщина 0,48-0,37, в больнице 0,76-0,32, лечит больных 0,48-0,34, избавляет от боли и болезней 0,44-0,31, терапевт 0,41-0,27, лекарь 0,36-0,12, не хочется к нему ходить 0,31-0,17	<i>Различия более чем на 10 пунктов</i> в поликлинике 0,64-0,25, хороший 0,56-0,43, помогает сохранить здоровье 0,39-0,25, лор 0,29-0,15, использует мензурку 0,20-0,07
<i>идентификация</i> Айболит 0,41, Эскулап 0,25, доктор Хаус 0,15	<i>идентификация</i> Айболит 0,68, доктор Хаус 0,22, Эскулап 0,15
Одобрительное 2,02 Неодобрительное 0,40 Сочувственное 0,12	Одобрительное 2,52 Неодобрительное 0,22 Сочувственное 0,12
<i>эндемичная сема</i> в колпаке 0,05-0	

В методологическом плане важно соотнести результаты описания семантики слова посредством использования САЭ и посредством верификации предварительного описания, полученного на базе САЭ.

Сопоставим для этого некоторые семантические компоненты слова *джип*, выявленные методом свободного ассоциативного эксперимента с последующей семантической интерпретацией, и эти же компоненты, описанные по результатам верификации с учетом индекса яркости соответствующего семантического компонента в обоих случаях.

ДЖИП

СЕМАНТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ	Свободный ассоциативный эксперимент 100 ии		Верификационный эксперимент 59 ии	
	Абсолютные цифры	Индекс яркости семы	Абсолютные цифры	Индекс яркости семы
автомобиль	43	0,43	37	0,63
большой	8	0,08	39	0,66
повышенная проходимость	5	0,05	29	0,49
дорогостоящий	9	0,09	37	0,63
черный	7	0,07	44	0,75
тонируемый	2	0,02	20	0,34
свидетельствует о высоком статусе владельца	3	0,03	45	0,76
владелец – лысый мужик	1	0,01	25	0,42
Ленд Ровер	1	0,01	23	0,39
Мерседес	1	0,01	13	0,22
Хаммер	1	0,01	16	0,27
Одобрительное	21	0,21	33	0,56

Верификационные признаки, как следует из таблицы, обладают намного большей яркостью. Индекс яркости семантических компонентов, полученных на этапе верификации, очевидно, в большей мере соответствует реальности языкового сознания, так как отражает результат сознательного размышления респондентов над отдельными семантическими признаками, в то время как САЭ в большей мере описывает актуальное языковое сознание испытуемых на данный момент, в данной ситуации.

Метод когнитивной верификации (рефлексия исследователя над каждым выделенным в результате эксперимента или контекстуального анализа семантическим компонентом путем приписывания соответствующего признака называемому объекту и его подтверждения или отклонения) также показывает, что результаты верификационного исследования ближе к семантической реальности языкового сознания, чем результаты САЭ, верификационное исследование дает более близкие к реальности языкового сознания данные.

Плюсами верификационного теста на базе результатов САЭ являются следующие:

- по результатам верификации намного ярче семы (это результат размышления респондентов над семами);
- выделяются наиболее яркие и существенные семы;
- меньше выделяется случайных и индивидуальных сем;
- не выявляются неинтерпретируемые реакции;
- почти нет реакций синтагматического типа;
- более достоверна оценка.

Минусы:

- выявляется меньше сем (отсекаются семы с ИЯ меньше 0,05);

- не выявляются прецедентные тексты;
- не бывает отказов, что не дает возможность оценить степень освоенности значения слова языковым сознанием.

В связи с этим, очевидно, САЭ (и НАЭ) целесообразно использовать как первый этап психолингвистического исследования семантики синонимов, который позволяет выделить круг семантических компонентов, наиболее актуальных для языкового сознания испытуемых в момент эксперимента, затем на основе обработки его результатов создается верификационный тест в опоре на эти наиболее актуальные семантические компоненты, что дает возможность проверить на верификационном этапе реальную яркость семантических компонентов в языковом сознании носителей языка.

В таком случае САЭ (и НАЭ) можно проводить как пилотажный эксперимент – например, с группой 30-50 человек, используя полученные данные для составления верификационного теста.

Таким образом, обоснованным считаем использование триангуляционного подхода в психолингвистическом исследовании семантики слов-синонимов. Триангуляционный подход в психолингвистике помогает компенсировать недостатки одних методов достоинствами других. Поэтому описание и сопоставление психолингвистических значений слов необходимо осуществлять на базе окончательных результатов верификационного эксперимента с данными словами.

Литература

АСУРЛ: Ассоциативный словарь употребительной русской лексики: 1080 стимулов / Научн. ред. А.В. Рудакова, И.А. Стернин. – Воронеж: «Истоки», 2011. – 187 с.

Попова З.Д. Когнитивная лингвистика: монография / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. – 314 с.

Социологический словарь: Триангуляция [Электронный ресурс] // http://gufo.me/content_soc/trianguljacija-8791.html (дата обращения: 09.01.2015).

Стернин И.А. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. – LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. – 192 с.

Тарасов Е.Ф. Проблема анализа содержания общечеловеческих ценностей // Вопросы психолингвистики. – 2012. – № 2. – С. 8-17.

Янчук В.А. Введение в современную социальную психологию: учеб. пособие для вузов. – Минск: АСАР, 2005. – 768 с.

Г.А. Черкасова

УДК 81'23

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ХАРАКТЕРИСТИК РУССКИХ АССОЦИАТИВНЫХ ТЕЗАУРУСОВ¹

В статье представлены сопоставительные исследования фрагментов ассоциативно-вербальных сетей, моделирующих русское языковое сознание по трем временным срезам с интервалами в 15–20 лет. Результаты показали стабильность ассоциативных полей на повторившиеся в опросах слова-стимулы, когда частота порождения ассоциата выше порогового значения, и выявили переменную (временную) ассоциативную составляющую. Рассчитаны и сопоставлены некоторые обобщенные (средние) характеристики ассоциативных полей.

Ключевые слова: ассоциация, языковое сознание, ассоциативно-вербальная сеть, статистические показатели, стабильность.

Galina A. Cherkasova

CONTRASTIVE STATISTICAL INVESTIGATIONS OF THE RUSSIAN ASSOCIATIVE THESAURUSES

The article presents contrastive investigations of associative and verbal networks which model Russian language consciousness at three time periods. The results have demonstrated the stability of associative fields to repeated stimuli when the frequency of stimulus generation is higher than the threshold value, and revealed the temporary associative constituent. The paper gives an account and a contrastive analysis of some characteristics of associative fields.

Keywords: association, language consciousness, associative and verbal network, statistical indicators, stability.

Научная деятельность юбиляра, Е.Ф. Тарасова, многогранна, и одна из этих граней — «овнешнение» содержания языкового сознания методом свободного ассоциативного эксперимента, который «отражает закономерность человеческого сознания ... явления реального мира, предстающие человеческому сознанию в определенной временной или пространственной близости, отображаются таким образом, что сознание помимо образов этих явлений фиксирует также и их близость <...> За близостью в сознании испытуемых слова-стимула и слова-реакции лежат причины, которые в большинстве своем осмысливаются как семантические связи стимулов и реакций» [Тарасов 1997: 259].

В статье представлены результаты исследований компьютерных тезаурусов для трех словарей, созданных по ассоциативным экспериментам, проведенным с интервалом в 15–25 лет:

Словарь ассоциативных норм русского языка под ред. А.А. Леонтьева (опрос 1967–1973 гг.) – САНРЯ;

Русский ассоциативный словарь (1983–1995 гг.) – РАС-1;

Русский региональный ассоциативный словарь (2008–2011 гг.) – РАС-2.

¹ Исследование проводится при финансовой поддержке гранта РГНФ в рамках проекта №12-04-12039в и Ведущей научной школы РФ НШ-5740.2014.6.

Для достижения статистически корректных результатов сопоставительный анализ проведен по 195 повторившимся стимулам, т.е. использованы все стимулы САНРЯ и фрагменты баз данных РАС-1 и РАС-2. Статья продолжает количественные и сопоставительные исследования БД ассоциативных тезаурусов. Ранее в [Черкасова 2005] построены эмпирические частотные распределения и вычислены значения основных статистик для множеств стимулов, реакций и пар «стимул-реакция» для компьютерных версий Русского (РАС-1) и Славянского (САС) ассоциативных словарей. В работе [Черкасова 2007] сопоставление САНРЯ, РАС-1 и САС выполнено на множестве повторившихся 53 стимулов. В статьях [Черкасова 2012, 2014] сопоставлены БД РАС-2 и РАС-1 как по множеству всех стимулов, так по повторившимся 907 словам.

Характеристики фрагментов баз данных ассоциативных тезаурусов

Исходные базы ассоциативного опроса содержат множество стимулов и полученных на них ассоциаций, а также номера анкет (которые определяют пол, возраст, специальность и город респондента). Статистические характеристики фрагментов исходных БД по 195 стимулам получились приблизительно одинаковые: в САНРЯ найдено 100276 записей, в РАС-1 – 97351, в РАС-2 – 105444. Объединив повторившиеся реакции по каждому стимулу, мы вычислили частоты пар «стимул-реакция», а размерности таких БД составили для САНРЯ – 24644 записей, для РАС-1 – 34999 и 33478 для РАС-2. Следует отметить, что для САНРЯ разных пар $S \rightarrow R$ выявлено почти на десять тысяч меньше чем в двух РАС. Количественные характеристики представлены в табл. 1 и для наглядности на рис. 1 диаграммами, анализ которых констатирует, что исходные базы уменьшились для САНРЯ в четыре раза, а для других количество разных пар $S \rightarrow R$ сократилось почти втрое: для РАС-1 в 2,8 раза, РАС-2 в 3,2.

Таблица 1. Количественные характеристики баз данных САНРЯ, РАС-1 и РАС-2

Показатель	Количество				Всего/ среднее
	САНРЯ	РАС-1	РАС-2	Повтор	
1. Всего ассоциатов	100276	97351	105444	–	
2. Разные пары $S \rightarrow R$	24644	34999	33478	6131	93121
3. Оригинальные пары	13230	20364	19618	0	53212
% оригинальных пар	53,68%	58,18%	58,60%	0	56,82%
4. Разные реакции	12081	16957	15534	4923	34726

Наименьшие столбики диаграмм показывают «сколько получено разных реакций в каждом эксперименте на 195 стимулов»: в САНРЯ их выявлено 12081, в РАС-1 – 16957, в РАС-2 – 15534. Количественные характеристики свидетельствуют, что *разных реакций в каждом их трех АС получено вдвое меньше, чем зафиксировано разных пар, т.е. каждая реакция в среднем получена на два стимула*: $24644/12081=2.04$, $34999/16957=2.06$ и $33478/15534=2.15$.

Проанализировав повторяемость реакций в трех опросах, находим 6131 повторившуюся пару «стимул-реакция», что составляет для САНРЯ менее 25% ($6131/13230$) и около 18% для РАС-1 и РАС-2. Для конкретных стимулов количество

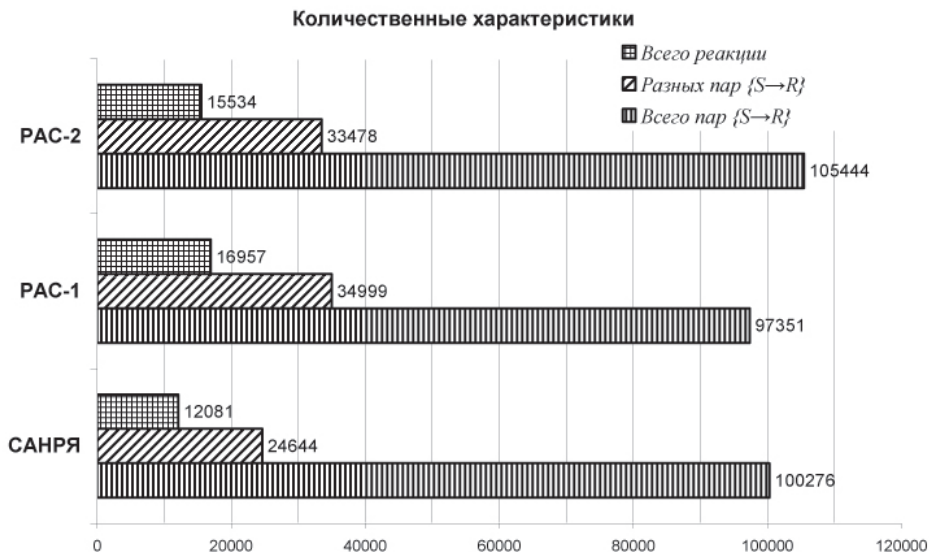

Рисунок 1. Характеристики выборок из баз данных по 195 стимулам.

повторившихся реакций изменяется от 8 до 55. Минимум повторившихся реакций получили стимулы **русский, дело, сила, народ**, которые в РАС-1 опрошены на ≈ 100 респондентов, а в САНРЯ ≈ 200 . Среди стимулов, опрошенных на выборках 500 испытуемых, наименьшее количество повторов имеют: **точка 20, пить 21 и кино 22**. Максимум повторов пар зафиксирован на стимулы: **записать 55, передать 52, лес 51** и т.д.

Повторившиеся ответы в отношении к общему количеству разных реакций для конкретных стимулов изменяются в следующих пределах:

- в САНРЯ от 8,3 до 50,77%;
- в РАС-1 от 7,93 до 41,82%;
- в РАС-2 от 5,21 до 32,28%.

Так как повторившиеся ассоциаты являются наиболее частотными, то получены они по отдельным стимулам до 88% опрошенных респондентов. Например, для стимула **течение** в САНРЯ повторившиеся пары составляют 20,2% от количества разных реакций, и дали эти реакции 80,6% испытуемых, и соответственно в РАС-1 – 22,2% и 79%, в РАС-2 – 29% и 88%. Остановимся на стимулах, имеющих наименьший процент повторяемости ассоциатов, например: стимул **труд** получил 23 повторяющиеся реакции, что составляет 23,7% (23/97) для САНРЯ, и даны они 44,6% (74/166) респондентов, в РАС-1 их соответственно 7,93% (23/290) и 28,46% (187/657), а в РАС-2 – 11,06% (23/208) и 35,16% (192/546).

Кроме повторов реакций в трех опросах некоторые ответы встретились в двух, поэтому количество неповторившихся – «оригинальных» пар в САНРЯ выявлено 13230, в РАС-1 их 20364 и 19618 в РАС-2, что составляет от общего количества пар соответственно 53,68%, 58,18% и 56,6%. Можно отметить, что *проценты ориги-*

нальных пар $S \rightarrow R$ имеют близкие значения, а их средняя величина равна 56,8%, т.е. более половины реакций в каждом эксперименте не встретились в других опросах.

Словарная статья стимула ТОЧКА

Приведем и проанализируем статью стимула **точка** из «Темпорального ассоциативного словаря» (ТАС), который в некоторых работах называется «Сопоставительный ассоциативный словарь» и размещен в Интернете по адресу www.it-claim.ru.

В ТАС использованы следующие обозначения для словарей: САНРЯ – Le, РАС – R1, РАС-2 – R2; и следующие шрифтовые выделения: а) совпадение реакции в трех словарях – **полужирный подчеркнутый**; б) совпадение реакции в РАС-1 и РАС-2 – **полужирный**; в) совпадение реакции в РАС-1 и САНРЯ – **полужирный курсив**; г) совпадение реакции в РАС-2 и САНРЯ – **курсив**; д) оригинальные ответы даются без выделений. После ассоциатов указывается частота (полужирным) и через «/» – доля или процент ответивших данной реакцией респондентов. Количественные характеристики в конце словарной статьи после //: 1-е число - количество совпавших в трех экспериментах реакций; 2-е – количество совпавших ответов в РАС-1 и РАС-2; последнее – количество оригинальных ассоциатов.

ТОЧКА

Le: **запятая** 292/41.5; **тире** 68/9.7; **конец** 48/6.8; опрос 45/6.4; *в конце предложения* 16/2.3; *в конце, знак, с запятой* 15/2.1; *над «и»* 13/1.8; **предложение** 12/1.7; *все, маленькая*, поставить 7/1.0; *большая, геометрия, зрения* 6/0.9; два крюочка, *зрение*, конечно, *письмо* 4/0.6; диктант, зачем, радиоточка, *ручка, черная*, чернила 3/0.4; алгебра, бочка, *в тетради*, горизонт, грамматика, графически, знаки препинания, и все, *клякса, круг*, материальная, на небе, одна 2/0.3; азбука Морзе, белый, *бумага*, быть, в каждой строчке, *в предложении*, город, далеко, два кружочка, дождь, жизни, замерзания, заметная, здесь, земли, знаки, клоп, конец лекции, конец строки, *кочка*, крошечка, крупица, крупная, крючок, крючочек, лекция, *линия*, любовь, **математика**, между двух прямых, мерная, *место*, на листе, *на месте*, на письме, *на плоскости*, на этом, *начало*, наша, немецкий язык, огневая, ограничена, огулочек, **орора**, опорная, особая, остановить, *остановка*, ось, ответить, отдых, письменный знак, *поставлена, преткновеня*, приземление, *прикосновение, прикосновения, пункт*, разговор, рассказ, сделай, ставить, стой, *тетрадь*, точить 1/0.1; 703+104+0+65 // 20+0+67

R1: **запятая** 96/19.3; **отсчета** 91/18.3; **опоры** 60/12.0; **зрения** 42/8.4; **конец** 25/5.0; **тире** 16/3.2; *над «и»* 6/1.2; *в предложении*, **жирная, знак, отсчет** 5/1.0; *прикосновения, прямая, с запятой* 4/0.8; *в конце, все, дочка, соприкосновения, тетрадь, черный* 3/0.6; *бумага*, в жизни, квадрат, *кочка*, лист бумаги, *маленькая, математика*, многоточие, окончание, **пересечения**, почка, **предложение**, стоит, **точка** 2/0.4; «», без запятой, в деле, *в конце предложения*, в небе, *в тетради*, взрыва, возврата, всему, **геометрия**, города, граничная, детская песня, доска, завершение, загадка, запрета, запястья, **знак препинания**, знак пунктуации, значит есть продолжение, и все!, и **запятая**, карандаш, *клякса*, конечная, конспект, красная, ложка, **мнения**, Морзе, мочка, на всем, *на месте, на плоскости*, надела, *начала, начало*, не поставлена, ничего, окончания, **орора**, орфография, отметинка, падения, период, *письмо*, плоскости, поставил, *поставлена*, предел, **преткновеня**, привет, пространства, **пункт**, пунктир, **пятно**, расплывшийся, решение, **росы, ручка**, света, сингулярность, стоп, строчка, стул, **текст**, телеграмма, теорема, точка, два крюочка, траектория, упора, урок математики, финиш, цель, *черная*, что-либо незначительное, школа, **экстремума**, это точка 1/0.2; 498+114+4+80 // 20+22+62

R2: **зрения** 66/12.1; **запятая** 64/11.8; **отсчета** 54/9.9; кипения, **конец** 38/7.0; **опоры** 18/3.3; отрыва 16/2.9; **тире** 12/2.2; **соприкосновения** 11/2.0; доступа, **знак** 10/1.8; назначения, **предложение** 8/1.5; *зрение, отсчет* 7/1.3; клуб 6/1.1; G, **жирная, знак препинания, пятно** 4/0.7; **геометрия, линия, начало**, обмана, обстрела, **орора, прикосновения, росы, черный** 3/0.6; бифуркация, *большая*, в отношении, *в предложении*, взгляда, занятая, и, кипение, маленький, **математика, многоточие, начала**, не возврата, отчета, *с запятой, черная* 2/0.4; «», А, В, алкоголь, баста, белая, блаженства, взгляд, волевая, встречи, вход, горяча, горячая, **дочка**, единичный, законченность, занятия, затмение, и **запятая**, игла, Интернет, исхода, *клякса*, конец дела, конец предложения, координат, крестик, крошечный, *круг*, круглый, кружок, лист бумаги, *маленькая, место*, миг, **мнения**, на бумаге, *на плоскости, над «и»*, назначения, обзора, образ, объект, одежда, останова, *остановка*, отправления, отрезок, отрыв, пересечений, **пересечения**, после слова, последняя, **почка, прикосновение, прямая, пункт**, пуска, пустота, пути, пятнышко, равновесия, разлома, разобрались, разрыва, роса, ру, русский язык, *ручка*, ручкой, рынок, сбора, сборки, сдвига, символ, смерть, соприкосновение, сутенер, схода, **текст**, темнота, тени, тесто, торговая, **точка**, точка зрения, тюнинга, успевающий, центр, циркуль, эквивалент, эквивалентность, **экстремума** 1/0.2; 544+138+3+93 // 20+22+90

Анализ показывает, что реакция *запятая* стоит первой в САНРЯ, и дали ее 41,5% испытуемых, в РАС-1 она тоже первая, но ее доля вдвое ниже – 19,3, в РАС-2 этот ответ второй, да и доля стала меньше – 11,8. На четвертом месте в САНРЯ стоит оригинальная реакция *опрос*, которая дана 6,4% респондентов, а следующие за ней *в конце предложения* (2.3) и *в конце* (2.1) повторились еще в РАС-1, но были даны только одним–двумя испытуемыми.

Стоящие в начале статьи РАС-1 реакции *отсчета* (18,3) и *опоры* (12,0) повторились еще в РАС-2 с долями 9,9 и 3,3.

Первой в РАС-2 стоит реакция *зрения*, имеющая долю – 12,1, а в других экспериментах она встречалась реже: в РАС-1 ее указали 8,4% респондентов, а в САНРЯ менее 1%; на четвертой позиции стоит оригинальная ассоциация *кипения* с долей 7, которая ассоциирована вошедшим недавно в обиход словосочетанием «точка кипения».

Указанные в конце статьи количественные показатели констатируют, что в трех словарях для стимула **точка** повторилось только 20 ассоциатов, а вот оригинальными в САНРЯ являются 67 реакций из 104, в РАС-1 их 62 из 114, а в РАС-2 их 90 из 138. Рассчитав процент оригинальных ответов, мы получаем следующие значения: 64,4%, 54,4% и 65,2%, которые в среднем дают 61,3%. Так как стимул **точка** имеет наименьшее совпадение ответов при количестве испытуемых > 500, то значение среднего процента оригинальных реакций для него выше, чем по всему множеству стимулов на 4,5% (61,3–56,8).

Анализ пар «стимул–реакция» с частотой больше 1%

Так как «единичные реакции ... в большей степени отражают индивидуальные черты языкового сознания испытуемых в отличие от повторяющихся ассоциативных пар, которые моделируют усредненное языковое сознание носителей русского языка» [Степанова 2012: 125], то проанализируем показатели повторяемости пар «стимул–реакция», учитывая значение частот (долей) реакций на соответствующие стимулы. Данные представлены в табл. 2 и на рис. 2.

Отбросив ответы, ассоциированные менее чем 1% испытуемых (на выборке 100 опрошенных это один ответивший, при 500 – 5) в САНРЯ осталось 3381 пары или 13.72% (3381/24644), в РАС-1 – 3055 (8.73%), в РАС-2 – 3325 (9.93%), т.е. получилось, что *большинство реакций – более 86%, имеют долю меньше единицы.*

Из оставшихся пар в трех экспериментах повторилось 1285, т.е. процент совпадений составляет для каждого из тезаурусов 38%, 42% и 38,6%. Если изменить условия отбора и выбирать реакции, имеющие долю > 1 только в одном словаре, и не учитывать частоту их встречаемости в других, то мы находим в БД САНРЯ уже 2525 пары, в РАС-1 – 2337 и в РАС-2 – 2301, процент которых соответственно 74,7%, 76,5 % и 69,2%, т.е. он возрастает почти в два раза (см. курсивную строку п. 2 в табл. 2).

Таблица 2. Сопоставительные характеристики БД САНРЯ, РАС-1 и РАС-2

Показатель	Количество всего				Проценты повтора (%)		
	САНРЯ	РАС-1	РАС-2	Повтор	САНРЯ	РАС-1	РАС-2
1. Разные пары S→R	24644	34999	33478	6131	24,88	17,52	18,32

2. Пары с частотой $\geq 1\%$	3381	3055	3325	1285	38,00	42,06	38,65
частота ≥ 1 в одном словаре	2525	2337	2301		74,68	76,50	69,21
3. Пары с частотой $\geq 2\%$	1715	1469	1667	673	39,24	45,81	40,37
частота ≥ 2 в одном словаре	1482	1273	1340		86,41	86,66	80,38
4. Пары с частотой $\geq 3\%$	1133	936	1034	481	42,45	51,39	46,52
частота ≥ 3 в одном словаре	1028	845	883		90,73	90,27	85,40
5. Пары с частотой $\geq 5\%$	622	494	531	247	39,71	50,00	46,51
частота ≥ 5 в одном словаре	585	461	487		94,05	93,32	91,71
6. Множество реакций	12081	16957	15534	4924	40,74	29,03	31,69
7. Оригинальные реакции	4603	7735	6904	0	38,10	45,62	44,44
8. Пары повторившихся R	16429	20153	19777		66,67	57,58	59,07

В табл. 2 представлены также характеристики для выборок из баз данных с относительной частотой реакций 2, 3 и 5. Можно отметить, что с возрастанием величины доли, количество повторяющихся пар уменьшается, а их процент почти не изменяется и колеблется в пределах 38–51,39%. Анализируя стабильность повтора пар без учета частоты встречаемости их в других БД (см. данные курсивных строк табл. 2), можно констатировать, что с увеличением относительной частоты пары «стимул-реакция» процент повторов возрастает. На правом графике рис. 2 зафиксирован рост повторов пар с 69,21 до 92–94%.

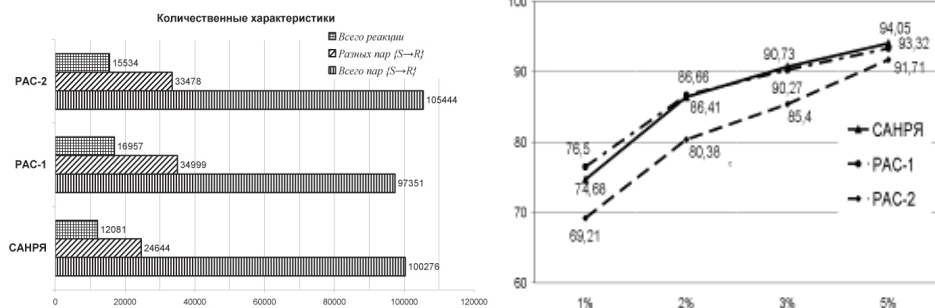

Рисунок 2. Проценты стабильности реакций в трех словарях с учетом их долей.

Анализируя полученные результаты, можно предложить величину «порогового» значения доли пар S→R, задающую стабильность ассоциаций, которую назовем **порог стабильности** ассоциаций. Тогда, выбирая оригинальные ответы, ассоциированные с частотой, превышающей порог, мы получаем характеризующие динамические, временные изменения реакции.

Например, задавая порог стабильности в 5%, в САНРЯ обнаружим восемь оригинальных пар, одну найдем в РАС-1 и также восемь в РАС-2:

САНРЯ: **помощь**→*обязательная* 12.04, **следовать**→*за мною* 10.47, **занятие**→*конец* 8.47, **добрый**→*плохой* 8.44, **точка**→*опрос* 6.40, **стол**→*черный* 5.58, **курс**→*наук* 5.56, **идти**→*входить* 5.50;

РАС-1: **товарищ**→*песня* 5.29;

РАС-2: **картина**→*маслом* 8.27, **точка**→*кипения* 6.99, **журнал**→*глянец* 6.7, **глянцевый** 5.4, **добрый**→*сок* 6.45, **человек**→*наук* 5.83, **год**→*2008* 5.52, **звонить**→*маме* 5.05.

Следует отметить, что выявленная в САНРЯ пара **следовать**→*за мною* в других словарях встречается в форме **следовать**→*за мной*, поэтому эти реакции можно рассматривать как одинаковые. В итоге найдено 16 оригинальных пар, полученных на 13 стимулов, а три стимула **добрый**, **точка** и **журнал** встретились дважды.

Если задать порог стабильности более 3%, то получаем следующую повторяемость пар S→R: в САНРЯ 90,73%, в РАС-1 90,27% и в РАС-2 85,4%. Выберем оригинальные ассоциации, имеющие значение доли выше 3, которые следует добавить к вышеуказанным. В САНРЯ обнаружено еще 16 пар, в РАС-1 три и в РАС-2 23:

САНРЯ: **школа**→*новая* 4.81, **сила**→*зрения* 4.71, **простой**→*скромный* 4.47, **город**→*Алма-Ата* 4.26, **экзамен**→*сессию* 4.16, **дом**→*сарай* 3.83, **отец**→*строит* 3.70, **вспоминать**→*тебя* 3.64, **история**→*ВКП(б)* 3.44, **успеть**→*в кино* 3.36, **слава**→*большая* 3.32, **смотреть**→*приятно* 3.28, **слышать**→*внимательно* 3.21, **утро**→*вечера* 3.1, **газета**→*Вечерка* 3.03, **занятие**→*в институте* 3.0;

РАС-1: **учиться**→*коммунизму* 4.89, **народ**→*и партия* 4.59, **сдавать**→*макулатуру* 3.56;

РАС-2: **мастер**→*класс* 4.61, **достать**→*соседа* 4.31, **начало**→*старт* 4.28, **связь**→*мобильная* 4.28, **слава**→*России* 4.03, **кончать**→*секс* 3.87, **передавать**→*знания* 3.87, **советский**→*период* 3.69, **занятие**→*пара* 3.69, **рабочий**→*телефон* 3.55, **прислать**→*смс* 3.52, **слышать**→*слушать* 3.52, **оставаться**→*в живых* 3.49, **километр**→*нулевой* 3.35, **встреча**→*одноклассников* 3.35, **деревня**→*дураков* 3.33, **гулять**→*друзья* 3.33, **сила**→*мысли* 3.32, **понимать**→*язык* 3.29, **газета**→*Жизнь* 3.16, **час**→*суда* 3.15, **настоящий**→*полковник* 3.13, **учиться**→*знания* 3.1.

Суммируя количество найденных оригинальных пар «стимул–реакция», получаем, что с порогом стабильности > 3% в РАС-2 их встретилось 31 (23+8), и получены они на 30 стимулов; в САНРЯ выявлено 16+7=23 оригинальные пары на 22 стимула, а РАС-1 их всего 4. В итоге получилось, что с порогом стабильности 3% в трех словарях найдено 58 оригинальных реакций, которые получены на 48 стимулов, т.е. каждый четвертый стимул (195/48) имеет оригинальные ответы с частотой выше 3%.

Если взять значение порога 4%, то получается 28 пар на 25 стимулов.

Можно предположить, что *величина порога стабильности реакций* нахо-

даться в пределах 3–5%.

Анализ множеств полученных реакций

6-я строка табл. 2 показывает: сколько разных ответов получено в каждом из трех экспериментов на 195 анализируемых стимулов. Множество разных реакций САНРЯ содержит 12081 ответа, в РАС-1 их 16957, в РАС-2 - 15534 разных ответа. При этом во всех опросах повторились 4923 реакции, что составляет от общего количества разных ассоциатов 40.75% для САНРЯ, 29.03% для РАС-1 и 31.69% для РАС-2.

Реакции, повторившиеся в трех опросах, даны в 16700 разных парах «стимул-реакция», и только 3182 пары из них также повторились во всех экспериментах. Только в одном тезаурусе встретились 3152 пары в РАС-1, 3055 в РАС-2, 2782 в САНРЯ. Остальные пары встретились в двух опросах: 1352 даны в САНРЯ и РАС-1, 1237 – в САНРЯ и РАС-2, 1939 – в РАС-1 и РАС-2. Данные отражены на кольцевой диаграмме рисунка 3.

Встречаемость пар с повторившимися реакциями в словарных статьях

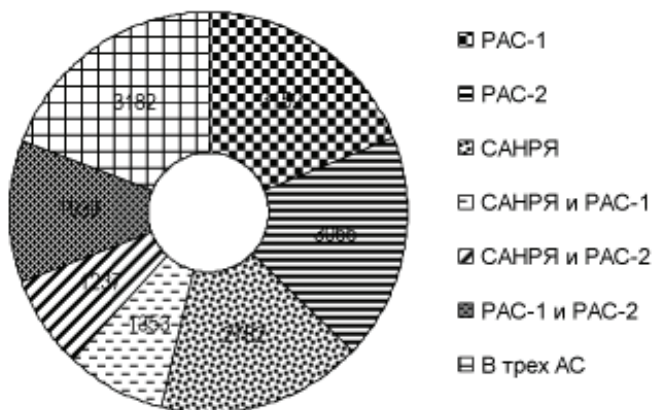

Рисунок 3. Распределение повторившихся реакций в парах «стимул-реакция»

Рассмотрим теперь реакции, которые были получены только в одном из опросов, и будем называть их оригинальными. В САНРЯ найдено 4603 оригинальные ассоциации, в РАС-1 - 7735, в РАС-2 - 6904, что в процентах от общего количества реакций составляет соответственно 38,10%, 45,62% и 44,44%. Результаты констатируют, что в РАС-1 и РАС-2 оригинальных ассоциатов больше, чем повторившихся на 16,59% и 12,75%; в САНРЯ их наоборот меньше на 2,64% (38,1– 40,75).

Ядро по 195 стимулам

Анализируя сколько из 195 стимулов вызвали повторившиеся ответы в каждом из экспериментов, мы определим реакции, имеющие наибольшее количество связей со стимулами. Эти ассоциаты, по мнению А.А. Залевской и Н.В. Уфимцевой, определяют ядро языкового сознания носителя русского языка [Уфимцева 2011]. Первые сто слов будем далее называть «ядерными». В табл. 3 включено 98 ядерных реакций, вызванных в РАС-2 более 22 стимулами. К каждой колонке, характеризующей ассоциативный словарь, указано два числа: *первое* – ранг ассоциации, *второе*

– количество стимулов, породивших реакцию. Полу жиром и курсивом в таблице выделены строки, ранги которых существенно отличаются друг от друга.

Первый ранг для РАС-2 и РАС-1 занимает *дом*, получивший связи с 83 и 82 стимулами, а в САНРЯ *дом* на третьей позиции, так как его вызвали только 65 стимулов. Второй стоит ассоциация *человек*, имеющая 1-й ранг в САНРЯ, и порождена она 80, 72 и 74 стимулами.

На рис. 4 представлены ранги реакций по трем словарям в виде графиков, а их порядок их следования задан таблицей 3. Верхние графики отображают ранги первых двадцати пяти ассоциатов, чтобы легче было ориентироваться, значения рангов приведены только для САНРЯ. Кривые на рисунке 5 фиксируют количество стимулов, связанных с реакциями.

Данные таблицы 3 показывают, что ранги РАС-2 для большинства реакций имеют меньшие значения, поэтому графики, соответствующие САНРЯ и РАС-1, в основном лежат выше линии РАС-2. Пики или выбросы на графиках отмечают реакции, имеющие существенно больший ранг, т.е. ассоциированы меньшим количеством стимулов чем в РАС-2. Например, ассоциат *радость* поднялся на 5-й в РАС-2 и 6-й в РАС-1 с 31-го ранга в САНРЯ при этом количество вызвавших его стимулов возросло вдвое с 27 до 56 (47). Значительно уменьшили свои ранги ассоциации (они выделены полу жиром): *радость, учеба, сила, ум, я, умный, семья, долг, секс, общение* (последние две отсутствовали в САНРЯ, а в РАС-1 порождены тремя стимулами и их ранги 2323). Если рассмотреть реакции, уменьшившие число порождающих стимулов (в табл. 3 выделены курсивом), то даже незначительное уменьшение приводит к существенному возрастанию рангов реакций, что отражают графики на рис. 5 и 4. Например, *книга* с 5-го ранга в САНРЯ спустилась на 31-й в РАС-1 и РАС-2, а число породивших ее стимулов уменьшилось в полтора раза с 46 до 30–31, сюда же можно отнести реакции *стол* и *большой*.

Таблица 3.

Ранги реакций из ядра для трех АС по 195 стимулам

Словарь Реакция	РАС-2		РАС-1		САНРЯ	
	Ранг	KSt	Ранг	KSt	Ранг	KSt
дом	1	83	1	82	3	65
человек	2	80	2	72	1	74
жизнь	3	78	5	53	9	42
хорошо	4	66	3	71	2	69
радость	5	56	6	47	31	27
деньги	6	54	12	41	18	32
дело	7	52	11	43	5	46
плохо	8	51	6	47	18	32
мир	10	50	26	33	53	24
нет	10	50	10	44	9	42
работа	10	50	19	37	15	34
друг	12	47	4	53	4	51

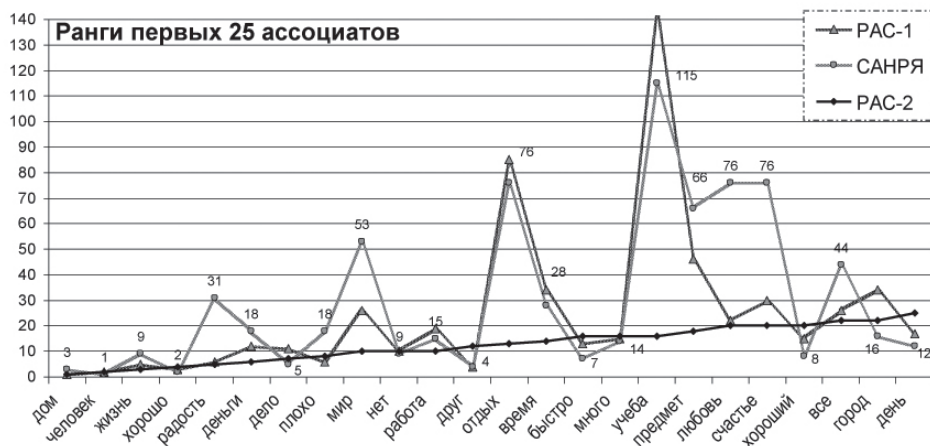

Рисунок 4. Ранги реакций из ядра в трех словарях по 195 стимулам.

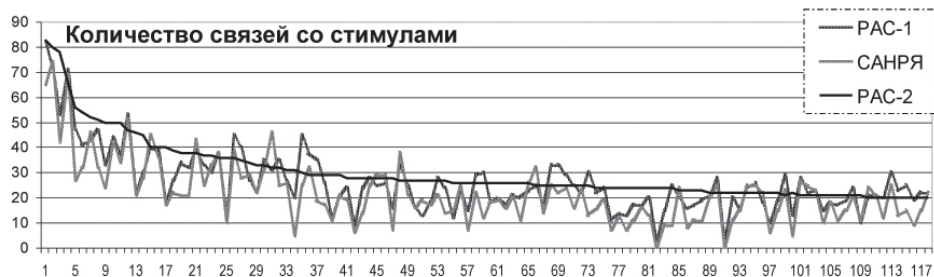

Рисунок 5. Количество связей ассоциаций из ядра со стимулами.

Словарь Реакция	РАС-2		РАС-1		САНРЯ	
	Ранг	KSt	Ранг	KSt	Ранг	KSt
отдых	13	46	85	22	76	21
время	14	45	34	30	28	28
быстро	16	40	13	40	7	45
много	16	40	15	39	14	36
учеба	16	40	144	18	115	17
предмет	18	39	46	27	66	22

Словарь Реакция	РАС-2		РАС-1		САНРЯ	
	Ранг	KSt	Ранг	KSt	Ранг	KSt
любовь	20	38	22	34	76	21
счастье	20	38	30	32	76	21
хороший	20	38	15	39	8	43
все	22	37	26	33	44	25
город	22	37	34	30	16	33
день	25	36	17	38	12	38
сила	25	36	330	12	325	10
стол	25	36	8	45	11	39
урок	27	35	13	40	28	28
дорога	28	34	46	27	24	29
место	29	33	85	22	66	22
свет	29	33	21	35	21	31
книга	31	32	31	31	5	46
человека	31	32	21	35	44	25
ответ	33	31	46	27	35	26
ум	33	31	110	20	839	5
думать	35	30	8	45	44	25
долго	38	29	17	38	18	32
жить	38	29	21	35	97	19
мужчина	38	29	49	26	267	17
помощь	38	29	330	12	267	11
слово	38	29	99	21	76	21
всегда	44	28	66	24	97	19
действие	44	28	526	9	661	6
жизни	44	28	66	24	167	14
разговор	44	28	42	28	44	25
ребенок	44	28	56	25	24	29
что-то	44	28	49	26	24	29
я	44	28	186	16	543	7
большой	51	27	26	33	12	38
говорить	51	27	56	25	76	21
голос	51	27	186	16	132	16
семья	51	27	285	13	97	19
телефон	51	27	144	18	115	17

Словарь Реакция	РАС-2		РАС-1		САНРЯ	
	Ранг	KSt	Ранг	KSt	Ранг	KSt
труд	51	27	42	28	76	21
умный	51	27	66	24	167	14
дети	60	26	330	12	149	15
добрый	60	26	74	23	44	25
долг	60	26	209	15	543	7
дома	60	26	39	29	66	22
есть	60	26	34	30	226	12
знать	60	26	144	18	105	18
люди	60	26	110	20	97	19
путь	60	26	167	17	132	16
родной	60	26	99	21	87	20
слова	60	26	110	20	267	11
учиться	60	26	74	23	35	26
вечер	69	25	56	25	18	32
дела	69	25	167	17	167	14
друга	69	25	26	33	44	25
лес	69	25	26	33	66	22
мама	69	25	39	29	53	24
машина	69	25	56	25	132	16
моя	69	25	85	22	60	23
надо	69	25	34	30	169	13
девушка	78	24	85	22	132	16
делать	78	24	66	24	97	19
добро	78	24	379	11	543	7
друзья	78	24	240	14	226	12
душа	78	24	285	13	544	7
красиво	78	24	167	17	267	11
магазин	78	24	167	17	132	16
мысль	78	24	110	20	169	13
секс	78	24	2323	3	12082	0
смысл	78	24	209	15	379	9
вместе	85	24	56	25	379	9
парень	85	23	110	20	53	24

Словарь Реакция	РАС-2		РАС-1		САНРЯ	
	Ранг	KSt	Ранг	KSt	Ранг	KSt
себя	85	23	186	16	450	8
ждать	85	23	167	17	267	11
знание	85	23	125	19	267	11
любить	93	22	99	21	87	20
мой	93	22	42	28	44	25
общение	93	22	2323	3	12082	0
один	93	22	110	20	267	11
сделать	93	22	186	16	149	15
улица	93	22	66	24	44	25
учитель	93	22	49	26	44	25
фильм	93	22	144	18	66	22
цель	93	22	445	10	661	6
язык	93	22	125	19	149	15

В таблице 4 приведено 58 слов, встретившихся в ядерных реакциях САНРЯ и РАС-1, но непопавшие в первую сотню для РАС-2. Ассоциаты упорядочены по возрастанию их ранга либо в САНРЯ, либо в РАС-1 (он указан полужиром); полужирный курсив выделяет 25 реакций, встретившиеся в ядрах двух опросов; курсивом отмечены 15 ответов только из ядра РАС-1, без выделения приведены 18 ядерных реакций САНРЯ. Можно отметить, что большинство стоящих в начале табл. 4 реакций встретились в двух АС. Первая реакция *кино* имеет 21-й ранг в САНРЯ и 56-й в РАС-1, следующая ассоциация *хорошая* соответственно 24-й и 85-й ранг. А вот стоящая на третьей строке реакция *дурак* встретила только в ядерных для РАС-1 и число вызвавших ее стимулов в 2,5 раза больше. В итоге получаем, что в ядерных реакциях РАС-2 не повторились 43 (25+18) ассоциата из ядра САНРЯ и 40 (15+25) из РАС-1. Отметим, что среди ядерных реакций РАС-2 42 имеют ранги в других АС более ста, которые распределились следующим образом: 30 отсутствуют в ядрах двух словарей, 8 только в САНРЯ и 4 только для РАС-1. Можно констатировать, что ядерные реакции отличаются ядерных реакции других словарей приблизительно на 40–43%.

Хотя имеются изменения в рангах ассоциатов, но большинство реакций незначительно изменяет свои ранги, т.е. перемещается в небольших пределах. Можно сделать вывод, что ядро языкового сознания русских претерпевает изменения, которое отражает динамику языкового сознания во времени.

Таблица 4.

Реакции, встретившиеся только в ядре САНРЯ и РАС-1.

Словарь Реакция	САНРЯ		РАС-1		РАС-2	
	Ранг	KSt	Ранг	KSt	Ранг	KSt
кино	21	31	56	25	238	14
хорошая	24	29	85	22	164	17

дурак	169	13	26	33	238	14
товарищ	28	28	34	30	133	19
тетрадь	28	28	125	19	164	17
далеко	31	27	42	28	104	21
красивый	44	25	34	30	116	20
трудно	35	26	56	25	366	11
писать	35	26	66	24	164	17
работать	35	26	74	23	149	18
письмо	35	26	99	21	430	10
билет	60	23	39	29	104	21
школа	44	25	49	26	133	19
домой	44	25	85	22	104	21
мальчик	53	24	85	22	149	18
большая	53	24	99	21	116	20
книги	53	24	186	16	327	12
что	97	19	56	25	430	10
солнце	149	15	56	25	116	20
институт	60	23	74	23	104	21
экзамен	66	22	85	22	116	20
книгу	60	23	99	21	273	13
мать	60	23	99	21	273	13
рассказ	60	23	125	19	133	19
отлично	60	23	285	13	327	12
стул	87	20	66	24	104	21
старый	97	19	66	24	238	14
рядом	267	11	66	24	133	19
лист	839	5	66	24	366	11
Словарь	САНРЯ		РАС-1		РАС-2	
Реакция	Ранг	KSt	Ранг	KSt	Ранг	KSt
любимый	97	19	74	23	149	18
уйти	105	18	74	23	149	18
рука	169	13	74	23	116	20
вопрос	76	21	99	21	116	20
прийти	76	21	99	21	366	11
видеть	76	21	144	18	366	11

идти	76	21	144	18	185	16
читать	76	21	144	18	327	12
скоро	76	21	186	16	430	10
подруга	76	21	526	9	273	13
взять	169	13	85	22	327	12
сидеть	115	17	85	22	273	13
муж	132	16	85	22	164	17
хлеб	132	16	85	22	430	11
куда	149	15	85	22	430	10
спать	149	15	85	22	116	20
дать	325	10	85	22	273	13
не хочу	450	8	85	22	605	8
вещь	87	20	99	21	149	18
его	87	20	110	20	236	14
класс	87	20	285	13	236	14
плохой	87	20	125	19	237	14
поезд	87	20	240	14	273	13
правильно	87	20	646	8	185	16
комната	97	19	379	11	379	11
лекция	97	19	330	12	327	12
наш	97	19	379	11	379	11
светлый	97	19	285	13	273	13
найти	115	17	99	21	205	15

Заключение

Статистические характеристики показывают, что разных реакций в каждом их тезаурусах получено вдвое меньше, чем сформировано разных пар «стимул-реакция», т.е. каждая реакция в среднем получена на два стимула.

Проценты оригинальных пар S→R имеют близкие значения, а их средняя величина равна 56,8%, т.е. более половины реакций в каждом эксперименте не встретились в других опросах

Величина порога стабильности реакций находится в пределах 3–5%.

Отметим, что при попарном сопоставлении этих тезаурусов, количественные характеристики повторов и проценты несколько выше, что отмечено в работах [Черкасова 2010, 2007].

Литература

Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М.: – Астрель: АСТ, 2002. Т. 1. От стимула к реакции. – 784 с. Т. 2. От реакции к стимулу. – 992 с.

САНРЯ: Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А.А. Леонтьева. М., 1977.

Тарасов Е.Ф. Исследование ассоциативных полей представителей разных культур // Ментальность россиян (Специфика сознания больших групп населения России) / Под ред. И.Г. Дубова. – М., 1997. – С. 253-277.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность / Н.В. Уфимцева. – М.-Калуга: – ИЯЗ РАН, 2011. – 252 с.

Черкасова Г.А. Динамическая ассоциативно-вербальная модель языкового сознания носителей русского языка // Новые информационные технологии в автоматизированных системах. 2014. – № 17. – С. 405-414.

Черкасова Г.А. Исследование динамики ассоциативно-вербальной модели языкового сознания русских // Вопросы психолингвистики. – М., 2007. № 6. – С. 105-122.

Черкасова Г.А. Квантитативные исследования ассоциативных словарей // Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация: Сб. ст. к 70-летию доктора филологических наук, профессора Евгения Федоровича Тарасова. – Калуга, 2005. – С. 227-244.

Черкасова Г.А. Новый русский ассоциативный словарь (РАС-2): первые результаты // Межэтническое общение: контакты и конфликты. Сборник статей /под ред. Н.В. Уфимцевой. – М.: ИЯЗ РАН – МИЛ, 2012. – С. 194–211.

Черкасова Г.А. Ядерные подграфы ассоциативно-вербальной сети Русского ассоциативного тезауруса // Вопросы психолингвистики. – М., 2010. – № 2(12). – С. 137-153.

Н.М. Юрьева

УДК 81'23

**УСТНОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ В ОНТОГЕНЕЗЕ РЕЧИ:
К НАРРАТИВУ В ДИАЛОГЕ СО ВЗРОСЛЫМИ**

В статье рассматривается начальный период становления повествования в детской речи, и выделяются стратегии содействия взрослого носителя языка в порождении связного высказывания и повествовательного текста детьми-дошкольниками.

Ключевые слова: устное повествование, диалог, интеракция, опосредование, когнитивное развитие, когнитивная событийная структура.

Nadezhda M. Yurieva

**ORAL NARRATIVE IN THE ONTOGENESIS OF THE LANGUAGE:
TO NARRATIVE IN DIALOGUE WITH ADULTS**

The article analyses the primary period of narrative development in the child's speech and also defines the strategies of adult's scaffolding in creation of coherent sentences and narrative by preschool children.

Keywords: oral narrative, dialogue, interaction, scaffolding, cognitive development, cognitive event structure (event knowledge).

В современной лингвистике, обращенной к дискурсу и различным феноменам лингвокоммуникативного процесса, повествование предстает как один из основных компонентов социального взаимодействия, связанный с коммуникативной функцией языка как специфического, уникального инструмента, позволяющего человеку обмениваться своим опытом, знаниями, эмоциями и ценностями с другими людьми.

В ходе повествования своеобразным образом реализуется особая внутренняя потребность индивида «быть понятым другими» через сообщение информации о событиях и своем отношении к этим событиям другим членам коллектива или группы. По мнению М. Томаселло, мотив или желание индивида поделиться «своим миром» (ощущениями, взглядами) является способом информирования. Подобное стремление индивида поделиться с другими людьми информацией и, что особенно важно, своими впечатлениями о событиях позволяет говорящему найти и расширить «нечто общее», объединяющее его с другими, влиться в группу и быть принятым ею, чтобы общаться более доверительно, на более близком уровне. Все это служит формой социальной идентификации, связи и объединения с другими [Tomasello 2008: 282].

В обыденной жизни основной формой, посредством которой люди различных культур делятся информацией и своим отношением к происходящим вокруг них событиям, тем самым, осмысливая их, является повествование. Вместе с коммуникативной (социальной связи) функцией, на которой делает акцент М. Томаселло, следует выделить функцию создания смысла в повествовании, так как посредством повествования человек осмысливает познанный фрагмент мира, выделяет в нем своеобразные вехи, придает познанному (своему знанию) форму и смысл, упорядочивает свой опыт. Можно также выделить культурологическую функцию,

которая наиболее ярко проявляется в «прецедентных текстах», в которых накапливается культурно-смысловая основа народа – его память – и таким образом обеспечивается своего рода «связь времен» между поколениями.

Подход к осмыслению нарратива в социальных и гуманитарных науках характеризуется тезисом, что «функционирование различных форм знания можно понять только через рассмотрение их нарративной, повествовательной природы» [Троцук 2004: 56]. Именно с помощью повествования происходит осмысление индивидом простых и более сложных фрагментов его опыта, в которых представлены процессы означивания и оценки различных событий и раскрываются внутренние причины его поведения и действий [Bruner 2004: 691-710; Брокмейер, Харре 2000: 29-42; Троцук 2004: 56; Шейгал 2007: 86-93]. В свою очередь, формирующееся в лингвистике когнитивно-дискурсивное направление включило в сферу своих интересов когнитивные и коммуникативные механизмы, действующие внутри сложных дискурсивных явлений, отражающих процессы познания, вербализации образа мира и передачи познанного другим членам общества.

Можно сказать, что дискурсивный и нарративный подходы вновь ставят проблему взаимосвязи текста, дискурса и процессов познания, перенеся внимание с готового знака, структуры, грамматики текста на внутренние процессы текстообразования. Исследователи обращают внимание, что при этом речь идет не только о новом эмпирическом объекте (рассказах, воспоминаниях о событиях, автобиографиях и т.п.), но и о выделении в этом объекте особого предмета – «нарративного знания», присутствующего и выраженного в различных повествованиях. Нарратив предстает как «своеобразное окно» не просто «в индивидуальный опыт» личности [Троцук 2004], но играет «роль линз», отражающих тем или иным образом весь комплекс процессов, интегрированных в повествовательный дискурс, но остающихся «по ту сторону» текста. Исследование специфических особенностей повествования в период его становления в онтогенезе позволит осветить некоторые из них.

В речевом онтогенезе доминантной формой по праву признается диалог, как первичная языковая данность и наиболее естественная форма речевого общения, оказывающая влияние не только на развитие коммуникативных умений ребенка, но и в целом на его вхождение в систему социальных связей и социального сотрудничества, на его общепсихическое и интеллектуальное развитие. В отечественной науке проблема формирования повествовательного текста на дошкольной ступени онтогенеза долгое время находилась на периферии исследовательских интересов, оставаясь мало разработанной. Недооценка изучения генезиса повествования в общем континууме формирования различных форм речевого общения в детской речи связана с тем, что умения рассказывать о тех или иных событиях более интенсивно проявляются у детей в процессе систематического обучения и целенаправленного формирования связной повествовательной речи в школе, причем чаще письменной речи. Известные работы по этой проблематике в основном сконцентрированы на материале речевой продукции детей преддошкольного возраста, либо уже перешагнувших дошкольную ступень [Лепская 1997; Мальцева 2002; Овчинникова 2004; Седов 1999; 2004].

Если говорить о повествовании в детской речи, то, по существу, для психолингвистики это проблема становления и порождения устного повествовательного текста детьми. Исследователю необходимо увидеть и показать, как маленькие

дети рассказывают истории, какие внутренние речемыслительные процессы обеспечивают повествовательный дискурс, какие факторы влияют на его протекание, включаются в развертывание мысли ребенком и, возможно, определяют структурно-семантическую и прагматическую организацию текста как целостного и связанного речевого произведения. К ключевым моментам этой проблемы принадлежит круг проблем на уровне «текст – действительность», т.е. когнитивный аспект текста, который отражает уровень представлений ребенка о мире, о событиях, которые происходят вокруг него, о его восприятии этих событий. Когнитивный аспект текста связан с внутренними когнитивными процессами, ведущими к некоторому «кванту» когнитивного содержания (знания, когнитивной информации), из которого, говоря словами У. Чейфа, выкристаллизовываются пропозициональные и языковые структуры [Чейф 1983: 72]. Следующий круг проблем лежит на уровне «текст – реципиент» и выводит исследователей в лингво-коммуникативный аспект текста, связанный с выражением когнитивной информации в языковых структурах различной сложности, релевантными для того контекста, в котором они производятся. Приведенные идеи разрабатывались А.М. Шахнаровичем в ряде работ [Шахнарович 1983; 1999].

В повествовательном процессе задействованы два взаимодействующих «слоя»: когнитивный и коммуникативный, каждый с внутренними психолингвистическими процессами, обеспечивающими расчлененность стоящего за текстом фрагмента опыта и одновременно целостность, законченность и связность повествования. Понимая взаимообусловленность названных составляющих, вовлеченных в механизм создания целостного повествования, являющегося «наиболее емкой структурно-речевой формой воплощения когнитивно-коммуникативной активности говорящего» [Сигал 2004: 28], мы полагаем, что ведущим в этом, по своей сути, едином процессе является грамматико-смысловое структурирование ситуации, необходимое для выражения и обозначения языковыми средствами выделенных компонентов в некотором повествовательном тексте.

Для повествовательной деятельности ребенка центральным моментом здесь является, как пишет В.Я. Шабес, процесс осознания «образа события» в его дискретно-континуальной плоскости или «дискретно-континуальном времени» как динамического и изменяющегося явления, характеризующегося «инициальными и финальными состояниями» [Шабес 1989: 14-16]. Это означает, что ребенку необходимо осуществить структурирование целостного события на ряд более мелких событийных единиц – «сцен», «микрособытий», связанных во времени-пространстве общими субъектами-деятелями, действиями, предметами, находящимися во взаимодействии и в причинно-следственных отношениях.

В исследовании И.Г. Овчинниковой, посвященном особенностям выражения темпоральности в повествовании (проведенном на материале рассказов русских детей 5 – 8 лет и взрослых носителей языка), событие рассматривается как специфическая когнитивная единица (структура), необходимая для категоризации текущего опыта, для восприятия и понимания текста, повествования в том числе, в целях коммуникации. Автор подчеркивает, что «в повествовании о событиях категория времени играет ключевую роль: время соотносит коммуникативную ситуацию и событие; различные события в рамках одного повествования должны быть упорядочены во времени» [Овчинникова 2004: 278].

Таким образом, повествование предстает как результат речемыслительной деятельности, возникающий в коммуникативной ситуации и несущий в себе единство коммуникативного и когнитивного компонентов, задействованных в повествовании. Такой подход позволяет рассматривать повествование как фрагмент знаний о мире, «опредмеченный» с помощью имеющихся у адресанта языковых средств, в виде «линейно упорядоченной совокупности дискретных знаковых единиц разного объема и сложности» [Шабес 1989]. Процесс «опредмечивания» и языкового упорядочивания определяется на каждом этапе развития ребенка «личностными языковыми системами», формирующимися в ходе онтогенетического развития и являющимися следствием отражения и генерализации элементов системы родного языка. Важно отметить, что именно структурирование целостного события, т.е. «специальная работа сознания по выделению элементов действительности, по расчленению предметной ситуации» представляет собой в свернутом и редуцированном виде когнитивный аспект текста, а способы обозначения, презентации фрагментов действительности языковыми средствами – коммуникативный аспект текста [Шахнарович 1983: 181-190].

Специфика повествовательной деятельности на дошкольной ступени состоит в том, что это динамично развивающийся речемыслительный или дискурсивный процесс, имеющий коммуникативным импульсом сообщение другому индивиду некоторого субъективно структурированного кванта когнитивного содержания, вобравшего в себя прошлый опыт ребенка о некотором событии, не представленном в актуальной ситуации повествования. Такие дискурсивные процессы имеют своим результатом некоторый разный по языковому объему и смысловой сложности устный текст, лингвистические характеристики которого не всегда позволяют его охарактеризовать как целостный, содержательно и грамматически связанный устный текст. Названные характеристики в большей мере относятся к повествовательным продуктам более зрелой языковой личности.

Возникновение элементов повествования у детей исследователи не связывают исключительно со словесным этапом освоения языка и речевой продукцией, а относят к доречевому этапу, к периоду возникновения информативной функции (7 – 12 мес.) в ситуативно-деловом общении с взрослыми людьми.

В ситуациях взаимодействия и общения с ребенком взрослый с помощью совсем нехитрых способов привлекает внимание ребенка к предмету, тем самым ребенку представляются два основных элемента: объект и его словесное обозначение – в связи друг с другом. У детей полутора – двух лет довербальная форма взаимодействия и общения с взрослым существенно изменяется и протекает с использованием речи, которая сопровождает невербальную коммуникацию. В этот период речь ситуативна, включена в совместные действия ребенка и взрослого и в основном возникает в ситуациях, когда старшие организуют деятельность ребенка и помогают ему в ее осуществлении. Именно с помощью взрослого ребенок познает социальное значение предмета, принятые в данном обществе способы предметных действий, усваивает познавательные нормы и эталоны, объективированные в этих предметах. Именно в интерактивной деятельности с окружающими взрослыми у ребенка происходит развитие познавательной деятельности, мышления, языковой и коммуникативной способности, в том числе первичных, первоначально «неоформленных» дискурсивных структур «информативного жанра», посредством которых

ребенок сообщает взрослому о взволновавшем его случае, интересном предмете, игрушке. Рассматривая жанры общения в речевом онтогенезе, К.Ф. Седов обращает внимание, что в раннем детстве «намечается дифференциация континуума персонального дискурса ребенка на информативную и фатическую речь», что и «дает начало овладению информативными и фатическими жанрами общения» [Седов 2001: 194]. Уже в этот период в речи ребенка исследователи отмечают появление рассказа.

В раннем дошкольном детстве, который охватывает возрастной период до 2,5 – трех лет, происходит интенсивное становление вербальной коммуникации в форме диалогического общения с близкими людьми, а позднее и со сверстниками в конкретной ситуации по поводу тех или иных действий, предметов, зачастую принадлежащих актуальной ситуации или известных собеседникам из предшествующего опыта общения. По данным А.Н. Гвоздева и современных исследований по онтогенезу вида и времени, около двухлетнего возраста в речи ребенка появляются утвердительные высказывания, представленные в виде двухсловного (двусоставного) предложения и относящиеся к актуальной ситуации: *собака бежит; книжка лежит* и т.д. В детских высказываниях одними из первых получают отражение «непредельно-процессные ситуации», в которых ребенок выделяет некоторый факт и называет только действие без указания, кем это действие совершается: *рисую, строю*, используя «непредельные глаголы, способные приобретать значение предельности в сочетании с дополнением» [Гагарина 1997: 6]. Позже вербализуется субъект действия и определенный предмет, на который направлено действие: *рисую дом; строю башню*. Довольно рано ребенок способен сообщать о конкретном факте в его различных проявлениях, причем чаще ребенок сообщает об уже свершившемся действии в высказываниях с глаголами совершенного вида именно в конкретно-фактическом значении: *Дядя сломал. Все, Аня съеф* [Гагарина 1997: 8]. Более сложные, многокомпонентные информативные структуры в виде высказываний, состоящих из нескольких бессоюзных предложений, либо с соединительным союзом *и* или противительным союзом *а*, можно наблюдать в разговорах трехлетних детей, сопровождающих детские игры «рядом». Каждый ребенок говорит о себе и своих действиях, о своих игрушках, о том, что он когда-то видел или о том, что с ним произошло: *Я сегодня принесла котика, он где-то валяется; Я видел пожар и пожарную машину*.

В играх со сверстниками происходит дальнейшее развитие дискурсивной компетенции ребенка, а также формирование самостоятельных текстовых продуктов и повествовательных структур информативного типа, представленных речевыми цепочками, состоящими из полных и неполных предложений одного говорящего, которые воссоздают в речи условную игровую ситуацию и смену событий, участником которых является рассказчик. Например, мальчик (3 - 4 л.) катается по игровой комнате на большом пластмассовом автомобиле: *Полиция, полиция. У-у-у. Авария. Моя машина сломана*; мальчик (3 - 4 л.) крутит большой пластмассовый круг: *Я на корабле плыву в далекую страну... (долго крутит круг). ... Все... крушение, ... я плыву (размахивает руками)*.

В приведенных примерах, помимо условных игровых действий, обнаруживается речевое замещение условной игровой ситуации и ее компонентов, воссоздаваемых ребенком в речи. По данным отечественных исследований, с усложнением

игровой деятельности дети все чаще замещают речью не только отдельные действия или отсутствующие предметы, но и осуществляют «проговаривание» целых воображаемых событий [Михайленко, Поддяков, Короткова и др. 1987; Юрьева 2006, 2009].

К трехлетнему возрасту в речи ребенка появляются монологические фрагменты–описания, в которых дается вербальное описание какого-либо отсутствующего предмета или произошедшего с ребенком события. Например: Катя Т. (около 3,5 л.) рассказывает другому ребенку о представлении в цирке: *Там много зверей и змея ползла, где люди сидели и смотрели, где зрители сидели*; трехлетняя девочка обращается к сверстнику в ходе совместного рисования: *Я сама нарисую елку, я сама умею, мне мама сказала. А у меня дома красивая елка была*; Аня Ю. (3,3 л.) пришла домой из детского сада и рассказывает о других детях: *Алла болеет. И Адамов болеет. Дома сидят они*; мальчик (около 6 л.) рассказывает взрослому о случае, который ему запомнился: *Я шел, и на меня налаяла собака. Я испугался и замер. И она не укусила меня*.

Особо важным моментом в комплексном механизме становления повествования в детской речи является формирование многокомпонентного расчлененного речевого сообщения, с помощью которого ребенок передает свое видение, осмысление ситуации, свое отношение к событию, о котором он рассказывает. Ребенок рассказывает о друзьях (5.3 л.): *Брат Павлика был круглые сутки пятеро(ш)ник, а теперь у него одни тройки*.

В ходе развития происходит «последовательное расширение когнитивного пространства» [Шахнарович 1999], освоение которого, «идет по пути расчленения целостности, выделения и осознания отдельных, обособленных предметов внешнего мира, действий, а затем их взаимосвязи, но уже на качественно иной основе, где целостность возникает как осознанное объединение компонентов внеязыковой реальности. Такими компонентами являются: действие, объект, на который это действие (прямо или косвенно) направлено, субъект деятельности, признак предмета или действия» [Лепская 1997: 39].

Имеющиеся материалы спонтанной детской речи указывают на то, что в речи детей раннего дошкольного возраста становление повествовательных структур идет по пути возникновения и развития целостного иерархически организованного семантического образования – когнитивной структуры «событие». Когнитивная структура «событие» развивается в онтогенезе и актуализируется в коммуникативной ситуации в виде разнообразных типов высказываний: от однословного предложения через двухсловное, первоначально грамматически неоформленное предложение с возможным пропуском глагола (например: *зайчик – сундук* для обозначения того, что зайчик лежит за сундуком), к двухкомпонентному и многокомпонентному грамматически структурированному высказыванию. На ранней ступени дошкольного детства высказывания, представляющие конкретные деятельностные ситуации, факты и результаты действий, формируют синтаксическую основу, с помощью которой в раннем онтогенезе начинают вербально оформляться обобщенные когнитивные (семантические) структуры «событие», как отдельные сложные цельные единицы, ядром которых является единство «деятель – действие».

С появлением в речи ребенка номинации и предикации, с помощью которых вербализуются его знания о мире в некоторой синтаксически организованной

структуре, позволяющей, по словам Н.И. Лепской, «преодолеть рамки частной ситуации и выйти за пределы сиюминутного времени и места» [Лепская 1997], ребенок переходит к внеситуативному общению с окружающими. Тем самым ребенок получает возможность решать возникающие практические, типичные для его возраста задачи, не только через восприятие и действия, но и через вербальное слово, которое позволяет абстрагироваться от непосредственно воспринимаемой ситуации, вводить в ситуацию общения предметы, не находящиеся в зрительном поле.

Постепенно у ребенка образуется некоторый запас информации, накопленной ранее и оторванной по времени от актуальной ситуации общения и актуального взаимодействия. Эту информацию, по определению С.Л. Рубинштейна, «более или менее обширное смысловое поле», ребенок пытается передать слушателю в конкретный момент, отобразив ее в речевом плане в виде развернутого сообщения, описания, рассказа. Тогда начинает развиваться связная монологическая или повествовательная речь, «умение раскрыть мысль в связном речевом построении», которую С.Л. Рубинштейн называл контекстной речью [Рубинштейн 2002: 404].

Контекстной речью, которая понятна слушателю из собственно языкового контекста, маленькие дети овладевают чаще всего под влиянием систематического обучения, которое начинается на занятиях в детском саду, дальнейшее ее развитие происходит в школьном возрасте.

Вместе с тем, в дошкольный период такие основные и традиционно противопоставляемые формы реализации языка в речи, как диалог и монолог сосуществуют. Мы отмечали, что уже в раннем детстве в дискурсивной деятельности ребенка возникают факты речевой продукции в виде спонтанных детских нарративов, которые отражают его стремление рассказать нечто другому о каком-то запомнившемся прошлом событии посредством развернутой монологической реплики, состоящей из цепочки однословных и многословных высказываний. Наблюдения показывают, что «зачатки монолога и монологических умений (narrative skills) лежат, вне всякого сомнения, в диалогических репликах и, соответственно, диалогических умениях ребенка» [Казаковская 2006: 194]. Начальная стадия формирования речевой коммуникации и форм речевого общения ребенка с окружающими его взрослыми (и, прежде всего, с матерью) представляет собой синкретичную форму коммуникации, содержащую, помимо языковой составляющей, фатический компонент, насыщенный невербальными средствами в виде звуко-жесто-мимического комплекса. Именно в этой синкретичной вербально-фатической форме коммуникативной интеракции, по мнению исследователей, лежат «зачатки будущих диалога и монолога», где диалогическим «является чередование “реплик” взрослого и ребенка, а монологическим – самовыражение каждого из партнеров» [Лепская 1997: 83].

Исследователи выделяют такую раннюю форму коммуникативно-игровой интеракции матери с маленьким ребенком, как совместное рассказывание народных потешек, считалок, стихов и т.п., рассматривая возникающую совместную деятельность участников как форму диалога, которая позволяет взрослому постепенно «включать» ребенка в собственно языковую деятельность. Декламационно-повествовательные формы дискурсивно-игрового взаимодействия взрослого и ребенка могут иметь самые разные варианты. Подобные факты демонстрируют активное содействие взрослого ребенку в процессе воссоздания стихотворного текста, где ребенок выступает в роли ведомого, который идет по пути, предлагаемому

ему взрослым, к законченному тексту или его фрагменту.

В начальный период становления вербальной коммуникации взрослый структурирует совместный с ребенком дискурс так, чтобы тот мог включиться в процесс развертывания связного высказывания-сообщения, которое порождается (совместно) через смысловой «подхват» ребенком неполной иницирующей реплики взрослого, восполнение недостающей информации и опущенного компонента. При этом взрослый часто отмечает паузами (взглядом, мимикой, жестами) конец своей реплики и начало реплики ребенка, иногда подсказывая ребенку (если тот затрудняется) его ответную реплику. В ситуациях совместного рассказывания, по словам Н.И. Лепской, «взрослый как бы задает программу» порождения связного высказывания, «активизируя ту схему, недостающее звено которой надо заполнить ребенку» [Лепская 1997: 38].

В подобных случаях взрослый, ориентируясь на потенциальные возможности ребенка в освоении языка, вмешивается в процесс порождения высказывания ребенком и «вытягивает» результаты текстопорождающих процессов в вербальный план. При этом, вовлекая ребенка в этот процесс, взрослый использует разнообразные приемы или тактики, как например: восполнение недостающих невербализованных (ребенком) звеньев в структуре высказывания через их номинацию; развертывание связной грамматической структуры от неполного высказывания к полному; восстановление отсутствующих логических связей и их вербальное выражение.

В явлениях совместного рассказывания представлены своеобразным образом процессы, ведущие ребенка к связному повествованию. По данным современных исследований, протоязыковой период речевого онтогенеза обладает особой природой и целым рядом особенностей, которые, можно полагать, относятся не только к речевому онтогенезу в целом, но и оказывают влияние на процесс формирования связной повествовательной речи в дошкольном детстве и появление «феноменов» связного рассказа в детской речи. Материалы исследований в области коммуникативной компетенции ребенка раннего возраста, а также по формированию диалога в ситуациях «взрослый – ребенок» и «ребенок – ребенок» позволяют выделить некоторые моменты, характеризующие процесс возникновения явлений повествования в детской речи.

Предпосылки формирования повествования лежат в области когнитивных возможностей ребенка (имеется в виду не только его наследственное оснащение, но и последующие когнитивные структуры, созревание и развитие перцептивной системы) и его мотивационно-коммуникативных потребностей, возникающих в ходе установления отношений ребенка с окружающим миром в ходе его познания. Помимо предметного мира в этом процессе участвуют окружающие ребенка взрослые люди, организующие действия ребенка по освоению предметного мира и вербальной коммуникации. Первые формы раннего повествования возникают внутри диалогического взаимодействия маленького ребенка с окружающими его взрослыми.

Для формирования повествования у детей в дошкольном детстве безусловное значение имеет фактор содействия взрослого носителя языка и его участия в процессе создания ребенком повествования. Выделяются (по меньшей мере) две линии, через которые происходит влияние взрослых носителей языка на формирование явлений нарративности в детской речи.

Первая линия проявляется в стремлении взрослого влиять (в актуальный момент) на процесс порождения повествовательного текста ребенком через переход от тактики адаптации к речевому поведению ребенка, характерной для раннего онтогенеза, к интерактивной тактике содействия и соучастия в порождении и выстраивании осмысленного и связного высказывания. В ранний период речевого развития взрослые из окружения ребенка первоначально проявляют регулярную склонность к адаптации с ребенком и прилаживаются к его возможностям поддержания контакта с более знающим и активным партнером. Вторая линия, через которую происходит влияние взрослых носителей языка на формирование явлений нарративности в детской речи, не проявляется в непосредственном активном участии взрослого носителя языка. Взрослый здесь, скорее, присутствует как носитель-посредник культурно-исторической формы повествования, действующей в рамках определенной культуры [Брокмейер, Харре 2000: 36]. По словам Й. Брокмейера и Р. Харре, «многоликость» существования повествования в дискурсивном пространстве обусловлена не только системой языка, но и «культурными канонами нарративных моделей, широким репертуаром сюжетных линий», и именно взрослый носитель этой культуры (в идеале) прививает ребенку повествовательную культуру.

Далее, остановимся на участии взрослого в порождении ребенком устного повествования.

В современной психологии развития активно используется термин «*scaffolding*», введенный Дж. Брунером и его коллегами для характеристики действий и тактики взрослых в ходе взаимодействия с ребенком. В подобных ситуациях взрослый прибегает к различным тактикам помощи и «создания поддерживающих конструкций», на основе которых строится взаимодействие взрослого и ребенка, способствующее интеллектуальному, языковому и коммуникативному прогрессу ребенка [Bruner, Weinreich-Haste 1987]. Явления *scaffolding* представляет собой своеобразную «обучающую стратегию», которую использует (произвольно или непроизвольно) взрослый в трудных для ребенка ситуациях, последовательно создавая для него «желаемые» модели действия, следуя которым ребенок может успешно решить возникшую проблему уже без посредничества взрослого.

Предложенное зарубежными учеными понятие, в некотором смысле совпадает с понятием «посредничество», которое, основываясь на деятельностном подходе и известном положении Л.С. Выготского, разрабатывается в отечественной психологии развития Б.Д. Элькониным [Эльконин 1994]. После работы Л.С. Выготского, где он выдвинул положение об опосредствованном характере развития высших психических функций человека, которые возникают в процессах сотрудничества и общения людей, в отечественной психологии сформировалось традиционное направление в изучении влияния речевого общения на общее и речевое развитие ребенка [Общение ...1985]. Б.Д. Эльконин отмечает, что посредничество взрослых в тех или иных формах присутствует практически на всем протяжении развития ребенка, проявляясь в различных видах взаимодействия взрослого и ребенка [Эльконин 1994: 69–70]. Вместе с тем при изучении частных аспектов онтологии развития исследователи проходили мимо феномена посредничества. Предложенное Б.Д. Эльconiным осмысление этого феномена может быть полезным для анализа становления повествования в детской речи.

Примером ежедневных ситуаций, в которых родители интуитивно прибегают к разнообразным приемам опосредствования, способствуя формированию у маленьких детей дискурсивной деятельности, является совместное родителей и ребенка чтение книг, пересказ прочитанного, рассказывание сказок и различных историй и т.д. [Snow, Goldfield 1983: 551–569]. В ситуациях совместного чтения родители задают ребенку вопросы, побуждающие его придумывать историю, развить ее содержание. Если они реагируют на попытки ребенка отвечать на задаваемые вопросы, не довольствуясь простым чтением или желанием ребенка ответить на вопрос путем указания на картинку в книге, то они способствуют не только правильности и содержательности речи ребенка, но и продвигают его к повествованию.

Данные наблюдений свидетельствуют, что спонтанные рассказы часто возникают в детской речи в контексте диалога ребенка и взрослого собеседника. Много примеров включения диалога «взрослый – ребенок» в процесс повествования содержится в звучащей хрестоматии «Речь русского ребенка» [Кузьмина, Столярова, Цейтлин 1994:103 – 107]. Небольшие детские повествовательные формы включены в течение диалога ребенка и взрослого и представляют собой монологические фрагменты – «нарративные узлы», вплетенные в диалогическую интеракцию.

В этой статье мы акцентируем внимание на аспекте опосредования, когда взрослый участвует в этом процессе и стремится активно воздействовать на процесс повествования через диалог с ребенком. Важно также обратить внимание, что и сам ребенок, когда он испытывает трудности с осмыслением ситуации, равно как и трудности в оречевлении компонентов ситуации, вовлекает взрослого, обращаясь к нему с вопросами, причем наиболее ярко это проявляется в ситуациях совместного рассматривания книги.

Так, в нашем экспериментальном исследовании обращения к взрослому (экспериментатору) наблюдались даже у пятилетних и иногда шестилетних детей. Для иллюстрации приведем несколько примеров из протоколов, записанных в детском саду № 176 г. Москвы.

Средняя группа. Макар, 4,3 л. Ребенок: *Это пчелы, да? Вот пчелы. Чего он зовет?* Взрослый: *А кто у них пропал?* Ребенок: *Лягушку зовет.* Ребенок: *А что олень делает?* Взрослый: *Сбрасывает мальчика в болото.*

Младшая группа. Вероника, 3, 5 л. Ребенок: *А это кто?* Взрослый: *Мышка.* Ребенок: *А тут и мышка появилась.* Ребенок: *А кто там живет?* Взрослый: *Давай посмотрим.* Ребенок: *Сова* и т.д.

Заметим, что и в младшей, и в старших возрастных группах вопросы детей в большинстве случаев относились к номинативным единицам, обозначающим участников описываемого фрагмента истории: *А это кто? Что это?* или их действия: *Что он делает?* Тем не менее как у старших, так и у младших детей отмечены вопросы, направленные на осмысление происходящих событий, их реальность и даже справедливость некоторых действий основных участников истории.

Младшая группа. (1) Оля П., 3 г., (2) взрослый.

(1) *Почему он не отдал? У него же есть собачка, а зачем он ее забрал.* (2) *Он наверно в гости ее взял к себе. Пригласил в гости. Сейчас она погостит у него, и он обратно ее принесет маме и папе.*

Подготовительная группа. (1) Вика А., 7 л., (2) взрослый. Девочка посмотрела книжку и спросила, зачем мальчик ищет лягушку.

(2) Ты поняла, что он начал искать лягушку, но не понимаешь почему. Ты знаешь, я тоже не совсем поняла, почему он начал ее искать, видимо, они подружились. (1) Но если она от него сбежала? (2) Но она от него сбежала. Да, да. Но она от него сбежала все-таки в свое родное болото, да? А он решил ее найти. (1) Она, наверно, захотела к маме и к папе.

Обращает на себя внимание и тот факт, что вопросы взрослого, обращенные к ребенку в ходе совместного рассказывания, также отмечены подобной направленностью – на поиск смысла в истории.

Младшая группа. (1) Оля; (2) взрослый.

(2) А здесь, мальчик, что делает? (1) Он её... он ищет муравьях. (2) Муравья ищет? (1) Да. Чтобы убить.

Схожие результаты получены в исследованиях [Лепская 1997; Мальцева 2002]. Н.Г. Мальцева в сравнительном исследовании устного дискурса русских и английских детей в возрасте 5 – 6 лет обращает внимание на то, что русские дети часто сами инициируют диалог, начиная описание с вопроса. Ребенок может обратиться с вопросом и в середине описания, как бы прося помощи со стороны экспериментатора в осмыслении ситуации [Мальцева там же: 105].

Примеры опосредования взрослыми в ходе устного рассказа ребенком об интересном событии, обнаруженные нами в литературе [Foster 1990; Halliday 1979], проанализированы ранее [Юрьева 2010: 100-114]. Подобные факты демонстрируют тактики взрослого через диалог с помощью вопросительных реплик о теме сообщения оформить недостаточно ясную мысль ребенка путем логического структурирования отдельных элементов содержания события и поиска подходящего словесного оформления. Зафиксированы вопросы-переспросы взрослого, запрашивающие у ребенка правильность понимания взрослым ответа ребенка, а также попутное исправление «детских ошибок». В некоторых случаях взрослый формулирует сложную синтаксическую структуру, где представлена структуризация события, о котором ребенок пытался сообщить взрослому, через расчленение первоначальной ситуации на события-компоненты (последовательность двух событий), поскольку для ребенка на данный момент свойственно синкретичное, нерасчлененное представление о событии. Одновременно взрослый выстраивает логическую взаимосвязь выделенных компонентов (признаков события) с переходом от одного события к другому в адекватной смысловой последовательности и оформляет вербально высказывание-сообщение. Можно заметить, что взрослый предлагает для ребенка своего рода «препаративные конструкции», позволяющие ему «нащупать» смысловую и языковую организацию сообщения и выйти из рамок двусловного высказывания в многословное и сложное высказывание.

Подобные упрощенные детские нарративы порождаются с опорой на диалог взрослого с ребенком, возникающий при осмыслении взрослым первоначального высказывания ребенка. Взрослый как бы подталкивает ребенка, чтобы он смог перешагнуть свои собственные границы в построении связного повествования и вышел в область своих потенциальных возможностей. Например, от неполного высказывания *Try eat lid* к высказыванию с полной расчлененной синтаксической актантно-ролевой структурой *Goat try eat lid*, а затем от одного высказывания к последовательной цепочке простых синтаксических структур *Goat try eat lid... map say no*, объединенных в некоторое повествование о событии.

С нашей точки зрения, подход к проблеме повествования в детской речи может быть обеспечен учетом теоретических положений, сформированных в отечественной психолингвистической и психологической науке в работах А.М. Шахнаровича [1983; 1999], М.И. Лисиной [1986], Н.И. Лепской [1997], Б.Д. Эльконина [1994] и др. исследователей.

Между событием, о котором рассказывает ребенок, и отражающим это событие речевым продуктом находится сознание ребенка, формирующее когнитивное содержание. В процессе создания повествования задействованы взаимодействующие процессы познания и коммуникации, обеспечивающие, с одной стороны, аналитическую расчлененность стоящего за текстом фрагмента опыта ребенка, и с другой стороны, целостность, законченность и связность повествования. «Феномены» повествования в речевой деятельности ребенка становятся своеобразным экраном, фокусирующим взаимодействие когнитивных и коммуникативных структур.

В возрастном диапазоне от трех до шести лет в развертывании повествования действует «диалогический компонент». По данным наблюдений в значительном числе случаев ребенок опирается на вопросно-ответную тактику при порождении повествования, что сопровождается (либо нет) переходом от описания и перечисления предметного ряда к связным формам повествования, а также приводит к осложнению структуры повествования.

Важную роль для развития повествовательной речи у детей дошкольного возраста играют посреднические действия взрослого (родителей, воспитателей) носителя языка, проявляющиеся в его активном стремлении влиять на процесс повествования через переход от тактики адаптации к высказываниям ребенка, характерной для раннего онтогенеза, к интерактивной диалогической тактике содействия и соучастия. Тактика соучастия взрослого позволяет ребенку подойти к качественно новой форме в развитии порождения текста: к сложноструктурированной, расчлененной и вместе с тем целостной форме выражения своего знания о явлениях и событиях в повествовании.

При разработке данной проблемы мы исходим из предположения, что специфика становления повествования в детской речи состоит во включенности в него не только когнитивного и коммуникативно-языкового факторов, но и интерактивного фактора.

Анализ примеров посредничества взрослых в овладении ребенком предметными действиями, равно как результаты исследований речи взрослых, обращенной к ребенку, позволяют выделить в ходе генезиса повествования в детской речи особый этап – этап, отмеченный участием взрослых в порождении устного повествования ребенком. Первоначально в младшем дошкольном возрасте именно взрослые являются для ребенка реальной опорой, посредством которой постепенно происходит построение и порождение повествования ребенком. Трудность в осуществлении нарративного дискурса, например, для трехлетнего ребенка состоит в том, что, овладев к этому времени каким-то набором речевых действий и языковых средств, он не в состоянии построить программу речевых действий, хотя ориентируется в самых разных ситуациях и испытывает потребность выразить некоторое содержание своих знаний о мире. В этот период для текстопорождающих процессов возрастает значимость операций программирования, действующих при порождении отдельного высказывания с участием «малой программы» (А.А. Ле-

онтьев, Т.В. Ахутина-Рябова и др.), так и при производстве связного повествования, внутренний механизм которого получил в психолингвистике и, в частности, в работе Е.Ф. Тарасова название «большая программа» [Тарасов 2005: 32-42]. В этот период именно взрослый является своего рода «внешним носителем» «большой программы» порождения текста, служащей, можно полагать, внутренним звеном процесса производства целого повествования, состоящего из нескольких высказываний.

Литература

Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. – 2000. – №3. С. 29 – 42.

Гагарина Н.В. Частные видовые значения в детской речи// Проблемы онтолингвистики. СПб.: изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1997. – С. 5 – 9.

Гридина И.Н. Гипо-гиперонимические отношения в ментальном лексиконе детей и взрослых. Автореферат дис. канд. филол. наук. СПб., 2010. – 27 с.

Казаковская В.В. Вопросно-ответные единства в диалоге «взрослый – ребенок». СПб.: Наука, 2006. – 455 с.

Кузьмина Т.В., Столярова Э.И., Цейтлин С.Н. Речь русского ребенка. Звучащая хрестоматия. СПб. – Бохум, 1994. – 125 с.

Лепская Н.И. Язык ребенка. Онтогенез речевой коммуникации. М.: Филологический факультет МГУ, 1997. – 151 с.

Лисина М.И. Проблемы онтогенеза общения. М.: Просвещение, 1986. – 144 с.

Мальцева Н. Г. Устный дискурс русских и английских детей в возрасте 5 – 6 лет. Диссертация ... канд. филол. наук. Саратов, 2002. – 220 с.

Михайленко Н.Я., Поддьяков Н.Н., Короткова Н.А. и др. Проблемы дошкольной игры. М.: Педагогика, 1987. – 190 с.

Общение и речь: развитие речи у детей в общении с взрослыми. М.: Педагогика, 1985. – 207 с.

Овчинникова И.Г. Особенности выражения темпоральности в повествовании// Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики. Вып. 2. М.,: Азбуковник, 2004. – С. 277- 290.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002. – 705 с.

Седов К.Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности. Саратов: изд-во Саратовского университета, 1999. – 180 с.

Седов К.Ф. Жанры общения в речевом онтогенезе// Ребенок как партнер в диалоге. СПб.: Союз, 2001. – С. 189-200.

Седов К.Ф. Дискурс и личность. М.: Лабиринт, 2004. – 317 с.

Сигал К.Я. Сочинительные конструкции и дискурс// Известия АН. Серия литературы и языка, 2001, т.60, №5. – С. 42-45.

Сигал К.Я. Сочинительные конструкции в тексте. М.: Гуманитарий, 2004. – 403 с.

Сигал К.Я., Юрьева Н.М. Метод эксперимента и его применение в речевых исследованиях. М.: Ключ-С, 2009. – 236 с.

Тарасов Е.Ф. Производство речи: большая программа// Язык, сознание, культура. М.,- Калуга: Эйдос, 2005. – С. 32-43.

Троцук И.В. Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках// Вестник РУДН, серия Социология. – 2004. – № 6 – 7. С. 56-74.

Шабес В.Я. Событие и текст. М.: Высшая школа, 1989. – 175 с.

Шахнарович А.М. Семантический компонент языковой способности// Психолингвистические проблемы семантики. М.: Наука, 1983. – С. 181-190.

Шахнарович А.М. Детская речь в зеркале психолингвистики. М.: ИЯЗ РАН, 1999. – 165 с.

Шейгал Е.И. Многоликий нарратив// Политическая лингвистика. Вып. 2. Екатеринбург, 2007. – с. 86-93.

Чейф У.Л. Память и вербализация прошлого опыта// Новое в зарубежной лингвистике. Прикладная лингвистика. Вып. 12. М.: Прогресс, 1983. – С. 35-73.

Эльконин Б.Д. Введение в психологию развития. М.: Тривола, 1994. – 167 с.

Юрьева Н.М. Проблемы речевого онтогенеза: Производное слово. Диалог. М.: Академия гуманитарных исследований, 2006. – 486 с.

Юрьева Н.М. Экспериментальное исследование коммуникативной структуры диалога в онтогенезе речи// Сигал К.Я., Юрьева Н.М. Метод эксперимента и его применение в речевых исследованиях. М.: Ключ-С, 2009. – С. 154-233.

Юрьева Н.М. К проблеме становления повествования в детской речи// Вопросы психолингвистики. – 2010. – № 1. – С.100 -114.

Bruner J.S. Life as narrative // Social research.– 2004. Vol. 71, № 3. – P. 691-710.

Bruner J., Weinreich-Haste H. Making sense: the child's construction of the world. London: Methuen, 1987. – 150 p.

Foster S. H. The communicative competence of young children. London – New York: Longman, 1990. – 238 p.

Halliday M.A.K. Development of texture in child language// The development of conversation and discourse. Edinburgh: University Press, 1979. – P. 72- 87.

Snow C.E., Goldfield B. Turn the page please: situation – specific language acquisition// Journal of child language. – 1983. – № 10. P. 551-569.

Tomasello M. Origins of human communication – Cambridge, MIT, London, 2008. – 393 p.

Сведения об авторах

Абрамова Галина Иосифовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Южно-Казахстанского государственного педагогического института, e-mail: galina_abramova@hotmail.com

Алимов Вячеслав Вячеславович, доктор филологических наук, профессор, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), e-mail: artjul67@mail.ru.

Алтынбекова Гульжан Кулжабаевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры языкознания Южно-Казахстанского государственного педагогического института, e-mail: altynbekova-69@mail.ru

Бабенко Наталья Сергеевна, кандидат филологических наук, зав. сектором германских языков Института языкознания РАН, e-mail: babenkons@yandex.ru

Бубнова Ирина Александровна, доктор филологических наук, доцент, профессор, заведующая кафедрой зарубежной филологии Института гуманитарных наук ГБОУ ВПО «Московский городской педагогический университет», e-mail: aribubnova@gmail.com

Валуйцева Ирина Ивановна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теоретической прикладной лингвистики Московского государственного областного университета, e-mail : khukhuni@mail.ru

Василевич Александр Петрович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингводидактики МГОУ, e-mail: basilevich@mail.ru

Горошко Елена Игоревна, доктор филологических наук, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой межкультурной коммуникации и иностранного языка Национального технического университета «Харьковский политехнический институт», e-mail: olena_goroshko@yahoo.com

Демьянков Валерий Закиевич, доктор филологических наук, профессор, заместитель директора Института языкознания РАН, Москва, e-mail vdemiankov@vdemiank.msk.ru

Дмитрюк Наталья Васильевна, доктор филол.наук, профессор, профессор кафедры языкознания Южно-Казахстанского государственного педагогического института, e-mail: nvdmitr@yandex.ru

Еленевская Мария, кандидат филологических наук, заведующая лабораторией Компьютерных технологий обучения языкам при кафедре Гуманитарных наук и искусств в Технионе – Израильском технологическом институте, e-mail: iri-ovchinnikova@yandex.ru

Жарова Дэниза Владимировна, старший преподаватель кафедры контрастивной лингвистики Московского педагогического государственного университета, e-mail: denidelippa@gmail.com

Залевская Александра Александровна, заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор, кафедра английского языка Тверского государственного университета, e-mail: aazalev@mail.ru

Илюхина Елена Ивановна, заведующая кафедрой русского языка как иностранного краткосрочных форм обучения Московского государственного лингвистического университета, e-ilykhin@mail.ru

Калжанова Алтынай Кенжемуратовна, кандидат филологических наук, ст.преподаватель кафедры методики начального обучения Южно-Казахстанского государственного педагогического института, e-mail: kalzhanova@mail.ru

Кистаубаева Дильдар Мусахметовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры казахского и русского языков университета Мирас, e-mail: Kistaubaeva_Dildar@mail.ru

Кирилина Алла Викторовна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Московского института лингвистики, e-mail: alkira@list.ru

Ковшова Мария Львовна, доктор филологических наук, ФГБУН Институт языкознания РАН, e-mail: kovshova_maria@list.ru

Красильникова Лидия Васильевна, доктор педагогических наук, доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, заведующая кафедрой русского языка для иностранных учащихся филологического факультета, e-mail: likras@mail.ru

Красных Виктория Владимировна, доктор филологических наук, профессор, филологический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова, e-mail: victoryvk@gmail.com

Молчанова Дарья Валерьевна, аспирант кафедры английской филологии МГОУ, e-mail: Minako9@yandex.ru

Нин Хуай Ин, аспирант кафедры общей лингвистики Южно-Уральского государственного университета, декан факультета русского языка Тяньцзиньского университета иностранных языков, магистр педагогических наук, e-mail: ninghy2005@126.com

Овчинникова Ирина Германовна, доктор филологических наук, профессор, кафедра журналистика и массовых коммуникаций Пермского государственного национального исследовательского университета, e-mail: iri-ovchinnikova@yandex.ru

Османова Рашида Акимовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков университета Мирас, e-mail: teshshimkent@yahoo.com

Павлова Лариса Васильевна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра межкультурной коммуникации и иностранного языка Национального технического университета «Харьковский политехнический институт», e-mail: larchik-pavlovoy@rambler.ru

Пешикова Наталья Петровна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков естественных факультетов, Башкирского государственного университета, e-mail: peshkovanp@rambler.ru

Пильгун Мария Александровна, заместитель заведующего лабораторией исследований в области бизнес-коммуникаций, доктор филологических наук, профессор НИУ ВШЭ, e-mail: mpilgun@hse.ru

Ружицкий Игорь Васильевич, кандидат филологических наук, доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета, e-mail: konnitie@mail.ru

Ружицкая Элина Александровна, кандидат филологических наук, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», старший преподаватель кафедры иностранных языков, e-mail: nedoer@mail.ru

Сергеев Андрей Иванович, кандидат филологических наук, доцент кафедры контрастивной лингвистики Московского педагогического государственного университета, e-mail: vdemiankov@vdemiank.msk.ru

Сигал Кирилл Яковлевич, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом экспериментальных исследований речи Института языкознания РАН, e-mail: kjaseagal@yandex.ru

Терентий Ливуи Михайлович, ректор МИЛ, кандидат политических наук, e-mail: info@inyaz-mil.ru

Харченко Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, профессор, ФГБОУ ВПО Южно-Уральский государственный университет, e-mail: ev-kharchenko@yandex.ru

Хоанг Тхи Фыонг Ха, аспирант кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета, e-mail: ruby_phuongha@yahoo.com

Шапошникова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН; зав. кафедрой истории и типологии языков и культур Новосибирского государственного университета, e-mail: i.shaposhnickowa@yandex.ru

Шингарёва Марина Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общей педагогики Регионального социально-инновационного университета, e-mail: logrus1976@mail.ru

Хухуни Георгий Теймуразович, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теории языка и англистики Московского государственного областного университета, e-mail : khukhuni@mail.ru

Ly Toan Thang, Doctor of Science, Emeritus Professor, Vietnam Institute of Lexicography and Encyclopedia – Vietnam Academy of Social Sciences 36 Hang Chuoi Street – Hanoi – Vietnam, e-mail: lytoanthang47@gmail.com; lytoanthang@yahoo.com

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ

Рукопись должна быть представлена в печатном и в электронном виде или отправлена по электронной почте на адрес редколлегии журнала: editorial-vpl@yandex.ru.

На отдельном листе (в отдельном файле) прилагаются сведения об авторе:

- фамилия, имя отчество;
- ученая степень;
- ученое звание;
- место работы;
- должность;
- почтовый адрес (рабочий, домашний);
- контактный телефон;
- адрес электронной почты, который будет опубликован в журнале.

Рукопись проходит обязательное рецензирование. О результатах рецензирования автору сообщается по контактному адресу и/или телефону, указанным в заявке.

Об очередности опубликования статей, получивших положительный отзыв рецензента, принимает решение редколлегия.

Научные статьи в журнале публикуются бесплатно.

ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ И СТРУКТУРЕ СТАТЬИ

Статья должна содержать:

- название (прописными буквами полужирным шрифтом по центру);
- инициалы и фамилию автора/авторов (строчными буквами полужирным шрифтом по центру);
- аннотацию на русском языке (не более 200 слов);
- ключевые слова (5-7 слов) на русском языке;
- название статьи и фамилии автора/авторов на английском языке (строчными буквами полужирным шрифтом по центру);
- аннотацию на английском языке (не более 200 слов);
- ключевые слова на английском языке (5-7 слов).

Основной текст статьи должен содержать:

- Введение – с указанием на имеющиеся результаты в данной области исследования и цели работы;
- Основную часть (может содержать разделы);
- Заключение (выводы) – с указанием новых результатов, их теоретического или прикладного значения;
- Библиографический список.

ОФОРМЛЕНИЕ ОСНОВНОГО ТЕКСТА

Общий объем текста статьи – до 40 000 знаков.

Текст статьи набирается на компьютере на одной стороне листа (для печатного варианта); формат – А4; поля – 2,5 смс каждой стороны (не более 30 строк на одной странице); 60 знаков в строке включая интервалы между словами); размер шрифта – 12; гарнитура – NewTimesRoman; абзацный отступ – 1,25 см; интервал между строками – 1,5 см.

Все страницы рукописи в печатном варианте с вложенными таблицами и рисунками должны быть пронумерованы (в число страниц рукописи включаются таблицы, рисунки, подписи к рисункам, библиографический список).

В электронном варианте статьи страницы не нумеруются.

ЗНАКИ, ЦИФРЫ, ФОРМУЛЫ

Следует делать ясное различие между заглавными и строчными буквами, а также символами: О (буква) и 0 (цифра); 1 (единица) и I (римская единица или буква «i»).

Век обозначается римскими цифрами (XIX в.).

Цифры, числа и дроби, математические символы, греческие буквы набираются прямым стандартным шрифтом. Математические знаки действий и соотношений отделяют пробелом от смежных символов.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

В качестве иллюстраций допускаются только четкие рисунки, графики и схемы, а также фотографии.

Размер одного штрихового рисунка не должен выходить за рамки текстовых границ.

Все детали рисунка при его уменьшении должны быть хорошо различимы.

Иллюстрации нумеруются единой порядковой нумерацией и снабжаются краткими и точными подписями.

Следует максимально сокращать пояснения на рисунке, заменяя их подписями.

Подписи приводятся шрифтом одной величины.

На все иллюстрации должны быть ссылки в тексте статьи.

ТАБЛИЦЫ

Таблицы используются исключительно для представления данных, которые не могут быть описаны в тексте.

Слова в таблицах пишутся полностью.

В названии таблицы и в ячейке таблицы после названия точка не ставится.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Библиографический список оформляется в алфавитном порядке с указанием общего количества страниц для каждого источника. Размер шрифта – 12; междустрочный интервал – 1,0.

Ссылка на источник в тексте дается в квадратных скобках непосредственно после цитаты (автор, год, страница): [Иванов 2000: 18].

При оформлении библиографического списка следует руководствоваться Единым форматом оформления пристатейных библиографических списков в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008 «Библиографическая ссылка».

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ ПРИСТАТЕЙНОГО БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Статья в журнале (сборнике):

Адорно Т.В. К логике социальных наук // *Вопр. философии.* – 1992. – № 10. – С. 76-86.

Crawford, P.J. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works / P.J. Crawford, T.P. Barrett // *Ret. Libr.* – 1997. Vol. 3, № 58. – P. 75-85.

Монография:

Тарасова В.И. Политическая история Латинской Америки : учеб. для вузов. – 2-е изд. – МЛ Проспект, 2006. – С. 305-412.

Философия культуры и философий науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. – 199 с.

Райзберг Б.А. Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 494 с.

Автореферат:

Глухов В.А. Исследование, разработка и построение системы электронной до-

ставки документов в библиотеке: Автореф. дис. канд. техн. наук. – Новосибирск, 2000. – 18 с.

Диссертация:

Фенухин В.И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона : дис... канд. полит, наук. – М., 2002. – С. 54-55.

Аналитический обзор:

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М.: ИМЭМО, 2007. – 39 с.

Патент:

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д.Н., Бонштедт Б.Э., Корешев С.Н., Лебедева Г.И., Серезгин А.Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745.1998. Бюл. № 33.

Материалы конференций, симпозиумов, конгрессов, форумов и т.д.:

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф., Ярославль, 2003. – 350 с.

Марьянских Д.М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11-12 сент. 2000 г.). – Новосибирск, 2000. – С.125-128.

Интернет-документ:

Официальные периодические издания : электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 20052007. URL: <http://www.nlr.rirfawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логонова Л.Г. Сущность результата дополнительного образования детей Н Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 21.10.03. URL: <http://www.oim.ru/reader.a8p7nomers366> (дата обращения: 17.04.07).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nsk.adme.ru/news/200e/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.08).

Литчфорд Е.У. С Белой Армией по Сибири [Электронный ресурс] // Восточный фронт Армии Генерала А.В. Колчака: сайт. – URL: <http://east-frant.narod.ru/memoflatchford.htm> (дата обращения 23.08.2007).

АДРЕС РЕДКОЛЛЕГИИ

125009, Москва, Б. Кисловский пер. д.1 стр. 1

Институт языкознания РАН, к. 47

Отдел психолингвистики

Телефон: (495) 690-14-64

E-mail: editorial-vpl@yandex.ru

GUIDELINES TO PREPARING AND SUBMITTING A MANUSCRIPT

Papers should be submitted either in printed and electronic format or sent to the e-mail editorial-vpl@yandex.ru.

An attached file, separate from the paper, should contain the following information about the author(s):

name and surname;

academic degree;

academic title;
place of work;
position;
business and personal address;
telephone number;
e-mail address which will be published in the journal.

Papers are reviewed and selected. The result of the review and selection process is announced to the author at the addresses or by the telephones provided in the submission form.

The editorial board is responsible for prioritizing papers which receive a favourable review.

Publications are free.

CONTENT AND STRUCTURE REQUIREMENTS

Papers should include:

title (capitalized, boldfaced, centered);
author's name and surname (small letters, boldfaced, centered);
summary in Russian (up to 200 words);
key words in Russian (5-7 words);
title and the author's name and surname in English (small letters, boldfaced, centered);
summary in English (up to 200 words);
key words in English (5-7 words).

The text of the paper should contain:

Introduction with a brief account of the background and rationale of the work.

Main body (it may contain a few short subheadings).

Conclusion putting the main findings and their value for the field.

References.

FORMATTING

Papers should not exceed 40,000 symbols.

Our preferred format for text is Microsoft Word. We prefer the use of 12-point Times New Roman. Format – A4; margin – 2,5 cm; paragraph break – 1,25 cm; space between lines – 1,5 cm. Pages should not be numbered.

TABLES

Tables should be only used for presenting data which cannot be stated in the text.

Words in tables are typed in its full forms.

Table and cell titles do not take full stops.

REFERENCES

References are each numbered, ordered alphabetically. Please use 12-point Times New Roman, single space.

In the body of the text please use the following format: [Name year: page(s)] (e.g. [Ivanov 2000: 18]).

Please follow the style below in preparing reference lists.

Examples of reference lists

Journal paper:

Адорно, Т.В. К логике социальных наук // Вопр. философии. – 1992. – № 10. – С. 76-86.

Crawford, P.J. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works / P.J. Crawford, T.P. Barrett // Ret. Libr. – 1997. Vol. 3, № 58. – P. 75-85.

Monograph:

Тарасова В.И. Политическая история Латинской Америки : учеб. для вузов. – 2-е изд. – МЛ Проспект, 2006. – С. 305-412.

Философия культуры и философий науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Сарат. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1999. – 199 с.

Райзберг, Б.А. Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 494 с.

Thesis synopsis:

Глухов В.А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: Автореф. дис. канд. техн. наук. – Новосибирск, 2000. – 18 с.

Thesis:

Фенухин В.И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона : дис... канд. полит. наук. – М., 2002. – С. 54-55.

Analytical review:

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М.: ИМЭМО, 2007. – 39 с.

Patents:

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д.Н., Бонштедт Б.Э., Корешев С.Н., Лебедева Г.И., Серегин А.Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745.1998. Бюл. № 33.

Conference abstracts:

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф., Ярославль, 2003. – 350 с.

Марьянских Д.М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11-12 сент. 2000 г.). – Новосибирск, 2000. – С.125-128.

Digital and Internet sources:

Официальные периодические издания : электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005/2007. URL: <http://www.nlr.rirfawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логинова Л.Г. Сущность результата дополнительного образования детей Н Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 21.10.03. URL: <http://www.oim.ru/reader.a8p7nomers366> (дата обращения: 17.04.07).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nsk.adme.ru/news/200e/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.08).

Литчфорд Е.У. С Белой Армией по Сибири [Электронный ресурс] // Восточный фронт Армии Генерала А.В. Колчака: сайт. – URL: <http://east-frant.narod.ru/memoflatchford.htm> (дата обращения 23.08.2007).

ADDRESS OF EDITORIAL BOARD

125009, Moscow, B. Kislovski per., 1/1

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, room 47

Department of Psycholinguistics

Telephone: (495) 690-14-64

E-mail: editorial-vpl@yandex.ru

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Сообщество психолингвистов нуждается в постоянной организации своей работы. Ранее таким средством служили только наши Симпозиумы. В настоящее время мы создали еще одно средство информационной поддержки работы нашего психолингвистического сообщества – это журнал «Вопросы психолингвистики», который издается Институтом языкознания РАН при поддержке Московского института лингвистики.

Для распространения журнала необходима коллективная поддержка. Мы обращаемся к Вам с просьбой организовать в Вашем научном подразделении подписку на журнал «Вопросы психолингвистики», чтобы сделать его доступным через вузовские библиотеки как можно более широкому кругу исследователей. В первую очередь мы обращаем Ваше внимание на желательность ознакомления с журналом не только студентов старших курсов, но и профессорско-преподавательского состава.

Как показывает практика последнего времени, круг людей, проявляющих интерес к журналу, постоянно расширяется. Подтверждением этому является высокий импакт-фактор Российского индекса научного цитирования «Вопросов психолингвистики» – 0,35 по данным 2012 года.

Напоминаем Вам, что Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки России журнал «Вопросы психолингвистики» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Оформить подписку на журнал «Вопросы психолингвистики» можно в любом отделении Роспечати. Подписной индекс 37152.

Свои вопросы и предложения Вы можете отправлять на электронный адрес редакции *editorial-vpl@yandex.ru*.

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2015

2 (24)

Ψλ